

Александр Мазин Цена Империи

Варвары – 3



*Великая Римская империя. Третий век от Рождества Христова.
Пройдет еще сто лет – и тысячелетний Рим падет.
Станет лакомой добычей для полчищ варваров.
Но сейчас Империя еще достаточно сильна...
И способна защитить свои границы.*

Пролог

Май девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима ¹. Провинция Нижняя Мезия.

– Вот этого берите! – низкорослый коренастый римлянин показал на Ахвизру. Позолоченные поножи римлянина были украшены выпуклыми львиными головами. Трое легионеров подхватили гота и перекинули на носилки. Ахвизра с шипением выпустил воздух, но сдержался, не застонал.

– Эй, вы! – выкрикнул Коршунов. – Не видите, что он ранен!

– Так это ему повезло! – ухмыльнулся один из легионеров.

Остальные загоготали. Но коренастому их веселье не понравилось.

¹ 234 год от Р. Х.

– Поаккуратнее, – недовольно буркнул он. – Скиф должен повиснуть живым, а недохлым! Взяли и понесли! Следующий – этот! – Коренастый показал на скулди.

Герул тоже был ранен (все они были ранены), но не так серьезно, как Ахвизра, – поэтому связан. Как и Коршунов. Как и все, в ком победители опознали вождей. Алексей подумал: это не так уж плохо. Их и уложили в палатке, а не бросили на голую землю, как остальных, и медицинскую помощь оказали...

При воспоминании об этой «помощи» Алексей невольно поморщился. Его ранили дважды (если не считать царапин) – в бок и в левую ногу. Обе раны римский лекарь зашил и перевязал – без всякой дезинфекции и, разумеется, без наркоза. Только чтобы остановить кровь. А когда опытный в таких делах скулди сказал медику, что надо бы раны прижечь, тот только головой мотнул:

– Не беспокойся, варвар!

– Нас казнят, – сделал вывод скулди.

Это заявление никого из пленных не удивило. Им уже успели сообщить, что взявший их в плен военачальник – настоящий отморозок. Никого не щадит. Ему не нужны ни деньги, ни наемники. Убивает всех. Ходят слухи, дал кому-то из богов обет – прикончить сто тысяч варваров.

Об этом пленным сообщил солдат из охраны, здоровенный светловолосый галл, совсем не похожий на коренного римлянина.

Коршунову не хотелось умирать. Но пощады он просить не будет. Не хватало еще опозориться перед храбрецами-готами. Алексей решил вести себя, как положено вождю. А по местным понятиям вождь обязан быть храбрее и мужественнее тех, кого он ведет в бой. Так что Коршунов держался. Даже не пикнул, когда его штопал лекарь. И всем своим видом показывал, что не боится ни боли, ни смерти.

Но умирать все равно не хотелось. И даже как-то не верилось в собственную смерть. Наверное, так всегда и бывает...

Коршунова забрали из палатки последним.

– Давай, давай, пошевеливайся! – бородатый легионер в помятой кирасе с дубинкой в руке легонько подпихнул Алексея в спину. – Выходи давай!

За те часы, что Коршунов, связанный, провалился в палатке, вокруг вырос маленький город. Римский лагерь. Ровные ряды палаток, деловитая суета. Пробегавший мимо легионер со связкой пилумов приостановился, любопытствовал:

– Это что, варварский рикс?

– Давай проходи! – рявкнул бородатый, замахнувшись своей дубинкой.

Любопытный тут же припустил прочь.

Охранники у южных ворот лагеря посторонились, пропуская Коршунова и его «эскорт»...

Их разместили вдоль обочины. Всех, кто остался в живых. Коршунов шагал по пыльной дороге, по крестообразным теням. Он старался не хромать и смотреть прямо перед собой. Не смотреть ни по сторонам, ни вверх, ни на дорогу, на которой лежали тени вкопанных вдоль обочины крестов.

На душе было мерзко. Это он привел их сюда. На смерть. Одно утешение – он умрет вместе с ними. Если, конечно, победители не придумали для него что-нибудь особенное...

Нет, не придумали. Зато отвели почетное место: на самом верху, между скулди и Агилмундом. Две ямы по локоть глубиной и грубо сколоченный крест в виде буквы «х».

– Ложись, варвар! – скомандовал бородатый.

Коршунов медлил – у него возникла мысль: а не броситься ли сейчас прямо на римские копья? Умирать – так уж сразу!

Нет, не годится. Это все равно что сбежать, бросив своих... которые еще живы. Пожалуй, он не имеет права оставить их умирать... в одиночестве.

– Ложись, варвар, больно не будет! – повторил легионер, по-своему истолковав медлительность пленника.

– Да пошел ты... – по-русски пробормотал Коршунов.

И выполнил команду.

Больно и впрямь не было. Если не считать того, что болели раны.

С десяток легионеров ухватились за канат. Основания бревен соскользнули в ямы, уперлись, и крест начал медленно подниматься вверх, унося Коршунова навстречу светлому южному небу.

Через пару минут все было кончено. Крест встал вертикально, Коршунов «сел верхом» на вбитую в крестовину палку, принявшую на себя его вес. Бородатый еще разок проверил, хорошо ли привязаны к кресту руки и ноги Коршунова, удовлетворенно кивнул и удалился.

Вид с холма открывался превосходный: рощи, виноградники, поодаль – аккуратные домики земледельцев. Плодородный, благодатный край... а он, Коршунов, привел сюда варваров... ну да, привел. И теперь те из них, кто уцелел, чудовищными украшениями висят вдоль обочины превосходной римской дороги.

И это – последнее, что увидит в жизни бывший ученый, бывший космонавт, бывший рикс Алексей Коршунов. Н-да... зато смотреть на этот пейзаж он будет долго. Может, два дня, может, три... если, конечно, раны не откроются и он не истечет кровью раньше... ну тогда ему, считай, повезло. Как Ахвизре, чья голова уже бессильно повисла...

– Агилмунд! – позвал Алексей. – О чем думаешь?

– Да вот думаю... – мрачно отозвался родич. – Примет ли меня вотан, ежели вот так умру? Без меча в руке, без погребения, без тризны...

Гот тяжело вздохнул. И справа, эхом, вздохнул скулди.

«Надо же, – подумал Коршунов. – Не то их беспокоит, что придется подышать долго и мучительно, а то, признает ли их какой-то там вотан... впрочем, правильно. Для тех, кто верит в загробную жизнь. Вопрос: верит ли в нее кандидат наук А. В. Коршунов? Раньше вроде бы верил... во что-то такое...»

– Я так думаю, – громко произнес он. – Вотан – не какой-нибудь безмозглый гепид: сумеет отличить воина от свинопаса. А ты, Агилмунд, столько народу в хель отправил, что никакой тризны не нужно. Вот в последнем бою хотя бы... присмотришь, брат: неужели ты не видишь, как вьются вокруг души поверженных тобой врагов?

– Не-а... – пробормотал Агилмунд. – Никого я не вижу, кроме наших повешенных парней да вот этих римлян, что жрут копченый свиной бок у меня под ногами.

Римляне, о которых шла речь, беседу двух варваров игнорировали. Они обедали. Повешенные были для них уже не живыми людьми, а вороньим кормом. За которым пока что надо присматривать.

– Я – вижу! – решительно заявил Коршунов. – И ты верь мне, Агилмунд! Я – Аласейя, пришедший с неба, я видел богов и разговаривал с ними! И я говорю тебе: боги отличат настоящих воинов, какой бы ни была их смерть! Так что если вскоре умрешь ты, Агилмунд, то отправишься прямо к своим богам! Это я тебе обещаю! Конечно, смерть твоя будет нелегкой...

– Плевать! – Агилмунд заметно повеселел. – Перетерплю. Слышишь меня, вотан! – рывкнул он во всю глотку. – Скоро я приду к тебе!

– Эй, Аласейя! – это подал голос скулди. – А ты не врешь? Насчет богов?

– Ты никак умом повредился, герул! – насмешливо бросил Коршунов. – Кто же рискнет соврать, говоря о *таком* ? Или ты забыл, что и сам я тоже очень скоро покину этот мир?

– А ведь верно! – признал герул. – Не станешь ты врать в час смерти, Аласейя! – скулди рассмеялся. – Хорошо иметь такого вождя, как ты! – заявил он. – Биться рядом с тобой хорошо, а умирать – еще лучше! Хотя, сдается мне, не к нашим богам попадешь ты, а к своему христианскому богу. Жаль! Очень тебе будет скучно после смерти, Аласейя.

– Я попрошу вотана! – решительно заявил Агилмунд. – Разве Аласейя не воин? Пусть вотан договорится с христианским богом. Или я отправил в хель мало христиан? Обменять их души на душу Аласейи – правильное дело!

– Точно! – поддержал скулди. – И я отдам своих на это дело! И без христиан найдется

кому мне прислуживать в валхалле! Отдам! Душа такого воина, как ты, Аласейя, много потянет на загробных весах. Не один десяток христианских душ потребуется.

– Коли так, то и я своих готов отдать! – крикнул кто-то из повешенных ниже.

– И я! И я! И я!

– Чего разорались! – недовольно гаркнул один из римлян. – Вот я вас!

На него никто не обратил внимания. И впрямь: что можно сделать тем, кто уже, считай, мертв?

– Ты слышишь, Аласейя! – резюмировал Агилмунд. – Выкупим мы твою душу у христианского бога, не сомневайся!

Коршунов был растроган. И поклялся себе до последнего вздоха не уронить себя в глазах этих людей. Это все, что он мог для них сделать: облегчить надеждой их мучительную смерть.

Хотелось пить. А ведь их всех напоили не больше часа назад. Повязка на боку набухла от крови, потяжелела. Наверное, надо радоваться. Если кровотечение не остановится, Алексей вскоре ослабеет и потеряет сознание. Как Ахвизра. А потом умрет. Быстро и, можно сказать, легко. Проблема в том, что Коршунову совсем не хотелось умирать. В конце концов, это несправедливо! Варвары все равно пришли бы на эту землю. И крови пролилось бы куда больше, если бы Коршунов не пресек бессмысленную резню. Нет, это просто свинство – повесить всех пленных без суда! Где же хваленое римское правосудие? Где законы, которые будут изучать и через две тысячи лет?

– Эй, скулди! – крикнул Коршунов. – Скажи этим ромлянам, что я хочу видеть их военачальника.

– Зачем он тебе? – отозвался герул. – Скоро ты увидишь богов.

– Хочу взглянуть на того, кто нас победил, – заявил Алексей.

«И договориться, если удастся», – добавил он мысленно.

Такая казнь хороша тем, что у судьбы есть время передумать. Но надо поторопиться. Большинство казненных будут умирать несколько дней, но такие, как Ахвизра, не смогут продержаться долго. Чем черт не шутит? Вдруг Коршунову удастся переубедить римлянина?

В любом случае, терять нечего...

– Эй, вы! – гаркнул скулди по-латыни. – Наш вождь желает сообщить что-то важное вашему главному командиру.

– Пусть скажет мне, а я передам, – ответил старший из стражников.

– Так не пойдет!

– Стало быть, не пойдет, – флегматично отреагировал стражник. – Чтобы я беспокоил принцепса из-за такого вороньего корма, как вы...

Внезапно слух Коршунова потерял остроту: словно в уши вату напихали. Сквозь эту вату до него доносилась перебранка скулди и охраны, крики ворон, лязг металла откуда-то со стороны римского лагеря...

– Эй, ты, варвар!

Острая боль вспыхнула в раненом боку. Коршунов сдержал стон, с усилием разлепил глаза. Стражник, вознамерившийся было еще раз ткнуть древком копья в бок Алексея, не стал этого делать.

– Ты хотел мне что-то сказать, варвар?

– Я... – голос стал сиплым, в глотке – будто наждак.

Что-то влажное прижалось к губам Коршунова. Губка, набухшая кисловатой влагой.

– Кто ты?

– Старший кентурион Гай Ингенс. Что ты хотел мне сказать?

– Я... – Алексей посмотрел сверху на кирпично-красное, со свернутым в сторону носом грубое лицо старшего кентуриона и понял, что надеяться не на что. С этим человеком ему не договориться. – Я? Ничего.

– Тогда подыхай молча, варвар! – сердито бросил кентурион. Развернулся и двинулся вниз, лавируя между крестов.

Коршунов закрыл глаза. Нет, ему было не страшно умирать. Обидно немного. И Настю жалко. Как она теперь, без него?

Часть первая Вождь варваров

*«Necesse est maximorum minima esse initia».*²

Осень девятьсот восемьдесят шестого года от основания Рима. Крым. Берег Черного моря

– Никогда... никого... такой... как ты... Настя... – шептал по-русски Алексей в мягкое ушко с крохотной дырочкой от сережки.

Струи черных волос, шелковые змейки, оплели его шею.

– Что-что-что ты говоришь?.. – бормотала она по-гречески. – Я не понимаю, Алёша...

«Алеша» – первое русское слово, которое она выучила.

«Скажи, как звала тебя мама?»

«А тебя?»

«Анис...»

«А меня – Алёша».

«Алеша». – Она выговорила правильно, с первого раза. У нее были замечательные способности к языкам.

У нее были способности ко всему. И здесь, на ложе, на покрывале из алого шелка, в полной темноте крымской ночи, внутри шатра, *Алексей видел* каждую частичку ее тела. Руками, губами, кожей...

– Анис, ты меня любишь?

– Любишь!

Это русское слово она тоже узнала одним из первых.

– Еще?

– Не сейчас... – Тонкие пальцы с острыми ноготками мышинными лапками пробежались по коже. – Не надо, Алеша. Ты должен быть сильным... завтра. Не то он тебя убьет...

– Тогда отпусти меня.

– Я-а-а? – Изумление, смех, низкий, хриловатый, после которого ну просто уже невозможно...

– А-а-х... – Влажные ладошки легонько толкнули его в грудь, Алексей послушно скатился на край ложа (голова свесилась вниз) и замер – нет, не в изнеможении, в сладкой расслабленности. Но никогда он не чувствовал себя таким сильным. Никогда...

Снаружи перекликались часовые, залаяла собака... военный лагерь. Тысячи людей. Тысячи обученных убийц. Войско. Дружины рикса Одохара, рикса Комозика... и его, рикса Аласеи, Алексея Коршунова, того, чьи небесные паруса – цвета снега и крови. Если, конечно, завтра его не убьют....

Анастасия зашевелилась. Маленькая ступня коснулась его колена... легкий, бесшумный прыжок – звук поглотила медвежья шкура у ложа.

– Пей... – Чаша с разбавленным (по-гречески) вином коснулась его губ.

Возлюбленная умела угадывать его желания раньше, чем сам он успевал их осознать.

Алексей знал, кем она была раньше. Гетерой. И шпионом. Эта великолепная женщина с талией столь тонкой, что ее можно обхватить пальцами, с кожей младенца и голосом, стирающим все, кроме чувственности, – эта женщина была оружием более страшным, чем копьё в руках родича Коршунова Агилмунда, лучшего из готских воинов, которого знал Алексей. Анастасия была смертоносным оружием, отравленной стрелой, изготовленной в Риме, чтобы внезапно и безошибочно вонзаться в сердца врагов империи. Но Алексей не

² Necesse est maximorum minima esse initia – «Великое берет начало с малого» (лат. пословица).

ревновал к ее прошлому. Ведь теперь она принадлежала ему, а не великой римской империи. Только ему. Да, он сам никогда не сможет пользоваться этим оружием *по-настоящему*. И не захочет. Эта стрела больше не будет пронзать сердца. Разве что чиркнет пару строк на пергаменте – и полетит через море свернутый в трубочку крохотный свиток... и сделает... нет, уже сделал больше, чем тысяча готских копий.

Алексей отнял у нее чашу, привстал и сам поднес серебряный кратер к ее припухшим губам. Даже в полной темноте он знал, каковы ее губы, и *видел* ее смуглое лицо так же хорошо, как при свете дня. Он слушал, как она пьет, и думал о том, что скоро, очень скоро им придется расстаться. Даже если из завтрашнего поединка он выйдет победителем. Потому что в море, в набег он ее точно не возьмет. Потому что ему легче самому умереть, чем потерять ее ...

Глава первая Готы, герулы, бораны и прочие варвары

Август девятьсот восемьдесят шестого года от основания Рима. Приднестровье

– Значит, вот ты каков, Аласейя, большая вода, тот, кто пришел с неба...

Риксу герулов Комозику – за сорок. Здоровенный, под два метра, костлявый, борода – пакля, руки – клещи. На каждой руке – полкило золота.

– Что-то ростом, смотрю, ты не очень. Плохо, что ли, кормят у вас там, в *Байконуре* ?

«Ах ты морда зеленая, – подумал Коршунов. – Осведомленность свою показать решил...»

– А у нас по величине только о быках судят, – осклабился он. – Которых на мясо откармливают. Воина же по-другому оценивают.

Комозик нахмурился: прикидывал, не оскорбили ли его?

– И как же у вас воинов оценивают?

– По делам, – лаконично ответил Алексей.

Вертикальная складка на лбу рикса герулов разгладилась. С делами у него тоже обстояло неплохо.

– Пошли, что ли, Одохар, перекусим, – сказал он. – С дороги в глотке пересохло. Такой путь... – и ухмыльнулся щербато.

«Ну и рожа, – подумал Коршунов. – Одохар в сравнении с ним – просто красавчик».

А вот с чувством юмора у рикса все в порядке. За прошлый день герульская дружина прошла максимум мили три.

Это Алексею Скулди поведал. И пояснил почему. Негоже такому вождю, как Комозик, ждать такого вождя, как Одохар. Земля здесь чужая. Оба – вроде как гости. А по положению – равные. Следовательно, и на место должны прибыть одновременно.

– Пойдем, – кивнул Одохар.

Совещание на высшем уровне.

Они удалились.

Коршунов огорчился. Рассчитывал, что его тоже пригласят. Утешало то, что Агилмунд и Скулди, «замы по безопасности», к руководству не присоединились.

– Вот что, почтенные гревтунги, пойдемте-ка прогуляемся, – предложил Скулди. – Хочу вас кое с кем познакомить...

– Это с кем же? – подозрительно спросил Ахвизра.

– Увидишь. Не хочешь – можешь не ходить.

Привлеченные разговором, к друзьям подтянулись несколько герулов из прибывших с Комозику. Также зеленомордые. Коршунов поискал среди них первого кореша скулди и своего старого знакомого Кумунда... Не обнаружил. Хотя пара-тройка герулов размерами Кумунду ничуть не уступала.

– Не пойдешь?

– Как же! Ты тут небось уже все разнюхал: и где пиво слаще, и где девки мясистее! – ухмыльнулся Ахвизра.

– Насчет девок ты промахнулся! – заржал скулди. – Девок надо было с собой привозить. Вон как Аласейя! На! Подарок соложнице твоей! – На мозолистой ладони герула оказался зеленый флакончик с затейливой пробкой.

– Это что? – осторожно спросил Коршунов.

– Бери-бери! Ей понравится!

– Благовония, что ли?

– Вроде того. Стайса твоя знает. – Скулди ухмыльнулся довольно-таки похабно.

У Коршунова даже возникло желание дать ему в глаз, но он сдержался. Горбатого могила исправит. Тем более – дорогой подарок, сразу видно.

Тут Коршунова слегка оттеснил здоровяк Ахвизра.

– Слышь, герул, а что ты насчет девок сказал, я что-то не понял... – прорычал он.

– А тут и понимать нечего! Нету тут девок!

Поднятая скулди тема заинтересовала еще нескольких воинов. Между герулами затесалась пара-тройка незнакомых Коршунову готов.

– А кто есть? – поинтересовался один из них.

– Козы есть! – громогласно сообщил скулди. – Овцы тоже.

– Чего-то я не понял, – сказал тот же незнакомый гот. – Мясо – это мясо. А я когда пожру, так мне как раз бабу память – очень хорошо. Только чтоб без болтовни этой всякой...

– Ну так я тебе скажу: коза – это то, что тебе надо! – вмешался Ахвизра. – Она вообще не говорит, только мемекает.

Украшенный синей татуировкой лоб гота пошел морщинами: осуществлялся мозговой процесс.

– Так она ж сбежит! – родил «мыслитель».

– А ты ее привяжи! – посоветовал Ахвизра.

– Тьфу! – возмущенный Агилмунд сплюнул наземь. – Даже слушать вас – противно. Вы б еще свинье заправили! Давай, скулди, веди, куда собирался. Самое время горло промочить.

– Вот! – торжественно произнес скулди. – Славный боранский рикс Крикса!

– Крикша! – недовольно поправил «славный боранский рикс».

Росту в нем было примерно столько же, сколько в Коршунове. Зато весу – пудов шесть. Пегая борода, расчесанная косичками, пегие лохмы вокруг загорелой лысины. Из-под бороды виднеется золотой кулончик размером с кофейное блюдце. На золотой же цепке в полпальца толщиной.

Боранский лагерь стоял особняком. Дюжина шатров, полсотни коней. Мелкий отряд. Коршунову было непонятно, почему скулди привел их сюда. Непонятно до тех пор, пока он не оказался внутри шатра, не увидел «славного вождя» крикшу со-товарищи, не оценил интерьер и количество рыжего металла на достойных боранах. В этом мире золотые украшения – не столько украшения, сколько свидетельство ранга. Сто граммов – преуспевающий землепашец. Пятьсот – удачливый воин. Килограмм-полтора – уважаемый человек. Вождь. А тот, под которым ходят другие «уважаемые люди», мелким вождем быть не может. Вывод: лысый крикша прибыл не с войском, а со свитой. А дружина его – где-то в другом месте. И еще не известно, присоединится ли он к «великому походу».

– А это, – продолжал скулди, ничуть не смущаясь недовольным выражением на обветренной физиономии борана, – тот, о ком я не раз рассказывал: Аласейя, победитель многих героев, великий воин, пришедший с неба. Вы видели его корабль с парусом цвета снега и крови, сшитым из...

– Корабль... – с кривой усмешкой перебил крикша. – Вы слышали? – Он повернулся к своим: – ту лохань с палками вместо мачт он назвал кораблем!

Два других борана захихикали.

Коршунов застыл, пораженный.

И было от чего.

Лысый боранский рикс говорил не по-готски.

Совсем на другом языке.

И язык этот Коршунову был вполне понятен.

Ибо был весьма похож на тот, на котором Алексей говорил от рождения.

На русский то есть.

– Рад приветствовать столь славного воина, – уже по-готски буркнул лысый. – Поведай мне, как там у вас на небесах?

И добавил по-своему:

– Герул и врет, как... герул! Ха-ха! Будь я проклят, если этот парень способен летать по небу лучше, чем валун, сброшенный со скалы в море. Думаю, что и плавает он не лучше.

И одарил Коршунова издевательской улыбкой.

Но тот уже пришел в себя от изумления. Более того, он вспомнил, в каком контексте слышал раньше о боранах, и так же иронически ухмыльнулся в ответ.

– Ты тоже больше похож на кабана, чем на дельфина, уважаемый крикша, – сказал он по-русски. – Но мне почему-то кажется, что ты плаваешь лучше, чем кабан. Или я ошибаюсь?

«Славный боранский рикс» крикнул. Лысина его побагровела.

– Что ж не сказал, что по-нашему разумеешь? – недовольно проворчал он.

– А ты спросил? – усмехнулся Коршунов.

С полминуты они буравили друг друга взглядами: кто кого? Вышла ничья.

– Мордой ты на этих не похож. Чьих сам-то? – изрек крикша, кивнув на спутников Коршунова, ничего не понимавших, но инстинктивно напрягшихся. Агилмунд, тот даже рефлекторно подшагнул к Алексею: перехватить удар, если что. Знал сын фретилы, что в рукопашной «великий небесный воин» – не ахти.

– Сказали тебе: с неба упал. – Коршунов усмехнулся.

– Будет врать-то! – в свою очередь ухмыльнулся боранский вождь. – С неба токо дождь да дерьмо птичье падают. Не хочешь говорить – дело твое. – И, перейдя на готский: – Слыхал я, с дороги вы. По нашему обычаю, коли с дороги человек, так надо его сперва угостить-попотчевать, а уж потом разговоры говорить. Так что пойдёмте, достойные, порадуем животы. Поляна уже накрыта, яства стынут.

Как говорится, голод – лучший кулинар. Однако Коршуновская Настя готовила получше боранских поваров. Зато вино было вполне приятное.

Алексей вспомнил, как в день знакомства скулди «проставился» бурдюком едва забродившего кислого виноградного сока. Решил хитрый герул проверить: не ромлянин ли Аласейя? Разбирайся скулди в винах и будь вино в бурдюке подобно этому, как пить дать провалил бы Коршунов примитивный тест, заданный ему «начальником внешней разведки» рикса Комозика.

За первой и второй «переменной блюд» беседовать не положено. Положено насыщаться и высказываться по поводу присутствующих: дескать, какие славные и щедрые люди собрались на этой классной поляне...

К делу перешли, когда наступило время «десерта» – каменной крепости печенья с отчетливым запахом меда и воска. Печенье полагалось макать в вино. Готам, которые по привычке потребляли пиво, пришлось непросто. Но на зубы они не жаловались: грызли так, что треск стоял.

Этим звуком, собственно, их участие в беседе и ограничивалось. Тему вел скулди. На пару с боранским лидером.

Начав с того, какое нынче могучее войско собралось на берегу великой реки Борисфен (а ведь не все еще подошли, далеко не все), скулди плавно перешел к грядущим победам, к живописанию добычи, какую союзное войско планирует взять на богатых ромлянах, кои, разумеется, не смогут противостоять столь могучим и многочисленным воинам...

Речь скулди текла столь гладко и непрерывно, что производила убаюкивающее впечатление... но не на крикшу.

– Что ты такое говоришь, скулди-воин? – невежливо перебил словесное медоточение

боранский рикс. – Может, ты забыл, как служил у ромлян? Или ты не бился с ними и против них? Или ты забыл, что такое *легионы Рима*? Всего вашего войска и десяти тысяч копий не наберется. Одного легиона хватит.

– Ну да, – поддакнул скулди. – Если он будет там, куда мы придем, этот легион.

– Он будет, – заверил боранский рикс. – Непременно подойдет.

– Верно, – снова согласился Скулди. – Подойдет. Только нас там уж не будет. Но для этого, уважаемый крикса, нам нужны корабли. Способные бороздить морские воды быстрые и крепкие корабли. Ваши корабли, крикса. Известно, что не столь уж велики гарнизоны в городках понтийской провинции. Если напасть внезапно, можно большую добычу взять. И ускользнуть без помех. Вот для этого и нужны корабли. Крепкие и вместительные корабли, способные нести тяжкий груз. Ибо золото – тяжелый металл, как тебе известно, уважаемый крикса.

«Ага, – подумал Коршунов. – Ситуация проясняется. Ну конечно. Не на готских же корытах по морю плавать».

Он покосился на Агилмунда и Ахвизру. Соплеменники-гревтунги молча сосредоточенно грызли печенье, прихлебывали пиво. Оба были недовольны. Ну да, по готским меркам такие скоропалительные переговоры – сущее невежество. Серьезные мужчины так не делают.

Серьезные мужчины сначала присматриваются друг к другу недельку-другую, потом начинают осторожно прошупывать: что да как?

Ну, для таких торопыг, как, например, Ахвизра, недельку можно сократить до пары дней. Но обсуждать ключевые вопросы, только-только поставив шатры, – это противоречит всему готскому политесу.

– Ох, рано ты, Скулди-воин, взялся медвежьей шкуру делить, – усмехнулся крикса. – Ты прежде возьми добычу на ромлянах. А уж мы поглядим, как у тебя получится. Со стороны.

– Не дашь кораблей? – в лоб спросил скулди.

– Не дам! – отрезал крикса.

– Тогда зачем приехал?

– Да хоть тебя послушать.

– Послушал?

– Послушал. И понял, что не видишь ты, Скулди-воин, дальше своего кривого носа.

«Не подерутся», – подумал Коршунов.

Не зря толстяк их сначала покусать позвал. Хлеб преломили – всё. На открытый конфликт без серьезного повода идти не положено.

– Ну-ну, – пробормотал скулди. – Объясни нам, боранский рикс, что ты такое видишь, чего мы углядеть не можем.

– Скажу, коли сам не знаешь, – согласился крикса. – Напомню, если забыл. О понтийской эскадре ромлянской. О двух дюжинах боевых кораблей, что ходят вдоль побережья.

«Похоже, толстяк его уел», – подумал Коршунов.

Умолк хитрый герул, задумался.

Но на гревтунгов сей довод не произвел такого сокрушительного впечатления.

– Сколько ты сказал? Две дюжины? – переспросил Ахвизра. – А у вас, сам говорил, пять сотен кораблей. Да и у нас...

Крикса ухмыльнулся. Коршунову была знакома эта ухмылочка. Читалось в ней извечное превосходство соленого моремана над сухопутной крысой.

– А видел ли ты, Ахвизра-воин, ромлянскую трирему?

– Видел! – отрезал гот.

– И что скажешь?

– Скажу: большая. Да только у иных бургов стены втрое выше, чем борта у той триремы. И брали мы эти бурги на копье – не помогли стены.

– Брали, говоришь? – боран прищурился. – Ну-ну... А видел ли ты, Ахвизра, римскую трирему *в бою* ?

Ахвизра покачал головой.

– Так вот что я скажу тебе, Ахвизра-воин: даже пятидесяти наших кораблей не хватит, чтобы справиться с ней.

– Я так и думал, что ты просто боишься, – буркнул Ахвизра.

– погоди! – вмешался Скулди. – погоди, Ахвизра! Слушай, крикса, я не хочу, чтобы ты бился с ромлянами на море. Я хочу, чтобы ты доставил нас к какому-нибудь понтийскому городу. Доставил, высадил, а потом забрал с добычей. А с римскими триремами нам встречаться ни к чему. Обойти их – и всё тут.

– Ты в уме ли, герул? – вмешался один из спутников крикши. – Как это – обойти?

– А так! Это ж не дорога, а море. Сворачивай, куда хочешь.

Боран уже собрался возразить, но его остановил крикша:

– погоди, скуба! Не видишь: он в морском деле ничего не понимает. – И, обращаясь к Скулди: – Неправ ты. В море тоже дороги есть. Древние. Проверенные. По ним отцы и деды наши ходили. Не обойти нам ромеев. Хочешь – к устью Данубия вас доставим?

– Ну да, – желчно произнес Скулди. – Прямо на ромейские мечи! Пошли, друзья-гревтунги! – бросил он, поднимаясь. – Спасибо за угощение, почтенный крикша!

– Приходите еще, – отозвался тот. – Мы тут еще побудем...

Глава вторая, в которой обсуждаются вопросы варварской политики и стратегии

В шатре Одохара они сидели вшестером: сам Одохар, Ахвизра с Агилмундом, Травстила и Коршунов.

Агилмунд вкратце изложил результаты общения с боранами. Рикса Одохара, похоже, итог переговоров не удивил.

– Если мы не можем пойти на ромлян, значит, мы пойдем на аланов, – сказал лидер гревтунгов. – Комозик говорит: аланы с ромлян недавно дань получили. Хорошо бы аланов побить, а эту дань забрать. У нас здесь большое войско. Еще гепиды подойдут...

– Гепиды? – Ахвизра скривился, словно у него зуб заболел. – Зачем нам гепиды? Сам знаешь, Одохар, тупоголовы гепиды и ленивы!

– А ты что скажешь? – Одохар повернулся к Агилмунду.

– Скажу: прав Ахвизра, – неторопливо изрек родич Коршунова. – Так и есть: тупоголовы и ленивы. И жадные вдобавок. Правда, храбрость в них великая, но беспокойства от них больше будет, чем проку.

– А ты что скажешь, Аласейя?

Коршунов помедлил, размышляя... раз Одохар решил пригласить гепидов поучаствовать в общем безобразии, значит, у него были основания. Значит, надо подыскать такой аргумент, который оправдывает приглашение. Исходных данных, конечно, маловато...

– Верно ли, что эти гепиды тупоголовы? – спросил он. – Это как, слухи одни, или ты, Одохар, в этом сам убедился?

Рикс усмехнулся.

– Тупоголовых, Аласейя, и среди гревтунгов немало, – ответил он. – Но среди гепидов – больше. А у того рикса, который ко мне гонца с предложением послал, и вовсе бараньи мозги. Отец его поумнее был. Так Комозик говорит – и я ему верю, потому что разбирается в людях Комозик. Особенно во врагах. А гепиды ему давно уж враги, так как спор у них идет из-за земель сопредельных. Говорит Комозик: силен этот рикс. Может, даже посильней самого Комозика. А о Комозике точно известно: в бою он пятерых стоит. Да и войско у этого нового гепидского вождя – сильное. Так и рвется к потехе воинской.

«Вот это уже лучше, – подумал Алексей. – Картинка прорисовывается».

– Тогда я думаю так, – начал он. – Если гепиды сильны, храбры и есть у них с

Комозику спор, то стоит Комозику уйти в поход на дальние земли, как эти самые гепиды на его собственные земли явятся. А если гепиды с Комозику в поход пойдут, то и герульские земли от них в безопасности. Так?

– Вот еще! – фыркнул Ахвизра. – Чтобы Комозик каких-то там гепидов плосконогих боялся!

– Помолчи! – оборвал его Одохар. – Говори дальше, Аласейя.

Коршунов кивнул, помедлил (для солидности) и продолжал:

– Однако ж Комозик сейчас наш друг, верно?

Одохар кивнул.

– Значит, помочь Комозику – доброе дело, верно?

Еще один кивок.

– Но дела большого похода – важнее личных дел Комозика и герулов, хоть мы и друзья с ними, верно?

Тут уж не только Одохар, Ахвизра с Агилмундом тоже закивали. Герулы, конечно, друзья... сейчас. А скулди вообще классный парень... но *большой поход гревтунгов* несравненно важнее!

– Значит, – заручившись общим одобрением, продолжил Коршунов, – надо прикинуть: хороши ли будут гепиды для *большого похода* ?

Он сделал длинную паузу, чтобы высокое собрание прониклось значением вопроса. Собрание прониклось. Все молчали: ждали, какую мудрость Аласейя Большая Вода изречь изволит. Коршунов их ожиданий не обманул.

– Думаю, так, – заявил он. – Если все, что о гепидах сказано: что храбры, мол, они и туповаты, – правда, то очень даже пригодиться могут нам в большом походе гепиды. Хотя и мы, гревтунги, тоже храбры... – тут Коршунов опять прервался, дал время, чтобы лесть всосалась. – ...однако ж и аланы, как я понимаю, не трусливы и силой не обижены. Иначе с чего бы римлянам им дань платить?

Храбры аланы, подтвердило «высокое собрание». И силушка есть. Правильно, Аласейя, говоришь.

А если так, проводил свою тему Коршунов, то битва с ними будет отменная и нелегкая. А в нелегкой битве бывает, что крови много проливается. Оно, конечно, почетно для воина – кровь в битве пролить. Но еще более почетно готу, славному то бишь, с добычей домой вернуться. А для этого надо, чтобы кровь пролилась не готская, а чья-нибудь другая. Например, аланская. А поскольку аланы подраться тоже не дураки, то за свою кровь и чужой немало возьмут. И вот тут-то гепиды, храбрые и тупоголовые, очень даже пригодятся. В бою ведь всякое бывает... (тут Коршунов со значением посмотрел на Одохара.) Так бывает, что кто-то умереть должен, чтобы всем победа досталась. Так пусть не гревтунги падут, славные и правильные, а гепиды тупоголовые, которые вследствие тупости своей могут и не сообразить, когда следует храбрость проявлять, а когда от отваги безумной стоит и удержаться.

Тут Коршунов откинулся назад, дав знать, что речь его закончена.

Мнения разделились.

Ахвизра выразил протест: мол, безумная отвага всегда хороша, богам угодна и исключительно она к победе ведет. Без вариантов.

Агилмунд склонялся к тому же мнению, но не столь безапелляционно.

Одохар помалкивал, но, похоже, придерживался точки зрения Коршунова. И это Алексея порадовало. Безбашенность варваров-готов его пугала. Он предпочитал результат боя самому процессу. Возможно, потому, что в рукопашной по-прежнему был весьма посредственен.

Травстила делал вид, что спит.

Одохар дал возможность Ахвизре выразить протест. Выслушал и Агилмунда. Когда оба храбреца высказались, поинтересовался мнением Травстилы.

Кузнец открыл глаза, изрек:

– Верно Ахвизра сказал: храбрость угодна богам. А вот кто из воинов богам угоден, то по воинской удаче решают. А мы знаем, что удача наша – Аласейя. Потому я так мыслю, Одохар: что Аласейя сказал, то богам и угодно.

И рикс Одохар кивнул, соглашаясь. Добро на участие гепидов в большом походе было получено.

Глава третья, в которой Алексей Коршунов занимается вопросами варварской политики и воинской тактики самостоятельно

И все-таки Коршунов предпочел бы воевать с римлянами. Хотелось ему не с дикарями-аланами рубиться, а приобщаться к местной цивилизации. Есть такая русская традиция: приобщаться к цивилизации с помощью танков или, на худой конец, боевых фургонов. А что делать, если иначе – никак?

У аланов тоже танков нет. У них, как Коршунову удалось установить, ударная сила – конница. Ну и на том спасибо. Ладно. Будет день, будет пища, как говорится. Не в аланах дело. И не ради того, чтобы подраться с аланами, затевался большой поход. Рим – вот настоящая цель. Коршунов еще со школы помнил, что Рим завоевали варвары. Вот эти самые готы. Значит, и здесь этот вариант можно прокрутить. Захватить какую-нибудь провинцию типа современной Коршунову Болгарии и организовать независимое королевство, вернее, риксовство... Мечты, конечно, но почему бы не попробовать их реализовать?

Источников информации о Риме у Коршунова было два: скулди и Анастасия. Оба источника сходились на том, что оторвать у империи кусок – невозможно. Куснуть пару раз, оттяпать клочок шерсти или кусок хвоста – и смыться. Не более того. Однако ж со слов скулди можно было сделать вывод, что:

Римская армия изрядно коррумпирована – увольнительную в город, освобождение от работ или тренировок можно запросто купить у непосредственного начальника;

Римская система гражданского управления также изрядно прогнила: все продается и покупается, от налогов можно уклониться, дав взятку чиновнику, воруют всё и все, а знать погрязла в роскоши и наслаждениях.

Коршунов был ученым, а следовательно, умел осмысливать информацию. И на основании полученной информации вполне мог допустить, что прочность империи изрядно преувеличена. Один хороший удар – и орех треснет. Если знать, куда ударить. А для этого сначала надо попробовать. Поглядеть собственными глазами на страшных римских легионеров, проанализировать их тактику, оценить возможности... Одним словом, надо было провести разведку боем. И, по прикидкам Коршунова, именно внезапный морской набег был бы идеальным вариантом такой операции. Даже не будучи профессиональным военным (военная кафедра плюс предполетная подготовка – не в счет), Алексей примерно представлял, как ведутся войны. Благо родился он в век информации и кинематографии. И то, как вели войну Одохар с Комозиком, Алексею казалось довольно примитивным. Они даже не потрудились выслать разведку, выставить охранение. Правда, по ночам общий лагерь охраняли, но и только. Оставалось надеяться, что эти самые аланы – не лучшие вояки. И не сумеют разгромить славное воинство. В общем, Коршунов решил рассматривать «аланский» поход как местную тактическую операцию и значения ей не придавать. А всю мощь интеллекта бросить на поиск решения «римского вопроса».

Главным препятствием к проведению «морской» операции был отказ боранов предоставить плавсредства. Главной причиной их отказа было присутствие римского военного флота в территориальных водах намеченного к набегу района. Значит, задача номер один – римский флот от данных берегов удалить. И единственный способ это сделать – слить противнику грамотно составленную дезинформацию. Коршунов уже продумал, как это можно сделать. Дело было за малым: уговорить Анастасию. Но это оказалось не так легко...

Если пользоваться терминологией времени Коршунова, Анастасия до встречи с ним была агентом Рима. Хотя нет, агентом Рима был Стайна. Настя была доверенным лицом

некоего Марка Аврелия, легата, занимавшего должность «начальника разведки» при наместнике Нижней Мезии. Анастасия была шпионом, «шифровальщиком» и контролером отправляемой информации – в одном лице. Механизм передачи сообщений был прост: либо через доверенных лиц Стаины, либо через контактирующих (не бесплатно, разумеется) с римлянами герулов. На герульские земли римляне захаживали регулярно, а с племенами, проживавшими на «варварском» берегу Дуная-Данубия, у имперских торговцев был налажен чуть ли не постоянный товарообмен. Исходя из того, что говорила Настя, а также в результате простого логического анализа можно было предположить, что римский купец и римский шпион – синонимы. Впрочем, варвары об этом тоже догадывались, но в большинстве своем не понимали настоящей цены информации. Отчасти потому, что информация в здешних условиях передвигалась медленно и частенько запаздывала, отчасти потому, что большинство варварских племен жило сегодняшним днем. В крайнем случае – завтрашним. Решения о набегах принимались спонтанно, время и цель также выбирались скорее по наитию, чем по расчету. В походы ходили обычно осенью, когда урожай собран (и у противника в том числе). Или зимой, когда все равно делать нечего, а реки легко форсируются по льду. Решение о походе принимал обычно рикс, и подходил он к этому делу не стратегически, а оперативно-тактически. Стратегическими вопросами (например, переселением всего племени в более уютные места) занимались старейшины. Используя, впрочем, и разведданные, полученные во время тактических набегов.

Были, разумеется, и исключения. К ним относился «римский опыт» «начальника герульской разведки» скулди или «большой поход», затеянный Одохаром не только ради добычи, но и ради повышения собственного авторитета. Как и следовало ожидать, римский «агент влияния» «мирный» вождь Стайна не только вовремя проинформировал империю об опасности, но и приложил все силы, чтобы «экономическими методами» свести эту опасность к минимуму. Если бы Коршунов (при деятельной поддержке «фракции войны», разумеется) не вывел «мирного» вождя на чистую воду, вместо «большого похода» получился бы пшик. Или кровавая подстава.

Теперь же у гревтунгов (к коим нынче относился и Аласейя большая вода) появилась возможность дезинформировать противника.

Сделать «двойного» агента из Стаины было невозможно. Да это и не требовалось. Донесения для неграмотного гота составляла Анастасия. С тем же успехом она могла писать и под диктовку Коршунова. То, что тот посчитал бы нужным надиктовать.

Но Алексей проявил осторожность. И донесений типа «похода не будет, спите спокойно, дорогие римляне» засылать не стал. Слишком резкое изменение «курса» выглядело бы подозрительно. Наверняка у римлян имелись и другие шпионы, а скрыть передвижение войска в несколько тысяч человек по открытой местности невозможно. Поэтому Коршунов, не желая подрывать доверие к «двойному агенту», продолжал сливать противнику достоверную (ну, может, чуть-чуть подправленную) информацию и ждал ситуации, когда запущенная деза сможет радикально изменить расклад сил. Ждал – и дождался. И столкнулся с тем, что его подруга и наложница, безропотно составлявшая правдивые донесения, вовсе не хочет подставлять свою родину под удар.

Они сидели внутри шатра. Кожаный полог был откинут, и ночной воздух втекал внутрь, принося запах дыма и тины от заросшей рясской речки.

– Мне нужно, чтобы ты это сделала, – сказал Коршунов. – Мы должны их напугать. Чтобы триремы ушли от этих берегов к устью Данубия. Напиши им, что мы разбили аланов, что наше войско еще более увеличилось, потому что к нему присоединились гепиды. Они должны испугаться и увести флот. Вот тогда мы проскользнем вдоль берегов и ударим – внезапно, стремительно...

– Алексей... – В черных глазах женщины посверкивало пламя лампадки. Смуглое прекрасное лицо. Только губы искривлены... словно от боли. – Алексей, зачем это тебе ?

– Что именно?

– Этот набег. Варвары хотят воевать с варварами – и пусть. Зачем тебе вести их на

землю Рима?

– Надо! – Алексей взял ее руку в свои жесткие ладони, после нескольких месяцев непрерывных упражнений с оружием покрытые твердыми валиками мозолей. – Мне это очень нужно, радость моя! Потому что я не собираюсь вечно скитаться по этим степям и драться из-за дюжины мешков с зерном. Я хочу туда! – Он махнул рукой в сторону юга. – Я хочу добраться до твоей империи и обосноваться в ней.

– С помощью варваров?

– Почему бы и нет? Они – мои друзья. Учти, я ведь тоже варвар – совсем не знаю латыни! – Алексей засмеялся, но Анастасия даже не улыбнулась.

– Если ты хочешь жить на земле Рима, совсем не обязательно врываться туда силой. Я могу тебе помочь...

Коршунов покачал головой.

– Я не хочу быть просителем, – произнес он с легкой надменностью. – Тем более я не хочу, чтобы ты просила за меня.

– Почему? – В голосе женщины прозвучала обида. – Из-за того, что я делила ложе с...

– Молчи! – Алексей коснулся пальцами ее губ. – Мне плевать, с кем ты была до меня! Но я хочу сам добиться того, что мне надо. И я хочу увидеть собственными глазами, что есть ваша Римская империя.

– Приезжай мирно. Приезжай торговцем. Со мной тебя пропустят через границу. Я...

– Настя! Думай, что говоришь! Да, через границу меня, может, и пропустят. А как я доберусь до этой самой границы? Через земли всех этих аланов и гепидов? Да еще с товарами! Да еще с такой красавицей, как ты! Ты что, не понимаешь, что первый же занюханный рикс с дюжиной дружинников прикончит меня? Эти варвары, о которых ты говоришь так пренебрежительно, моя настоящая сила! Вдобавок это мои друзья! Ты не должна относиться к ним с презрением! Хотя бы ради меня... – В голосе Коршунова прозвучали просительные нотки: он ведь действительно любил эту женщину.

– Я не презираю их, – негромко проговорила Анастасия. – Я их боюсь. Алексей, ты не знаешь варваров, то есть ты знаешь их такими, какие они у себя дома.

– Да, – согласился Коршунов. – Они довольно жестоки... – начал Алексей, не понимая, к чему она клонит.

– Нет! – перебила его женщина. – Ты ошибаешься!

– Разумеется, – желчно произнес Коршунов. – Они очень добрые. Мне, конечно, пригрезилось, как добряки Стайна с Одохаром решили тебя убить!

– Нет, не пригрезилось. Но, Алексей... – она взяла его за руку. – Пойми: таков их обычай! Я не осуждаю ни Стайну, ни Одохара. Мир в народе дороже жизни наложницы! Ты не прав! У себя дома эти скифы умеренны и справедливы, потому что живут по законам и обычаям дома. Но, Алексей, ты не знаешь, что такое варвары на земле Рима. Это – совсем другое. Потому что там они живут по закону войны. Я никогда не согласилась бы стать наложницей варвара, если бы не видела, что остается после их набегов. Что такое несчастье маленькой женщины в сравнении с этой бедой!

В ее голосе было столько горечи, что Алексей привлек ее к себе, погладил по голове, нежно, как ребенка.

– Ты сделала это ради Рима... – произнес он. – Я понимаю. Я тоже люблю свою родину...

И ощутил внезапный укол тоски. Его родина... увидит ли он ее когда-нибудь...

– Нет! – Анастасия качнула черноволосой головкой, отстранилась. – Я не люблю Рим. Моя родина – не Италия. Я эллинка. Я родилась в Антиохии. Германцы никогда не придут туда. Я не люблю римскую империю, Алексей. Но не обязательно любить своего повелителя, чтобы понимать его величие. Стыдно хулить грубость легионеров тем, кто живет за щитами легионов.

– Это не твои слова, – заметил Коршунов.

– Так говорил мой отец. И это правда.

– Я не спорю, – произнес Алексей. Он действительно понял. – Я больше не стану просить тебя делать что-то против твоей родины.

«Уж не знаю, как я объясню это Одохару и остальным, – подумал он. – Но объясню как-нибудь, куда я денусь, придумаю что-нибудь...»

– Алексей, я бы сделала это для тебя! – умоляюще проговорила Анастасия, сжав его руку. – Но я не могу. Они ведь не просто убивают: они убивают всех. Женщин, детей, совсем маленьких... просто для развлечения. После них не остается ничего – только трупы и пепел!

– А если я обещаю тебе, что не позволю им убивать ради развлечения? – негромко произнес он.

Женщина покачала головой:

– Ты велик, Алеша! Кому, как не мне, знать это. Но даже тебе не обуздать их звериной природы. Они не люди! Они только выглядят людьми!..

– Прекрати! – жестко оборвал ее Коршунов. – Я сказал тебе: это мои друзья. Всё! И я не собираюсь никого резать! Я собираюсь жить в твоей империи! Отвоевать от нее кусок...

– Ты не понимаешь... – Анастасия печально покачала головой. – Рим – это не то, что здесь. Рим – это государство. Твои варвары разграбят пару поместий, может, захватят какой-нибудь город... а потом придут легионеры и убьют всех варваров. Всех, кто не успел сбежать. Воевать с государством, отнимать у него земли может только другое государство. Я изучала историю, Алексей, поверь мне – это так! Так было всегда!

– Допустим, – кивнул Коршунов. – Так было. Но я намерен это изменить. – В этот момент он сам верил в то, что говорил. Он был убежден в этом. – Да, я это изменю! Если ты мне поможешь. Настя!.. – Он взял в ладони ее нежное лицо, заглянул в черные влажные глаза: – Я прошу тебя: помоги мне!

Две слезинки скатились по смуглым щекам, смочив пальцы Коршунова.

– Да, Алексей... – прошептала она. – Я это сделаю... я сделаю то, что ты хочешь. Все, что ты хочешь... Я сделаю для тебя...

Глава четвертая Тактика фехтования и стратегия войны

– Ну что ты делаешь! – возмущенно закричал Ахвизра. – Куда убежал?

– Но ты же мог меня достать! – резонно возразил Коршунов.

– А ты мог меня убить! Вот так и так! – Ахвизра взмахнул тренировочным деревянным мечом: наискось, потом – уколом снизу, в живот.

Он был прав: Коршунов в самом деле мог его достать из этой позиции. Сам при этом рискуя максимум легким ранением в ногу. И все-таки он не мог себя перебороть. Нет в нем безудержной отваги, свойственной здешним парням. Да и раньше не было. А будь меч Ахвизры из настоящей стали, Алексей вел бы себя еще осторожнее. Потому что уже видел, как легко таким мечом можно отмахнуть руку или вспороть живот. Ахвизре просто: он убежден, что, пав в бою, тут же отправится к вотану. А вот у Коршунова относительно себя такой уверенности нет. Зато у него есть обширные планы на будущее. А дырка в организме может существенно этим планам помешать. Конечно, у него аптечка, а в ней лекарства, позволяющие не опасаться заражения крови, но отрубленную кисть в местных условиях обратно не пришить. В общем, с точки зрения Ахвизры, Коршунов элементарно трусил. Но обвинить Алексея в трусости Ахвизра не мог. По здешним понятиям за таким обвинением от равного по статусу следовал немедленный вызов на смертельный поединок. В котором Ахвизра, разумеется, без труда прикончил бы Коршунова (чего самому Ахвизре вовсе не хотелось), а затем – также по определению – вынужден был бы сражаться со всеми родичами Алексея поочередно, начиная с Агилмунда, своего лучшего кореша... короче, обычаи здесь были таковы, что приходилось выбирать выражения.

– Что ты все время бегаешь, Аласей! – раздраженно бросил Ахвизра. – Видел бы тебя какой-нибудь гепид, подумал бы, что ты боишься!

– Я бьюсь, как мне удобнее, – сказал Коршунов. – Скажешь, я бьюсь хуже, чем

Сигисбарн?

Вышеупомянутый Сигисбарн на пару с Книвой, пыхтя и потя, отбивались от старшего брата на другой стороне утоптанной площадки.

– Не хуже, – признал Ахвизра. – И все-таки ты – паршивый воин... Вот так!

Коварный гот прыгнул вперед, лихо огрел по ребрам расслабившегося Алексея и захохотал:

– Не зевай!

Коршунов вяло, изображая усталость, рубанул в ответ своей деревяшкой (Ахвизра без труда отмахнулся)... и одновременно ловко подбил ногу противника, отчего тот приземлился на травку. Разумеется, через полсекунды Ахвизра уже снова стоял бы на ногах, но Коршунов, давно готовивший эту ловушку, успел придавить ногой правую руку Ахвизры и упер противнику в горло обмотанное тряпкой «острие». И тут же услышал одобрительный возглас Агилмунда, который, гоня братьев, ухитрялся еще следить за поединком. Нормальная, впрочем, ситуация. Коршунов уже знал, что в реальном бою надо «держаться» все окружающее пространство, а не только своего непосредственного противника. Иначе мигом получишь железо в спину. Агилмунд умел фехтовать и наблюдать за окрестностями, а вот Книва с Сигисбарном – не очень. Но тоже захотели поглядеть, что там такое интересное совершил Аласейя... Книва, впрочем, успел отскочить (он вообще был очень ловкий и подвижный парнишка), а тяжеловесный Сигисбарн схлопотал деревяшкой по уху.

– Молодец! – Ахвизра был очень доволен. – Когда-нибудь из тебя выйдет отменный воин, Аласейя... – И вдруг змеиным движением вывернулся из-под «клинки», выдернул из сапога нож и полоснул по ноге Коршунова. Аккурат по сухожилию. Разумеется, тупой стороной ножа, а не острой, иначе быть бы Алексею калекой.

Миг – и Ахвизра уже на ногах, и уже его деревяшка упирается Коршунову в живот.

Опять обыграл ловкий гревтунг, а ведь реакция у Коршунова даже лучше. Ну да, Алексей знал: его проблема еще и в том, что он, добившись успеха, останавливается, расслабляется... а Ахвизра – нет. Ладно, еще не вечер.

Вернее, как раз вечер.

– Хорош, – сказал Алексей, отпихивая «меч» от своего живота. – Солнце садится. А завтра гепиды придут. Надо выспаться.

– Езжай, – кивнул Ахвизра. – Выспись. А то люди говорят: ты совсем плохо спишь. Каждую ночь в твоём шатре шум. Это блохи вам со Стайсой спать мешают, да? – гот ухмыльнулся.

– Да, – буркнул Коршунов.

Ну не лагерь воинский, а коммуналка какая-то.

Ахвизра ухмыльнулся еще шире:

– Такие злые у тебя блохи, Аласейя. Стайса твоя бедная от них так громко кричит!

– Я думаю, Ахвизра, если б тебя шершень за язык укусил, – сказал Коршунов, – языку твоему ничего бы не было, а вот шершень, тот бы от твоего яда помер.

И засвистел, подзывая свою лошадку. Шутки по поводу его и Насти Алексея уже порядком достали. С другой стороны, и шутников можно понять: на весь многотысячный воинский табор не наберется и сотни женщин. А уж равной его Анастасии и вовсе нет.

– «Марку Аврелию Клавдию, легату в мёзии, – от вождя славных гревтунгов – привет! Сообщаю тебе, что грозные соплеменники мои, вкупе со свирепыми герулами алчного рикса Комозика вкупе со злокозненными боранами и кровожадными гепидами, соединившись в бесчисленное воинство и погрузившись на множество кораблей, вознамерились морем достичь границ земель, что лежат к югу от устья Данубия...» – Коршунов запнулся, оторвал глаза от пергамента, посмотрел на Анастасию. – Я правильно читаю? – спросил он.

– Твоя латынь ужасна, – грустно проговорила женщина. – Но это не имеет значения.

– Почему?

– Потому что тебе никогда не быть гражданином Рима. А мне никогда больше не увидеть дома... – Голос Анастасии дрогнул.

– Почему?

– Ты ведь отправишь *это* ? – Она показала на исписанный ею самой пергамент. Алексей кивнул.

– Если моему донесению не поверят, меня сочтут предательницей. Если поверят, то тоже сочтут предательницей. Но позже, когда случится беда. – Анастасия тяжело вздохнула. – Даже если я рискну вернуться, я никогда не смогу жить под своим именем. И никогда не смогу встретиться со своими друзьями. Мне придется жить в вечном страхе, что когда-нибудь за мной явятся вегины...

– Вегины – это кто? – перебил Коршунов.

– Те, кому поручено следить за порядком и законом. Какая тебе разница, кто такие вегины! – воскликнула она сердито. – Ты не понимаешь! Только там, на землях Рима, – настоящая жизнь. Культура, искусство, цивилизация... а здесь только дикость, грязь, блохи, варварская речь и варварская грубость! Ты не поймешь!

– Ну почему же? – усмехнулся Алексей. – Я тебя отлично понимаю. Еще здесь нет электричества и центрального отопления. А также телевидения, спутников и персональных компьютеров...

– О чем ты говоришь?

– Ты не поймешь! – Коршунов бросил на постель пергамент, тут же свернувшийся трубкой. – Тот мир, откуда я пришел, так же отличается от твоего Рима, как Рим – от готского бурга. Но я не оплакиваю его, понятно! Я пришел в этот мир, и я сделаю его своим! – Он присел рядом с ней, обнял. – И твой Рим тоже станет моим. Если ты мне поможешь. Настя, бог свидетель, я делаю это не только для себя, но и для тебя. *Мы будем жить в Риме* ! Мечом или золотом, но мы с тобой проложим себе путь к центру этого мира!

Женщина молча прижалась головой к его плечу.

«Эх, если бы у меня была возможность вернуться *домой* ! – подумал Коршунов. – Вернуться вместе с тобой, Настенька...»

Но нет, невозможно. Тот, двадцать первый век, даже снится ему уже перестал...

– Верь мне, любимая! – прошептал он. – Верь мне – и все будет!

Анастасия молчала. За тонкой тканью шатра гудел варварский лагерь, скрежетали цикады, громко плескала рыба в тинистой заводи...

Словно в каком-нибудь турпоходе. В каком-нибудь Лосево... м-да, турпоход. Немножко затянувшийся и немножко кровавый.

«Зато осень здесь теплая! – с непонятным ожесточением подумал Коршунов. – А когда похолодает – можно двинуться на юг. В теплые, так сказать, страны. Попутешествовать. В сопровождении персональной армии. Эх, был бы здесь Генка – порадовался бы за меня!»

На следующее утро он нашел Скулди, вручил герулу пергамент и попросил сделать так, чтобы данный пергамент в самые краткие сроки попал к римским торговцам, возвращающимся домой.

– Что здесь? – поинтересовался Скулди.

– Отправь его – и увидишь, – уклончиво ответил Коршунов.

– Что увижу? – спросил недоверчивый герул.

– Если все выйдет, как я задумал, бораны дадут нам корабли.

– А понтийская римская эскадра?

– Отправь это, Скулди! – решительно заявил Коршунов. – Отправь – и ты увидишь.

Алексей был уверен, что его план сработает. Имея дело с прямолинейными варварами, римские власти наверняка будут реагировать так же прямолинейно.

Глава пятая На аланов!

Разношерстное войско двигалось по степи вдоль берега речки, впадающей в Днепр-Борисфен. Тяжелые фургонь на здоровенных колесах неторопливо катили по

сомнительному подобию дороги. Всадники ехали группами в десять-двенадцать человек – по родам. Пехота топала как придется, но тоже кучкуясь по родственному признаку. Они и дрались так же. Организация у войска была типично родоплеменная. То есть – минимальная. Но толпа собралась изрядная, и кушала эта толпа хорошо. В смысле, не изысканно, а много. С провиантом пока проблем не было. Рыба – в реке, птицы – в камышах. За дичью покрупнее отряжали охотников.

У «Аласеи – небесного героя», разумеется, был персональный фургон. Но «небесный герой» предпочитал передвигаться верхом. Степь – она, конечно, ровная, но это – на глаз. А если по ней ехать, да еще на такой «технике», при которой каждая кочка – твоя... так что в фургоне ехали его *тивви* Анастасия и родич книва. А «герой», на лихом мерине, – во главе войска, вместе с прочими вождями, коих набралось дюжины полторы. Каждый в этой элитной компании величал себя риксом и всячески подчеркивал свою независимость, что нередко приводило к конфликтам. Одохару с Комозику кое-как удавалось удерживать разношерстное воинство от внутренних раздоров, урезонивать, умиротворять... К некоторому удивлению Алексея, изрядным авторитетом по части решения конфликтов оказался Травстила.

Впрочем, и самого Коршунова тоже пару раз «заряжали» в качестве судьи. Особенно много проблем было с гепидами. Те оказались действительно безбашенными. С другой стороны, их вождь, зверовидный детина лет восемнадцати, то есть младше Сигисбарна (и не сказать, чтоб умнее), ходил теперь у Коршунова в друзьях. Алексей, увидев, какими глазами красный (так звали гепида) смотрит на ало-белый плащ Одохара, презентовал парню красный отрез парашютного шелка. И получил в качестве «отдарка» отличный шлем и дружбу громилы-вождя. Если бы не эта маленькая деталь, держать в повиновении гепидов было бы нелегко. Но вождя они слушались. Красный слыл *вутьей*, местным берсерком: спорить с ним не решались.

Итак, могучее воинство готов-гепидов-герулов вышло в большой поход местного значения. Супротив аланов. Причем сами аланы наверняка об этом уже знали, поскольку о цели похода в войске знал даже самый последний ополченец. По вечерам все с большим энтузиазмом «делили» будущую добычу.

Коршунов, «путешествовавший» в компании Ахвизры, Агилмунда и Скулди, попытался выяснить у двух последних как лиц, особо приближенных к руководителям похода, – что это за народ такой – аланы. И, главное, как они воюют. В конце концов, надо же разработать какую-нибудь стратегию...

Оказалось, что никто, включая Одохара и Комозика, продумывать будущую войну не собирался. Вся стратегия сводилась к тому, чтобы вышеуказанных аланов отыскать, навешать им как следует (в успехе никто не сомневался, так как откуда-то пришла информация, будто аланские вооруженные силы сейчас не в лучшем состоянии), а затем слупить выкуп побольше.

Четыре дня войско двигалось без всяких ухищрений, и только на пятый день совокупное руководство армии наконец соизволило отправить разведку: пару разъездов по дюжине всадников.

Готский отряд возглавил Ахвизра, герульский – паренек по имени Берегед, отиравшийся возле Скулди и приходившийся последнему родичем. Еще одним изменением было то, что Агилмунд и Скулди ехали теперь бок о бок со своими риксами. Коршунов мог бы тоже присоединиться к ним, но воздержался. Отношения с герульским риксом Комозику не очень-то у него складывались. С точки зрения Коршунова, Комозик вел себя слишком высокомерно. Ну и Коршунов, конечно, старался держаться с достоинством. Как и подобает «небесному герою». Только вот Комозику на «небесное происхождение» Алексея было начхать. Он вообще вел себя так, словно все вокруг в сравнении с ним – плесень. Разве что для Одохара делал исключение. Остальными, включая даже Скулди, откровенно помыкал. При этом сам герульский рикс, по мнению Коршунова, никакими особыми достоинствами, кроме общепризнанного умения колоть-рубить, не обладал. Ах да, был еще

один человек, которого Комозик старался не раздражать: молодой вожак гепидов красный. Алексей, впрочем, догадывался, что причиной тому не то, что рыжий предводитель союзников тоже рикс, а то, что красный слыл не только полным отморозком, но тоже изрядным рубакой. И вызови вожак гепидов рикса герулов на поединок, очень возможно, что не гепидам, а герулам пришлось бы выбирать нового рикса. А вот Коршунов себе такой роскоши, как вызов, брошенный Комозику, позволить не мог. Единственный шанс выжить для него в такой ситуации – пристрелить герула из пистолета. Пристрелить-то можно, но понравится ли это войску? Да и с политической точки зрения живой, пусть и надменный, Комозик полезнее Комозика не гордого, но мертвого.

В общем, к риксам Коршунов присоединяться не стал. Все интересное друзья ему потом перескажут.

Поехал в одиночестве. Если можно считать одиночеством езду в голове колонны из нескольких тысяч человек и доброй сотни повозок.

Но даже и это одиночество Коршунова было вскоре нарушено. К нему присоединился боран по прозвищу Скуба.

Скубу «главный боранский рикс» крикша отрядил в качестве наблюдателя. А может, сам Скуба решил поглядеть на сборное воинство в деле. Так или иначе, но этот средних лет боран в сопровождении полудюжины боранов помоложе присоединился к участникам «аланской кампании».

Коршунов был одним из немногих, с кем Скуба мог разговаривать по-своему. Боранский язык от русского отличался примерно как русский от украинского. Но друг друга они понимали. К тому же Коршунов в свое время поехал по странам Восточной Европы: и в Польше бывал, и в Болгарии, наловчившись и там и там если не говорить, то понимать сказанное довольно свободно.

Прежде у Алексея не было возможности серьезно с бораном потолковать. А потолковать было надо. Еще когда стояли на днепровском берегу, Коршунов, с разрешения крикши, осмотрел боранский корабль. На человека двадцать первого столетия это суденышко особого впечатления произвести не могло (что не укрылось от крикши), но от готских судов корабль отличался существенно. Примерно как баркас от плоскодонки. Впрочем, хороши боранские корабли или плохи, а без них любой морской набег попросту невозможен. Так что, когда Скуба сам подъехал к Алексею, тот обрадовался. Ему было просто необходимо заручиться поддержкой представителя местных мореходов. И кое-что узнать о специфике парусно-гребного мореплавания. По предварительным сведениям, здешние мореходы старались в открытое море не углубляться. Плавали вдоль берегов. Следовательно, если вывести флотилию в открытое море, а затем, просчитав курс, выйти прямо к исходной точке, то и патрулирующая берега эскадра не так страшна...

Но в это утро основательно пообщаться со Скубой Алексею не удалось. Не успело солнце пройти и половины пути до зенита, как впереди показались скачущие сломя голову разведчики.

Впереди – враги!

– Вовремя, однако, риксы отправили дозор, – заметил Коршунов.

Скуба повернулся к Алексею. На широком, покрытом темно-красным загаром лице борана выразилось удивление.

– Сегодня первый раз послали дозор – и сразу врага обнаружили, – пояснил Коршунов.

Скуба пожал плечами.

– Так мы же сегодня на аланские земли вступили, – сказал он. – Вот там, за излучиной, их бург стоит. Мы туда в позапрошлом году торговать приходили.

М-да...

Глава шестая Сарматы

Да, враги были близко, и их было много. Более того, намерения у врагов (насколько

могли оценить разведчики) были самые серьезные. Ахвизра еще не окончил «доклад», а Агилмунд уже птицей полетел к повозкам.

Тут Алексей впервые увидел, как строится «мобильная крепость» готов.

Тяжелые повозки разделились по принципу «на первый-второй рассчитайся», образуя две линии. Агилмунд метался между ними в клубах пыли и орал. Осуществлял общее руководство. Ему помогали несколько Одохаровых дружинников. И двадцати минут не прошло, как фургоны образовали что-то вроде каре, внутри которого расположились пешие готы и герулы. Гепиды под защиту фургонов не полезли. Красный пренебрежительно махнул рукой: дескать, таким храбрецам, как гепиды, негоже позорно прятаться за телегами.

Коршунов тоже за телегами прятаться не стал. Успеется. Выхал вперед, пристроился справа от Скулди, который застыл, стремя в стремя с Комозиком. Так они и стояли, аки три богатыря, дожидаясь появления супротивников. Попутно Коршунов рассказал Скулди анекдот. Дескать, был у него на родине в наидревнейшие времена такой богатырь – Илюша Муромский. И вышел он как-то на бой против Идолища Поганого. Ударило Илюшу по голове Идолище раз – по колено в землю ушел Илюша. Ударило идолище Илюшу (тут к «богатырям» подъехал боран Скуба – послушать, о чем речь) другой раз – по пояс в землю ушел Илюша. Ударило Идолище третий раз – по грудь в землю ушел Илюша. Выкарабкался из-под земли богатырь, отряхнулся и как даст Идолищу по макушке! Стоит Идолище Поганое. Илюша его еще раз по макушке – хват! Стоит Идолище Поганое! Поднатужился Илюша да в третий раз, со всей молодецкой силушки – бабах! Стоит Идолище Поганое! Только уши из задницы торчат!

Первым заржал Скулди. Чуть позже – засмеялся Скуба. Анекдот был рассказан по-готски, Скуба же по-готски понимал не вполне свободно. Комозик даже не усмехнулся. Когда остальные отсмеялись, заявил, что будь на месте любого из поединщиков он, Комозик, то голову второго можно было бы сразу закопать. Отдельно от туловища.

Враги появились прямо со стороны солнца. Всадники. Аланы?

Скулди выругался. Скуба негромко присвистнул.

Всадники приближались. Вернее, спускались, потому что степь впереди выгибалась склоном пологого холма. Враги ехали плотным строем, подминая лохматую траву. Над их головами, словно тростник, стояли поднятые к небу копья.

Коршунов покосился на Скулди. Герул был встревожен. С чего бы это? Если перед ними вся вражеская армия, то проблема невелика. Всего-то несколько сотен копий, по прикидкам Алексея. Раз в шесть меньше, чем войско «союзников».

– Эти что еще здесь делают? – громко и сердито произнес Комозик.

– Что он сказал? – поинтересовался Скуба, плохо знавший готско-герульский.

– Хочет знать, откуда здесь взялись сарматы, – буркнул Скулди. – Я бы тоже хотел это знать...

Аланы, сарматы... что-то такое осело в памяти Коршунова еще из школьной истории. Вот только какая между ними разница? А разница наверняка есть, коли уж все, кроме Алексея, моментально определили, кто есть кто. И разница, надо полагать, существенная, если тот же Скулди, настроенный по отношению к аланам вполне оптимистично (разобьем, отберем, поделим), так забеспокоился.

– Я догадываюсь, откуда они взялись, – отозвался Скуба. – Готов поставить полную горсть серебра, что я прав. Принимаешь?

– Принимаю, – кивнул Скулди. – Откуда?

– Аланы их позвали.

Скулди фыркнул:

– Сарматы аланам – не друзья.

– Ах, Скулди-воин! Золото превращает в друзей самых отъявленных недругов! Готовь свое серебро!

– Ну, еще посмотрим, – пробормотал Скулди и по-герульски повторил для Комозика слова борана.

– Думаю, он прав, – буркнул рикс герулов. – Что посоветуешь?

– Что-то мне не хочется драться с сарматами, – проворчал Скулди. – Дорого нам это встанет.

Коршунов во все глаза следил за приближающимися всадниками. Точно, их было всего три-четыре сотни, не больше. Лошади – до самых копыт – в каких-то тусклых серых доспехах. И всадники – в таких же доспехах. Только шлемы – металлические, сверкающие на солнце. А копья – просто чудовищной длины: метров по пять, не меньше.

Примерно в сотне метров сарматы остановились, лишь трое продолжали двигаться. Подрагивали древка копий, колыхались полотнища-доспехи, прикрывающие лошадей. Сами доспехи и на людях, и на всадниках были довольно странные: покрытые, словно чешуей, множеством костяных пластинок. Кажется, в несколько слоев. Должно быть, весили они изрядно, но и кони у сарматов были куда крупнее готских и герульских.

Шагах в двадцати трое придержали лошадей, разом опустили копья книзу, и их главный (судя по золоченому шлему и золотым украшениям на уздечке коня) произнес длинную фразу.

– Что он говорит? – спросил Комозик у Скулди.

Тот пожал плечами.

– Он говорит: это земли аланов, – вмешался Скуба. – Дальше вам хода нет.

– Что тебе до аланов, сармат? – бросил Комозик. – Твои земли далеко.

Сармат-вожак разразился короткой речью.

– Говорит, это не наше дело, – перевел скуба. – Но из добрых чувств он поясняет: аланское племя, что обитает здесь, наняло их, лучших воинов Боспора, Меотиды и всех прочих земель, чтобы охранять аланскую землю.

Тут скуба бросил многозначительный взгляд на Скулди: ну что, мое серебро?

Коршунов, привстав на стременах, поглядел на Одохара... и увидел, что рикс гревтунгов не только не намерен вступать в разговор, но даже подал своего коня назад и ушел с «первого плана», уступив место пешим гепидам во главе с Красным. Еще Коршунов увидел, что у вожака гепидов уже красна не только шевелюра, но и физиономия, а веслоподобная лапа молодого «отморозка» поглаживает рукоять секиры.

Внезапно, без всякого предупреждения, молча, красный прыгнул вперед. Топор его взлетел вверх...

Коршунов даже не успел углядеть, как «левый» сармат метнул аркан. Петля упала на Красного – и сармат тут же бросил коня в сторону. Но Красный оказался крут: мало того что устоял на ногах, но даже, перехватив петлю, едва не сдернул сармата на землю. Тот, впрочем, успел выпустить аркан, могучий гепид потерял равновесие, средний, главный, сармат послал лошадь вперед, ее грудью толкнул Красного, а тот, что бросил аркан, развернул коня и поскакал к своим. Аркан снова натянулся – он был привязан к седлу – и поволок за собой гепида. Красный, выпустив топор, ухватился двумя руками за натянувшийся аркан... он даже ухитрился встать на ноги, но другой сармат небрежным движением сунул ему в ноги свое длиннущее копьё – и Красный опять повалился на землю. На сей раз встать ему не удалось, потому что лошадь уже набрала разбег.

Все это множество действий произошло за считанные секунды. Коршунов только и успел отметить выверенную точность действий сарматов, а над степью уже прогремел рык Одохара:

– За вozy!

Толпа гепидов, хлынувшая было вперед, чуть приостановилась.

Второй сармат тоже развернулся и поскакал к своим, а третий, тот, что говорил, помедлил несколько мгновений – и сделал левой рукой неприличный жест.

Этого хватило. Сотни разъяренных гепидов устремились к нему, главный сармат поскакал прочь, а плотный строй всадников снялся с места и покатился навстречу гепидам.

Самое интересное Коршунов пропустил. Потому что Скулди яростно рванул узду Коршуновского мерина.

– За возы! – заорал он, перекрывая прочий шум. – Живо!

Так что Алексей еще успел увидеть, как строй всадников «проглотил» своих посланцев, а вот как они сшиблись с гепидами, посмотреть не успел.

Вся герульско-готская кавалерия покинула поле боя, всосавшись в проемы между телегами. И едва последние дружинники Комозика и Одохара оказались внутри, как возы тут же развернули, замыкая «крепость». Успели. Спасибо гепидам, задержавшим атакующих. Задержавшим, впрочем, ненадолго. Когда Алексей снова взглянул на поле боя, сарматская конница уже вчистую стоптала гепидов и тем же сплоченным строем накатывалась на передвижную «крепость» готов. Из-за возов на сарматов посыпались стрелы, копья, топоры, но вся это метательная снасть причинила весьма незначительный урон. Всего лишь две бреши образовались в сарматском строю, да и те мгновенно затянулись.

Непомерно длинное сарматское копье возникло откуда-то сверху. Коршунов лишь в самый последний момент успел увернуться. А вот его соседу – молодому, безбородому еще герулу – не повезло. Другое копье прошло парня насквозь – наконечник выскочил из спины. Затем хозяин копья, вероятно, подал коня назад, потому что вопящего и извивающегося, как рыба на остроге, парня утянуло наружу.

Четверо сарматов одновременно навалились на один из фургонов и едва не опрокинули его.

Коршунов увидел, как Ахвизра с ходу «взбежал» по кожаной стенке фургона, а оказавшись наверху, отрубил руку одному из сарматов, проткнул шею второму, увернулся от копья, отшиб прямой клинок, который сармат держал в левой руке... Но тут бы Ахвизре и конец, если бы брошенное снизу готское копье не оказалось эффективнее вязнувших в костяной броне стрел и не продырявило грудь четвертого сармата, едва не поддевшего Ахвизру на острие.

Тут наконец Коршунов опомнился (до сего момента он наблюдал за происходящим, словно зритель) и взялся за арбалет. Вот это оказалось позэффективнее слабеньких варварских луков.

Взобравшись на крышу одного из фургонов, оставленных в середине «крепости», Алексей старательно выцеливал наиболее активных сарматов. Главным образом тех, кто совместными усилиями пытался сдвинуть фургоны и прорваться внутрь. К сожалению, запас болтов у него вскоре иссяк: осталась парочка, сохраненная на крайний случай, так что Коршунов снова превратился из участника в наблюдателя: лезть в мясорубку ему совсем не хотелось. Для этого он слишком ценил собственную жизнь. А эти сарматы управлялись со своими длиннющими копьями с такой ловкостью, с какой японец орудует палочками для еды. И все же их атака захлебнулась. Как только наступило некое равновесие, при котором обе стороны терпели примерно одинаковый урон, но ни одна не получала преимущества, сарматы прекратили штурм, быстренько развернулись и отбыли, подобрав, впрочем, своих раненых и убитых и мимоходом опять разметав уцелевших гепидов, собравшихся было в кучу и вознамерившихся помешать отходу противника.

Герулы и готы преследовать противника не стали. В принципе, могли бы: оседлав упряжных лошадей, они набрали бы почти тысячу всадников. Но, видимо, репутация у сарматов была соответствующая и известная обоим риксам. Коршунов, впрочем, тоже мог без особого напряжения фантазии представить, что может сделать с готско-герульской вольницей такая «тяжелая кавалерия» на открытой местности. Достаточно поглядеть на поле боя, усеянное телами гепидов.

Глава седьмая «Настоящие воины...»

– Настоящие воины, – сказал Скуба, запивая вином утку, добытую книвой, и весьма искусно (с поправкой на походные условия) приготовленную Анастасией. – Рядом с поселком, где я вырос, их городок стоял. Мы им тогда дань платили... – Он еще раз приложился к вину, которое сам и принес. – У нас говорили: когда-то они большую силу

имели. Да и теперь тоже не последние. И те, что здесь обитают, и те, что за Данубием живут. Воины они отменные.

– Это я видел, – согласился Коршунов. – Дорого нам эти аланы встанут...

Скуба пожал плечами. Ну да не им решать. Риксы уже приняли решение: следовать дальше. Собственно, потери были не такие уж большие. Десятка три раненых, дюжина убитых. Это – у готов и герулов. Гепидов побили изрядно, но то – гепидские проблемы. Хотя и от гепидов может быть польза. Одохар сегодня лично отметил: прав был Аласейя, когда рекомендации по использованию гепидов давал. Много пользы сегодня принесли готам гепиды, когда в глупой отваге под копья сарматов кинулись. И еще от них польза будет, поскольку не всех гепидов побили сарматы, а оставшиеся в живых безумной яростью исходят: желают сарматам за вождя своего и сородичей побитых отомстить. С вождем, правда, непонятно. Тело Красного на поле боя так и не нашли. Увезли его сарматы. Так что, может, жив еще Красный? Может, тешит сейчас сарматов мужеством своим и на каленое железо плюет, коим его, по обычаю, победители потчуют?

По правде сказать, Коршунову Красного было немного жаль. Отморозок, конечно, но пацан неплохой. А что глуп, так это – по молодости. Да не так уж он и глуп... Для гепида. После сегодняшнего сражения Алексей склонен был разделить общее мнение об этом племени.

Короче, похвалил Коршунова Одохар. И тут же поинтересовался: не хочет ли Аласейя принять под свое начало уцелевших гепидов? Те его уважают. Сам Красный тоже его уважал. Опять-таки вождь гепидам нужен. Начнут из своих выбирать – большая драка будет. Всем известно, как гепиды вождей выбирают. Нельзя это дело на самотек пускать. Большая и бесполезная трата человеческого материала получится. А гревтунга или герула гепиды точно не захотят. Другое дело Аласейя – небесный герой...

Коршунов обещал подумать. Связываться с гепидами ему хотелось еще меньше, чем воевать с аланами. Но против единодушного решения риксов он пойти не мог. Не тот у него пока авторитет. И командир гепидам нужен, это точно.

– Скажи-ка мне, Скуба, как сарматы с пленными поступают? – спросил Коршунов.

– Да как все, – пожал плечами боран. – Продать, отпустить за выкуп, к делу приспособить...

– ...В жертву принести, – вставил Алексей. – На тризне.

– И это тоже. Хотя у них вроде бы такого обычая нет. Ты зачем спрашиваешь?

– Да вот думаю: они ведь скорее всего Красного в плен взяли. Как теперь с ним поступят?

– Вот этого не скажу. Может, и убьют. Раб из Красного скверный получится. Очень строптивый. А что?

– А то, что думаю я: вряд ли сарматы ушли далеко. У них же раненые. Если бы вот прямо сейчас по следу их пойти...

– Ничего не выйдет! – Скуба мотнул головой. – Ваши риксы ночью воевать не станут.

Это Коршунов и сам знал. Он уже высказывал свое предложение Одохару. Преимущества тяжелой конницы – в строю и в облачении. Ну и в навыках, конечно. А если налететь внезапно, застать врага врасплох, не в седлах и доспехах, а пешком и в рубахах...

Одохар идею отклонил. И, в общем, правильно. Их войско – не регулярная армия, которой приказал: «в бой» – и она пошла в бой. Тут многое от общего боевого духа зависит. А после сегодняшней схватки с боевым духом у сводного войска – проблемы. Не говоря уже о том, что большинство относится к войне как к полевым работам. День пашешь, ночь отдыхаешь. Конечно, личные дружинники риксов смотрят на дело по-иному, но их слишком мало. Хотя...

– Как ты думаешь, Скуба, где сарматы могли на ночь остановиться?

– А что тут думать: прямо в ближнем аланском селении и остановились. Там и крепость имеется, и место удобное.

– А дорогу ты туда знаешь?

– Найду.

Скуба перестал есть, испытующе глянул Коршунова: к чему тот клонит? Не глуп боран. И силой не обижен. Естественно. Воин все-таки.

– А ночью – найдешь?

– Что ты задумал?

Теперь уже не только боран, но и остальные: Книва, Настя, Сигисбарн – перестали есть и уставились на Коршунова. Книва и Сигисбарн – с большим интересом, Анастасия – с беспокойством.

– Да понимаешь... – усмехнулся Алексей. – Мне тут предложили гепидов под начало взять, да что-то не хочется.хлопотно это. Вот я и подумал: хорошо бы нынче ночью к сарматам наведаться и Красного у них отбить...

– И кто с тобой пойдет? – деловито спросил Скуба.

– Ты пойдешь?

Боран неопределенно махнул недоеденной утиной грудкой:

– А кто еще?

– Сейчас узнаем. Книва, ну-ка сбегай за Агилмундом. Скажи: хочу с ним потолковать о деле великой доблести. О каком – не говори. Я сам скажу. Только пусть поспешит.

Агилмунд поспешил. Еще бы! Заинтриговал его Коршунов. Пришел Агилмунд. С Ахвизрой вместе. И более того – в компании Скулди и Кумунда.

Книва шепнул виновато: мол, так вышло, что говорить пришлось при герулах. Теперь вот никак от них не отвяжешься. Придется славой делиться...

Коршунов похлопал его по плечу: мол, ничего страшного, разберемся. Собственно, он был даже рад. В задуманном им деле головорезы-герулы – очень кстати.

Алексей вкратце изложил идею.

Первая реплика последовала от Кумунда. Недовольная. Кумунд считал, что из-за какого-то там гепида куда-то переться на ночь глядя – идея неудачная. И никакой доблести в этом нет, одно беспокойство.

– Ну да, – покивал Коршунов, понятное дело. Днем-то, на глазах у вотана, многие готовы храбрость проявлять, а вот ночью... на такое дело не всякий пойдет. Вот он, Аласейя, готов пойти. И Скуба тоже. Но Кумунда он, Аласейя, тоже понимает. Ночью особая храбрость требуется...

Кумунд взвился. Никак Аласейя намекает, что он, Кумунд, – трусил? Да он, Кумунд, столько ночных подвигов совершил, что Аласейе...

– Заткнись, Кумунд, – негромко произнес Скулди. – Никто в твоей храбрости не усомнился. Дразнит тебя Аласейя. А что, Скуба, ты и впрямь согласен с Аласейей пойти?

Боран погладил русую бороду, усмехнулся:

– Да вот, есть такая мысль...

– Что он говорит? – спросил Ахвизра.

Скулди тоже усмехнулся, подмигнул Коршунову:

– Говорит: храбрость борана не уступит храбрости герула...

– Он забыл сказать, что она уступит только храбрости гревтунга! – заявил Ахвизра. – Агилмунд! Мы пойдем?

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

Агилмунд с ответом не спешил. Коршунов понял: сейчас все зависит от того, что скажет его родич. А родич никогда не говорит не подумавши. И в отличие от Ахвизры «на слабо» его не возьмешь. Тем более сейчас, когда Агилмунд, правая рука Одохара, чувствует на себе ответственность не только за себя и своих дружинников, но за всех готов, принявших участие в походе.

Агилмунд думал, и никто ему не мешал.

– Одохару не понравится, – наконец сказал он.

Ахвизра фыркнул:

– Мы его не зовем!

– Он – рикс, – напомнил родич Коршунова. – И дело опасное. Такое дело только тебе, Аласейя, могло в голову прийти. Это оттого, что удачлив ты безмерно. Помнишь, как мы с тобой на квеманов ходили?

– Помню. А ты помнишь, что тогда именно Одохар вас со мной отправил? Хотя сам на квеманов идти не хотел...

– Да, это верно. Добро, Аласейя. Мы пойдем. И я еще кое-кого из своих возьму...

– Я тоже, – заявил Скулди. – Только немногих. На такое дело большим числом не ходят.

– Верно говоришь, – согласился Агилмунд. – Жди, Аласейя. Мы – скоро.

Глава восьмая Спецоперация

Примерно через час спецгруппа в составе четырнадцати человек (шести герулов и восьми готов) была готова. В нее вошли пятеро (кроме Агилмунда и Ахвизры) дружинников, подначальных Агилмунду. И Сигисбарн, которого взяли для выполнения вполне конкретной функции – коней сторожить. Книву (несмотря на его горячее желание) в команду не приняли. Таким образом, вместе со Скубой и Коршуновым, получилось шестнадцать «коммандос».

Скулди прихватил с собой ворох тряпок: при приближении к расположению противника обмотать ноги коням. Скрытность и еще раз скрытность.

Преследовать сарматов, даже в условиях темноты, оказалось нетрудно. Несколько сотен всадников оставили замечательный след. И с расстоянием Скуба тоже не ошибся. Добрались меньше чем за три часа.

Пока Скулди и еще двое герулов «обували» коней, Агилмунд подъехал к Коршунову и поинтересовался, что думает «многоглазый талисман» по поводу благоприятного времени для атаки.

Алексей не сразу сообразил, что его родич имеет в виду. Тогда старший сын Фретилы напомнил: во время достопамятного грабежа квеманов Аласейя руководствовался именно пожеланиями «многоглазого» – и все получилось исключительно удачно. Речь, оказывается, шла о хронометре.

Коршунов поглядел на светящийся циферблат и изрек, что талисман возражений не имеет. Полтретьего ночи – хорошее время.

Последние несколько километров проехали с большой осторожностью: опасались вражеских разъездов. Но – обошлось. Ночь была удачная, безлунная.

Когда из темноты пришел отчетливый запах дыма (заходили, естественно, с подветренной), «коммандос» спешили и разделились на две группы. В авангарде – Скуба (специалист по местности), Агилмунд с Ахвизрой (специалисты по устранению «помех») и Коршунов (специалист по удаче). Алексей предпочел бы уступить эту честь Скулди, искренне полагая, что от герула в случае силовых действий проку будет больше, но спорить не стал. Скулди и Агилмунд буквально за полминуты обсудили порядок взаимодействия. Похоже, им не в первый раз приходилось действовать вместе. Затем авангард двинулся вперед.

Им повезло. Сарматы разбили свой лагерь вне поселка, на высоком берегу. И лошади их паслись здесь же, неподалеку, создавая необходимое количество шума. Дозорные, однако, были выставлены вне пределов лагеря и очень грамотно: в условиях полной темноты ни за что не разглядишь. Их и не разглядели – учуяли. В прямом смысле. Нюх у гревтунгов был натурально собачий. Учুяли и дали знак борану с Коршуновым: мол, ждите, сейчас разберемся. Что было дальше, Коршунов не видел. Увидел результат: двух связанных часовых (живых!) С заткнутыми ртами и частично разоблаченных.

Последовало краткое совещание: стоит ли оттащить пленных подальше и допросить? Решили: не стоит. Вдруг их тем временем хватятся?

Так что связанных отволокли шагов на двадцать и оставили. Затем Агилмунд

предложил Скубе и Коршунову облачиться в сарматский прикид: «костяную» броню и островерхие шлемы. Трофейный доспех оказался Коршунову длинноват, а плотному борану – тесен. Но мысль была правильная.

Дальше двинулись так: Алексей и Скуба – открыто, во весь рост, Агилмунд и Ахвизра – скрытно, чуть ли не по-пластунски.

Лагерь сарматов выглядел куда более организованным, чем лагерь союзников. На взгляд Коршунова. А вот с охраной дело обстояло неважно. Чужаков никто не опознал.

Шатров в лагере было немного: большинство воинов спали на войлоке, прямо под открытым небом. Кое-где горели костры. Но около них сидели не дозорные, а те, кому не спалось. «Диверсантов» пару раз окликнули. Выручило то, что Скуба прилично знал язык и сумел отболтаться. Коршунов обратил внимание на то, что бодрствующие у костров выглядят мрачновато. А ведь вроде бы не с чего. Победить не победили, но и поражением сарматов результат сегодняшней битвы назвать нельзя. Впрочем, может быть, они по жизни такие смурные. Откуда Алексею знать? Да и не важно. Перед ним стоял вопрос посложнее: как найти черную кошку в темной комнате. При отсутствии уверенности, что она там есть. Ведь это его личное предположение, что сарматы захватили Красного в плен. С тем же успехом они могли прирезать вождя гепидов и выкинуть его в реку.

Скуба тронул Коршунова за руку: полог одного из шатров откинулся. Наружу вышел человек в накинутах на плечи халате. Золотое шитье сверкнуло в свете разожженного неподалеку от входа костра.

Человек неторопливо спустился вниз, к реке.

Коршунов и Скуба двинулись вслед за ним. Краем глаза Алексей уловил тень, скользнувшую между чахлах береговых ив. Ахвизра или Агилмунд?

Громкое журчание. Человек в богатом халате, подойдя к самому краю берега, пустил мощную струю прямо в реку. Кусты слева, справа – лохматая ива. Внизу – узкая полоска песка, камыши, илистое дно.

Коршунов и Скуба встали между берегом и шатром, заслонив человека в халате от взглядов тех, кто сидел у костра.

Серая тень метнулась из камышей. Схваченный за ноги, человек потерял равновесие...

Коршунов шумно откашлялся...

И тут сдернутый вниз сармат заорал. Черт!

Коршунов бросился к берегу и увидел, что сармат, голый по пояс (свой роскошный халат он потерял), борется с кем-то... и еще одно тело темнеет на песке. Проклятие!

Не раздумывая, Коршунов прыгнул вниз и с резким выдохом вставил сармату кулаком в затылок. Тот обмяк.

– Беги, Аласей! – гаркнул Агилмунд (это он боролся с сарматом), выдергивая из ножен меч. – Беги!

Наверху зашумел потревоженный человеческий муравейник.

Коршунов требование проигнорировал. Наклонился над лежащим, перевернул. Ахвизра! Физиономия липкая от крови, но дышит! Живой!

Алексей, крикнув, подхватил его на плечо. Теперь – в камыши и...

Не тут-то было!

На берег вывалило сразу человек двадцать с факелами.

Зазвенел металл. Вероятно, Агилмунд попытался прикрыть отход. Но неудачно. На узкой полоске сразу стало тесно. Коршунов, с пятипудовым Ахвизрой на загривке, даже и не пытался драться, когда пара копий уперлась ему в живот и еще одно – в спину. Меч Алексея выдернули из ножен. На песчаной полоске вокруг него и Агилмунда – не меньше двух десятков сарматов. Половина – полуголых, но это не важно. Наверху – еще с полсотни. Агилмунда прижали к береговому откосу. Сын Фретилы тоже не пытался сопротивляться. Ввиду явного численного превосходства противника.

Ахвизра застонал, дернулся. Коршунов положил его на песок.

Тот, кого они пытались захватить, уже стоял на ногах. Теперь Коршунов смог его

разглядеть как следует. В физиономии сармата были явно выражены азиатские черты: скуластый, глаза узкие, нос приплюснут. Зато высоченный, повыше Агилмунда, и отлично сложенный. На груди сармата – вытатуированная пантера, на руках – еще какая-то хрень. Сармат командовал что-то по-своему. На Коршунова и Агилмунда накинулись, завернули руки, скрутили запястья ремнями.

Сармат-командир подошел вплотную к Коршунову. Размахнулся неторопливо...

Алексей присел (кулак просвистел над ним), подсечкой свалил сармата с «пантерой» на песок, оттолкнул другого, метнулся в воду, споткнулся, запутавшись в камышах (очень вовремя – тяжелое копье прогудело над ним и с хлопом врезалось в жижу), выдрался, снова споткнулся (чертовы камыши!), еще одно копье воткнулось в полуметре (неплохой бросок, если учесть, что бросали на звук, – Коршунов был уже вне освещенного пространства), позади мощно, перекрывая прочий шум, взревел сармат-командир, позади Коршунова хрустело и хлопало – похоже, целая толпа ломилась за ним, ноги тонули в иле, но вода поднялась выше пояса. Чертовы камыши!..

Глава девятая Пленники

Все-таки его взяли! Его и еще троих «диверсантов»: Агилмунда, Ахвизру и Скубу.

Взяли аккуратно. Ранен был только Ахвизра, но и его рана оказалась пустяковой. Не рана даже – сармат-командир кулаком приложил.

Крут оказался сармат. Еще бы! Главный ихний военачальник! Да еще благородных кровей, как выяснилось, родич самого главного рикса сарматов племени азыг. Знатный был бы пленник, если бы готам удалось его обратить. Но пока обратали самих готов. Впрочем, Скуба сообщил: дела их не так плохи. Сармат-командир (звали его – Ачкам) весьма одобрительно отнесся к дерзости гревтунгов. Особенно ему понравился Коршунов. Утром они непременно пообщаются. Еще Скуба выяснил, что красный, ради которого затевалась вся история, жив. Ачкам намерен подарить его своему родичу-риксу как отменный образчик дикаря. Сарматы всех считали дикарями. Даже римлян. Их предки владели этими степями, когда римлянами даже и не пахло. И всегда были отличными воинами. Иной раз, правда, их теснили пришельцы, но пришельцы приходили и уходили, а сарматы оставались. И потому полагали себя выше прочих. Это сообщил Коршунову Скуба и добавил, что, по его мнению, насчет римлян – это вранье,³ но вообще-то сарматы-азыги – мужчины серьезные.

В этом Коршунов и сам имел возможность убедиться во время вчерашнего боя.

Утром пленникам принесли поесть. Что-то типа молочной болтушки. Но на допрос не повели. Ни утром, ни позже.

Ближе к полудню Скуба попытался прояснить ситуацию, переговорив с приставленными к пленникам сторожами.

Новости оказались так себе. Ачкам в большой печали. Дело в том, что его старшего сына укусила змея. Как раз когда тот вместе с прочими сарматами ловил в камышах Коршунова. Свой (сарматский) лекарь отсосал яд и прижег рану, но это слабо помогло. Ачкам велел привести аланского знахаря. Тот накормил укушенного какой-то дрянью, но тоже без большого успеха. Сейчас пострадавшего поят кумысом, но особых результатов от этого лечения не ждут. Ситуация неприятна еще и тем, что сарматы полагают змею посланцем богов. Следовательно, укушенный змеей сын очень серьезно бьет по рейтингу отца. В общем, у Ачкама есть основания для огорчения. Сейчас рассматривается вопрос: не стоит ли отправить к богам захваченных пленников?

Коршунова подобная перспектива не обрадовала, хотя Агилмунд и Ахвизра отнеслись

³ Тем не менее древность скифо-сарматских племен – исторически зафиксированный факт. Еще Геродот (пятый век до н. э.) писал о них. Возможно, и более древние (Гомер, Гесиод) авторы, упоминавшие киммерийцев, писали о предках скифов-сарматов описываемого в романе времени. Впрочем, время их истекает. Последние серьезные упоминания о сарматах относятся к концу четвертого века.

к ней философски. Они полагали, что боги таких воинственных парней, как сарматы, сумеют оценить по достоинству посланцев-гревтунгов и обеспечат им неплохое посмертие. Коршунов не стал их переубеждать. Но предложил Скубе сообщить сарматам, что он, Аласейя, – тоже человек не простой. И может попробовать договориться с богами прямо тут, на земле.

Результат не заставил себя ждать. И четверти часа не прошло, как за Коршуновым и Скубой явился эскорт, доставивший их прямо к сарматскому лидеру.

Ачкам и впрямь был мрачен. И заявил напрямик: если Коршунов сумеет спасти его сына, то получит не только свободу, но и его, Ачкама, личную благодарность. Если же нет...

Если же нет, перебил его Коршунов, то все останутся при своих. Лично он, Аласейя, ничего не может гарантировать. Тем более он даже не видел больного.

Ну это-то как раз несложно исправить, последовал ответ.

И Коршунова отвели в шатер, где лежал укушенный.

Сын Ачкама оказался совсем молоденьким парнишкой, и дела его явно были плохи. Змея укусила беднягу пониже колена, но распухла уже вся нога, и общее состояние тоже было неважное. Вернее, совсем хреновое.

Коршунов в змеиных укусах разбирался слабо. То есть слышал, что надо сделать надрезы и отсосать яд вместе с кровью. Но сейчас эта процедура явно запоздала. Еще Коршунов слышал, что от змеиных укусов либо умирают быстро, либо не умирают вообще. Хотя болеют долго. Его школьный приятель рассказывал: его на Дону гадюка укусила. Хреново было очень, нога отнялась, а потом долго печенка болела. Но не помер. Может, и Ачкамов сын тоже сам выкарабкается? Хотя по его виду не скажешь. Парень, похоже, погибает...

– Я могу помочь! – решительно заявил Коршунов. – У меня есть волшебное средство. Но оно осталось в нашем лагере. Так что я должен съездить за ним. Причем не откладывая, потому что времени осталось немного.

– Думаешь, я так глуп, чтобы отпустить тебя? – усмехнулся сармат.

– Думаю, у тебя нет выбора! – отрезал Коршунов. – Если ты меня непустишь – твой сын умрет. Если ты меняпустишь и я не вернусь, твой сын тоже умрет. Так что на одной чаше весов – моя жизнь, которая, безусловно, ценна для меня, но для тебя не имеет особой ценности, а на другой – жизнь твоего сына. И еще – жизни моих родичей, которые останутся в твоей власти. Решай, Ачкам!

Сармат пронзил его мрачным взглядом раскосых глаз. Но думал недолго.

– Я думаю, ты вернешься, – изрек он. – Мой сын совсем плох, поэтому я дам тебе двух запасных коней.

Можешь загнать всех трех, но ты должен успеть. Если мой сын умрет раньше... – Тяжелый взгляд сармата вновь пронзил Коршунова. – Если ты поспешишь, но мой сын все равно умрет раньше твоего возвращения... я тебя отпущу. Но – тебя одного. Твои люди отправятся к богам. Но раньше им отрубят большие пальцы на руках, чтобы там, наверху, они не могли сражаться. Ты вернешься?

– Да, – ответил Коршунов. – Я вернусь.

– Ты вернешься? – спросил его Скуба по-борански, переводя его ответ сармату.

– Да, – сказал Алексей. – И попытаюсь спасти парнишку. Надеюсь, что у меня получится. Могу я верить обещаниям сармата?

– Можешь, – уверенно ответил Скуба. – Ачкам – благородный человек. Кроме того, он ничего не сказал о том, что будет с тобой, если ты, вернувшись, застанешь мальчишку живым и не сумеешь спасти.

– Да, я это заметил, – подтвердил Коршунов. – Но я все равно вернусь, можешь не сомневаться.

– Коли так, я буду на твоей стороне, когда ты станешь договариваться с крикшей о кораблях, – сказал боран. – Потому что если мы останемся в живых, то лишь благодаря твоей удаче, Аласейя – небесный герой.

Глава десятая «Я знаю, что говорю!»

Меняя коней да по светлому дню Коршунов добрался до бивака «союзников» через час пятнадцать по собственному хронометру. Хронометр ему вернули, поскольку Алексей заявил, что это волшебная вещь, крайне необходимая для поиска нужного лекарства. А вот оружие Ачкам не отдал. Сказал: легче коням скакать. Хотя этим коням лишний десяток килограммов – что слону дробина. Один – вообще иноходец. Скачешь – как лодке плывешь. Красота! Нет, не стал бы Коршунов таких скакунов загонять. Купить их у сармата, что ли?

«Может, коли все сладится, так и куплю, – подумал Алексей. – Я – человек не бедный».

Мысль о том, что будет, если «не сладится», он отбрасывал как невозможную. До сих пор ему везло. Почему бы и дальше не повезти? Тем более день такой хороший, теплый. А травами как пахнет...

Первыми Коршунова заметили дозорные. Трудно не заметить всадника в степи. Так что в лагерь Алексей въезжал уже в сопровождении «свиты». Судя по всему, трогаться с места соединенное войско не собиралось. Фургоны по-прежнему стояли «крепостью».

Появление Коршунова вызвало всеобщий интерес, но этот интерес остался неудовлетворенным. Отвечая на все вопросы универсальным жестом «без комментариев», Алексей пробился к собственному фургону, где обнаружил заплаканную Настю и совершенно потерянного Книву.

– Живы, все живы, – бросил он парню. – И будут живы, если я потороплюсь. – Обнял Настю, прошептал: «Ну довольно, довольно, все будет хорошо! Попить дай чего-нибудь...» – снаряжавшие его в путь сарматы снабдить его водой не позаботились. Возможно, считали: раз поблизости река, то Алексей найдет где утолить жажду. Ясное дело, дикари. Никакого понятия о дизентерии и прочих «палочках». Хотя, надо признать, все случаи поноса у местных жителей, зафиксированные Коршуновым, были связаны не с микробами, а с обжорством.

Нырнув в фургон, Алексей не без труда отыскал среди прочего барахла аптечку. Сыворотка нашлась. И инструкция к применению – тоже. Правда, предполагалось, что препарат будет использован немедленно. Ничего, вкупе с прочими жизнеукрепляющими всосется, рассудил не слишком искушенный в медицине Коршунов и сложил все в сумку. Подумал немного, запихнул туда же пистолет и вылез на свежий воздух...

Опаньки!

Снаружи его уже ждало весьма представительное общество.

Одохар. Комозик. Травстила. Скулди. Двое старших после Красного гепидов. Целая толпа младших командиров разношерстого войска – во втором «ярусе». Все остальные участники похода – в «ярусах» третьем, четвертом, ...надцатом.

– Ты вернулся, Аласейя, – констатировал факт Одохар. – А где Агилмунд? Ахвизра?

– Они живы, – ответил Коршунов. – Они в плену у сарматов.

– А ты ушел?

– Меня отпустили.

– Почему?

– Сына их рикса укусила змея. Я обещал ему помочь. Меня отпустили за лекарством. – Коршунов похлопал себя по сумке.

– Ты верно сможешь помочь? – прогудел Травстила, опередив и Комозика, и Одохара.

– Надеюсь. Но я должен поспешить. – Коршунов шагнул к сарматскому коню.

– Стой! – рывкнул Комозик. – Ты поедешь только тогда, когда я разрешу! Если я разрешу!

«Как ты меня достал!» – подумал Алексей, отпустил лука, повернулся.

– Я не понял, – сухо произнес он, – почему ты, герул, решаешь, когда и куда мне ехать?

– Потому, – рыкнул Комозик, – что этой ночью о *моих* герулах было сказано, что они *сбежали, бросив гревтунгов* !

Однако! Это уже пахло междоусобицей. Коршунов глянул на Одохара... Лицо готского рикса было спокойно, но пальцы лежали на рукояти меча, и взгляд, который он бросил на союзника, не сулил ничего хорошего... так же, как и взгляд Скулди, стоящего слева от Одохара, – тоже с ладонью на эфесе...

Похоже, пока Коршунов с остальными «отдыхал» у сарматов, здесь, в лагере, дела оборачивались не лучшим образом. Понятно, почему войско так и не тронулось с места...

«Скверно! – подумал Алексей. – Очень скверно!»

Его беспокойство о друзьях, оказавшихся в плену сарматов, на время отступило на второй план. Раскол – это серьезно. Если даже герулы просто, без резни, отправятся восвояси, это тоже будет весьма огорчительно. Считаю, трети армии нет. А если прочие союзники разбегутся – а они разбегутся наверняка, – о Риме можно забыть.

Коршунов набрал в грудь побольше воздуха:

– Слушай меня, рикс Комозик! Я, Аласейя, этой ночью ходил к сарматам, чтобы отбить у них Красного! Я дрался с ними, но они оказались сильнее, и они взяли нас. Но только четверых. И я говорю сейчас: *твои герулы и мои гревтунги отступили по необходимости* ! Они правильно отступили! – жестко произнес Коршунов. – Они не могли нам помочь. Они могли только умереть! Без пользы!

Огромная толпа вокруг замерла, ловя каждое слово Коршунова. И он почувствовал, как у него в груди рождается что-то... волна ликования, рвущаяся наружу, подобно боевому кличу...

Но Коршунов справился. И помог ему Комозик, которого ораторствование Алексея ничуть не зацепило. Плевать было риксу герулов на всю эту патетику. Он просто ждал, когда Коршунов выговорится, чтобы перехватить инициативу и навязать Алексею собственную волю. Или убить. Крутой мужик, который знает только свою волю, свое «я хочу!».

Чем-то он напомнил Алексею бойца-тяжеловеса, который равнодушно игнорирует удары более легкого противника, знающего на опыте, что непременно решит дело нокаутом.

«Ладно, – подумал Коршунов. – На твоей самоуверенности мы и сыграем».

Он не видел тысячной толпы вокруг – только тех, кто стоял в первых рядах. Но он слышал ее *дыхание* . Чувствовал ее силу. Если большая часть этих воинов будет на стороне Коршунова, если он сумеет связать себя с ними, то Комозику просто не позволят разделаться с Алексеем!

– Слушай меня, рикс Комозик! – звонко и четко произнес Коршунов, обращаясь, разумеется, не к Комозику, а к толпе. – Я никогда не назову трусом воина, который отступил, вместо того чтобы умереть бессмысленно и бесславно! И я не знаю никого, кто назвал бы твоего Скулди трусом!

Он сделал паузу, оглядел тех, кто стоял перед ним: ну, никто не желает возразить? Никто, естественно, возражать не стал. В том числе и Комозик, которому было бы уж совсем глупо оспаривать данное утверждение.

– Я знаю, что говорю, рикс! Я знаю, что говорю и что делаю! Я знаю, что делаю. И если *мой рикс* Одохар не препятствует мне, то не тебе, рикс герулов, стоять у меня на дороге!

– А не то – что будет? – недобро усмехнулся Комозик. Он наконец дождался своей реплики и явно шел на конфликт, зная наверняка, чем закончится его поединок с Алексеем.

– А не то я тебя убью, – негромко, но внятно произнес Коршунов. – Я тебя убью, потому что сейчас, – тут он повысил голос, – на чаше весов – жизнь моего родича Агилмунда! Жизни моих друзей Ахвизры, Скубы и Красного! И моя клятва!

Коршунов шагнул вперед (правая рука в сумке нащупала рукоять пистолета), поглядел на Комозика снизу вверх и произнес совсем тихо, так, что в общем гуле его слышали только Комозик и, может быть, Одохар с Травстилой, которые стояли с ним рядом:

– И не думай, что я стану драться с тобой на мечах, рикс герулов. Я тебя просто убью. Я тебя, мудака, просто пристрелю! – добавил он по-русски, благо никто из боранов не мог его услышать. – Вышибу мозги на хрен!

Комозик, разумеется, не был трусом. И, разумеется, он знал, что Коршунов – не бог

весть какой фехтовальщик. А он, рикс герулов, признанный поединщик. Настолько признанный, что за последние несколько лет лишь один воин осмелился бросить ему вызов. Вынужден был бросить ему вызов. Воином этим был «мирный» вождь герулов, тоже боец изрядный. Вернее, был изрядным бойцом, пока Комозик его не прикончил. То есть у рикса герулов не было совершенно никаких причин опасаться поединка с Коршуновым. Но вероятно, услышал Комозик в голосе Алексея что-то такое или в глазах прочитал... Все-таки Комозик был рикс, следовательно, обладал и интуицией, и умением разбираться в людях. Возможно, он вспомнил, что Аласейя-Небесный Герой в гневе мечет пламя... или сообразил, что своими словами Коршунов связал свою жизнь с четырьмя другими, и убей сейчас Комозик Алексея, на него тотчас обрушится совокупный гнев гепидов и готов. (Боранов, в связи с их малочисленностью, можно пока в расчет не принимать. Пока...) А возможно, вспомнил, что Аласейя – не сам по себе, а дружинник Одохара, а Одохар вряд ли спокойно отнесется к убийству своего дружинника. В общем, заколебался рикс герулов... но ему очень не хотелось «потерять лицо»...

Помог Травстила.

– Клятва священна! – прогудел кузнец, перекрыв прочие голоса. – И родство священно! Так повелели боги! Дайте ему дорогу!

И, слегка отодвинув в сторону вождя герулов, подошел к Коршунову, подставил сцепленные руки для опоры:

– Езжай, Аласейя! – И, вполголоса: – Надеюсь, ты сумеешь вернуться...

– Конечно я вернусь! – Коршунов оттолкнулся от ладоней кузнеца и взлетел в седло «запасного» коня. – Я вернусь! (Ласковая улыбка – Анастасии, уверенная – Одохару.) И я вернусь не один! – Коршунов ударил каблуками сарматского жеребца, послав его прямо в толпу. – Дорогу!

И толпа раздалась, пропуская «исполнителя воли богов».

Теперь Коршунов видел их всех: тысячи обращенных к нему лиц, молодых и постарше, бородатых и безбородых, раскрашенных, татуированных, суровых, ожидающих...

Ему показалось: позови он их за собой – пойдут не задумавшись. Но – не сейчас. Сейчас он поедет один. Но когда вернется...

– А на коне он сидит все равно как пес на борове, – проворчал Кумунд, обидевшийся за своего рикса. – Эх! Мне бы такого коня! Да я бы на таком коне... А этот Аласейя...

– Этот Аласейя, Кумунд, метит прямо в риксы! – перебил друга Скулди. – И станет риксом, если его не убьют. И тогда мы с тобой, друг, хлебнем из чаши его удачи! А кони сарматские хороши, – добавил он после паузы. – Тут ты прав. Чудо, а не кони!

Глава одиннадцатая, в которой Алексей Коршунов вместо дружбы получает княжеский подарок

В шатер заглянул сармат-охранник: плоское, выдубленное солнцем лицо, жидкая борода на крепкой челюсти:

– Ачкам! Аланский знахарь пришел. Что сказать?

– Пусть уходит, – бросил вождь сарматов. – Не надобен.

Разумеется, Коршунов его не понял. По тону догадался. Впрочем, ему было не до местных знахарей. Он уже вогнал в бедро несчастного парнишки четыре кубика разных «космических снадобий» и думал, что бы еще такое заправить. Оно конечно, в медицине Коршунов – не профи. Но ведь есть инструкция...

Ачкам наблюдал за действиями новоявленного лекаря с большим интересом. Особо заинтересовался иголками. Ну да, одноразовые шприцы в сарматском обиходе отсутствовали.

– Это – сжечь! – строго произнес Коршунов. – В них – болезнь!

Скуба перевел, и Ачкам, не без сожаления, отложил шприцы.

Коршунов уселся по-турецки на войлок около больного. Прикрыл глаза. Устал, однако.

Беспокойная у него жизнь в последнее время... сейчас бы выбраться на бережок этой речки, где песочек помягче да камышей поменьше, выкупаться... вместе с Настенькой... Хрена лысого тут можно спокойно выкупаться! Только расслабишься, глядь, а вокруг уже толпятся такие вот... любители острого. Есть такое острое восточное блюдо – ножом по горлу.

«Домой хочу, – подумал он с тоской. – К дивану и телевизору!»

Но тут вспомнилось вдруг, как ехал он сегодня между воинами, и чаще забилося сердце. Да, *там*, в прошлом-будущем, с ним такого никогда не случилось бы. Никогда...

Он открыл глаза и обнаружил, что «космические снадобья» сделали свое дело. Больному явно полегчало: задышал ровнее, вроде бы даже жар спадать начал.

Ачкам поднялся. Неторопливо приблизился к сыну, потрогал щеку, наклонившись, понюхал распухшее бедро. Выпрямился, крикнул что-то тем, кто снаружи.

Коршунов вопросительно поглядел на Скубу – тот пожал плечами: не понял.

Прошло еще около часа. В молчании. Состояние укушенного парнишки улучшалось на глазах. Наконец он пришел в себя. Открыл глаза, пробормотал:

– Атей... ⁴

Ачкам подошел к нему, произнес негромко что-то успокаивающее, погладил по щеке.

Отогнув полог шатра, бросил что-то вроде: кью-ут.

Через минуту появился сармат с кувшином, двумя чашами и подносом, на котором лежала коричневая горка чего-то, напоминавшего муку.

Ачкам собственноручно рассыпал «муку» по чашам, залил белой жикостью из кувшина, вероятно молоком, размешал пальцем.

– Ты – настоящий человек, – перевел Скуба. – Назови свое имя.

– Аласейя, – ответил Алексей. Готский вариант имени показался ему здесь более уместным.

– Ты спас моего сына, Аласейя, – торжественно произнес сарматский вождь. – Прими мою благодарность! – и протянул одну чашу Коршунову.

Отказаться было нельзя. Алексей принял чашу, приложился. Нет, это было не молоко. Что-то кисловатое, слабоалкогольное. А «порошок», как выяснилось впоследствии, был именно мукой. Только смолотой не из обычных зерен, а из зерен, предварительно обжаренных в оливковом масле. Вкус у «супчика» был специфический.

– Проси, что хочешь получить, – перевел Скуба. – Тебе не будет отказа.

– Две вещи, – сказал Коршунов. – Этого достаточно. Первая – свобода моих друзей. Вторая – твоя дружба.

Ачкам покачал головой.

– Твои друзья получают свободу, – последовал ответ. – Но в дружбе я тебе откажу. Потому что завтра ты и я встретимся в битве.

Теперь уже Коршунов покачал головой.

– Битвы не будет, – сказал он. – Я не хочу воевать с тобой. Я хочу воевать с Римом. Присоединяйся!

– Ты храбр, – произнес ачкам. – Но воевать с Римом – нелегко. Лучше бы тебе воевать не против Рима, а *за Рим* я это знаю, потому что воевал за Рим. Рим платит золотом тем, кто доказал свою доблесть. Даже, – губы сармата презрительно искривились, – аланам.

– Понимаю, – кивнул Коршунов. – Но как лучше доказать свою доблесть, если не в битве?

– Ты понимаешь, – признал вождь сарматов. – Было не слишком умно нападать на меня в моем лагере. Но, похоже, ты умен, Аласейя. Может быть, когда-нибудь я стану твоим другом. Когда ты докажешь, что достоин быть другом того, в ком кровь самого Тангри, я вспомню твою просьбу. А сейчас я подарю тебе коней, которые несли тебя, когда ты нес жизнь моему сыну. И еще я дарю тебе мое слово: первым я не подниму своего копья против

⁴ Отец...

тебя, Аласейя, – перевел Скуба речь сармата. – Вот мои дары, спаситель моего сына. Принимаешь ли ты их?

– Принимаю и благодарю! – торжественно произнес Коршунов.

Они опрокинули еще по чашке болтушки, и союз был закреплён.

Вождь сарматов Ачкам наблюдал, как Коршунов прикрепляет к седлу подаренного коня кожаные ремни с петлями – импровизированные стремяна. Затем подал реплику.

– Петли надо укреплять конским волосом, – перевел Скуба. – Тогда кольца не будут сминаться. Легче вдевать ногу.

Коршунов воззрился на сармата с нескрываемым удивлением:

– Тебе знакомы эти... приспособления?

Ачкам кивнул.

– Но тогда... почему вы их не используете?

– Используем, – последовал ответ. – Когда человек становится стар, ему трудно взбираться на лошадь и удерживаться на ней.

– А в бою?

Ачкам шевельнул широкими плечами:

– Слабые в бой не пойдут, а сильным они – помеха. Ты – храбрый воин, Аласейя. Но наездник очень плохой. Как все твои соплеменники. (Слышал бы его Ахвизра!) Только мы, сарматы, настоящие всадники. Только мы можем биться настоящим оружием.

Под настоящим оружием подразумевались невероятной длины копьё, с которыми сарматы и впрямь управлялись столь же ловко, как швея – с иголкой. В этом Коршунов убедился на практике.

– Хотя там, на восходе, – Ачкам махнул в сторону востока, – тоже есть неплохие всадники. Я сражался с ними, когда служил Риму. Неплохие, но до нас им далеко.

– А аланы?

Пренебрежительная усмешка тронула губы Ачкама. Но он не ответил. Вместо этого предложил:

– Давай посмотрим на твоего друга. Того, который осмелился напасть на воина-сармата. Хочу узнать: не повредился ли он умом?

Коршунов обеспокоился. Неужели удар по голове так сказался на Ахвизре?

– Поехали! – сказал он, влезая на коня. Алексей уже знал, что пешком сармат ходит только отлить. И то не всегда. – Поехали! – И не без зависти пронёблюда, как садится на лошадь Ачкам: рука – на переднюю луку, толчок – и воин уже в седле. Впрочем, когда сармат садился на лошадь в полном вооружении, это смотрелось ещё эффектнее. Особенно если знать, сколько весит «костяной» доспех.

Нет, речь шла не об Ахвизре. Как оказалось, Ачкам имел в виду совсем другого отморозка. Красного.

М-да, видок у вождя гепидов был ещё тот. Практически голый – от штанов остались одни лохмотья, а другой одежды не было, невероятно грязный, со спутанными волосами, покрытый коркой запекшейся крови... но отнюдь не сломленный, судя по толщине цепи, которой Красный был прикован к вбитому в землю бревну изрядной толщины.

При появлении Ачкама гепид зарычал и рванулся вперед. Коршунова и Скубу он как будто не заметил. Цепь натянулась, сармат, приставленный охранять пленника, ударил Красного в живот тупым концом пики.

– Не трогать! – рявкнул Коршунов. – Он – мой!

Сармат-охранник, кривоногий, квадратный, с глазками-щелками, Алексея, разумеется, не понял, но прежде, чем ударить ещё раз, посмотрел на Ачкама. Тот сделал знак: отойди; окинул пленника скептическим взглядом, повернулся к Коршунову.

– Он твой, – перевел Скуба. – Но будь осторожен. Он бросается на всех. Ремни обгрыз и порвал, силен, как медведь. Пришлось на цепь посадить. Как медведя.

Коршунов спешил. Приблизился, но так, чтобы оставаться вне досягаемости гепида. У Красного и раньше с «крышей» были проблемы. А теперь, похоже, «планка» совсем упала.

Натуральный *вутья*, как говорят Коршуновские родичи-готы. Глядел на Алексея, не узнавая, нехорошо так глядел...

– Спроси, кормили ли они его? – обратился Коршунов к Скубе.

Нет, последовал ответ. Не кормили. Чтобы ослабел и стал покладистее. Только воду давали. Вчера.

«Садисты», – подумал Коршунов. Хотя нет, он не прав. Просто практичный подход.

– Прикажи принести воды. Ведро.

Воду принесли. Зачерпнув прямо из реки, разумеется.

Коршунов осторожно приблизился, протянул кожаное ведро...

Красный учуял воду, в глазах мелькнуло подобие мысли.

– Возьми, – сказал Алексей. – Пей.

Гепид пил долго, шумно и много. Остатки выплеснул на голову – грязные потоки потекли по широкой груди. Ни лицо, ни грудь от этого чище не стали. Чтобы отмыть гепида, не ведро требовалось – цистерна.

– Я – Аласейя, – медленно и четко произнес Коршунов по-готски. – Я пришел за тобой, Красный. Ты узнаешь меня?

– Да, – хрипло проговорил гепид. – Узнаю.

– Сейчас тебя освободят, и мы уедем. Ты понял меня?

– Да... – Красный покосился на Ачкама.

– Тебя освободят, но если ты нападешь на кого-нибудь, снова окажешься на цепи, – предупредил Коршунов. – Ты понимаешь?

Красный мотнул спутанной гривой:

– Ты меня выкупил?

– Да, можно так сказать.

– Тогда скажи, пусть пожрать принесут, – потребовал Красный, усаживаясь на землю.

– Скажи Ачкаму, – обратился Алексей к Скубе, – что он хочет есть.

– Его накормят, – последовал ответ. – Он успокоился, да?

– Думаю, да, – подтвердил Коршунов. – Но мне бы не хотелось, чтобы кто-то его... раздражал. Он – немного бешеный.

– Дразнить его не будут, – пообещал Ачкаму. – Но он и твои друзья должны уехать немедленно. Моим воинам они не нравятся. Но ты, целитель моего сына, можешь остаться.

– Я уеду с ними, – сказал Коршунов. – Но если ты позволишь, завтра я вернусь. Посмотрю, как твой парень себя чувствует.

Ачкаму кивнул:

– В моем шатре для тебя всегда найдутся войлок и чашка кьюута. Приезжай.

Глава двенадцатая «Не будем мы с ними драться»

– А я говорю: мы не будем с ними драться! – заявил Коршунов. – Не вижу смысла. Крови прольется много, а добычи – никакой.

– А поселение? – вякнул кто-то из младших вождей, тоже гот, но не гревтунг, а другого племени. Звали вождя... кажется, Беремодом? Коршунов так и не научился их толком различать: все здоровые, бородатые, увешанные побрякушками. И имена одинаковые: Беремод, Берегед... хрен запомнишь.

– А что поселение? Который день мы тут стоим? Тамошние аланы уже все повывезли да попрятали.

– Да там и не было ничего, – вмешался Скуба. – Бывал я там. Когда ярмарка, тогда товаров много. Но все – привозные.

– Из-за такой мелочи с сарматами драться не резон, – рассудительно произнес Агилмунд. – Прав Аласейя: даже и побьем, что толку? Гривны с шей поснимаем да шлемы с голов? Даже доспех ихний не взять или копья – ими только сами сарматы драться могут.

– А лошади? – подал голос тот же младший вождь. – Вона Аласейю какими славными

конями одарили!

Сарматские кони и впрямь были знатные. Готские лошадки рядом с ними, как какой-нибудь кулан – рядом с призером стипль-чеза.

– Так то Аласейю конями одарили, – усмехнулся Агилмунд. – А тебя, Беремод, не конем – копьем в брюхо обрадуют.

Все задумались. Копьем в брюхо – никому не хотелось. Стало слышно, как шагах в сорока от фургонов, между которыми проходило почтенное собрание, гепиды разделяют добытых утром степных быков. Вечером намечался пир по случаю благополучного возвращения их доблестного вождя.

Затем раздался сердитый окрик Сигисбарна, шуганувшего любопытного воина, вознамерившегося узнать, о чем совещается начальство.

Коршунов, разместившийся вместе с Агилмундом на платформе собственного фургона, оглядел «высокое общество». Всего здесь собралось человек тридцать, хотя реальными фигурами были только пятеро: Одохар, Комозик, Травстила, выполнявший по совместительству обязанности жреца, Красный и, конечно, он сам, Аласейя. Некоторым авторитетом обладали также Скулди с Агилмундом и Скуба. Остальные – так, мелкие вожди. Хотя не стоит забывать, что за этими «мелкими» в совокупности почти тысяча копий.

– Значит – что? – прервал молчание Комозик. – Спустим сарматам обиду? Аласейя драться не хочет. Понимаю. Он получил от сарматов дар. Может, и еще получит...

– Не то говоришь, рикс! – вступился за родича Агилмунд. – Знаешь ведь, за что Аласейя дар получил! Ссоры ищешь?

– Не дело это нам – ссориться! – прогудел Травстила. И посмотрел на Одохара: мол, ты что молчишь?

Но Одохар от реплики воздержался.

«Хитер, – подумал Коршунов. – В верховные вожди целит. Грамотно».

Действительно грамотно. Формально Алексей – человек Одохара. Если рикс Комозик на равных соперничает с Коршуновым, а Одохар выступит в роли арбитра, значит, Комозик – ниже Одохара.

В принципе, верховное лидерство Одохара Коршунова устраивало. Одохар – правильный мужик. И опытный. Но это – в принципе.

– И какие же обиды причинили тебе сарматы, рикс герулов? – осведомился Коршунов. – Что битва у нас была, так это не обида. Верно я говорю?

Собрание ответило одобрительным ворчанием: ясное дело, битва – не обида. Битва – нормальное развлечение храбрых воинов.

– Или, может, твоя обида в том, что пленных сарматы отпустили без выкупа? – поинтересовался Коршунов. – Может, хотелось тебе, чтобы мы в плену сарматском томились? Или чтобы в битве захваченный рикс гепидов отважных не с нами сейчас сидел, а у сарматов на цепи? Тогда скажи, рикс, почему тебе этого хочется? Мне интересно об этом узнать. И всем интересно. Особенно – нашему другу, риксу гепидов. Скажи, Красный, интересно тебе узнать, почему рикс Комозик желал бы тебя на цепи видеть, а не на свободе?

– Еще как интересно! – прорычал простодушный гепид, с недавнего времени полностью доверявший Коршунову и принимавший все им сказанное как абсолютную истину. – Еще как интересно! – И одарил Комозика недружелюбным взглядом.

– Много говоришь, Аласейя, – буркнул рикс герулов. – Много и по-пустому. Не то мне обидно, что отпустили Красного, а то, что равного нам рикса на цепи держали, словно медведя.

– Ну уж тебя-то, рикс герулов, на цепи держать бы не стали! – усмехнулся Коршунов. – Это для Красного, даже и безоружного, железную цепь сыскать пришлось. Тебе, Комозик, и обычной веревки хватило бы!

Терпение рикса герулов иссякло. Он уже начал приподниматься, набирая в грудь воздуха...

Но тут вмешался наконец Одохар.

– Не прав ты, Комозик, – веско произнес он. – Красному ты не родич. Даже и обидели бы его – не тебе за его обиды искать. И на Аласейю моего не кричи. Хочешь доблесть свою показать, ярость священную излить – с сарматами схватиться? Никто тебе не препятствует. Доблесть явить – дело славное. Вон и Скулди твой тоже доблесть готов проявить. Верно, Скулди?

Скулди угрюмо молчал...

Комозик, впрочем, не обратил на это внимания.

– А что ты предлагаешь, Одохар? По домам бесславно разойтись?

– Я предлагаю послушать, что Аласейя скажет, – ответил хитрый гот. – Ведь не только за то ценим мы Аласейю, что он – небесный герой и обилен удачей. Еще и за то мы его ценим, что мудр он и слова его всегда делом оборачиваются. Говори же, Аласейя, – произнес он повелительно. – Мы ждем!

«Хрен с тобой, – подумал Коршунов. – Хочешь быть главным – будь. Главное – мне не мешай».

– Я хочу только одного, – заявил Алексей. – Чтобы наш поход великой славой увенчался и чтобы от груза добычи трещали оси наших телег. Не боюсь я сарматов. Но вижу в этом волю богов. Знак, что не на аланах надо славу и добычу искать. Это как когда боги посылают ненастье и ливни, от которых земля в болото обращается и вязнут в грязи колеса даже пустых повозок. Мудрый поймет знак и повернет на правильную дорогу. Глупый скажет – не хочу отступать. И пойдет дорогой неправильной. Сарматы – не враги нам. Они – знак. Я вижу его! – Коршунов спрыгнул на землю, выбросил вверх руку. – Я вижу: много неправильных путей. И только один правильный! Только один! – Он сделал патетическую паузу. – Только один правильный путь – на Рим!

– На Рим! – взревел Красный.

– На Рим! – эхом откликнулись младшие вожди.

– Что-то я проголодался, – проворчал Комозик, когда отшумело эхо. – Раз твой Аласейя уже высказался, не пришло ли время пообедать, рикс Одохар? – поднялся и степенно зашагал прочь.

Скулди отправился за ним, но перед этим глянул на Коршунова и чуть заметно кивнул: мол, я на твоей стороне, парень.

Что ж, и на том спасибо.

– Он и впрямь видел знак? – спросил у Травстилы рикс Одохар. – Как думаешь?

– Не знаю, – ответил кузнец. – Но скажу так: сначала боги знак избранным своим подают, а уж потом – всем остальным. Так что потерпи, рикс, – и все узнаем. Коли будет и нам знак, значит, особо люби м богами наш Аласейя.

– Что он богами любим, это я и так знаю, – буркнул Одохар. – Вот только хватит ли этой любви и на нас с тобой, если мы на ромлян пойдем?

– Я знала, что ты вернешься... – шептала Анастасия, перебирая пальчиками отросшие волосы Коршунова. – Я молила Господа, чтобы он хранил тебя, Алеша, и он меня услышал, не оставил тебя в беде.

– Ах, черноглазая! – шершавая ладонь скользнула по узкой гладкой спине вниз. – Как же я мог не вернуться, если ты меня ждала! Неужели я оставил бы тебя одну в этой дикой степи?

– Алеша... – Женщина уткнулась лицом в его мягкую бороду. – У меня никого нет, кроме тебя. Никого в целом свете. Зачем тебе воевать? Я говорила со Скубой. Если ты попросишь, он проводит тебя в феодосию. Ты богат. До осенних штормов еще есть время. Мы уплывем оттуда в Фасис или в Трапезунд. Там много наших. Мы всегда найдем себе кров и пищу. Ты можешь торговать или поступить на службу. В колонии грамотный человек найдет себе дело. Давай уедем от этой войны...

– Милая моя Настенька, – прошептал Коршунов. – Что ты говоришь? Ты же умная девочка. Неужели ты думаешь, что Одохар меня отпустит? Что мои родичи позволят мне просто так все бросить и уехать?

– Родичей ты можешь взять с собой, Алеша. Они – хорошие воины, особенно Агилмунд. Таких любой префект охотно возьмет в городскую стражу...

– Настенька, солнышко, ты – умная женщина, а говоришь глупости. Ты можешь представить себе Агилмунда, служащего в городской страже?

– Я видела многих вегилов-варваров. Им хорошо платят. Ты только пожелай, Алеша, – и мы уедем. Я верю в тебя... – Мягкие губы коснулись Алексеева уха. – Если ты захочешь, ты сможешь. Уедем от этой войны!

Коршунов осторожно отодвинул ее от себя. В темноте он с трудом мог различить ее лицо, только блеск глаз...

– Я тебя люблю, Настенька, – сказал он очень серьезно. – Но я не сделаю этого. Поверь мне, сердце мое, я очень хочу, чтобы ты была счастлива. Чтобы мы были счастливы. Но приближается такое время, когда невозможно убежать от войны. Поверь мне, любимая, это так. Я *знаю* это. Если мы уедем, война все равно придет к нам. И один я не смогу защитить ни тебя, ни себя. И еще... ты знаешь, у меня есть друг, которого захватили кземаны...

– Знаю, Гееннах...

– Геннадий, – поправил Алексей.

– Геннадий, – повторила Анастасия. – Какая разница? Сколько времени прошло с тех пор, как его захватили кземаны? Неужели ты думаешь, он еще жив?

– Ты его не знаешь. – Коршунов улыбнулся. – Он выживет. Он это умеет. Тем более здесь редко убивают пленных. Особенно если они достаточно сильны. Но не думаю, что моему другу нравится работать на победителей. Поэтому, когда мы совершим свой поход, мы вернемся домой и вытащим его оттуда. Генка тебе понравится!

Анастасия тихонько вздохнула:

– Ну да. Он – твой друг. Ты спи, Алексей. У тебя был очень тяжелый день.

– И ночь. Без тебя.

– Да. Спи. Никто не знает, что принесет нам завтрашний день...

Завтрашний день принес. Аланов.

Глава тринадцатая, в которой выясняется, кто кому должен

Панцирь Ачкама представлял из себя кожаную куртку с нашитыми на нее костяными бляхами. Но то были не срезы конских копыт, как полагал ранее Коршунов. Приглядевшись, он сообразил, что «бляхи» – плоские части черепаховых панцирей. Небольшие, размером с ладонь.

– Он хочет, чтобы я наказал вас за вторжение, – перевел Скуба слова вождя сарматов. – Он говорит, что за это нам заплатили.

Лидер аланов торжественно кивнул. Он привел с собой две тысячи конников. И держался весьма надменно. Потребовал, чтобы вторгшиеся на земли аланов отдали ему все свое оружие и всех лошадей.

Ну да, счас! Разбежались! Готы, конечно, народ простодушный, но ведь не идиоты же.

– Хочешь наше оружие? – сказал алану Одохар. – Возьми. Если сумеешь.

Хотя расклад был – не в их пользу. Вкупе с сарматами аланская конница существенно сильнее союзников.

Но аланский лидер оказался еще хитрее. Потребовал от Ачкама, чтобы тот самостоятельно атаковал противника. Ну а если хваленая сарматская кавалерия не справится, тогда уж и аланы присоединятся.

Первый этап переговоров проходил вблизи лагеря готов. И участвовали в них со стороны союзников риксы Одохар, Комозик и Красный. Коршунова не пригласили. Переговоры окончились ничем. Но положение у союзников было неважное. Уйти в степи от конницы невозможно. Даже сниматься с места нежелательно. Сейчас союзников с одной стороны защищала река (соответственно, и с водой проблем не было), с другой – прибрежная рошица. Реденькая, но достаточная, чтобы остановить разбег кавалерии. В походном

варианте, даже под прикрытием фургонов, союзники куда уязвимее. Уйти нельзя, результат будущего сражения предreshен. Грустная ситуация. Правда, и аланы не очень хотели бросаться в бой. Знали, что победа обойдется им весьма дорого. Поэтому в мозгу их лидера и родился замечательный план подставить сарматов.

На этот раз на переговоры пригласили одного Коршунова. По личному требованию Ачкама. Даже Одохару это не понравилось, не говоря уже о Комозике. Но пришлось им перетерпеть.

На переговоры Коршунов взял с собой Скубу. В качестве толмача. Теперь они сидели вчетвером в шатре Ачкама. Лидер аланов, Ачкам и Коршунов со Скубой. Сквозь стенки шатра было слышно, как сарматы Ачкама болтают с телохранителями аланского вождя.

– Он хочет, чтобы твои воины умирали вместо его аланов, – сказал Коршунов. – Он прав. Разве не за это аланы вам платят?

Скуба перевел. Довольный алан опять кивнул с важностью и одобрительно посмотрел на Коршунова.

– Да, – согласился Ачкам. – Они платят мне, чтобы мои воины сражались вместо них.

– Скажи, Ачкам, плата за эту службу вами уже получена?

– Половина.

– А кто должен получить вторую половину? – поинтересовался Коршунов.

– Я. Когда наша служба будет закончена.

– А кто получит плату, если ты погибнешь?

– Мой сын.

– А если и он погибнет? Ачкам, если вы будете сражаться с нами, многие из вас погибнут. Уверен ли ты, что он, – кивок в сторону алана, – захочет с вами расплатиться? После битвы с нами вас останется совсем немного. А у него будет две тысячи воинов...

До алана наконец дошло, куда клонит Коршунов.

– Не слушай его! – выкрикнул степняк, вскакивая.

– Ну да, зачем меня слушать? – спокойно произнес Алексей. – Видишь, благородный Ачкам, как заволновался твой наниматель. Я ведь немножко колдун, ты знаешь. Он заволновался потому, что я читаю его мысли. Верно, алан?

– Я тебя убью! – пообещал алан, вытаскивая длинный нож (боевое оружие они все оставили у входа в шатер). – И отрежу твой язык!

Скуба тоже вскочил, схватившись за нож, но Коршунов даже не шелохнулся. И правильно.

Ачкам уже стоял между ним и аланом.

– Сядь, – уронил он холодно. – Это мой шатер.

И алан сел.

– Этот гот лжет, – заявил он. – Я не намерен обманывать тебя, Ачкам. Я честен с тобой. Твои воины легко разобьют этих землепашцев, я уверен...

– Это ты лжешь, алан! – перебил Коршунов, послушав «синхронный» перевод Скубы. – Если нас так легко разбить, почему ты прячешься за чужими спинами? Иди – и разбей нас!

– Зачем? – пожал плечами алан. – Вы и так все равно что мертвы. Мы заплатили храбрецам сарматам за то, чтобы до следующей весны ни один враг не смел приблизиться к нашим кочевьям.

– Ну да, – кивнул Коршунов. – Вы заплатили им, чтобы они защищали вас. Они и защищают. Они здесь, поэтому наше войско не пойдет по землям аланов. Они вас защитили, но разве они должны нападать вместо вас? Что об этом сказано в вашем договоре, Ачкам? Должны вы нападать на врагов аланов, если те не угрожают?

– Они нам служат, гот! – сердито воскликнул аланский лидер. – Они обязаны повиноваться!

Зря он это сказал.

– Ты заговариваешься, алан, – сухо произнес вождь сарматов. – Я – Ачкам, потомок Атея, не повинуюсь никому. Аласейя сказал правду: я защищаю тебя. Этого достаточно.

Аласейя сказал: тебя не тронут. Он – голос их войска, так, Аласейя? (Коршунов кивнул: пусть-ка кто-нибудь попробует это оспорить!) Я не вражду с готами. Это твои враги. Напади на них, если тебе хватит храбрости. Я не стану их защищать, потому что вы, а не они платите мне. Но и тебе помогать не буду. Этого нет в нашем договоре, алан. Но если ты еще раз скажешь, что я тебе *служу*, я забуду о том золоте, которое мне заплатили. И потребую платы за оскорбление. А если ты откажешься платить, я возьму сам!

Аланский вождь, чье имя так и не было названо, некоторое время угрюмо смотрел на сармата, потом повернулся к Алексею:

– Запомни, гот, этот день. Мы еще встретимся.

Встал и вышел из шатра. Слышно было, как он бросил что-то своим телохранителям, потом застучали копыта: аланы уехали.

– О грозный алан! – воскликнул Ачкам и засмеялся. – Такой храбрец! Благодарю тебя, Аласейя, что показал мне помет шакала. У нас, сарматов, слишком много благородства и потому совсем нет коварства. Мы как степь, верно, боруск?

– Пожалуй, – кивнул Скуба. – Это они зовут нас борусками, – пояснил он для Коршунова. – Так нас когда-то называли греки.

– Скажи мне, Ачкам, а тебе самому не требуется помощь? – спросил Коршунов. – Когда мы уйдем, не захотят ли аланы отомстить?

– Они? – Сармат пренебрежительно усмехнулся. – Не посмеют. Они будут кормить нас всю зиму, а потом расплатятся с нами ромейским золотом. Но куда пойдешь ты, Аласейя?

– К морю, – твердо ответил Коршунов. – Войско должно воевать, а здесь нам больше воевать не с кем. И не за что.

– Рим? – полуутвердительно произнес Ачкам. – Ну да, ты – храбрец. Я пошел бы с тобой, если бы не знал наверняка: тот, кто воюет с Римом, в конце всегда проигрывает. Так было всегда.

– Времена меняются, – отозвался Коршунов. – Всё меняется...

– Только мы, сарматы, вечно кочуем в этих степях! – перебил Ачкам. – Хотя и ты прав: ведь такие, как аланы, приходят и уходят. Я понимаю тебя, потому что я знаю не один десяток поколений моих предков. Мой род видел множество племен, и мой отец рассказывал мне и моим братьям о прошлом, как я сейчас рассказываю своим сыновьям. А мои сыновья расскажут моим внукам. И так будет всегда, пока существует степь.

Коршунов кивнул, хотя и очень сомневался в вечности «правления» сарматского племени. «Вечных повелителей» не нанимают за золото. Пройдет какое-то время – и те же аланы вполне могут превзойти родичей Ачкама. Хитростью, численностью... ⁵

Когда Алексей и Скуба, сопровождаемые сарматской полусотней (выделенная Ачкамом охрана), возвращались в лагерь, Скуба спросил:

– Ты все-таки хочешь идти на Рим, Аласейя? Ты, верно, забыл о римских триремах?

– Я о них помню, – ответил Коршунов. – А ты – забудь.

– Почему?

– Потому что они уйдут к берегам Мезии.

Скуба засмеялся:

– Разве ты римский император, чтобы приказывать римской эскадре?

– Нет. Пока. Но триремы уйдут. Ты увидишь.

Скуба одарил Коршунова странным взглядом, но промолчал. Вероятно, счел не вполне нормальным. С сумасшедшими, как водится, не спорят.

Глава четырнадцатая, в которой позитивно решается вопрос о морском

⁵ Пройдет век с небольшим – и большая часть сарматов, теснимая готами и теми же аланами, будет вынуждена отдалиться под покровительство Рима. А еще через век территории, на которых в описываемое время обитали сарматы, войдут в державу Атиллы. Возможно, среди племен, ставших впоследствии основой для формирования Хазарского каганата, были и сарматы. Но с уверенностью утверждать это нельзя.

транспорте

Октябрь девятьсот восемьдесят шестого года от основания Рима. Крым. Черноморское побережье

– Они ушли! – Во взгляде Скубы сквозило нечто вроде мистического ужаса. – Наши рыбаки видели, как они шли мимо берегов. Десятки кораблей!

– Конечно, ушли, – спокойно произнес Алексей, хотя внутри у него все ликовало: «Сработало!»

И как быстро сработало!

Впрочем, не так уж быстро. Месяц прошел с тех пор, как было отправлено Коршуновское письмо. Сейчас почти середина осени. Три недели они добирались от аланских земель сюда, к морю. К Черному морю. Сушей, вплавь, опять сушей, снова – вплавь и опять – пешочком. Каждая перемена вида транспорта – изрядные хлопоты. Разобрать фургоны, погрузить на корабли. Отдельно – перевозка лошадей, если нельзя провести их берегом. Отдельно – тащить волоком сами корабли, если нельзя плыть... короче, суровые будни древних путешественников. В череде этих будней Коршунов совершенно потерял ориентацию. В физической географии он был не очень силен, несмотря на предполетную подготовку. Вот Черепанов – другое дело. Нет, кое-какие вещи в памяти Коршунова тоже отложились. Например, он мог бы определиться сверху: по особенностям ландшафта или по абрису крупных городов, но где они, эти города? И ландшафты тоже. Остались единичные ориентиры вроде крымской горы Айю-Даг – и то хорошо. А вот с географией политической – полный завал. Где-то рядом было Боспорское царство, сателлит Римской империи, насколько понял Алексей; мелькали знакомые названия приморских городов, вроде Херсонеса (но это – дальше к востоку), помнились какие-то исторические эпизоды и названия Тьмутаракань, князь Мстислав... Но до этих времен – еще века и века. Короче, то, что во времена, когда родился Коршунов, называлось Крымом, – где-то справа. А слева – то, что называлось Кавказом. Вернее, черноморским побережьем Кавказа. Примерно в этом направлении и планировалось действовать. Потому что там уже натуральная римская провинция Понт. Богатые места. По правую руку, впрочем, тоже места не бедные, но там живут почти свои. Те же сарматы, и кореша бораны, и греки, и даже какие-то дальние родичи гревтунгов. Понятное дело: место хорошее, богатое. Особенно удобно с торговой точки зрения. Забавно, что весь этот странный конгломерат древних «крымчан», если верить Скубе, жил довольно мирно. Хотя не так уж это и удивительно. Богатые воевать не любят. Разве что – чужими руками. Или – дистанционно: «томагавками» и ковровыми бомбардировками. Но это – в будущем. А нынче так: хочешь воевать – бери копьё и двигай на такого же, с копьём. Максимальная дальность здешней «артиллерии» – полкилометра. Точность и эффективность весьма умеренны. Десяток лучников стоит любой здешней боевой машины. В поле разумеется, а не против крепостей.

За время путешествия Коршунов несколько поиздержался. Популярность его в сводном войске росла, посему как-то так вышло, что у его «очага» постоянно отирались «гости», которых Коршунов по врожденному русскому хлебосольству приглашал «к котлу»... не то чтобы это были «халявщики», но... в общем, зерно пришлось прикупать и масло тоже. И коней, коих у Коршунова теперь был, почитай, целый табун, тоже полагалось кормить. Причем компетентные люди объяснили, что если обычных, то бишь готских, лошадок можно было из экономии держать и на подножном корму, то сарматских красавцев следовало кормить зерном регулярно. Тоже – расход. А недавно еще и в «общак» вложиться пришлось, потому что общественные припасы, несмотря на подспорье в виде охоты и рыболовства, тоже расходовались. Хорошо хоть зерно в здешних местах стоило очень дешево.

Но вот – прибыли. Разгрузились, расположились в уединенной бухте, месте, заранее отведенном здешним хозяином, Крикшей. На некотором отдалении от ближайшего боранского городка. Разумная, впрочем, мера. Не пускать же «в дом» несколько тысяч вояк-чужаков? Мало ли чем это может кончиться...

Коршунова, впрочем, в тот же день пригласил к себе Скуба. «По-домашнему», вместе с Анастасией, но и не просто так. Потому что еще одним гостем Скубы в этот день стал сам боранский вождь Крикша. И говорил с Коршуновым «главный боран» с уважением. Еще бы! Сказал Аласейя: уйдут римские корабли – и корабли ушли. Так что над Коршуновым теперь мерцал ореол не просто любимца богов, а чуть ли не чародея. Даже такая мелочь в строку пошла, что Алексей сына Ачкама (сарматского вождя, как выяснилось, здесь знали и даже слегка побаивались) излечил. Тоже, естественно, приукрасили. Мол, не просто излечил, а чуть ли не с того света вернул. В свете новых Коршуновских свершений и легенда о его «небесном происхождении» теперь воспринималась с большой благосклонностью...

Короче, после традиционного обмена любезностями боранский вожак перешел к делу.

Да, теперь, когда римская эскадра ушла, он готов предоставить союзникам корабли. Без гарантий и предоплаты. Более того, несколько сотен его соплеменников также выразили желание поучаствовать в походе. Но есть одно условие.

Известно Крикше, что Аласейя участвует в походе как дружинник рикса Одохара. То есть – человек формально подчиненный. Одохар, конечно, рикс авторитетный, но... гот. Аналогично и Комозик. Тот вообще герул. Так что к Комозику у Крикши совсем мало доверия. Уж герулов-то они, бораны, знают хорошо. Не первый год торгуют. Жуки еще те. Даже чужих купцов через свои земли пропускать не желают. А у Комозика вообще неважная репутация. Всем известно, что он убил своего соправителя. Так что не хочется Крикше с Комозиком дела вести. И с Одохаром тоже не хочется. А желает он, Крикша, чтобы от имени сводного войска выступал уважаемый Аласейя. И всем будет удобно. Боранам – потому что не совсем чужак им Аласейя. Хоть и из дальних мест, а на одном языке говорят. А прочим риксам тоже неплохо, потому что ни один из них не выделен особо, следовательно, и ни один не ущемлен. Но для этого надо решить небольшую проблемку. Надобно Коршунову официально выйти из-под протектората рикса гревтунгов Одохара и самому стать риксом. Вот только этот личный вопрос Коршунов должен урегулировать самостоятельно. Причем не откладывая – времени до холодов осталось не так уж много.

Со своей же стороны, он, Крикша, обещает Аласейе свою поддержку и завтра же объявит о своем решении лидерам союзников.

– А с чего ты решил, Одохар-рикс, что удача Аласейи – это твоя удача? – прогудел Травстила. – Удача героя – это удача героя. Это его конь, уносящий его по пути славы. Вот скачет всадник, чей конь знает верную дорогу. Ты можешь взобраться на коня позади всадника, если он позволит. Ты можешь повернуть своего коня следом за ним. Но если ты обгонишь его и начнешь указывать всаднику, куда ехать, что толку в его коне, ведающем путь.

– Я могу отнять этого коня, – заметил Одохар.

– Попробуй, – пожал плечами кузнец. – Победитель может взять удачу побежденного. Попробуй. Но и в этом случае тебе придется освободить его от клятвы верности. Пока он – в твоей дружине, ты должен заботиться о нем как о своем сыне. Он ведь не бросил тебе вызов. Он лишь попросил. Только ты решаешь, как поступить.

Одохар отхлебнул пива, взял жесткую, круто посоленную лепешку, сломал, протянул половину Травстиле.

– Я пришел к тебе за советом, – напомнил рикс. – Ты знаешь Аласейю. Ты знаешь его дольше и лучше меня. Ты говорил о нем с Овидой. Овида чует людей, как ты чуешь железо, а я – свой меч. Мне Овида сказал: «Аласейя – твоя удача». Что будет, если я освобожу его от клятвы? Не поймут ли сие как мою слабость? Не уйдет ли от меня *моя* удача вместе с Аласейей?

Травстила тоже отхлебнул пива, звучно разгрыз лепешку.

– Если тебе сделан дар, как надо отдариться, чтобы приобрести честь? – спросил он.

– Более щедрым даром, – не раздумывая ответил Одохар. – Но это – если между друзьями.

– Ты сам ответил, – кивнул Травстила. – Ты освобождаешь Аласейю от клятвы, но это

не дар. Это – необходимость. Без этого бораны не дадут корабли. А без кораблей тебе не приобрести ни славы, ни добычи. Одари Аласейю сверх того, что он просит. Порази его своей щедростью! Ты теряешь дружинника, но взамен приобретаешь друга. Сделай Аласейю своим другом – и ты не останешься в убытке. Аласейя никогда не забывает друзей. Ты знаешь: обычно в нем нет настоящей храбрости. Он не из тех, кто бросится на копье, чтобы достать горло врага. Настоящая храбрость просыпается в Аласейе только тогда, когда в опасности его друг. Вспомни, как он собирался *в одиночку* биться с квеманами за своего друга Гееннаха! Вспомни, как он защищал Книву! Как он готов был схватиться даже с тобой за Стайсу. А ведь Стайса тогда не была его тиви.

– Женщина... – поморщился Одохар. – Женщина – не друг.

– Не для Аласейи! А когда он пошел к сарматам, чтобы освободить Красного! А потом – Агилмунда и Ахвизру! И заметь: у него все получилось так, как он хотел. И даже больше. Ты слышал, что рассказывал Скуба: сарматский рикс стал другом Аласейе и готов был встать рядом с ним против аланов. С простым дружинником Аласейей, а не с тобой или с Комозиком, а ведь гордость сарматов непомерна, это каждому известно. Аласейя приносит удачу всем, кто рядом. Вот хотя бы возьми его родичей. Вспомни: во время квеманского набега из рода Фретила не погиб никто. А род Хундилы-старосты вырезали весь, одна лишь Алафрида осталась. А почему? Потому что делила ложе с Гееннахом, а Гееннах – друг Аласейи. Вспомни еще о том, что мирным вождем у нас теперь тесть Аласейи Фретила. А ведь еще весной никто не сомневался, что много лет мирным вождем гревтунгов будет Стайна. Так же, как ты, Одохар, – вождем военным.

– Понимать ли твои слова так, что вскоре Аласейя сделается военным вождем вместо меня? – прищурился рикс.

Травстила покачал головой.

– Стайна пошел против Аласейи, – сказал он. – Против его удачи. Но ведь ты так не поступишь?

– А если поступлю? Не думаю, что гревтунги захотят риксом Аласейю. Он ведь даже не гот по крови.

– Это верно. Но разве родич Аласейи Агилмунд – не истинный гревтунг?

Одохар надолго задумался.

Травстила смотрел на него, пряча в бороде улыбку. Он знал, какое решение примет рикс. Но рикс не знал, что сказал Травстиле напоследок верховный жрец гревтунгов Овида. А сказал Овида так: «Связав Аласейю клятвой верности Одохару, мы поймали его удачу в сети. Одохар – наш, и все, что его, – наше. Но может статься, что удача Аласейи слишком велика для гревтунгов. Может статься, что она – как слишком крупный зверь. Из тех, что рвет ловчие сети. Посему, если увидишь, что удача Аласейи *слишком* велика, сделай так, чтобы часть ее ушла вовне. Пусть удача Аласейи не разметает наш народ, а проложит ему путь. К новым землям. В Ойум ⁶ ».

Глава пятнадцатая, в которой небесного героя Аласейю освобождают от вассальной присяги, провозглашают вождем... и тут же берут этот титул под сомнение

Церемония проходила со всей возможной торжественностью. Выстроилось все сводное войско: готы, герулы, гепиды. Присутствовали также местные – хозяева территории – бораны. Осеннее крымское солнышко грело макушки и наверхия шлемов. Плескала по камешкам речка. Это здесь она называлась речкой, в других, более богатых пресной водой краях ее называли бы ручьем. Ниже, за виноградниками, за ухоженными садами, лежало Черное море, понт Евксинский. Синяя гладь пестрела рыбацкими суденышками. Рыба была

⁶ Ойум – мифологическая земля обетованная для готов.

одним из главных компонентов здешней кухни. Ею же и завтракали сегодня, поджарив на угольях костра, разведенного посреди поляны. Сейчас, разумеется, все «кухонные» принадлежности убрали, а костер разожгли вновь, для предстоящего дела.

Коршунов отвлекся, и Травстила, как «представитель богов», курировавший процесс «возвращения клятвы», негромко кашлянул.

Одохар, донельзя торжественный, покрытый золотом с ног до головы, выбросил вперед руку.

Коршунов, тоже в полном облачении, увешанный побрякушками из драгметаллов, с неизменным хронометром на груди, вынул, как было договорено, меч и, рукоятью вперед, подал его риксу.

Тот воздел клинок над головой, демонстрируя всем присутствующим.

– Сей меч мне более не принадлежит! – провозгласил он и вручил клинок Травстиле.

Кузнец принял оружие, погрузил на миг в пламя, затем протер тряпицей и поднял над головой.

– Вотан и Доннар видят! – прогремел он так, что спугнул ворон, обосновавшихся поблизости. Пернатые падальщики были неизменными спутниками войска, посему их полагали посланцами и соглядатаями местных кровожадных богов. Коршунов, впрочем, был уверен, что причина более тривиальная. Гастрономическая.

Коршунов оглядел собравшихся.

Вот стоят гепиды во главе с Красным. Не много, сотни три. Но на их поддержку можно рассчитывать железно. Справа от гепидов – сборная солянка. Небольшие отряды, примкнувшие в основному войску. Эти держатся Одохара, поскольку – готы. Не с герулами же им корешиться. Герулы – под Комозиком. Хотя, как теперь знал Коршунов, не все герулы любят своего военного вождя. Терпят. Как сам Комозик терпит присутствие в войске Коршунова. Не любит, но молчит. Разбираться с Алексеем после истории с сарматами рикс герулов не стал. Не рискнул? Или отложил до более удачного момента?

Еще – бораны. Эти – точно на стороне Коршунова. Может, и впрямь любят Алексея местные боги. Очень уж кстати приходится превращение его в «автономного» вожака.

Карканье и хлопанье крыльев народом было воспринято однозначно – как свидетельство божественного присутствия и одобрения.

– Боги услышали! – проревел Травстила.

И вернул меч Коршунову.

– Верно ли служил тебе Аласейя – небесный герой? – громогласно осведомился Травстила. – Добром ли ты отпускаешь его или по обиде?

– Верно служил мне Аласейя! – отозвался Одохар не менее зычно. – Добром отпускаю его!

– Какой же дар получит от тебя тот, кто служил тебе? – поинтересовался Травстила. – Дар прощания или дар дружбы?

Коршунов насторожился. Об этой части церемонии его никто не предупреждал.

– Дар дружбы! – провозгласил Одохар. – Подобающий воину!

– Что это за дар? – спросил Травстила. – Злато, серебро, оружие, коня, женщину?

Одохар покачал головой:

– Ведомо мне, что довольно у Аласейи злата и серебра. И оружие у него есть, а что же до коней, так кони его – лучше моих. Все у него есть, что подобает вождю. Кроме верной дружины. Поэтому дарю я ему не оружие и не злато, дарю я ему то, что дороже злата: лучшего своего дружинника отдаю я ему, Агилмунда, сына Фретила!

«Ну ни хрена ж себе!» – только и мог подумать Алексей.

Да уж, воистину царский подарок. Покруче сарматских коней. Надо, кстати, одного Одохару подарить. Тем более намекнул рикс на это довольно прозрачно.

Однако ж это было еще не все.

– Скажи мне, Агилмунд, сын Фретила, согласен ли ты отдать свой меч родичу своему Аласейе?

– Согласен! – рявкнул Агилмунд.

«Вот паршивец! – подумал Коршунов. – Знал ведь! Заранее знал. И ни словом...»

– Тогда встань под руку Аласейи – Небесного Героя! – приказал Одохар.

Агилмунд кивнул и неторопливо (гот есть гот) двинулся вперед... а за ним – весь его десяток, во главе с Ахвизрой. Действительно щедро! Отдать своих отборных воинов... правда, у Одохара оставалось еще несколько сотен таких же, отборных...

Гревтунги окружили Коршунова. Ахвизра, вставший слева, фамильярно хлопнул Алексея по спине. Впрочем, никто, кроме своих, этого не увидел. Рослые готы совершенно заслонили своего нового вождя от прочего войска.

Коршунов шагнул вперед. Он хотел видеть, что происходит вокруг. Да и ответное слово сказать требуется.

– Благодарю тебя за щедрый дар, рикс гревтунгов! Славно было служить под твоей рукой! Славно будет идти *вместе* с тобой по дороге доблести! Уверен, что ждет нас, всех нас, храбрых воинов, собравшихся здесь, великая слава и великая добыча...

– Не всех!

Это сказал рикс Комозик.

– Не всех, Аласейя! – Рикс герулов неторопливо двинулся через поляну, к центру ее, где стояли Травстила, Одохар и Коршунов с дружинниками. – Дорога к славе одна, тут ты прав. Но мне с тобой тесно на этой дороге, Аласейя. Пришло время тебе с нее убраться!

Войско зароптало. Слова вождя герулов многим не понравились. В первую очередь – Одохару.

– Стой, Комозик! – Рикс гревтунгов встал на дороге рикса герулов. – Аласейя – наша удача! Ты не бросишь ему вызов!

– Почему? – ощерился герул. – Он больше не твой дружинник! Ты сам объявил его вождем! Что это за вождь, который прячется за чужой спиной? Говоришь, он удачлив? Думаю, настало время узнать, чья удача больше: моя или его! Уйди с дороги, Одохар! Если ты веришь в его удачу, тебе не о чем беспокоиться!

Чуть помедлив, Одохар шагнул в сторону. Комозик прав, решил он. Если удача Аласейи так велика, как всем им кажется, ничего с ним не случится.

Вероятно, так же рассудили и остальные, потому что больше никто не счел нужным вступить за Коршунова. Даже Красный.

Все они верили в удачу Алексея. Он сам тоже верил. Но не настолько, чтобы выйти один на один против боевой машины, которую представлял из себя рикс герулов. От Скулди Коршунов знал, что среди герулов нет никого, кто рискнул бы выйти против Комозика. Нашелся один в прошлом году... и отправился в лучший мир. Но и отступать нельзя. Все тут же сочтут его трусом. И конец Коршуновской харизме. И вообще всему его престижу.

Все эти мысли стремительно пронеслись в сознании Коршунова, пока Комозик неторопливо преодолевал разделявшее их расстояние.

Преодолевав. Остановился напротив, глядя сверху вниз, надменно, чтобы не сказать пренебрежительно. Глядел и молчал... ну да, он свое сказал. Теперь ответное слово предоставляется приговоренному.

Коршунов откашлялся.

– Хочешь биться со мной, рикс герулов? – спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

– Не биться, – с холодной усмешкой уточнил Комозик. – Убить.

– Это уж как боги решат, – сказал Коршунов. – Я тебя понял. Биться будем завтра. Если не передумаешь. Когда и где – я тебе тоже скажу завтра, когда взойдет солнце. У меня сегодня хороший день. Не хочу сделать его печальным.

– Пусть так, – кивнул Комозик. – Повеселись до утра. А печалиться тебе не придется. Потому что ты умрешь.

– Да нет, герул, я *буду* печалиться! – с нажимом произнес Коршунов. – Но не очень сильно. Конечно, в нашем славном походе *нам* будет не хватать такого воина, как ты. Но

мы справимся!

И улыбнулся прямо в ощерившуюся вызеленную физиономию герула.

Глава шестнадцатая День и ночь перед поединком

– Море... – Анастасия зачерпнула ладонью воду. – Холодное море...

– Разве? – удивился Коршунов.

Он-то полагал, что вода довольно теплая. Градусов девятнадцать. Бархатный сезон...

– Там, где я выросла, море намного теплее. – Анастасия попробовала воду на вкус. – И солонее. Но это – настоящее море. Настоящая морская вода. Не та, что в Меотийском болоте.

«Меотийским болотом» она называла Азовское море.

– Смотри, рыбаки возвращаются!

К удаленной бухте направлялось несколько парусных суденышек. За каждым, шлейфом, тянулись крикливые чайки.

– Пойду-ка я выкупаюсь, – сказал Коршунов. – Ты – со мной?

– Нет. – Анастасия зябко подернула плечами, закуталась в шерстяной плащ.

Коршунов снял перевязь с мечом, расстегнул пояс...

– Если будут обижать – кричи, – пошутил он.

– Кто меня обидит? – совершенно серьезно ответила Анастасия. – Я – твоя женщина. Все об этом знают.

Коршунов прыгнул с камня, на котором они сидели. Вода оказалась даже теплее, чем он ожидал. Особенно у поверхности. Коршунов выплыл из-под тени скалистого мыса. Подсвеченное закатом море было очень спокойно. И очень красиво. Кричали чайки. Из соседней бухты доносились голоса. Там располагался лагерь сводного войска. Его войска. Если, конечно, завтра Коршунова не прикончит герульский рикс. Надо, чтобы не прикончил...

Коршунов оглянулся. Рядом с Настей уже кто-то сидел. Ну вот! На десять минут одну оставить нельзя!

Алексей развернулся и поплыл к берегу. Его снова коснулась тень скалы. Задрав голову, Коршунов посмотрел вверх. Метров семь-восемь. Понырять бы. Правда, у самого берега – камни, но чуть подальше – отличное глубокое место. Нырять Алексей любил и умел. Но неохота было лезть на гору. Интересно, кто это там, с Настей?

«Соседом» Анастасии оказался Тарвар. Старший сын Крикши. Коренастый парень на вид лет восемнадцати-девятнадцати, но на самом деле наверняка младше. Здесь выросли быстрее, чем там, где родился Коршунов. Сидел на корточках, болтал по-гречески с женщиной Коршунова. Когда Алексей вскарабкался на камень, оба из вежливости перешли на боранский. То есть Тарвар говорил по-борански, а Анастасия – на русском, которому успела выучиться у Коршунова. Способности к языкам у нее были потрясающие.

– Батя мой к вашим старшим ходил, – сообщил Тарвар. – Сказал им, что корабли даст только тебе. И больше никому. Если герульский рикс тебя убьет, то и все ваше войско пусть убирается восвояси. Комозик сказал: батя ему не указ. И останется он тут сколько захочет. Но его никто не поддержал. Батя мой сказал: посмотрим. И ушел. Если тебя убьют, Аласейя, нехорошо получится. Батя за слово отвечает, а с герулами нам ссориться нельзя. Через них у нас торговля с Севером идет.

«Надо же, какой рассудительный парнишка», – подумал Коршунов, растираясь краем плаща и натягивая рубаху.

– Посмотрим, – произнес он. – Меня многие хотели убить, но до сих пор ни у кого не вышло! – Он подмигнул Анастасии. – Так отцу и передай.

Сначала у шатра Коршунова, который теперь числился как бы вождем, было совсем мало народу. Куда меньше, чем обычно. Они с Настей да Книва. Новоявленные дружинники Алексея где-то ошивались. Даже Сигисбарн усвистал куда-то. Коршунов подозревал: нашел средний сын Фретилы себе подружку из местных. Так что ужинали втроем.

Зато после ужина Коршунова вызвал на разговор Скулди. Сообщил, что честно пытался отговорить своего рикса от поединка. Не смог. Комозик упрям. Прямо как гот. Так что придется Коршунову туго. Но он, Скулди, сразу его предупреждает: никаких колдовских штучек. Комозик сказал: с воином я буду сражаться как с воином, а со злым колдуном не сражаются. Его убивают. В общем, если Коршунов применит какое-нибудь свое колдовство, все герулы на него набросятся. И много крови прольется, потому что, ясное дело, остальные тоже в стороне не останутся. И гревтунги, и гепиды.

– Дурак твой Комозик! – в сердцах бросил Коршунов. Он-то надеялся, что в случае чего просто пристрелит герульского вожака.

– Не говори дурно о моем риксе! – набычился Скулди.

Коршунов хотел вспылить, но подумал: если завтра все сложится для него удачно, то он, Алексей, станет вождем для Скулди. И тогда, надо полагать, уже о нем нельзя будет говорить дурно.

– Ладно, – сказал он. – Колдовства не будет. Спасибо, что предупредил.

Когда Коршунов вернулся, костер у его шатра горел втрое ярче и людей около него было намного больше: весь условный «десяток» Агилмунда вместе с командиром. Обсуждали, разумеется, будущий поединок. Склонялись к мысли, что рассчитывать Коршунов может только на свою непомерную удачу. Потому что справиться с Комозику под силу разве что Красному. Но Красному выступать за Коршунова было бы неправильно. Он все-таки не гот, а гепид. С другой стороны, Коршунов вправе выставить вместо себя бойца из своей дружины. Того же Агилмунда. Скорее всего, Комозик Агилмунда убьет, и тогда против него можно будет выставить еще одного бойца... а когда Комозик проведет десяток поединков, то утомится и у кого-нибудь появится шанс с ним справиться. Только не у Аласеи, разумеется. Лучше всего Агилмунда приберечь, а первым против Комозика Ахвизру выставить. Ахвизра – верткий. Комозик здорово попотеет, пока его убьет...

Коршунов минут пятнадцать слушал это обсуждение «коллективного жертвоприношения», потом взбеленился и заявил: всё! Хватит! Никто за него сражаться не будет! Да, рубится он так себе. Но, как верно замечено, у него, Аласеи, есть еще и удача. А кроме удачи – голова на плечах. И он собирается использовать эту голову, чтобы победить. Всем понятно? Тогда разговор окончен.

После такого выступления тема была закрыта. Более того, дружина Коршунова уверилась, что у вождя есть некий план. Так что все будет в порядке.

К сожалению, никакого плана у Коршунова не было. Так, кое-какие идеи...

Анастасия рядом с ним зашевелилась. Маленькая ступня коснулась колена Коршунова... Легкий, бесшумный прыжок с ложа – звук поглотила медвежья шкура на полу.

– Пей... – Чаша с вином, отличным Красным крымским вином, к сожалению, по-гречески разбавленным, коснулась его губ.

Возлюбленная умела угадывать его желания раньше, чем он сам.

Алексей знал, кем она была раньше. Гетерой. И шпионкой. Эта великолепная женщина с талией столь тонкой, что ее можно обхватить пальцами, с кожей младенца и голосом, стирающим все, кроме чувства, была оружием более страшным, чем копье в руках родича Коршунова Агилмунда, лучшего из готских воинов, которого знал Алексей. Анастасия была смертоносным оружием, отравленной стрелой, изготовленной в Риме, чтобы внезапно и безошибочно вонзаться в сердца врагов империи. Но Алексей не ревновал к ее прошлому. Ведь теперь она принадлежала ему, а не великой Римской империи. Только ему. Да, он сам никогда не сможет пользоваться этим оружием *по-настоящему*. И не захочет. Эта стрела больше не будет пронзать сердца. Хотя совсем недавно эта «стрела» чиркнула пару строк, которые сделали больше, чем тысяча готских копий.

Алексей отнял у нее чашу, привстал и сам поднес серебряный кратер к припухшим губам женщины. Даже в полной темноте он знал, каковы ее губы, и *видел* ее смуглое лицо так же хорошо, как при свете дня. Он слушал, как она пьет, и думал о том, что скоро, очень скоро им придется расстаться. Даже если из завтрашнего поединка он выйдет победителем.

Потому что в море, в набег он ее точно не возьмет. Потому что ему легче самому умереть, чем потерять ее ... но он не умрет, нет. Он не должен умереть. Он должен что-то придумать...

Настя уже заснула, а Коршунов все лежал, глядя в темноту, размышляя. Нет, он не должен сражаться с Комозиком по его правилам. Есть множество навыков, полезных в бою, кроме владения мечом. Навыков, в которых Коршунов намного более умен, чем его противник. Поединок – это то же соревнование. А что же это за соревнование, когда против гроссмейстера выступает любитель. Нет, может и любитель против гроссмейстера. Только не в шахматы. Как там пел Высоцкий? «Мы сыграли с Талем десять партий. В преферанс, в очко и на бильярде...» Правда, публика, которая ждет шахматного турнира, может не согласиться на партию в преферанс. Значит, надо, чтобы согласилась. Значит, надо создать такую ситуацию, когда сам факт соперничества станет выше формы. Создать ситуацию *вызова* для Комозика. Предложить ему соревноваться по правилам Коршунова, да так, чтобы войско не сочло, что Аласейя трусил. И так, чтобы отнюдь не глупый, хотя и упрямый Комозик не сообразил раньше времени, что игра идет уже не по его правилам... Думай, голова, думай! Неужели он, Алексей Коршунов, ученый-физик, кандидат наук, не сумеет перемудрить какого-то варвара?

Глава семнадцатая Поединок

– Ты все еще хочешь меня убить? – спросил Коршунов.
– Хочу, – честно ответил герульский рикс. – И убью.
– Угу. – Коршунов усмехнулся. – Ты меня напугал. Я уже убегаю.
– Беги! – ухмыльнулся Комозик. – Но не думай, что сможешь от меня убежать! Я поймаю тебя и разрублю на куски, как свинью!

– Ты?! Поймаешь меня?! – Коршунов расхохотался. – Ты стар и неуклюж, Комозик! Ты тиви свою не догонишь, если ей надоест с тобой возиться!

Это было оскорбление. Готы и герулы, хоть и научились пахать землю, по сути своей оставались охотниками. Лесными охотниками, для которых умение быстро передвигаться на собственных ногах (при необходимости – скрытно), умение преследовать зверя (или врага), догнать его, *загнать*, ценилось почти так же высоко, как умение убивать. Так что Коршунов знал, что делает. Теперь знал. Он все-таки придумал свою игру. И намеревался навязать ее Комозику. Сегодня утром Алексей встал за час до рассвета, провел рекогносцировку и просчитал все этапы. Если он сделает все, как надо, герульский рикс сыграет не по своим, а по его правилам. А уж там... как получится.

– Ты можешь убить только того, – продолжал Алексей насмешливо, – кто сам подойдет к тебе и подставит шею. Ты никогда не сможешь настичь и убить настоящего воина. Даже если он будет безоружен!

– Болтай что хочешь! – прорычал герул. – Тебя никто не слышит! И заката тебе не увидеть!

– Мечтай, Комозик! – воскликнул Алексей. – Мальцам и старикам одно утешение – мечтать! Мечтай! Но лучше оглянись! Все слышат меня! Все! – Коршунов махнул рукой, словно напоминая риксу герулов о теснящихся вокруг воинах. – И все слышат, когда я говорю: «Никогда тебе, Комозик, не догнать меня и не убить, если я сам не подойду к тебе и не подставлю шею! Не догнать и не убить, даже если у меня не будет оружия!»

– Ты лжешь! – взревел Комозик. – И все слышат твою ложь!

– Я лгу? – Коршунов расхохотался. – Ты слишком стар и неуклюж, Комозик, чтобы достать меня! Ха! – Он быстро расстегнул перевязь с мечом и бросил Агилмунду.

Шагнул вперед, показал открытые ладони. – Вот я! И оружия у меня нет! (Нож на поясе, ясное дело, – не в счет.) Мне не нужен меч, чтобы биться с тобой, Комозик! Убить тебя, старого и неуклюжего, – какая в этом слава? А ты, хоть с мечом, хоть без меча, – ничего мне не сделаешь. Ну вот я! – Коршунов вызывающе ухмыльнулся. – Попробуй взять

меня, герульский рикс!

Стройный, невысокий, без доспехов, в легкой одежде, он казался совсем малышом рядом со здоровенным, облаченным в доспехи герулом. Жертва, а не противник.

– Я тебя убью! – прорычал Комозик.

– Ха! Ты до меня даже не дотронешься! Ты...

Комозик атаковал молча. Стремительно. Меч вылетел из ножен и обрушился на Коршунова с такой быстротой, что даже воздух взвизгнул. Алексей отпрыгнул в сторону, едва не задев Агилмунда (тот успел посторониться), уклонился от следующего удара, подпрыгнул, пропуская клинок под собой...

Толпа раздалась в стороны, освобождая место противникам. Никто не хотел случайно угодить под меч рикса герулов.

Впрочем, случайных движений у Комозика не было. Он орудовал клинком быстро и экономно. Алексей успевал уклониться, но отнюдь не играючи. Не будь его враг отягчен доспехами, Коршунову пришлось бы по-настоящему туго. Герул был старше его минимум лет на десять и килограммов на тридцать тяжелее. Но двигался бы Комозик ничуть не медленнее Алексея, не будь на нем тяжелых доспехов, в то время как на Коршунове – ничего, кроме тонкой ткани.

После нескольких минут атак, прыжков и уходов, топанья, шуршания и вздымания пыли до герула наконец дошло, что Коршунова ему не достать. И именно из-за доспехов. Тогда он аккуратно воткнул меч в землю, снял шлем и взялся за завязки панциря.

У Коршунова было искушение: прыгнуть и попытаться перехватить воткнутый в землю меч, но он прикинул расстояние, оценил противника (Комозик явно был наготове) и решил этого не делать.

– Вспотел? – сочувственно произнес Алексей. – Или блохи донимают? Ладно, раздевайся, я подожду!

И демонстративно скрестил руки на груди.

Герул не ответил – восстанавливал дыхание. Впрочем, запыхался он значительно меньше, чем надеялся Коршунов. Да, загонять такую машину, способную биться несколько часов подряд, практически невозможно. А вот раздражить и заодно приобрести симпатии окружающих (Алексей понимал: по местным понятиям уклоняться от схватки – позорно, а он, как ни крути, именно уклонялся) – совсем неплохо.

– Как-то ты скучно меня убиваешь, Комозик, – насмешливо произнес Алексей. – Топчемся всё на одном месте. Скучно! Давай, что ли, поразомнемся, места вроде хватает... – Он демонстративно повернулся к противнику спиной, одновременно опытным взглядом скалолаза изучая склон. Изрезанный трещинами мягкий камень не представлял особой сложности для подъема. – Пожалуй, – по-прежнему не глядя на Комозика, продолжал он, – я бы поднялся повыше. А то мы здесь здорово напылили...

И в этот момент герул, избавившийся наконец от доспехов, схватил меч и бросился на него.

Он был дьявольски проворен, этот рикс. Но все-таки Коршунов успел раньше: подпрыгнул, зацепился и проворно, как ящерица, полез наверх. Для скалолаза его уровня эта стенка была – как лестница.

– Хорошо лезет, – сказал Крикша своему старшему сыну Тарвару, которого намеревался отправить в поход с Аласейей. – Лучше тебя.

– Я бы не стал лазать, – возразил Тарвар. – Я бы дрался.

– И этот герул прикончил бы тебя. Он рубится намного лучше тебя.

– Зато лазает намного хуже, – парировал Тарвар.

Комозик как раз закончил ругаться, сунул меч в ножны и полез наверх. Вероятно, его обманула легкость, с которой взбирался Коршунов. Рикс герулов физически был намного сильнее Алексея. Но и весил побольше, а навыками скалолазания обладал самыми минимальными. Разумнее ему было бы не лезть по скале «напрямик», а воспользоваться обходной тропинкой, но Комозик не привык отступать. Тем более – на глазах у собственных

воинов. Так что он упорно карабкался по скале, но в отличие от опытного скалолаза Коршунова не на «ногах», а почти исключительно «руками». Правда, руки у Комозика были могучие, а пальцы – железные.

Оказавшись наверху, Коршунов поприветствовал оставшихся внизу взмахом руки, затем подобрал булыжник килограмма в три весом, уселся на край обрыва и стал ждать, перекидывая камешек с ладони на ладонь. Честно говоря, он не рассчитывал, что Комозик полезет за ним. Алексей думал, что рикс воспользуется тропой. Может, не рисковать – прикончить его прямо сейчас?

Комозик преодолел примерно две трети «маршрута», оказался на более или менее приличной «полке» и смог наконец разглядеть, чем занимается его соперник. Увиденное не привело герула в восторг.

Для Комозика исход поединка был заранее предreshен. Он был уверен, что Аласея не в состоянии ему противостоять. Рикс знал, что стоит им скрестить клинки, и он сможет прикончить пришельца с неба в считанные мгновения. Но Комозик не собирался торопиться. Он намеревался поиграть с наглецом, пустить ему кровь, увидеть, как от осознания неминуемой смерти расширятся глаза Аласеи. И как они вылезут из орбит, когда клинок рикса герулов медленно погрузится в живот нахального чужака.

Уверенность в своем абсолютном превосходстве вкупе с жадой мести ослепили Комозика, и он не учел и преимуществ, какие дает выигрыш в высоте. Особенно когда у того, кто снизу, заняты руки и нет никакой возможности увернуться. Оценив положение, рикс герулов даже подумал: а не слезть ли обратно? Но когда поглядел вниз, то понял, что угодил в ловушку. Известная проблема всех неопытных «ползунов»: забраться-то легко, а вот спуститься...

В общем, рикс герулов решил: умирать – так с музыкой. И полез дальше. Собравшиеся внизу подбадривали его насмешливыми возгласами. Все, кроме герулов. Соплеменники Комозика хранили молчание. Не очень-то приятно смотреть, как твой вождь беспомощно движется навстречу смерти.

– Эх, – вздохнул Кумунд, глядя на маленькую фигурку Коршунова, играющую совсем крохотным камнем. – И не дострелить до него...

– Ну почему же? – усмехнулся Скулди. – Дострелить можно. Из Аласейевского самострела.

Кумунд посмотрел на друга, понял, что тот шутит, – и удивился. Как можно шутить, когда твой рикс – в опасности.

– Аласея не бросит камень, – сказал Скулди. – Я его знаю.

– Но ведь Комозик тогда его убьет! – возразил Кумунд. – Я бы бросил камень! Я бы бросал камни, пока не сшиб бы его со скалы! Это честно! Аласея совсем плохо сражается, а наш рикс сражается очень хорошо! Они оба это знают! Не надо было Комозику лезть на гору!

– Ты бы бросил, а Аласея не бросит! Ставлю золотую ромлянскую монету, что не бросит! Принимаешь?

Кумунд мотнул головой. Он привык доверять словам друга. Если Скулди сказал – так и будет.

Когда до края обрыва Комозику осталось метра два, он запрокинул голову и хрипло выкрикнул:

– Бросай, чего ты ждешь!

Коршунов помотал головой, отложил камень и поднялся. За его спиной была еще одна стенка, слева и справа – довольно широкая тропа. Слева тропа уходила наверх, справа – спускалась вниз, к бухте: сначала – по берегу речушки, потом – вдоль осыпи, вниз. Воспользуйся Комозик этой тропой – добрался бы сюда в три раза быстрее, чем напрямик.

Коршунов подождал, пока пальцы герула не ухватились за камень, на котором только что сидел он сам, поглядел сверху на побагровевшую физиономию соперника... и ничего не сказал. Комозик замер. Он здорово устал. И понимал, что Аласея сейчас может запросто

отправить его вниз. Одно движение ноги – просто смахнуть цепляющиеся пальцы. И никто даже не узнает, что Комозик упал *не сам*. И все там, внизу, сочтут его падение еще одним проявлением *удачи* Аласейи. Комозик даже приготовился (безнадежная попытка) ухватить ногу Аласейи, когда тот ударит...

Но Аласейя не ударил. Вместо этого он повернулся к Комозику спиной и спокойно двинулся вниз по тропе.

Последним рывком рикс герулов перебросил тело на тропу. Лежа, он с ненавистью смотрел на неторопливо удалявшегося противника. Но преследовать его сейчас не мог. Надо было перевести дух после подъема. И, может быть, немного привести этот «дух» в порядок, ведь совсем недавно Комозик уже полагал себя почти мертвым.

Снизу лежащего рикса не было видно, зато все видели спускающегося Коршунова. И строили предположения. Сходились на том, что Аласейя там, наверху, все-таки убил герульского вождя. Высказывались предположения по поводу того, как это было сделано. Кое-кто из герулов уже собрался подняться наверх, за телом, когда Комозик встал.

Встал, вытянул из ножен меч и рысцой пустился вниз по тропе. За Коршуновым.

Алексей оглянулся. Герул был метрах в шестидесяти. Коршунов видел его сосредоточенное лицо. В намерениях Комозика можно было не сомневаться. Несмотря на то что Алексей пощадил его там, на скале, рикс намерен довести начатое до конца. То ли воспринял снисходительность Коршунова как слабость, то ли еще больше возненавидел противника за эту самую снисходительность.

Коршунов дал герулу возможность приблизиться – и побежал. Легко и непринужденно, словно на прогулочной пробежке. Герул тоже побежал. Да так проворно, что расстояние между ними стремительно сократилось.

Алексей, услышав за собой приближающийся топот и сопение, оглянулся и прибавил.

Герул тоже прибавил.

Алексей припустил в полную силу... черт! Проклятый герул не отставал! Он действительно умел бегать! К Коршунову вернулось чувство, испытанное там, внизу, когда он уклонялся от герульского клинка. Жизнь снова висела на волоске. Любая ошибка становилась смертельной... теперь Алексей рвал изо всех сил, но Комозик не уступал ему в скорости!

Они промчались по тропе до того места, где она, упираясь в нагромождение камней, делала поворот вниз.

Коршунов с ходу прыгнул на ближайший валун, затем – на следующий. Он не сомневался, что Комозик последует за ним. И не ошибся. Герул последовал. И даже прыгал довольно ловко. И едва не достал Алексея на «выходе» из завала, в длинном рискованном прыжке махнув с угловатого валуна на наклонную гладкую поверхность скалы. К счастью, рикс малость не дотянул, сорвался и грохнулся в щель, приложившись так основательно, что даже не сумел сдержать крик. И все-таки через пару секунд он уже выкарабкался на скалу, даже меч не потерял. Выкарабкался и увидел, как Коршунов с разбега, оттолкнувшись от края скалы, ласточкой прыгнул в море.

– Я тоже так могу, – заметил сын Крикши, глядя, как Аласейя перевернулся в воздухе, благополучно миновал камни, торчавшие из воды у берега, четко, почти без брызг, вошел в воду и почти сразу вынырнул на поверхность.

Его противник помедлил не более нескольких мгновений – прихрамывая, устремился следом – и тоже прыгнул. Но куда менее грациозно. Летел, словно мешок, вдобавок запрокинулся на спину и рухнул в воду впритирку к обросшему космами водорослей камню, взметнув при этом тучу брызг. И уже не всплыл.

– Убился, – без малейшего огорчения резюмировал Тарвар.

– Так я и думал, – сказал крикша. – Куда этому герулу до *нашего* Аласейи.

Коршунов видел, как рухнул Комозик. Он не сумел разглядеть, задел ли герул о камень. Но даже если и не задел, мало ему не показалось. Плюхнуться спиной о воду с высоты порядка семи метров – это сурово.

Вообще-то Алексей на такое не рассчитывал. Он предполагал, что здесь, в воде, они продолжат свой поединок. Уже на равных, даже с некоторым преимуществом для отлично плававшего Коршунова.

Да, мало Комозику не показалось. В насквозь просвечиваемой солнцем воде было видно всё: зеленые бока камней, рыбешки, белый пятачок ровного дна. И быстро опускающееся на это дно темное тело. Упрямый герул, оглушенный, наверняка полуживой, все равно не выпустил из рук меч и теперь несколько килограммов железа утянули его на дно.

Ну да, утоп, зато с оружием в руке. Настоящая смерть воина.

«Дурак, – подумал Коршунов. – Но я – еще больший дурак!» – сделал три быстрых глубоких вдоха – и нырнул.

До дна было не очень далеко – метров шесть. Герул живописно разлегся на нем, разметав руки. Похоже, отрубился. Глаза закрыты. Морда по-прежнему зеленая. Крепкая краска, однако. Картинка для голливуда: воин морского царя на отдыхе. Меч он так и не выпустил.

«С этой железякой его точно не поднять», – подумал Коршунов. И попытался разжать пальцы. Хрена лысого! Проклятый герул даже в бессознательном состоянии расставаться с оружием не хотел. Коршунову потребовалось с полминуты, чтобы выкрутить меч из цепкого хвата. Заныло в груди, застучало в висках: запас кислорода был на исходе. Не выпуская меча, чтоб не всплыть раньше времени, Коршунов ухватил Комозика за патлы... и тут герулу приспичило очнуться. Вернее всего, приспичило ему, когда у него отобрали меч. Очнулся, открыл глаза, увидел над собой ненавистного соперника, оскалился... и вдохнул. До сего момента, похоже, он и не дышал вовсе, так что ощущение он получил убойное. Глаза вождя герулов выпучились, борода встала дыбом... но загребушие руки дело знали. Одна вцепилась в бок Коршунова, другая потянулась к его лицу...

Не долго думая Алексей треснул Комозика в лоб рукоятью меча. Оно конечно, в воде удар не тот, но – хватило. Герул мигом обмяк, Коршунов сильно оттолкнулся ногами от дна, устремляясь в светлой пленке над головой... стремительного всплытия не получилось. Упорный герул не хотел его отпускать. У него, похоже, был рефлекс. Как у бульдога. Если уж схватит – умрет, а не отпустит.

Коршунов выгребся наверх, жадно вдохнул – кайф!

Комозик висел у него на поясе, вялый, как дохлая рыба. Здоровенный, но совсем не обременительный. И опять та же дилемма: расцепить его пальцы и отправить на дно – никто не узнает, что именно Коршунов прикончил рикса герулов. Все видели прыжок. Все видели, что прыжок вышел неудачный...

«Хрен с тобой, – подумал Алексей. – Я тебя вытащу и попробую реанимировать. А там уж точно: как твоя личная удача положит!»

И, приподнявшись над водой, призывно замахал рукой. Давайте сюда быстрее, мать вашу!..

– Зовет! – сказал Тарвар. – Я сплываю, батя?

– Давай, – согласился Крикша.

Рыбачьей лодке понадобилось меньше минуты, чтобы одолеть полсотни метров.

– Бери его! – скомандовал Коршунов, подталкивая снизу грузное тело. – Да поживее!

– Чего поживее, ему теперь спешить некуда... – прокряхтел Тарвар, втягивая Комозика в лодку через просевшую корму.

– Живее, я сказал! – Коршунов забрался внутрь, мокрый и решительный. – К берегу! Он еще не умер!

– Как же не умер! – возразил парень. – Не дышит же!

Веслами, впрочем, он при этом работал довольно энергично.

– Задышит! – с яростью пообещал Коршунов. – Он у меня задышит!

– Ты бог, что ли? – удивился боран.

У берега лодку встречала целая толпа.

– Ну-ка взяли его, аккуратно! – скомандовал Алексей. – Аккуратно, я сказал! Вынесли и положили! Мордой вниз!

Поднатужившись, он взгромоздил тяжеленного герула животом на колено. Из рта рикса хлынула вода.

Сколько прошло времени с тех пор, как Комозик хлебнул воды? Три минуты? Пять?

Коршунов спихнул герула с колена, перевернул навзничь.

– Скулди!

– Я тут!

Ну конечно, он тут, в первых рядах толпы, плотно обступившей Алексея и его «пациента».

– А ну отошли все на пять шагов! – рявкнул Коршунов. – Скулди, делаешь так: вдохнул... выдохнул! – Он наклонился к бородатой пасти Комозика и с силой втолкнул в нее воздух. В груди у герула забулькало.

– Делаешь по моей команде... раз, два, три... – Он резко нажимал на выпуклую грудь Комозика. – Четыре! Выдох! И еще раз! Начали!

Чем хороши местные парни: в критических ситуациях никогда не задают дурацких вопросов. Просто делают, что сказано, оставляя вопросы на потом.

– Раз, два, три... четыре! – И Скулди выдохнул в своего вождя во всю мощь развитой грудной клетки.

К сожалению, и у самого вождя грудная клетка была – будь здоров.

Один цикл, второй, третий, четвертый... никакого эффекта. Не с Коршуновским весом продавливать такого качка. Все равно что пивной бочонок давить...

– Кумунд! – рявкнул Коршунов, углядев в толпе знакомую зеленокрашенную физиономию. – А ну иди сюда! Клади сюда руки! И нажимай вот так: раз, два... сильнее, мать твою так (последнее – по-русски, разумеется)! Из всех сил! Или твой рикс помрет! Раз, два... Скулди, отойди! Я сам!

На десятом цикле в могучей груди Комозика забулькало громче. Грудь его дернулась не в такт толчкам, расширилась, разинутый рот с сипением втянул воздух, глаза открылись... и увидели над собой все того же нанавистного Аласею.

Коршунов успел отодвинуться.

– Придержи его, Кумунд! Ему сейчас вредно двигаться!

Здоровяк герул беспрекословно выполнил команду и придавил к земле своего собственного рикса. Еще бы ему не послушаться! Только что у него на глазах небесный герой перетащил этого самого рикса из мира мертвых обратно в мир живых.

– Ф-у-ух! – вздохнул Алексей. – Тяжеленький сегодня день получился. Скулди, забирай его. – Он кивнул на снова обмякшего Комозика. – Думаю, теперь он не помрет. Блин! На бок его переверните! Быстрей!

Победоносного рикса начало рвать. Было бы обидно, если бы после стольких усилий по его оживлению Комозик захлебнулся собственной блевотиной.

– Разденьте его, оботрите досуха и заверните во что-нибудь теплое. Крикша! У тебя вроде бы лекарь есть толковый?

– Есть, – подтвердил боран. – Очень толковый. Боспорец. Из Феодосии.

– Пришли. Пусть осмотрит рикса Комозика. С меня довольно!

И растолкав, нет, не растолкав – раздвинув (его почтительно пропустили) толпу, Аласея – Небесный Герой, чье абсолютное лидерство больше никем не оспаривалось, удалился в свой шатер. Отдыхать. И думать, как быть дальше с мятежным герульским риксом.

Чует сердце: такие, как Комозик, пока живы – не успокоятся. Эх, зря Коршунов его не утопил!

Но удача по-прежнему улыбалась Алексею Коршунову. Греческий медик, осмотрев герульского вождя, нашел его состояние удовлетворительным. Если не считать закрытого перелома ноги. Когда он ухитрился сломать ногу? Наверное, наверху, когда сорвался с

камня. Крут, однако! Пробежать со сломанной ногой метров пятнадцать, да еще в воду прыгнуть!

Лекарь соединил кости и наложил шину, но ясно было, что для боевых действий Комозик временно не пригоден. Посему на закрытом герульском совещании было решено погрузить рикса на корабль и отправить домой с подобающим эскортом. Командование герульской частью войска Комозик поручил Скулди: вариант, полностью устраивавший всех, включая Коршунова.

На следующий день Комозик пригласил Коршунова в гости.

– Понимаю, почему ты меня пощадил, – сказал он. – С такой удачей можно быть милосердным.

– Я не знал, что у тебя сломана нога, – ответил Коршунов. – И убивать тебя не хотел. Такой воин, как ты, очень пригодился бы в нашем походе.

– Ты лжешь. – Комозик усмехнулся. – Ты пощадил меня не поэтому. Но я не стану с тобой спорить. С такой удачей, как у тебя, можно лгать. Любая ложь окажется правдой. Но когда ты вернешься, я проверю твою удачу еще разок. Раз уж ты мне предоставил такую возможность.

– Договорились, – ответил Коршунов.

Да, этот мужик умеет проигрывать.

«Пожалуй, он мне может начать нравиться, – подумал Алексей. – Но рядом с собой я все-таки предпочитаю видеть не его, а Скулди».

Глава восемнадцатая, в которой Алексей Коршунов разобрался с местной географией

Наконец-то Коршунов определился со своим местонахождением. Их лагерь базировался где-то в районе Севастополя, сравнительно недалеко от города Херсонеса, развалины коего Коршунов посещал в двадцатом веке и даже привез оттуда на память обломок какого-то древнего кирпича. Здесь Херсонес еще не превратился в развалины, назывался Херсоном и являлся довольно крупным городом с каменной крепостью, каменными домами и большим портом.

Шумный южный город, смешение народов, традиций и религий. Языческие храмы соседствовали с синагогой и с христианской молельней. В общем, это уже было не варварство, а *культура*. Цивилизация. Правда, Коршуновская Настя сморщила носик, когда Алексей назвал Херсон цивилизованным городом. С ее точки зрения, этот город был просто захолустьем. Тем не менее, на здешних улочках она чувствовала себя как рыба в воде. Впрочем, Агилмунд с Ахвизрой (и разумеется – с Книвой, как же без него), вызвавшие ее сопровождать Коршунова, тоже чувствовали себя в этом разноязыком городке вполне свободно. Агилмунд уже бывал здесь, а Ахвизра с Книвой уверенно чувствовали себя везде. Как и большинство их соплеменников, они полагали, что только готы – настоящие люди. Всех прочих следует рассматривать с точки зрения полезности для готского народа. То есть нельзя ли у местных жителей позаимствовать что-нибудь, пригодное в хозяйстве. И лучше, конечно, отнять, а не купить. К некоторому огорчению готов, грабить на здешних улицах не рекомендовалось. В городе наличествовала стража, которой ничего не стоило призвать к порядку нескольких гревтунгов, даже таких доблестных, как Ахвизра. Гуляли они совместно, впрочем, недолго. Опытный Агилмунд выяснил, где обитают доступные женщины, и трое гревтунгов отправились туда. Встретиться договорились в доме Крикши. Боранский вождь, как всякий уважаемый причерноморский лидер, имел в Херсоне недвижимость.

Алексей с Настей прошвырнулись по здешним лавочкам, накупили всякой женской лабуды. Коршунов не экономил на своих женщинах. Тем более что Настя безусловно заслуживала подарков. Правда, ее предложение посетить здешнюю христианскую общину Алексей не поддержал. Оказалось, что Херсонес-Херсон имел весьма активные контакты с Римской империей, и сравнительно недавно здесь даже стоял римский гарнизон, над главной

крепостной башней сияли на солнце римские «орлы». Контакты с проримской публикой были нежелательны. Настя, хоть и профессиональная «шпионка», все-таки женщина. Вдруг проболтается, что поблизости расположилась целая армия варваров, намеревающихся пощипать римского «орла». Тем более Алексей, в силу крайне слабого знания греческого языка, не сможет даже проконтролировать разговор.

Вообще же новая информация о здешнем геополитическом раскладе привела Коршунова в изрядное замешательство. Он-то полагал, что есть Рим (где-то там), и есть варвары, типа готов-герулов. Всех, кого он встречал доньше: боранов, аланов, сарматов, – Алексей относил ко второй категории и рассматривал исключительно как возможных союзников. Оказалось же, что все обстоит с точностью до наоборот. Все сколько-нибудь значимые народы-племена на побережье Черного моря были как раз союзниками Рима, получали от империи подачки, торговали с ней, ездили в империю повышать свой «культурно-экономический» уровень... более того, тут, на черноморском побережье, располагалось сильное и самостоятельное государство со своим флотом и армией. Боспорское царство. И цари его хоть и были вроде как местными, но крепко дружили с Римом и вполне могли вмешаться в планы Коршунова. Боспорский флот хоть и серьезно уступал римскому, но довольно успешно гонял пиратов от своих берегов. В том числе и пиратов боранского происхождения.

Однако когда речь зашла о том, как заблокировать этот неучтенный фактор, Крикша сделал удивленное лицо. Он был уверен, что вождь Аласейя – в курсе ситуации и уже договорился с царем. У нынешнего боспорского царя Рескупорида IV сейчас проблемы. У него появился конкурент, некто Фарсанз. Крикша не знал подробностей, поскольку уже больше года не был ни в пантикапее, ни в Танаиде, но зато он знал, что подобные трудности всегда вызывают нужду в финансах. Чтобы боспор не полез в драку, надо всего лишь объяснить царю, что союзники собираются грабить не боспорское царство, а римскую провинцию Понт. И сделать царю небольшой подарок.

– Хм... – с сомнением произнес Коршунов, выслушав предложение законтактировать его с боспорским двором. – Допустим, я соглашусь.

Он сделал знак – и жена Крикши наполнила его стакан. Самый настоящий стакан из самого настоящего, правда немного зеленоватого, стекла. И наливала она из натурального стеклянного графинчика, с ручками в виде лошадиных голов.

Спиральный золотой браслет со змеиными головками скользнул по кисти женщины, звякнул о стекло.

– Допустим, – повторил Коршунов. – Сколько это займет времени и каковы должны быть размеры взятки... тьфу!.. Подарка?

Услышав ответ, едва не уронил стакан с вином:

– Сколько-сколько?!

– Думаю, таланта три, – спокойно повторил Крикша. – Золотом, конечно, не серебром.

Три таланта – это здоровенная куча золота.

– ...Если поторговаться, то можно скинуть до двух, – продолжал между тем Крикша. – Но тогда время уйдет, а времени у нас, как ты знаешь, самое большее – дней двадцать.

– И где же я, по-твоему, возьму такую прорву золота? – поинтересовался Коршунов.

– Займешь, – последовал ответ. – Под мое поручительство. Возьмешь сейчас три, после похода отдашь пять.

– А если я не вернусь?

– Вернешься. Ты, Аласейя, удачлив, это все знают.

Сидящие за столом подтвердили это мнение кивками и восклицаниями. Здесь, за столом, были только свои. Сам Крикша с двумя сыновьями и женой, Скуба, Коршунов с Анастасией, Агилмунд (Ахвизра в бордельном квартале застрял основательно) и, разумеется, Книва.

– Пять за три – это слишком много, – рассудительно произнес Коршуновский шурин. – И не надо нам три таланта. Два, думаю, мы сами соберем. А за один отдадим полтора, когда

вернемся. Верно я говорю, Аласейя?

– Не знаю... – Коршунов запрокинул голову, поглядел на зеленую гору, где по дороге – полоске, выстриженной в кудрявой зелени, – спускалась цепочка осликов, навьюченных непомерно огромными корзинами.

– Не знаю... как ты говоришь, кличут того парнишку, из-за которого у парфянского царя *сложности* ?

Крикша сморщил лоб, пытаясь вникнуть в смысл сказанного Коршуновым:

– Твоя речь, Аласейя, непонятна мне. О чем ты говоришь?

– Как зовут человека, который покушается на власть парфянского царя?

– Его зовут Фарсанз. Он – племянник царя. Его отец – из сарматских вождей, чьи земли – к востоку от Данубия. У царя Рескупорида он командует конницей... командовал...

– А теперь?

– А теперь он сидит в Трапезунте ⁷ и ждет, когда царь покинет Пантикапеи, где у него много сторонников, чтобы проникнуть в город. Рескупорид знает об этом и из города не уходит. Но флот его – в проливе. И может нам помешать, если мы не откупимся. Кстати, Аласейя, если царю посулить еще и часть добычи, он может и корабли нам продать... на время.

– Обойдемся. Нам хватит и твоих кораблей. Скажи мне, Крикша, кто из них сильнее: Рескупорид или этот, претендент?

– Конечно, Рескупорид! – последовал ответ.

– Настя, – Коршунов повернулся к своей тиви, – скажи мне как римлянка: если империи угрожают два варварских племени, кому Рим заплатит: тому, кто сильнее, или более слабому?

– Слабому, – не колеблясь, ответила Анастасия.

Крикша поморщился: кто спрашивает женщину о мужских делах! Агилмунд тоже буркнул недовольно:

– Зачем платить слабому, что он может?

– Вот! – поднял палец Коршунов. – В этом все и дело. Слабый может немного, но, если ему заплатить, он сможет сделать сильного слабее. А если ты платишь сильному, то он слопаёт слабого и примется за тебя.

– Боспорский царь? – хмыкнул Агилмунд. – Какое ему дело до нас, гревтунгов?

– Ему – никакого. А вот нам до него дело будет! Боспор – северные ворота этого моря. Будь Боспор нашим, мы бы смогли многое.

– Боспорский царь слишком силен... – пробормотал Агилмунд.

– Вот и я о том же! Сделаем его слабее – и придет время, когда если не мы с тобой, то вот он, – Коршунов кивнул на жадно слушавшего Книву, – отнимет у него ключи от евксинского Понта! Крикша, ты можешь связать меня с Фарсанзом?

– Если ты хочешь дать ему денег – пустое. Боспорский флот ему не подчинится.

– Посмотрим, – усмехнулся Коршунов. – А денег, кстати, я ему давать не собираюсь. Гроша ломаного не стоит войско, которое *откупается* от врагов. Не мы от них – они от нас должны откупаться! – Коршунов покосился на Книву.

Пацан с открытым ртом внимал каждому его слову. Если бы остальные слушали его с таким же почтением... Ладно, плевать на почтение. Главное, чтобы делали то, что он скажет...

Глава девятнадцатая, в которой Алексей Коршунов проявил способности к дипломатии

⁷ Читателю, знакомому с историей и географией: это другой Трапезунт, не малоазийский (римская провинция Понт), а тот, о котором упоминает Иордан, – то есть располагавшийся в районе горы Чатыр-Даг, неподалеку от нынешней Алушты.

Смутно знакомые очертания крымских берегов. Гора Ай-Петри, скала «Парус», но без беседки «Ласточкина Гнезда»... кудрявые склоны, в каждой бухточке – селение, в каждой бухте покрупнее – порт. И городок. И башенки крепости. Крепостей оказалось на удивление много. Оно и понятно: богатое место – Крым. Привлекательное. Одна из крепостей, в районе мыса, опознанного Коршуновым как мыс Ай-Тодор, ему особенно не понравилась. Название у крепости было Харакс, что в переводе с греческого означало «военный лагерь, окруженный валом». Вала, впрочем, не наблюдалось – наличествовали добротные каменные стены. Но проблема была не в этом, а в том, что данная крепость была римской «военной базой». За ее стенами располагался личный состав каких-то там по номеру когорт италийского легиона. И можно не сомневаться: если мимо этой «базы» в один прекрасный день проследует сотня кораблей, под завязку наполненных вооруженными парнями, римляне обратят на это внимание. Следовательно... следовательно, идея, которую собирался реализовать Коршунов, становилась еще более интересной.

В Трапезунд они отправились на трех кораблях. Для солидности. Корабли были боранские, основа экипажей – кормчий и его помощник – тоже боранская. Прочая «команда» – готы и герулы. В общей сложности человек сто. Для солидности и охраны. В само посольство вошли: Коршунов, Скулди, Травстила и Агилмунд. От боранов представительствоваали Скуба и Тарвар. Еще Алексей захватил с собой Настю – после клятвенного заверения Крикши, что никакой опасности их миссия не сулит. Анастасия же хоть и женщина, а настоящая римлянка – и в качестве спутницы Коршунова существенно повышает статус последнего и подчеркивает «миролюбие» посольства.

Золота с собой не взяли. Только то, что на себе. В качестве подарков Коршунов решил использовать оружие. С намеком.

В двадцать первом веке добраться морем от Севастополя до Алушты можно было за несколько часов.

Сейчас, даже при попутном ветре, потребовалось почти два дня.

Трапезунд боспорский ничего особенного из себя не представлял. По крымским понятиям. Поселок, крепость, небольшой порт. Резиденция мятежного племянника была немногим больше дома Крикши в Херсонесе. Но охранялась по полной программе. Да и сам Трапезунд находился на военном положении. Причалившие боранские корабли встретила настоящая армия. Сотен пять, не меньше. Причем довольно прилично экипированных. Однако, узнав, что приплывшие – не десант боспорского царя, а посольство «варваров», высадку разрешили. Но наверх, в крепость, пустили только само посольство: шестерых плюс Книву, который нес сундучок с подарками. Коршунов ехал на сарматском жеребце, одном из двух оставшихся. Третьего он подарил Одохару.

Мятежный племянник боспорского царя принял послов немедленно. Правда, проявил разумную осторожность: в зале присутствовали человек десять вооруженных до зубов приближенных Фарсанза и дюжины две стражников в полном боевом. Племянник царя был не так уж молод: лет тридцати. Хотя точный возраст его Коршунов не взялся бы определить: сарматская кровь в Фарсанзе явно преобладала – натуральный азиат.

Разговор шел на греческом. Вернее, на том диалекте эллинской речи, коим пользовались в здешних местах. Коршунову слова Фарсанза переводила Анастасия, сам же он изъяснялся на языке готы. А на каком еще языке должен говорить вождь гревтунгов?

Привезенные посольством подарки особого восторга у Фарсанза не вызвали. Этого и не планировалось. Дары подбирал Травстила по четкому указанию Коршунова: оружие должно быть качественным, но без украшений и изысков. Смысл подарков таков:

«Простые добротные орудия убийства – вот что мы ценим!» Впрочем, золота на послах тоже хватало.

Понял ли Фарсанз намек – неизвестно. Получив подарки, с поистине царской прямоотой поинтересовался: конь, на котором прибыл предводитель посольства, – тоже подарок?

Коршунов его огорчил: подарок, но не Фарсанзу, а ему, риксу Аласейе. От его друга,

сарматского рикса Ачкама, с которым они вместе кушали *кью-ут* в меотийских степях.

Имя Ачкама Фарсанзу было явно знакомо. Если до сего момента мятежный племянник глядел поверх голов и слова цедил с изрядной надменностью, то теперь тон его резко переменялся. Фарсанз осведомился, как себя чувствует *его родич*, благородный Ачкама, здоровы ли его сыновья?

Коршунов вежливо ответил, что месяц назад здоровье Ачкама и его родных было в порядке. Затем бросил многозначительный взгляд на внимающих каждому слову приближенных Фарсанза и предложил тому переговорить наедине.

Тот согласился.

Они договорились. Еще бы им не договориться, если это было единственным выходом для них обоих: мятежного племянника, переоценившего свои силы, и новоиспеченного вождя варваров, неделю назад узнавшего о существовании сильнейшего государства северного причерноморья.

Глава двадцатая. В путь!

Наполненная углями жаровня отбрасывала красные отблески на белые стены комнаты.

Несмотря на жаровню, в комнате было прохладно. Но им не было холодно. Наоборот, их переплетенные тела были скользкими от пота. Даже роскошные волосы Анастасии повлажнели. Это была их ночь. Их последняя ночь, потому что завтра они должны были расстаться. Завтра войско союзников покинет лагерь и отправится с Коршуновым во главе за добычей и славой. А его тиви Анастасия останется здесь, в херсонском доме вождя Крикши. Это решено. Решено единолично Коршуновым, вопреки рекомендациям друзей и родичей, считавших, что римлянка может оказаться полезной, и вопреки желанию самой Анастасии, чьим единственным желанием было – всюду и всегда следовать за возлюбленным.

– Я не смогу жить без тебя, – сказала она Алексею. – Ты уйдешь – и моя жизнь потеряет смысл. А если ты не вернешься, я умру. Возьми меня с собой, Алеша!

– Нет, – ответил Коршунов друзьям и родичам. – Я никогда не поведу свою женщину туда, где ее могут убить.

– Нет, – сказал он своей Насте, – я не возьму тебя. Ты останешься здесь. Моему сердцу будет больно оттого, что тебя нет рядом. Но ему будет стократ больнее, если с тобой что-нибудь случится. Ты ведь знаешь, моя девочка, что такое война. Мы оба знаем: может так случиться, что я не смогу тебя защитить. Как я буду командовать войском, если все мои мысли будут о твоей безопасности? Нет, свет моей души, ты останешься здесь, в безопасности – и это самое большее, что ты можешь сделать для нашей победы. Не проси меня больше. Не говори об этом. В эту ночь между нами не должно быть ничего, даже будущей разлуки.

...Теплое прикосновение губ к обнаженной коже, ослепительное скольжение по кончикам нервов, дразнящее дыхание-шепот в ухо, в самую сердцевину: «Говори что-нибудь, любимый... говори... твой голос...»

Последняя ночь... Она сделала их бесплотными, сотканными из воздуха, темноты и жажды.

И все-таки утром, покачиваясь на спине своего готского мерина (сарматских красавцев он решил оставить в Херсоне), Коршунов не чувствовал себя измотанным. Наоборот, он ощущал себя всемогущим и непобедимым. Да разве он и не был таким?

Алексей оглянулся. Его (*его* !) войско растянулось почти на полкилометра. Над превосходной (две повозки разъедутся без труда) дорогой висела густая пыль – задних не разглядеть. Зато открывался отличный вид на море и расположившийся на мысе город Херсон, развалинам которого суждено дотянуть до двадцать первого века. Но сейчас этому городу до развалин было еще далеко. Независимый город Херсон был жив и мог постоять за себя. Коршунов попытался разглядеть крышу дома Крикши, но не смог.

– Скучаешь по своей тиви, Аласейя? – насмешливо спросил Одохар.

Он ехал рядом с Коршуновым и взирал на него сверху вниз, потому что не стал менять сарматского жеребца на «отечественный транспорт».

– Не скучай! В Боспоре много красивых женщин. А в Риме еще больше. Когда мы захватим римский город, ты сможешь перепробовать многих. Самых лучших!

– Лучше ее – нет, – серьезно произнес Коршунов. – И я благодарен тебе, Одохар, ведь это ты подарил мне ее!

Рикс усмехнулся.

– По мне, так ты отдался вчетверо. – Он потрепал по шее своего «сармата». – Ценность женщины – в сыновьях, которых она тебе родит и которые пойдут за тобой в битву. Постельные утехи – это сладкая патока. Война – вот настоящая пища мужчины! О воинах поют песни, о воинах и риксах – не о любовниках!

Коршунов не стал спорить. Он родился во времена, когда большинство песен было как раз о «любовниках». Впрочем, одно другому не мешает. Хотя для Коршунова, пожалуй, любовь – на первом месте, а битвы и власть – на втором. Вот для Генки Черепанова – наоборот...

И будь сейчас здесь Генка, тогда не Коршунов, а он ехал бы во главе войска. И Коршунов бы охотно принял такой вариант. Потому что битвы и власть были для него даже не на втором, а на третьем месте. Потому что кроме любимой у него был друг ... нет, не был – есть! Таких, как подполковник Черепанов, не так просто завалить!

И все-таки чертовски приятно было бы встретиться с Генкой именно так: во главе войска. И еще неизвестно, кто из них круче: летчик Черепанов, потерявшийся в квеманских лесах, или физик Коршунов, вышедший в вожди трехтысячного войска.

Впрочем, сейчас за Коршуновым следовало лишь две трети его воинства. Остальные (бораны и гепиды) двинутся к цели морем. Но дней через шесть-семь, если все пойдет, как задумано, обе части соединятся и «сухопутная» армия тоже погрузится на корабли. Если все пройдет, как задумано...

Глава двадцать первая Боспор киммерийский

Все прошло, как задумано. Ровно через шесть дней (в Крыму оказались на удивление качественные дороги) у ворот большого и красивого города, контролировавшего выход из пролива, называемого Боспором киммерийским, неожиданно появилось полуторатысячное войско мятежного Фарсанза.

Ворота, естественно, к этому времени уже были закрыты, поскольку появление Фарсанза было неожиданным, но не внезапным. Скрытно подобраться к крепости могла бы, скажем, дюжина пластунов, но не целое войско. Не та местность. В принципе, полторы тысячи мятежников – не такая уж большая угроза для укрепленного города с гарнизоном в тысячу копий, не считая воинских команд той части флота, которая стояла в порту. Тем более наместник города, верный слуга законного царя Рескупорида Четвертого, уже отправил гонцов к своему господину в Пантикапеи. Возможно, наместник даже рискнул бы выйти за стены и дать бой мятежнику, но проблема была в том, что вместе с Фарсанзом к воротам крепости пришли варвары. Две тысячи готов и герулов самого зверского вида.

Так что наместник выйти из города не рискнул. Таким образом, находившиеся вне крепости порт и припортовые постройки оказались в руках противника. Вместе с той частью кораблей, которые не успели удрать.

Наместник, человек, как сказано выше, преданный своему царю (не удивительно для такой ключевой позиции), был готов защищать город. Но Фарсанз тоже был не чужой. Сторонников у него в городе было предостаточно. Особенно – среди военной аристократии. Поэтому наместника «уговорили» буквально в тот же день. Посредством кинжала, воткнутого в живот. Убийце удалось удрать, потому что охрана наместника ловила его весьма пассивно. Затем городским лидерам было предложено открыть ворота царю Фарсанзу. В этом случае последний обещал, что союзные ему *варвары* не войдут в город, а

сядут на корабли и уберутся восвояси. В противном случае Фарсанз начинает осаду со всеми вытекающими. Конечно, боспорская крепость – серьезное укрепление. Так просто ее не возьмешь. Да и помощь со стороны из Пантикапей – не замедлит. Но пусть боспорцы не очень надеются на эту помощь, поскольку две тысячи варваров, пришедшие с ним, – лишь небольшая часть его новых *друзей*. А вообще-то их – несметные полчища.

В крепости размышляли сутки, потом на горизонте появились боранские корабли. Не бог весть что с военной точки зрения, четверти боспорского флота хватило бы, чтоб перетопить их все. Только где он, флот? Десятка два кораблей, «приписанных» к местному порту, в настоящее время либо отбыли на другой берег пролива, либо стояли в корабельных сараях. Так что бораны беспрепятственно вошли в гавань и высадили изрядное количество «морской пехоты». Это и решило дело. Крепость сдалась *царю* Фарсанзу. То был острый момент и для Фарсанза, и для варваров. Силы боспорцев (войско Фарсанза плюс гарнизон) и силы его союзников были примерно равны. А богатый город – совсем рядом. И плыть никуда не надо...

Авторитета Аласеи едва-едва хватило, чтобы обуздать свое «демократическое» войско. Но – хватило. И вечером того же дня варвары погрузились на корабли и двинулись на юг. Очень вовремя, потому что утром в боспорский пролив вошли корабли разъяренного царя Рескупорида, и город был вновь осажден. На этот раз своим законным правителем.

Но это уже были не проблемы Аласеи, а проблемы Фарсанза. Мятежник, впрочем, знал, на что шел, и был готов к такому обороту событий.

– Красивая крепость! – с кормы боранского корабля Коршунов смотрел, как уменьшается, удаляясь, киммерийская твердыня.

– И богатая, – добавил Книва. – Эх!..

– Не горюй, – успокоил его Коршунов. – Если здешние правители и впредь будут разбираться между собой, лет через двадцать ты придешь сюда с хорошим войском – и они сами откроют тебе ворота. И тогда постарайся не забыть о том, что главные богатства не здесь, в Меотиде, а там, – он махнул рукой, – в Риме.

– Я приду, – очень серьезно пообещал Книва. – И слова твои, Аласея, тоже не забуду.

Глава двадцать вторая, в которой Алексей Коршунов узнает, почему бораны так боялись римского флота

Ровный западный ветер пузырем вздувал красно-белый парус. Цвета снега и крови. Волнения не было, и узкий боранский корабль лишь мягко переваливался с борта на борт.

Алексей Коршунов, он же – вождь Аласея – небесный герой, стоял у носовой фигуры и смотрел на знакомый берег.

Да, этот берег он видел не раз и отлично помнил. Только теперь он был «диким»: ни благоустроенных пляжей, ни белых корпусов пансионатов и санаториев. Первозданная зелень и первозданное же нагромождение камней под береговым клифом. Впрочем, Коршунов видел и такие места. И именно такие места предпочитал, когда, еще в институтские годы, вместе с друзьями-скалолазами, выходил к морю – отдохнуть и погреться недельку после маршрута. Ему здорово повезло: он застал самый последний кусочек «единой и неделимой», когда по набережным черноморского побережья Кавказа прогуливались не боевики, а отдыхающие.

А теперь он сам ведет несколько тысяч боевиков к понтийскому городу Питиунду, будущей Пицунде.

Впрочем, «ведет» – понятие условное. Сейчас его корабль, можно сказать, в арьергарде флотилии. Нагружен под завязку: вся дружина Коршунова, пятьдесят шесть человек, на борту. Нет, не дружина. Скорее, личная охрана. Кораблек боранский, хоть и получше готских, все-таки не океанский лайнер, так, баркас-переросток с двумя носами, шагов тридцать в длину. Но ход – уверенный.

Мористее, метрах в пятидесяти, так же уверенно пенило зеленоватую воду похожее на

водный вариант Тяни-Толкая судно Одохара.

Могло бы и обогнать, но, видно, дал Одохар соответствующее указание кормчему: вперед Аласейи не лезть. Остальные четырнадцать кораблей, на которых плыли гревтунги, держались позади. Зато прочие участники похода: бораны, герулы и гепиды – пиетету не соблюдали и самым наглым образом обогнали главного вожда.

Перед гревтунгами, растянувшись широко и беспечно, шли герулы. Над самой высокой мачтой трепыхался личный «вымпел» Комозика: полотнище с красной волчьей мордой. Самого Комозика, разумеется, на корабле не было. Знамя поднял Скулди: в знак того, что он – не рикс, а лишь заместитель. Скромняга, блин. Герулов обогнали гепиды. На пяти кораблях. И трех бы хватило: гепидов осталось чуть больше сотни – наиболее преданных своему риксу Красному. Остальные ушли. Да их и было немного: после того, как по ним проехала сарматская конница.

Бораны, разумеется, шли в авангарде. И оторвались настолько, что сейчас Алексей видел лишь последние корабли их группы.

«Это они зря», – подумал Коршунов.

Будь у него возможность их притормозить, непременно притормозил бы. Возможно, Тарвар даже послушался бы прямого приказа. Но как это осуществить? Ни радио, ни даже флажковой сигнализации еще не придумали. Нет, зря Крикша поставил своего сына старшим. Лучше бы Скубу назначил. Тарвар – пацан молодой, безбашенный, вечно рвется вперед. А то, что будущие «братья-славяне» были лучшими мореходами, еще не делало их воинами лучшими, чем герулы и готы. Черт! С них станется начать высадку, не дождавшись остальных. И получить по чавке, если на берегу окажется достаточно сильный гарнизон. В любом случае, их преждевременное появление предупредит противника. Ну что за люди! Если бы они полностью приняли план Коршунова, то вся флотилия пала бы на ничего не ожидающих «понтийцев» как гром с ясного неба. А так вот плыть вдоль берегов – весьма опрометчиво. Теперь небось уже скажут, опережая союзный флот, вестники с предупреждением: «Скифы идут!»

И хорошо еще, если римляне увели от здешних берегов *весь* свой флот. Что, если они все-таки оставили пару кораблей, на всякий случай?

Узнать это наверняка невозможно. Даже у римлян стратегическая разведка поставлена так себе. А у прочих ее и вовсе... впрочем, ладно. С парой-тройкой римских кораблей их почти стопарусный флот как-нибудь управится.

Коршунов вздохнул, присел на бухту каната, поглядел на ту часть судна, которая сейчас была кормой. У рулевого весла стоял Книва. Парень на удивление быстро освоил методику управления, и боранский кормчий мирно дремал, прислонившись спиной к борту. Впрочем, никаких особых хитростей сейчас и не требовалось. При спокойном море да попутном ветре. Дремал не только боранский кормчий. Вся Коршуновская боевая команда бездельничала. Даже неугомонный Ахвизра дрых, устроившись в тени паруса. Коршунов тоже ощутил сонливость. Сейчас, по его прикидкам, конец октября. На черноморском побережье Кавказа – самое сладкое время. Алексей мельком глянул вперед...

И всю его сонливость как ветром сдуло.

Последние боранские кораблики, уже скрывающиеся за скалистым мысом, *разворачивались* ! Причем два из них, уронив паруса, выгребали к берегу, прямо на камни, а третий, тоже встопорщившийся веслами, наоборот, направлялся в открытое море.

Что за черт?

В следующую минуту все стало ясно. Когда из-за мыса возник еще один корабль, намного крупнее боранских суденышек, и уверенно устремился к тому из «боранцев», который уходил в море.

Коршунов поспешно вытащил самострел с приложенным монокуляром. Ах ты, мать твою...

Слаженно работая десятками весел, словно огромная многоножка, римский корабль (а это несомненно был римский корабль, даже боспорские были существенно меньше) настиг

боранское судно. Удар... длинные весла заработали в обратном направлении – и «римлянин» устремился на новую жертву. На этот раз – с герульской командой.

В перекрестье монокуляра Алексей отчетливо видел два громадных «глаза», намалеванных на бортах «римлянина» по обе стороны от форштевня.

– Подъем! – заорал Коршунов. – Подъем! Ромляне!

А римский корабль тем временем успел протаранить еще одно судно. Алексей видел, как суетятся на его палубе воины в блестящих шлемах. Звонкий удар – словно лопнула огромная струна – от борта «римлянина» потянулась дымная трасса.

Коршунов быстро перевел монокуляр и увидел, как вспыхнул парус одного из «герулов».

Но это был еще не полный список сюрпризов. Когда очередной жертве удалось ускользнуть от тарана, над бортом римского корабля нависла гигантская «виселица» и – хряп! – уронила вниз заостренное грузило размером с лошадиную голову.

Алексей увидел, как несколько моряков поспешно накручивают ворот, вновь поднимая груз, а пораженный им кораблик быстро погружается в море.

– Трирема! – выдохнул Ахвизра, вставший рядом с Коршуновым. – Доннар! Ты был прав, Аласей! Они ушли не все!

Сзади громко ругался по-борански кормчий. Требовал, чтобы все садились на весла. Мол, надо выгребать к берегу, иначе – пропали.

Кормчего никто не понимал, кроме Алексея. Да его никто и не слушал. Вся команда их корабля сгрудилась на носу, с каким-то жадным интересом наблюдая, как «римлянин» расправляется с беспомощными боранскими суденышками.

Флотилия рассыпалась в разные стороны. Большинство чесануло к берегу, хотя там не было ничего хорошего, кроме торчащих из воды камней.

Кажется, именно этого и добивался «римлянин» – чтобы враг выбросился на берег.

Ну уж нет!

Коршунов оттолкнул оказавшегося на пути воина и бросился к кормчему.

– А ну держи прямо, старый дурак! – заорал он по-русски.

Боран уставился на него, но на автомате продолжал выворачивать руль, и нос корабля уже смотрел на береговые скалы.

Алексей, не вступая в дискуссию, треснул борана по морде так, что того швырнуло на палубу.

– Книва! – заорал он. – К рулю! Живо на прежний курс! – И, сложив руки рупором: – Одохар! Только не к берегу!

Рикс услышал, энергично кивнул. Тоже не дурак. Понимает: если враг чего-то хочет, делай наоборот.

А большая часть готских кораблей уже забирала влево, к скалам.

– Держать прежний курс! – надрываясь, закричал Коршунов.

И тут же над морем прокатился куда более мощный рев Одохара:

– Гревтунги!!! Делай как я!!!

Готские суденышки продолжали двигаться навстречу триреме. А трирема, с не меньшей скоростью, приближалась к ним. При этом еще успевая очень ловко маневрировать и топить подворачивавшихся под удар «герулов». Маневрировала она с идеальной четкостью. Коршунов видел римского моряка у правого борта, державшего румпель. Тот тоже, конечно, даром времени не терял, но главной составляющей успешных маневров была четкая работа гребцов.

Не все герулы повели себя, как овцы, завидевшие волка. С некоторых начали стрелять по «римлянину». Один кораблик даже отважно попытался подойти борт к борту. Но сверху упало «грузило» – и на этом попытка взять трирему на абордаж закончилась.

Все это время Коршунов не отводил монокуляра от римской палубы. Гребцов он не видел – их скрывали борта. Зато тех, кто суетился на палубе, он видел отлично. Да, это были воины. Причем неплохо вооруженные.

Снова лопнула басовая струна, и дымящийся снаряд сорвался с палубы триремы. На этот раз – мимо. Огненная стрела с шипением ушла под воду. Весла по правому борту триремы дружно задрались вверх. В считанные секунды корабль развернулся на девяносто градусов – и протаранил еще одного «герула». Алексей обратил внимание на то, что сначала раздался треск, а уж потом торчащий над водой таран – бронзовая голова барана – вырезался в борт жертвы.

«Ага, – сообразил Коршунов. – Главный штырь – ниже ватерлинии. Ну естественно!»

Трирема «стряхнула» останки протараненного судна, сделала новый поворот – прямо по головам оказавшихся в воде герулов. Алексей увидел, как воин в сверкающих доспехах с красным гребнем на шлеме хлопнул по плечу того, кто держал румпель, махнул рукой – и трирема взяла новый курс – четко на корабль Коршунова. Ошибиться было невозможно. Даже без помощи монокуляра.

Алексей оторвал глаз от монокуляра. Ну точно! Они вырвались вперед. Естественно. Ведь на других кораблях флотилии спустили паруса, а их полотнище «цвета снега и крови» по-прежнему вздувалось пузырем – Коршунов *забыл* дать команду.

А вот боран, которому Алексей дал по морде, наверняка бы не забыл.

«Цыц! – скомандовал Коршунов совести. – Не до тебя!»

Что же делать, черт возьми?

Страшная трирема увеличивалась прямо на глазах. Вся Коршуновская команда сгрудилась на носу – кто с копьем, кто с луком. Отважные парни. Книва старательно правил. Боран сидел на палубе и пялился на приближавшегося «римлянина». Он лучше всех представлял, что будет.

Алексей подскочил к нему, ухватил за куртку и рывком поставил на ноги. Тяжеленный, блин!

– Мы идем – лоб в лоб! – произнес он как можно четче. И показал – кулак к кулаку. – Но в последний момент отворачиваем! Вот так!

Боран замотал головой:

– Не успеем! Не уйдем!

– Уйдем! – рявкнул Коршунов. – Ты сделаешь, понял?! Книва, отдай ему руль! (Парень яростно мотнул головой.) Живо! Я приказываю! Это его корабль! Агилмунд!!! Вы все! Живо на весла! Вперед!!!

Сам он бросился на нос, изготовил свой самострел.

А трирема была уже совсем близко. Алексей мог даже различить круглые отметины там, где скреплялись доски обшивки. И очень хорошо он видел римского кормчего, пожилого кряжистого мужика с обнаженными руками, без шлема, но в бронзовой «жилетке». Рядом с ним стоял классический легионер со здоровенным прямоугольным щитом – прикрывал.

«Нет, дружище, от меня ты его не укроешь», – подумал Алексей, ловя в перекрестье переносицу кормчего.

Какая удача, что волнения почти нет!

Одним глазом Коршунов глядел в монокуляр, другим – контролировал расстояние. Он видел, как разом взмывают и опускаются десятки весел. Совсем не так, как на прогулочной лодке. Они вращались, словно лопасти гигантских колес. Очень быстро, гребков по сорок в минуту.

...Мускулы кормчего напряглись. Он изо всех сил толкал румпель, выправляя ход корабля. Нацеливая его точно на несчастное суденышко Коршунова. Пора!

Алексей задержал дыхание и плавно надавил на спуск. Нет, не зря он столько тренировался! Прикрывающий легионер даже не успел среагировать – короткий арбалетный болт угодил кормчему точно в лоб!

Нос триремы рыскнул влево...

– Давай, дед! – яростно по-русски заорал Коршунов. И тут по-готски: – Левый борт! Суши весла!

Боран не оплошал. И гревтунги – тоже.

Разминулись.

На палубе «римлянина» заорали. Страшная штукавина с грузилом мотнулась над бортом – бульк! Мимо!

Свистнуло копьё – и воткнулось в живот неосторожного легионера! За спиной Коршунова жизнерадостно захохотал Ахвизра. Судно запрыгало на волнах, поднятых большим кораблем.

Тем временем кораблик Одохара, воспользовавшись суматохой и тем, что внимание римлян отвлечено, попробовал подобраться к нему с другого борта.

Не вышло. Алексей услышал оглушительный треск, а потом яростные вопли: по-готски и по-латыни.

Чуть позже он увидел удаляющуюся корму триремы – и корабль Одохара с надломленной, наклонившейся мачтой. Все суденышко опасно наклонилось. Одохар и один из дружинников рубили в два топора, спеша избавиться от опасного перекося.

Чуть подальше в воде плавали обломки нескольких весел. Трирема тоже пострадала. Незначительно, но на какое-то время ее маневренность снизилась, и остальные готские суда успели убраться с ее курса. Да и с разворотом она на этот раз промедлила. Немного... но достаточно, чтобы в голову Коршунову пришла новая мысль.

На судне Одохара как раз дорубили мачту и собрались спихнуть обломок, когда Коршунов закричал:

– Одохар! Мачту не бросай!

Рикс вскинул голову, поглядел на него.

– Рогатина! – заорал Алексей. – Вспомни, как кабана берут! Понял?

Уж в чем, в чем, а в тугодумии рикса гревтунгов упрекнуть было нельзя. Сообразил мигом, засмеялся, скомандовал своим.

Обломок мачты тотчас развернули вдоль корпуса. Одохар в два взмаха топора очистил ее от остатков рангоута, прорубил паз, вогнал в него обух боевой секиры и ловко закрепил ремнем. Грубовато получилось, зато быстро. А это было важно, потому что трирема уже возвращалась.

Коршунов припал к монокуляру, и два намалеванных глаза мрачно уставились на него. А пониже глаз – баранья голова с «расчесанной» надвое бородищей пены. Трирема разогналась узлов до десяти, не меньше.

Коршунов покосился на Одохаров кораблик. Снесет как пить дать. Даже не заметит. А-а-а!.. Два раза не умирать!

Он снова припал к монокуляру, вдавил в плечо удобный приклад. В чем удобство корабля, у которого два «носа»? Разворачиваться не надо. Только гребцам на скамьях. Ну и парус спустить, конечно. Коршуновские молодцы уже гнали вперед. Не очень усердствуя.

Алексей приноровился к слабой качке, искал монокуляром римского кормчего. Нашел. Теперь это был здоровенный мужик в пластинчатом доспехе и в бронзовом шлеме. И прикрывали его уже двое. Но щель все равно оставалась: кормчему надо видеть, что происходит впереди.

Паутинка прицела метнулась в сторону.

– Ровнее грести! – крикнул Алексей.

«В голову не попасть», – подумал он. Ладно, попробуем по корпусу. Не пробьет – все равно мало не покажется.

Покосился в сторону Одохарова кораблика. Там уже изготовились. Человек десять крепко держали «рогатину» под острым углом, вдоль линии киля, уперши ее «пятку» в скос второго «носа», а «рабочий конец» купая в соленой воде.

Кое-кто снял доспехи, предчувствуя, что после столкновения боранский кораблик перевернется, а то и вовсе рассыплется на части.

На триреме не заметили их приготовлений. Или сосредоточили все внимание на Коршуновском судне.

Точно. Басовый звон – и здоровенная стрела метнулась к ним. Но боранский кормчий – молодец! – успел загодя переложить руль, и стрела с шипением воткнулась в воду метра на два правее.

Тут Коршунов сообразил, что на этот раз они будут огибать «римлянина» с другого борта и корпус триремы заслонит от него кормчего.

– Налево! – закричал он. – Дед, бери левее! На веслах – налегай!

Судно рванулось вперед, обогнало корабль Одохара – и еле-еле сумело проскочить между ним и надвигающейся триремой. Чуть ли не в самый последний момент. И (нет худа без добра) успело на несколько последних и самых важных секунд заслонить «охотника» от римлян. Это не было задумано, но получилось просто превосходно. Алексей выстрелил – и попал. И тут же корабль Одохара выскочил из-за судна Коршунова, и бивень самопального тарана глухо ударил в гладкий корпус триремы чуть пониже ватерлинии. Кораблик Одохара отшвырнуло в сторону – так кабан-секач сносит зазевавшегося охотника. Обломок мачты вырвало из рук готов. Кто-то с воплем взлетел в воздух и шлепнулся в воду – к счастью, в стороне от триремы.

Римский корабль прошел в каких-то двух-трех метрах от судна Коршунова. Над головами мелькнули задранные весла. Волной кораблик Алексея подбросило вверх. Если бы сейчас римляне вознамерились уронить на них свое «грузило» – тут бы кораблю с парусом «цвета снега и крови» и абзац пришел.

Но имперцы замешкались.

«Не получилось!» – подумал Коршунов, глядя на удаляющуюся корму триремы.

– Ну ты молодец! – заорал Ахвизра, хлопнув Коршунова по спине с такой силой, что у того даже дыхание перехватило.

– Давай-давай-давай! – на одной ноте яростно орал Агилмунд. Боран-кормчий уже бежал ко второму «носу», а подручный Книва тащил здоровенное рулевое весло.

Трирема между тем снова разворачивалась и... Алексей заорал от восторга не хуже Ахвизры. Нос триремы заметно осел. От «бараньей головы» на поверхности остались одни рога.

Трирема остановилась, не закончив разворота. Двое римлян прыгнули в воду с куском рогожи. Хотели, видно, прикрыть дырку снаружи. Кто-то из Коршуновских стрельнул по ним из лука.

– Нет! – заорал Алексей. – *Этих* не бить! Только тех, что на палубе!

Черт! Если удастся захватить трирему!..

К подраненному «римлянину» уже спешили маленькие кораблики гревтунгов. Но зверь еще был способен кусаться. Сверху полетели стрелы. Из обычных луков. И – посланные боевыми машинами. Справа от судна Одохара, взметнув белый фонтан, плюхнулся снаряд. Кораблик, первым ударившийся о борт триремы, тут же пробило «грузило». А вдоль бортов, щит к щиту, уже строились легионеры.

Суденышко Коршунова подошло к триреме с кормы. Ахвизра с рычанием метнул топор. За топором змеей устремился привязанный к топорищу канат. Ахвизра промчался прямо по борту судна, оттолкнулся изо всех сил, ударился ногами о корпус триремы, завис на долю секунды, еще раз толкнулся, перемахнул через фальшборт и исчез из виду.

Но все-таки первым был не он. Первым был Одохар. У Алексея челюсть отвисла, когда он увидел, как двое готов вцепились в римское весло, а потом этот немолодой уже мужчина как по ровной дороге *пробежал* по этому самому веслу до самого клюза, высоко подпрыгнул, ухватился *одной рукой* – во второй был меч – за ограждение, перебросил свое массивное тело на ту сторону и тут же врубился прямо в римский строй.

Гребцы проворно убрали весла. Судно Коршунова с противным скрежетом проехало по обшивке триремы, и несколько его парней во главе с Агилмундом полезли наверх. Остальные дружно метнули копья. Но римляне наверху были начеку – и «залп» не принес особых результатов.

Алексей вскинул перезаряженный арбалет. Банг! – и в плотной стене щитов

образовалась брешь. Рычаг на себя, болт – в канавку – банг! Римлянин с красивым красным гребнем (наверняка офицер) все-таки успел подставить под удар выпуклый красный щит. Только это не помогло. Арбалетный болт прошел насквозь и продырявил ему плечо. Убил римлянина другой. Здоровенный гот из тех, что примкнули к Одораху по дороге, возник за спиной «красногребневого» и одним махом снес тому голову. Стало ясно, что битва выиграна.

То есть римляне еще отбивались. Еще держали строй и даже попытались контратаковать. Но на палубе триремы уже было полно нападающих. Раза в три больше, чем защитников. Добьют. Коршунова сейчас больше беспокоило другое: брешь, пробитая импровизированным тараном. И то, что нос триремы все больше погружался в воду.

– Храни! – Он сунул арбалет Книве, а сам быстро скинул с себя все и нырнул в море.

Вода была теплая. Это хорошо. А еще лучше то, что римские «водолазы» успели-таки прикрыть борт рогожей. Давлением воды «пластырь» прижало к корпусу, и течь существенно уменьшилась.

Алексей вынырнул, глотнул воздуха, перевалился через борт.

Когда он взобрался на палубу триремы, там уже дорезали последних легионеров. Вопросами плавучести никто не озаботился.

Алексей быстро огляделся – с верхней палубы триремы обзор был существенно лучше, чем с борта боранского корабля. Так, вроде все путем. Союзный флот, хоть и изрядно поредевший, снова собирался вместе. Но если сейчас из-за мыса выйдет еще одна трирема...

Нет, вряд ли. Было бы их больше, атаковали бы все сразу. Да уж, теперь понятно, почему бораны наотрез отказывались идти против римского флота.

– Агилмунд! – Коршунов ухватил за руку сына Фретины.

Тот глянул дико, замахнулся... но удержал руку, узнав в голом мокром человеке родича.

– Возьми пару человек – и за мной! – крикнул Коршунов. – Не хочу, чтобы эта штука затонула, понял?

Глава двадцать третья Трофей

Они справились. Наложили заплату. Вычерпали воду. Вытряхнули из доспехов и побросали в море останки убитых римлян. Почти как мусор. Скуба пробормотал некую религиозную формулу, мол, дарит тела врагов морским богам – и все.

Коршунов был недоволен. Не то чтобы в нем гуманизм проснулся, вовсе нет. Он помнил, как римляне топили боранские корабли. И как трирема шла прямо по головам уцелевших, он тоже не забыл. Но эта резня – полный идиотизм. Он-то рассчитывал порасспросить пленных, взять пару уроков судовождения. Но не успел. Пока он разобрался с дыркой, всех уже прикончили. Коршунову даже в голову не могло прийти, что эти бородатые отморозки перебыют *всех*.

Конечно, Алексей высказал все, что думал по этому поводу. Лично Одохару. Но тот лишь пожал плечами.

Да, лучше было бы оставить несколько «языков», но такой уж мы, гревтунги, народ. Если рассердимся, то не успокоимся, пока всех не перемочим. Привыкай, Аласейя.

«Хрен вам! – подумал Коршунов. – Я вас от этой дурной повадки: резать всех, кто под руку подвернется, – отучу!»

Но это – дело будущего. А сейчас все они могли праздновать победу. И гордо задирать подбородки. Ведь это не герулы, не бораны, кичащиеся тем, что они – мореходы, захватили римский корабль. Это сделали они, гревтунги! И исключительно потому, что он, Леха Коршунов, в нужный момент подключил мозги и сообразил, как прикончить вепря. Пусть главную работу проделал Одохар, но главная заслуга – его!

И это, черт возьми, тоже было очень приятно! Положительно, фортуна ему симпатизирует.

Когда Коршунов агитировал боранов не тащиться вдоль берегов, а выйти в открытое море, он, конечно, понимал, что это – риск. Несмотря на компас, умение определять скорость с помощью брошенной за борт веревки с поплавками и знание математики. И он был зол, когда бораны категорически отказались терять берег из виду. Мол, если шторм – так они и укрыться не успеют.

Определенный резон в этом был. Плавать по морю на этих беспалубных судах могли только исключительно храбрые люди. Простая байдарка, затянутая рогожкой, и то была надежнее. По прикидкам Коршунова, для таких вот лоханок волнение в каких-нибудь пять баллов – уже смертельный риск. А то и – «вечная память».

«Вечной памяти» не хотелось. Хотелось жить и радоваться. Любить Настю, пить молодое вино, строить наполеоновские планы... и претворять их в жизнь. Что для покойника крайне затруднительно. Еще хотелось, навоевавшись, вернуться «домой», взять пару сотен дружинников и прошерстить дикие квеманские леса. На предмет отыскания командира. Чуяло сердце: жив курилка! Вытащить Генку из квеманской глуши, посадить рядом: пусть порадуется, глядячи, как поднялся его пилот-исследователь.

Очень лестно было Алексею показать старшему другу, какой он, Коршунов, молодец.

Так что не было Алексею никакого резона тонуть, и жестко настаивать на своем Коршунов не стал. И вот как удачно получилось. Такой роскошный трофей. Правда, и заплатили за него недешево. Почти четверть флота отправилась на дно. И несколько сотен бойцов. В основном – бораны и герулы, которые шли впереди. У боранских корабликов не было ни средств защиты от триремы, ни возможности уйти. Только броситься врассыпную или навалиться всем скопом. Хитрый ход Коршунова на время лишил трирему хода и позволил взять на бордаж. Но и бой на палубе обошелся его соратникам достаточно дорого. Экипаж триремы – почти три сотни человек, включая и гребцов, разумеется. Никаких прикованных к веслам рабов, о которых так любят писать в исторических книгах, на римском корабле не было. На гребных скамьях сидели те же legionеры, которые во время бордажа вылезли наверх и вступили в бой. Другое дело, что удержать борта корабля им все равно не удалось, а когда на палубу со всех сторон хлынули готы, никаких шансов у римлян не осталось. И надо же было этим мясникам перебить всю римскую команду!

Коршунов собрал на триреме самых сообразительных боранов; прибавил к ним тех, кто, подобно Скулди, успел повоевать в римских наемных войсках; сам излазал корабль от трюма до «вороньего гнезда» на верхушке мачты...

Короче, времени было – в обрез, и со снастями они так толком и не разобрались. Кое-как разобрались с дыркой в носовой части. Наложили заплату. Правда, из-под заплаты все равно текло, но в трюме обнаружилось что-то вроде небольшой ручной помпы, и трое выделенных Коршуновым бойцов вполне успевали отправлять воду обратно за борт. С помощью Одохара и Скулди Коршунов отобрал самых здоровенных и усадил их на скамьи гребцов (три яруса, трижды по двадцать семь весел – с каждого борта, по гребцу – на весло), благо опыт совместной гребли был у всех, поставил у руля двух кормчих-боранов и велел трогаться. Новый план его был прост: прикинуться своими, войти на триреме в питиундский порт, «десантироваться», силами нового экипажа триремы закрепиться на берегу и ждать подхода основных сил. Основным же силам на боранских кораблях, выслав разведчиков, следовало держаться на удалении, вне пределов видимости, и появиться только тогда, когда авангард закончит высадку. Такой вот сюрприз.

Но если кто-то на берегу видел, как захватили римский корабль, и этот «кто-то» успеет предупредить жителей и гарнизон, никакого сюрприза не получится. Так что следовало поторопиться.

Собрав на палубе «младших командиров», Коршунов строго-настрого предупредил: резней не увлекаться. Ему нужны живые источники информации, а не безголосые покойники. Вот были бы у него сейчас под рукой человек десять римлян, разбирающихся в морском деле, насколько проще было бы управиться с триремой...

«Младшие командиры», все сплошь участники штурма и, следовательно, участники

превращения «источников информации» в безголосых покойников, сокрушенно молчали. Даже рикс Одохар – и тот помалкивал.

Тем временем гребцы наконец разобрались с веслами, и трирема сначала потихоньку, а потом все быстрее и быстрее заскользила по воде. Через полчаса весь прочий флот остался далеко за кормой.

Палубу привели в порядок. Часть готов, помельче, натянули на себя римские доспехи. Коршунову торжественно поднесли начальнический шлем, чуток помятый – похоже, наступил кто-то, – зато с позолотой, чеканкой и красивым красным гребнем.

Глава двадцать четвертая Высадка

Через четыре часа они вышли к Питиунду-Пицунде. Издали городок не впечатлял. Херсон-Херсонес раз в десять больше. Зато порт был хорош. Очищенный от камней берег ограждали две сходящиеся стены, «украшенные» башенками, казавшимися издали игрушечными. Однако внутри этих башенок могли оказаться совсем даже не игрушечные орудия. Конечно, местные орудия – не скорострельные пушки. Но и трирема (не говоря уже о боранских судах) – не ракетный крейсер. Каменное ядро весом в полцентнера вполне могло отправить ее на дно. Подобные ядра, сложенные аккуратной кучкой у рамы здорового камнемета, Коршунов видел в херсонесской крепости, и они его впечатлили.

Одна надежда: римляне еще не знают, что их трирема захвачена.

На совете вождей присутствовали Одохар, Агилмунд, Скулди и, естественно, сам Коршунов.

Следовало разработать план атаки. Вернее, это Алексей полагал, что надо разработать план. Все остальные придерживались другого мнения.

– Все будет хорошо, Аласейя, не беспокойся! – покровительственно пробасил Одохар. – Мы их побьем.

– Ты уверен? Мы даже не знаем, сколько там воинов.

– Сколько бы ни было, – усмехнулся рикс. – Ты еще не видел гревтунгов в *настоящем* бою.

– Ну почему же! – возразил Коршунов. – А с сарматами?

– Так то сарматы, а то ромляне! – с оттенком пренебрежения произнес Одохар.

Коршунов покосился на Скулди. Герул считался экспертом по римлянам.

– Не беспокойся, Аласейя, мы их побили на море, побьем и на суше.

– «Мы их побили!» – фыркнул Агилмунд. – *Мы* их побили! А вы удирали, как зайцы!

– Ха! – зарычал Скулди, моментально наливаясь гневом. – Это вы удирали бы, кабы Аласейя не придумал – с мачтой! Мы, герулы, никогда...

– Скулди! Агилмунд! – рявкнул Коршунов прежде, чем перебранка набрала силу. – Ну-ка остыньте! Не одни!

Он был прав. Находившиеся на палубе воины и гребцы «верхнего яруса» с большим интересом прислушивались к «беседе». Впрочем, такие зычные голоса, как у Скулди с Агилмундом, было слышно и под палубой.

– У вас скоро будет возможность посоревноваться в доблести, – сказал Коршунов. – Но я хочу, чтобы вы поняли: наша задача – не определить, кто из вас храбрее, а захватить порт и дожидаться подхода основных сил. И в первую очередь после высадки разобраться с башнями в гавани...

– Почему после высадки? – удивился Скулди. – У нас на палубе две катапульты. И полно зажигательных снарядов. Мы ударим по этим башням, а потом, прямо с палубы, на ходу, атакуем. Главное, быстро развернуться, чтобы не дать им подготовиться и поднять цепи.

– Какие цепи? – удивился Коршунов.

– Обычные цепи, которыми вход в гавань перекрывают.

Удивленный, что вождь Аласейя может не знать таких элементарных вещей, Скулди

растолковал. Каждая приличная гавань, хоть питиундская, хоть херсонская, имеет на вооружении цепи, которые в обычное время лежат на дне морском, а при необходимости натягиваются специальными машинами, поднимаются на поверхность и перегораживают вход в гавань. Очень просто и эффективно. И главная военная задача тех, кто защищает башни, — не «артиллерийский» обстрел, а как раз поднять эти самые цепи и пресечь проникновение противника в гавань. Но чтобы поднять цепи, требуется определенное время, поэтому очень удачно, что трирему беспрепятственно пропустят внутрь. И вот тогда...

Коршунов кивнул. Очевидно, что Скулди лучше него разбирался в местной штурмовой тактике. Была в этой системе «на авось» какая-то неправильность. Но сама система, очевидно, срабатывала. Иначе его собеседников давно прикончили бы. В этом мире вторая попытка давалась крайне редко. Как сказал кто-то из древних (а может, не таких уж и древних по местным меркам): «Горе побежденным!»

— Может, имеет смысл собрать наших воинов? — предложил Алексей. — Поговорить с ними?

— Зачем? — в один голос спросили Агилмунд и Скулди.

— Ну... объяснить задачу... воодушевить...

Агилмунд и Скулди глянули на Коршунова, как на слабоумного, переглянулись...

— Не нужно никому ничего объяснять, — очень спокойно произнес Одохар. — И воодушевлять наших воинов не нужно. Ты увидишь. Не беспокойся, Аласея. Все будет хорошо.

«Хрен с вами, — подумал Коршунов. — Делайте что хотите».

Ему ли учить этих мужиков, прошедших через десятки схваток, как нужно воевать. Наверняка они лучше его знают, на что способны.

Трирема, подгоняемая слаженными ударами весел, бойко продвигалась вперед. Ее новые гребцы вполне освоились и ничуть не уступали старой команде. Синхронной гребле они были обучены, здоровья у каждого — немерено. И рулевые, бораны, тоже более или менее освоились. Еще в пути поотрабатывали маневры. Если на подходе к порту трирема вместо четких поворотов начнет неуклюже мотаться из стороны в сторону, римляне могут насторожиться.

Коршунов стоял у загнутого кверху носа, опершись на фальшборт, и смотрел на приближающийся город.

За его спиной слаженно ухали гребцы, поскрипывало дерево, негромко ругался Скулди, наставляя своих, как надо обращаться со «скорпионами» — стационарными машинами, старшими братьями Коршуновского самострела, способными метать зажигательные стрелы внушительных размеров. Вообще на триреме оказалось довольно много «горючки» — зажигательной смеси, явно на нефтяной основе.

Вдалеке, отстав намного больше, чем планировал Коршунов, тянулись боранские корабли.

Имело смысл придержать гребцов, но Коршунов не стал этого делать. Не стоит сбивать парней с ритма. Тем более им еще драться...

В гавань они вошли четко. Настоящие римляне не сделали бы этого лучше. Никто ничего не заподозрил. Цепи, о которых поведал Коршунову Скулди, так и остались лежать на дне. У пирсов стояли какие-то суда. Не военные. На берегу тоже не было солдат. И когда трирема рыскнула в сторону ближайшей башни, не слишком высокой — метра на четыре выше борта триремы, — там тоже не предприняли ничего. Коршунов успел разглядеть молодое лицо римского солдата — между зубцами наверху, и тут откуда-то вынырнули парни Скулди с дымящимся «ведерком» на длинном шесте.

Опаньки!

Содержимое «ведерка» ухнуло в «окошко» башни, полыхнуло... и изумленное лицо римлянина исчезло за клубами дыма.

Скулди заорал, трирема круто развернулась, в несколько могучих слаженных «гребков» пересекла гавань, снова развернулась... Во второй башне тоже ничего не успели

предпринять. Заряд «горючки» канул в ее недрах; еще одно «ведерко» по немыслимой дуге, едва не задев снасти, взмыло вверх и плюхнулось на верхнюю площадку. Раздались дикие вопли, но трирема уже двигалась к берегу, к самому широкому пирсу, по обе стороны которого стояли пришвартованные суда, не оставляя и нескольких метров свободного места. Тут и обычной лодке негде пристроиться, не то что триреме. Но боранский кормчий направлял трирему прямо к занятому пирсу, весла ритмично пенили воду...

И трирема подошла к причалу, ничуть не убавив скорость...

«Сейчас разобьемся!» – подумал Коршунов.

Ничуть не бывало. Все было продумано. Длинные весла по левому (со стороны пирса) борту триремы взмыли вверх, а таран триремы с хрустом врезался в крайнее из пришвартованных у пирса судов.

В боевых условиях (Коршунов это видел собственными глазами) трирема слегка сдавала назад, протараненный противник «соскакивал» с тарана и благополучно шел на дно. Но сейчас трирема продолжала двигаться вперед. Более того, весла правого борта еще разок вспенили воду, «выправляя» нос триремы строго в сторону берега. И она продолжала двигаться, сминая стоящие у пирса суда, причем первое, «нанизанное» на таран, выполняло при этом роль амортизатора.

Это был красивый маневр. Их корабль двигался вдоль пирса под звон лопающихся швартовых, под хруст и треск ломающихся снастей и корпусов, мощно и неотвратно, «очищая» правую сторону пирса и обращая мощь собственного разгона в обломки чужих кораблей. И остановилась лишь метрах в тридцати от каменного «обрамления» берега, уткнувшись носом к кучу хлама, образовавшуюся из доброго десятка вполне качественных корабликов.

Каменный шар врезался в край пирса, раскололся. Один из осколков гулко ударил в борт триремы.

– Одохар, башня! – заорал Коршунов.

В левой башне ухитрились сбить пламя и решили дать бой.

Но Алексей тут же понял: башня уже не имеет значения. Его воинство начало высадку. Оружие, бешеные, бесстрашные, они прыгали на пирс прямо с борта триремы, бежали к берегу, рубя всех, кто попадался на пути, – не воинов, обычных людей, замешкавшихся, ошеломленных внезапным превращением римской триремы в корабль, полный свирепых варваров.

На башне, видимо, сообразили, что обстрел триремы не имеет смысла. Следующий снаряд ударил в центр пирса, превратив в лепешку одного из герулов и покалечив еще двоих. Но это никого не остановило. Нападавшие рубили и кололи беспомощных людей, не различая мужчин и женщин, пробивая себе путь к берегу. Питиундцы разбежались в ужасе, прыгали в мутную воду, вопили, падали, умирали...

Коршунову это избиение казалось отвратительным. И бессмысленным, потому что обезумевшие от ужаса люди только мешали высадке.

Одно приятно: собственная небольшая дружина Коршунова осталась на палубе, рядом с ним.

Еще один снаряд прогудел в воздухе, ударился о камень облицовки, подскочил и врезался в толпу, уложив сразу нескольких человек: одного гревтунга и троих питиундцев.

С башней надо что-то делать.

– Ахвизра, сумеешь сделать так, чтобы они заткнулись? – спросил Коршунов.

Гревтунг кивнул и, прихватив с собой еще троих, спрыгнул на пирс. Через полминуты небольшая лодка отчалила от противоположной стороны пирса и направилась к внешней стене гавани. Неглуно. Со стены в башню забраться намного проще, чем с воды.

Резня на берегу практически закончилась. И наступательный порыв варваров тоже угас. Они словно забыли о том, что захват города не только не закончен: практически еще не начат. Доблестные воины, герулы и готы, дружно предалились грабежу. Благо в порту всегда есть чем поживиться.

Нет, ну как воевать с такими уродами!

Отчасти Коршунов был не прав. Конечно, большинство его воинов жило настоящим моментом. Отсутствие врага и присутствие большого количества бесхозного имущества вызывали у них однозначную реакцию. Не у всех. Скулди и Одохар, например, отлично понимали ситуацию. И весьма активно пытались снова обратить толпу грабителей в подобие войска. Отчасти им это удалось. Но не настолько, чтобы продолжить атаку. И все же Алексей зря переживал. Его первоначальная задача была решена. Плацдарм захвачен. А планы Одохара и Скулди по захвату Питиунда силами одного авангарда не реализовались.

В общем, все шло неплохо, и можно было спокойно ждать подхода основных сил... Однако противник ждать не стал и сам нанес удар.

Глава двадцать пятая Легионеры

Римляне появились примерно через полчаса после того, как захваченная трирема вошла в гавань. Слаженный топот сотен ног, блеск солнца на выпуклых шлемах.

Их было не так много: в первой шеренге человек тридцать. Они двигались по хорошей, вымощенной камнем дороге, пологим изгибом спускающейся к гавани. Слева и справа дорогу ограничивали склоны, местами тоже облицованные камнем, – город поднимался от моря вверх аккуратными террасами. Белые и желтые домики тонули в садах. Взгляд Коршунова остановился на девочке лет десяти, взобравшейся на крышу одного из домов и с интересом наблюдавшей за тем, что происходит внизу.

А внизу готско-герульское воинство тоже заметило врага. Надо отдать им должное: грабежи немедленно прекратились, и «десантники» очень быстро собрались вместе.

Римляне же не торопились: двигались неспешно, слаженно, щит к щиту, ровной стеной. Не сплошной: с тремя узкими промежутками, в которые можно было видеть, что за первой шеренгой – еще несколько. Они были почти кинематографически красивы: одинаковые четырехугольные выпуклые щиты, одинаковые сверкающие шлемы с красными щетками гребней, золоченые значки на шестах...

Коршунов сравнил их с разномастным варварским воинством, с толпой бородатых дикарей... и забеспокоился. Нет, вид у его воинства был куда более грозным, но... но они казались толпой панков и металлистов, на которых спустили батальон ОМОНа.

А римский отряд между тем ускорил движение. Перешел с шага на неторопливую рысцу.

Гр-рум, гр-рум... – мерно, в ногу, бухали по мостовой сотни подкованных сандалий. Солнце сверкало на ритмично поднимающихся и опускающихся наколенниках фланговых солдат...

Нет, это не выглядело страшным, но Коршунов очень хорошо представил, как эти аккуратные шеренги врезаются в бесформенную толпу, накатываются, давят, оставляя за собой окровавленные тела, оттесняют ее к морю, к причалам, к кораблям, в воду – и прибой становится бурым от крови...

А его готы стояли той же бесформенной толпой, словно римляне не убивать их собирались, а устраивали для них театральное представление.

Коршунов не выдержал.

– Построиться, построиться! – закричал он. – Одохар! Скулди! Проклятие! Стройте людей, мать вашу... – Он даже не заметил, как перешел на русский язык. Дьявол! Он так и знал! «Все будет хорошо, Аласей! Все будет хорошо!..»

Он бросился было к борту триремы, намереваясь прыгнуть на пирс, но Агилмунд ухватил его за плечо.

– Нет, Аласей! – рявкнул он. – Хочешь драться – бери свой самострел!

И Коршунов последовал его совету. Все равно его никто бы не послушал. Войско, вернее сказать, толпа варваров пришла в возбуждение. Они орали и потрясали копьями. Они подпрыгивали и гремели оружием... но оставались на месте. Словно их что-то сдерживало.

Не что-то – кто-то. Коршунов отчетливо видел вороненый шлем Одохара – впереди войска. И желтый, похожий на римский, шлем Скулди – на другом фланге.

Римляне приближались: аккуратные прямоугольники тяжелой пехоты, между ними – такие же прямоугольники, но поуже – пехоты легкой... две сотни шагов, полторы...

Коршунов глянул на хронометр. По его прикидкам, до подхода основных сил оставалось минут сорок...

И тут варвары тоже тронулась с места, устремившись навстречу противнику. Но римляне двигались ровно и с одинаковой скоростью... как асфальтовый каток.

А варвары... они побежали вверх по склону, так же как стояли – толпой. Каждый – сам по себе. Более проворные вырывались вперед... аккуратные ряды римлян, на бегу, разошлись в стороны, пропуская вперед легкую пехоту, пращников. И тотчас, разом, словно залп, в воздух взвились десятки, нет, сотни каменных шариков. Взвились и обрушились сверху на наступающих... звонкие и глухие удары, вопли... то там, то здесь бегущие спотыкались об упавшие тела... спотыкались, падали... но остальные не останавливались, а только ускоряли бег...

За спиной Коршунова оглушительно лязгнуло. Сработал «скорпион». Агилмунд с товарищами, не в ущерб главной задаче – охране живого талисмана Аласейи, – тоже решили принять участие в битве. Промазали метров на пятьдесят. Зато Коршунов вспомнил, что и он – боевая единица.

Он поднял арбалет, тщательно прицелился – сверху это было очень удобно – в здорового парня, который держал значок с золотой птицей. И парень, и «птица» сквозь космическую оптику смотрелись замечательно грозно...

Б-бам! – приклад резко толкнул в плечо, парня со значком отшвырнуло назад. Он больше не встал, но значок подхватил кто-то другой...

И тут Коршунов воочию увидел, что такое – атака варваров. И понял, почему Одохар с Комозином только усмехались, когда он говорил о необходимости «воодушевить» воинов.

Этих воинов воодушевлять было ни к чему. Страшной силы рев взлетел над ущельем. Варвары мчались вверх по склону огромными прыжками, раза в три быстрее спускающихся римлян, накатываясь на аккуратные шеренги темной бурлящей волной.

Коршунов натянул арбалет и пустил еще одну стрелу – в римлянина, отличавшегося особенно высоким гребнем. Попал.

Между противниками осталось шагов тридцать, не больше. По строю римлян прокатилось слитное движение – и десятки дротиков полетели в набегающую толпу... толпа поглотила их, как раньше поглотила камни пращников. Кое-кто упал, кое-кто отбросил щит, в который воткнулся дротик... но движение не замедлилось – ускорилось и... р-раз – десятки копий, дротиков, топоров посыпались на выпуклые римские щиты, вышибая из рядов аккуратные фигурки. Бреши тут же затягивались. Но не все. Некоторые – не успели. Кипящий буйный варварский вал наконец достиг цели и захлестнул плотину. Никто из нападавших не думал о собственной безопасности. Они с яростным ревом обрушивались на противников, разваливая щиты и головы, взбегая по падающим телам, перекувыркиваясь, *перепрыгивая* через щитоносцев... передовую шеренгу римлян захлестнуло в первую же секунду. Вторую разметало с такой же быстротой. Готы проникли в щели между отрядами, и щели эти тут же расширились, словно трещины в плотине – под натиском водной стихии..

Сквозь прицел-монокуляр Коршунов очень хорошо видел, как бьются воины-варвары. Он не узнавал лиц: все лица стали одинаковыми. Свирепыми масками с распяленными дырами ртов. Кровь хлестала на руки, на доспехи, превращала бороды и волосы в алые сосульки. Это была безумная рубка, в которой выживал сильнейший, и сильнейшими, безусловно, были те, кто приплыл вместе с Коршуновым.

Но так было не везде.

Второй эшелон римского отряда устоял и даже ухитрился сохранить некое подобие порядка. На него тоже давили, но напор первоначального разбега угас, так что тонкая цепочка римлян сумела сохранить строй и сейчас медленно пятилась – вверх по ущелью,

туда, где дорога становилась уже... Коршунов наконец нашел того, кто командовал отступающими. Это оказалось не так уж сложно, поскольку этот воин держался рядом с единственным уцелевшим значком, доспехи на нем были получше прочих, и, главное, он – *командовал*. Коршунов поймал в паутинку монокуляра украшенную чеканкой кирасу, сделал поправку на расстояние и плавно нажал на спуск.

Арбалет толкнуло вверх, поэтому Коршунов не увидел, как стрела попала в цель. Но она попала, поскольку римский офицер исчез и больше в поле зрения не появлялся.

Коршунов быстро перезарядил оружие и послал стрелу в того, кто держал значок. И снова попал, причем так удачно, что значок упал вперед, на голову какого-то римлянина, а тот, кто его держал, рухнул под ноги товарищей. И в одном-единственном месте строй смешался... и лопнул. В образовавшуюся брешь тут же прорвался добрый десяток варваров.

Очень вовремя. Метров двадцать – и римляне смогли бы удвоить ряды... и продержаться еще немного. И убить еще с полсотни врагов, прежде чем ярость варваров размажет их по камням мостовой.

И тут, в момент, когда Коршунов был уже практически уверен в победе, ситуация изменилась. К римлянам подошло подкрепление. Коршунов увидел их раньше, чем сражавшиеся. Увидел блестящие шлемы на изгибе дороги. Много шлемов. По меньшей мере раза в два больше, чем в первом отряде, том, который смяли и сейчас добивали его варвары, растянувшиеся, разрозненные...

– Агилмунд!

Родич оторвался от увлекательного накручивания ворота «скорпиона».

– Глянь туда!

На очередном повороте – солнечный блеск бронзовых шлемов...

Агилмунд глянул мельком, кивнул и тут же перевел взгляд выше. Лицо его стало весьма озабоченным.

Коршунов проследил, куда смотрит старший сын Фретила, и понял, что тот счел более важным, чем приближение римского отряда, численно превосходящего «десантников».

Ага, ну конечно!

Из города вверх, по дорожкам и тропам, крохотные, как муравьи, уходили люди. И уносили *добычу*.

Агилмунд быстро глянул в сторону моря: не появились ли наконец боранские корабли? («Черт! – подумал Алексей. – Как скверно, что нет нормальных средств связи. Надо этот вопрос решать!») – и снова уставился на поле боя. Помрачнел. Ну да, нет никакой возможности снять часть сил и бросить их на перехват уносимого имущества...

– Ромляне! – гаркнул Коршунов. – Ромляне на подходе! Наших надо собрать вместе, понял? Иначе из них сделают фарш!

Дошло, блин! Агилмунд подумал немного, посопел, потом сложил ладони рупором:

– Одохар!

Хрен там! Доблестный рикс (Коршунов отлично его видел) с несколькими «сопровождающими» добивал группку прижавшихся к склону римлян.

– Одохар-р!!!

Куда там!

Зато слышал Травстила.

Жрец-кузнец держался неподалеку от рикса, но уже не дрался, наблюдал. И теперь оглянулся...

– Травстиле кричи! – скорректировал родича Коршунов.

– Угу. Травстила! Ромляне! Ближко! Много!!! – надрывая глотку, заревел Агилмунд.

Кузнец кивнул и *степенно* (мать его так!) направился к Одохару, который как раз разобрался с той кучкой римлян и озирался, высматривая, кого бы еще порешить.

Травстила похлопал рикса по плечу, показал на Агилмунда, сказал что-то...

Коршунов прильнул к монокуляру. Бородатое, заляпанное кровью (наверняка чужой) лицо рикса гревтунгов утратило азартное выражение. Он закричал, созывая своих... поздно!

Римляне уже выкатились из-за поворота... и покатались дальше, гоня перед собой разрозненные кучки готов, подминая тех, кто сопротивлялся...

Надо отдать должное Одохару: он не полез нахрапом на превосходящие численно и организационно силы противника. А может, сработал пример Скулди: опытный герул, едва увидев наступающих римлян, моментально скомандовал отход...

Разумеется, отойти успели не все. Да не все и *захотели* отойти. Иные отморозки в одиночку бросались на строй легионеров... и отправлялись напрямик в Валхаллу. К Доннару и вотану. И лишь немногим удавалось прихватить с собой врага: римляне работали весьма профессионально. Коршунов не мог не восхититься, глядя, как их отряд спускается к пристани, словно некое многорукое-многоногое чудовище, слаженно, несуетливо и деловито уничтожая всех, кто оказывается у него на дороге.

Но и готы с герулами тоже даром времени не теряли. В считанные минуты раздербанили топорами ближайшие сараи, покидали обломки кучей и, укрывшись за импровизированной и довольно чахлой баррикадой (за спиной – невысокий парапет, полукругом выдающийся в сторону моря), встретили наступающего противника градом копий, дротиков и всего, что попадалось под руку.

Коршунов ожидал, что римляне ответят тем же или попытаются взять баррикаду штурмом, поневоле разбив строй и рискуя увязнуть или поломать ноги в деревянных обломках... ничего подобного. Легионеры даже не остановились. Просто второй ряд вскинул вверх щиты, прикрывая строй сверху, а первые дружно уперлись щитами в баррикаду... и куча хлама сдвинулась с места.

Укрывшиеся за ней заорали еще громче. Многие тоже уперлись щитами, пытаясь остановить движение, но хотя каждый гот или герул в отдельности был наверняка здоровее отдельно взятого латинянина, противостоять напору легионеров они не смогли. Как не могли из-за собственной баррикады даже дотянуться копьями до римской шеренги. А баррикада все ползла и ползла, прижимая варваров к парапету, лишая маневра. Сверху Коршунов видел изготовившихся пращников и дротикометателей. Они не торопились. Выжидали, пока их враги собьются в плотную массу. Тогда ни один снаряд не пропадет даром...

Но римляне тоже недооценили противника. Алексей увидел, как Скулди спрыгнул на щит, который держали трое герулов... хоп! И Скулди уже в воздухе! Перелетел через баррикаду и приземлился прямо на щиты, которыми римляне прикрывали головы, сшиб посланный в него одинокий дротик и соскочил прямо в гущу врагов. А мгновением позже еще один герул совершил красивый полет. Этот не сумел удержать равновесия, опрокинулся назад, скатился под ноги первой римской шеренги и умер, проколотый сразу тремя мечами. Однако других «прыгунов» его смерть не остановила. И очень скоро в «тылу» римского строя рубилось уже не меньше полусотни варваров. И хотя в задних шеренгах легионеров было втрое больше бойцов, в условиях хаотичной рубки варвары их все равно превосходили.

А еще через пару минут все опять изменилось. Римляне отступили от баррикады, как-то очень ловко перестроились – и храбрецы-варвары снова оказались «снаружи», перед стеной щитов. Тут римский отряд снова перестроился, образовав что-то типа каре. В готов и герулов полетели дротики. Те поначалу ловко ловили их щитами, но когда в твоём щите засели две-три такие штуковины, им особо не помашешь... так что четвертый дротик втыкался уже в ногу или еще во что-нибудь уязвимое...

Коршунов больше не стрелял. Болты кончились. Смотрел в монокуляр и огорчался. За спиной его азартно сопели дружинники. Им очень хотелось в драку. Но установка, полученная Агилмундом от Одохара, была совершенно четкой: Аласейю в сечу не пускать! И быть при нем неотлучно.

Невозможность принять участие в драке особенно остро переживал Книва. Вдобавок еще и обиженный тем, что Ахвизра не взял его «брат» башню.

Но Агилмунд умоляющие взгляды младшего брата игнорировал. Он уже видел, что битва проиграна. Несмотря на то, что гревтунги и герулы все еще вертелись перед строем римлян, пытаясь атаковать... значит, надо думать, куда увести Аласейю. Ясно, что трирему в

дюжину весел не сдвинуть. Надо искать корабль поменьше... Отплыть, заодно подхватив отряд Ахвизры: с башней они, скорее всего, уже покончили... об Одохаре заботиться не надо. Одохар – не Аласейя. Он выберется... корабль поменьше... Агилмунд оглянулся... и испустил радостный вопль.

В гавань входили боранские корабли!

Глава двадцать шестая, в которой Коршунов демонстрирует, как можно добыть золото исключительно с помощью мозгов

В общем, сам город они взяли. Римская тактика не смогла противостоять пятикратному численному превосходству. Крепости в городе не было. Уцелевшие легионеры и не успевшие уйти в горы питиундцы укрылись в очень красивом храме то ли Марса, то ли Юпитера – кого-то грозного и бородатого, судя по статуе, поставленной у подножия ведущей к храму лестницы. Статую не тронули. Гревтунги и герулы – не вандалы какие-нибудь. К чужим богам относились с уважением. Скалились только, что у ихних, варварских богов мужские достоинства существенно больше. Хуже было другое: храм был расположен очень удачно: на возвышенности с ограниченным подходом – только с «парадной» стороны. Вдобавок подниматься к храму пришлось бы по довольно крутой лестнице... со всеми вытекающими, вернее, под всеми вылетающими сверху «последствиями».

То есть подходы к противнику были таковы, что даже у вожака гепидов Красного мысль о штурме не вызывала энтузиазма. И боевые машины применить было сложно. Например, баллисту из портовой башни, солидную, вполне подходящего калибра, некуда было установить. А от палубных «скорпионов» триремы толку было немного. Дротиками, даже очень большими, стену не прошибешь.

Но захватить храм очень хотелось. Добычу в городе взяли не слишком большую. Все ценное-легкое жители успели уволочь в горы. То есть добра осталось навалом, но все – крупногабаритное. А везти – далеко...

Короче говоря, ко второму дню настроение победителей несколько упало. По этому поводу у них возникали разные неправильные (с точки зрения Коршунова) мысли. Перерезать пленных (коих по прямому распоряжению Коршунова оставили в живых), поджечь город или еще какое безобразие учинить...

Надо было что-то придумывать. Тем более что сидеть в Питиунде долго – нельзя. И погода может испортиться, и серьезный римский отряд может подойти своим на выручку – у римлян со связью дело обстояло лучше, чем у варваров.

Коршунов собрал большой совет (около полусотни «лучших людей» своего войска) в местном маленьком театре. Заслушал мнения. Мнения большинства сходились. Господа варвары, как и положено варварам, мыслили деструктивно. Дорезать, поджечь – и сваливать. Храм все равно не взять. Ловить по горам местных жителей... пробовали. Булдыган с горки оказалось поймать намного легче.

Некоторые высказывали недовольство руководством: мол, народу полегло много, а золото где? Надо, впрочем, отдать должное: упреки шли не в адрес Алексея. Все понимали: без него, без захваченной триремы, все было бы намного хуже. Однако ж обидно уходить со столь скромной добычей. Где это видано: ходили грабить римлян, а золота привезли – шиш! Но более бывалые, из тех, что уже *ходили* на римлян, помалкивали. Знали, что из римских походов можно не только золота, но и ног не унести. А ведь этот поход еще не закончился. Не стоит судьбу дразнить.

Пошумели, покричали, слегка успокоились – и вдруг все дружно обратились к Коршунову. Аласейя-то молчит. Может, он, Аласейя, уже что-то придумал? Ну же, Аласейя! Ты же – наш верховный вождь. Собрал нас тут, понимаешь... и молчишь. Может, у тебя мысли какие-нибудь есть? Как храм захватить, к примеру. В храме небось золотишка навалом!

– Значит, мало вам добычи, – усмехнулся Коршунов.

– Мало! Мало! – отреагировало собрание. – Золота бы еще!

– А разве золота бывает много? – осведомился Коршунов.

Тут мнения разделились. Алексей дал им возможность пошуметь, потом, когда собрание подуспокоилось, сказал:

– Попробую добыть немного золота... – Он поднял руку, смирив поднявшийся шум. – И воевать за него не придется, если все будет сделано, как я скажу.

Народ внимал. Можно сказать, не дыша.

– Для начала, – сказал Коршунов. – Мы отпустим всех пленных. Вернее, передадим их тем, кто засел в храме...

– За какой выкуп? – выкрикнул кто-то.

– Без выкупа! Пусть забирают, мы добрые.

Собрание снова зашумело. Коршунов утихомиривать не стал. Без лидера, правильного или стихийного, ни одна толпа к единому мнению не придет. Пусть выкричатся.

– Хочешь им лишних ртов подкинуть? – предположил сидевший справа от Коршунова Одохар. – Стоит ли? У них там наверняка припасов полно. Осень же. А мы уйдем скоро...

– Нет, – покачал головой Коршунов. – Плевать мне на их припасы. У меня другая идея. Я хочу завоевать их доверие.

– Что ты задумал? – спросил рикс гревтунгов.

– Сейчас расскажу... когда эти, – кивок на собрание, – угомонятся.

По лестнице он поднимался один. С оливковой ветвью в руке, как и предупреждал. Ярко светило солнце. Так ярко, что отполированный белый мрамор казался прозрачным. За его спиной синело море, над ним вставали кавказские горы. *В свое время* он успел вдосталь ползать по этим горам... горы не изменились. Наверное, и холм этот тоже не изменился. Только вместо этого храма на нем какой-нибудь санаторий. Или зенитная установка.

Алексей поднимался по удобным каменным ступеням. Справа и слева от него, пониже, на соседних склонах, зрел виноград. И погода была хорошая... И храм наверху – очень красивый... Но все равно Коршунову было неприятно. В любой момент оттуда, сверху, из храма, могла прилететь стрела и оборвать столь дорогую для Алексея жизнь. Его собственную.

Возможно, с точки зрения стрелка, это было бы справедливо. Ведь Коршунов – глава варваров, ворвавшихся в мирный городок, перебивших кучу народу, разграбивших жилища...

Алексей видел воинов в проемах над портиком. И он видел луки у них в руках. Но он рассчитывал на благоразумие тех, кто укрылся в храме. Отчасти. А отчасти – на их любопытство. Отпустив пленных, он велел передать только одно: вождь скифов Аласея желает поговорить с хозяевами Питиунда о том, как сохранить их город...

В него не выстрелили.

Алексей в гордом одиночестве отсчитал ногами двести шестьдесят семь ступенек и остановился. Главные двери храма, тяжелые, окованные потемневшей медью, были заперты. Но маленькая дверь сбоку – открыта. И рядом с ней стоял человек в красивой кирасе с чеканкой. В боку кирасы была дырка, в которую можно было просунуть мизинец. Коршунов узнал кирасу и ее носителя. Этого человека он видел в монокуляр самострела. Только сейчас на воине не было блестящего шлема с красным гребнем, и солнечные лучи свободно гуляли по загорелой лысине римлянина. Что ж, значит, и арбалетный болт не всегда бьет насмерть.

– Ты – вождь варваров? – спросил воин по-латыни.

Коршунов понял.

– Да, – подтвердил он по-готски. – Это я.

– Входи! – сказал римлянин и посторонился.

Храм внутри выглядел еще более внушительно, чем снаружи. Коршунов и раньше замечал эту особенность культовых сооружений. С улицы – вроде бы небольшая церковка, а внутри...

Однако внушительность интерьера здорово портили беженцы, расположившиеся на

полу, в нишах, везде. Их было много, поэтому и в храме было довольно шумно. Сильный запах курений соперничал с другими, более неприятными запахами. Ну да, конечно, здесь же еще и госпиталь...

Коршунову не дали полюбоваться языческим капищем. Его тут же взяли в кольцо легионеры и отвели в какую-то боковую каморку.

В каморке сидел еще один римский командир, а с ним – штатский мужик в белой одежде с красной полоской.

Военный жестом выпроводил легионеров. Не испугался, значит, дикого варвара. Правда, Коршунов был без оружия, а римлянин – при мече и в доспехах.

– Ты – вождь варваров? – спросил военный по-готски.

Акцент у него был незнакомый, похожий на гепидский, но понять можно.

– Да. А кто ты?

– Зачем тебе это знать? – сердито бросил военный.

Штатский зашевелился, проговорил что-то по-своему. Военный ответил. Некоторое время они пререкались, забыв о Коршунове. Наконец тому надоело их слушать.

– Я вождь готов, герулов и боранов Аласейя! – гаркнул он. – Если вы желаете поболтать, болтайте, когда я уйду. А сейчас я намерен объявить то, что обещал. Что нужно, чтобы сохранить ваш паршивый городишко. Мне плевать, как вас зовут. Но я хочу знать: вы – те, кто принимает решение, или над вами есть старший? Если так, то я буду говорить с ним, а не с вами!

Воин перевел сказанное штатскому, потом нехотя изрек:

– Мы – те, кто принимает решение!

– Хорошо, – с важностью кивнул Коршунов-Аласейя. – В таком случае – слушайте. У вас есть день, чтобы собрать двенадцать талантов золотом и передать мне. Тогда я окажу вам милость и не стану предавать огню ваш жалкий городишко. Вы меня поняли?

– Ты – наглец, скиф! – процедил военный. – Что мне мешает зарезать тебя, как свинью, и бросить твою голову вниз, твоим грязным соплеменникам?

– Что он сказал? – нервничая, по-латыни осведомился штатский.

– Попробуй меня убить, – усмехнулся Коршунов (хотя на самом деле ему было совсем не весело – он верил в серьезность слов этого римлянина). – Попробуй – и ты увидишь, что будет.

– Что он сказал? – выкрикнул второй.

Военный перевел.

– У нас нет таких денег! – моментально отреагировал штатский.

Военный брезгливо скривился. Но перевел. И от себя добавил:

– Не слишком ли много – двенадцать талантов – за *жалкий городишко* ?

– Я не торгуюсь, – высокомерно ответил Коршунов.

Военный хмыкнул. Похоже, ответ Алексея ему понравился.

– Но я могу снизить к вашей бедности: приму часть серебром, утварью или драгоценными камнями. По расценкам Пантикапеи.

Честно говоря, он не знал, какие расценки в Пантикапее. Просто хотел протянуть ниточку между собой и боспором.

– Думайте, – сказал он. – До завтрашнего рассвета. А завтра или я увижу золото, или ваш город увидит пламя.

– Все-таки что мне мешает просто прирезать тебя, варвар? – оскалился римлянин.

– Попробуй, – сказал Коршунов. – И тогда сгорит не только твой город. Мои воины уничтожат здесь все: виноградники, рощи, ваш порт и все суда в нем. Они сожгут все, а землю посыплют солью – ее у вас много, – как твои предки, римлянин, когда-то поступили с Карфагеном (надо же, как вовремя вспомнилось прочитанная когда-то книжка!), а тебе останется только этот храм, в который никто не придет, потому что и твоего города больше не будет. А сейчас переведи все это своему приятелю, потому что, сдастся мне, из вас двоих он – главный!

– Переведу, не беспокойся, – проворчал римлянин. – Сдается мне, ты не так уж прост, варвар, если слышал о том, как мы поступаем со своими врагами.

И он перевел. Потом римляне еще несколько минут препирались между собой, наконец штатский изволил поинтересоваться:

– А кто нам гарантирует, что вы, получив деньги, все равно не сожжете город? Нам нужны заложники...

– Хрен тебе, а не заложники! – отрезал Коршунов. Его не поняли, и он пояснил: – Никаких заложников! Гарантия – мое слово! А слово мое – твердо, и я хочу, чтобы об этом знали все, потому что не последний раз я прихожу к вам за добычей и хочу, чтобы вы, римляне, знали: я всегда делаю, что обещаю.

Глава двадцать седьмая, небольшая и интимная

– Они заплатили, – сказал Коршунов Анастасии. – А куда им деться? Двенадцать талантов – огромная сумма, но не дороже целого города.

– Тем более что бо льшую часть они получают назад из казны наместника провинции, – заметила его подруга. – Там есть фонд для подобных расходов.

– Вот как! – удивился Алексей. – я не знал. Надо было потребовать больше. Впрочем, без разницы. Важен сам факт получения золота. Мной.

– Ты важничаешь! – засмеялась женщина.

– Я заслужил! – гордо заявил Коршунов.

– Ну конечно! Твои воины только об этом и говорят! – Анастасия улыбалась. – Мол, боги так тебя любят, что золото само падает к твоим ногам. Даром.

– Ничего себе – даром! – Алексей немного обиделся. – Интеллект, значит, уже не в счет! А то, что я лично рисковал своей шкурой, когда встречался с питиундскими олигархами? Меня вполне могли просто прикончить! Скажешь тоже – даром! Само!

– Не сердись, милый! – мягко проговорила Анастасия. – Это не я говорю, а твои люди. И хорошо, что они так говорят. Я три года живу среди них и, не обижайся, знаю их лучше тебя. Они – варвары и потому ценят то, что дается даром, больше того, что добывается трудом и усилиями. И мешки с золотом, которые появились на ступенях питиундского храма после того, как ты там побывал, – это их самое сильное впечатление за все время вашего похода.

– Не думаю, – проворчал Коршунов. – А захват триремы? Вот это – действительно!..

– Вовсе нет, – терпеливо проговорила женщина. – Захват триремы они *видели*. Они сами в нем участвовали. Для них это всего лишь очередная победа. И лишь немногие, такие как Одохар, могут оценить ее настоящую цену. Для остальных это всего лишь эпизод. Хотя сама трирема, стоящая в херсонском порту, – отменный символ твоего успеха. Всякий может видеть ее, и, думаю, будущей весной у тебя не будет недостатка в воинах. Правда, у этого аурея⁸ есть и оборотная сторона: в Риме тоже узнают о твоей победе.

– Я думал об этом, – признал Коршунов. – Скажи, какова вероятность того, что Рим пришлет сюда войска?

– Войска – вряд ли. Наш юный император не любит воевать. Вернее, этого не любит его мать, а Александр Север – послушный сын. Ты ограбил Питиунд.

Питиунд – это понт. Но слово Туллия Менофила, наместника Нижней Мезии, весит больше, чем слово наместника понтийской провинции. А Туллию не нужны осложнения с Херсоном. Ему нужен Херсон – вольный город, важнейший торговый центр в этих местах. Это удобно всем: и Риму, и Боспору, и варварам. Самое большее, на что согласится Туллий, – чтобы флот Рима появился у здешних берегов. В этом случае ты потеряешь свою трирему. Но если проявишь себя хорошим дипломатом, то, возможно, получишь от Рима

⁸ Аурей – золотая римская монета.

выкуп. В обмен на обещание не посягать на земли Рима. Это обычная практика. Всем известно, что, получив золото, варвары на некоторое время успокаиваются.

– Я не успокоюсь, – возразил Коршунов. – Ты знаешь, чего я хочу.

– Знаю, – вздохнула Анастасия. – Ты хочешь невозможного.

– Да! – заявил Алексей. – Я хочу невозможного! – Его охватило восхитительное чувство абсолютной уверенности в своих силах и своей правоте. – Хочу – и получаю!

«Как он красив! – подумала Анастасия. – И как самоуверен! Как все мужчины. Они жаждут величия... Но величие достается немногим, смерть или безвестность – куда более частый удел... Как же мне уберечь тебя, мой Алексей? И тебя, и родину мою... Как мне уберечь от тебя?»

Глава двадцать восьмая, заключительная

Ноябрь в Херсоне – прохладное время. Свинцовые мутные волны, поблекшая листва, в домах побогаче по ночам в спальне – непременно жаровня с углями или нагретые камни, которые рабы хозяина раскаляют снаружи, а потом растаскивают по комнатам. Еще – кувшины молодого неразбавленного вина на каждой трапезе.

Во вторую неделю ноября Агилмунд, Ахвизра и еще три десятка гревтунгов, тех, что не отбыли десять дней назад вместе с Одохаром, отправлялись в дорогу. Домой. Алексей – оставался. Перспектива зимовать в готском бурге его не радовала. Тем более там была его законная малолетняя жена Рагнасвинта, сестра Агилмунда, Сигисбарна и Книвы, очень важная нить, связывающая его родственными узами со славными гревтунгами... но Коршунов представлял, как будет жить одновременно и с ней, и с Настей. Что делать, не мусульманское у него воспитание. Даже не языческое. Да и что таить: после Анастасии белобрысая свинка-Рагнасвинта – все равно что гамбургер под кока-колу после настоящих домашних сибирских – под водочку. Ну не катит!

Впрочем, подарки, которые он заслал меркантильной женошке, должны скрасить ей отсутствие мужа. Это даже Агилмунд подтвердил. Мол, никаких проблем с родней быть не должно. Главное: добро добытое домой отправлено. А то, что большой вождь Аласейя остается в Херсоне готовить новый большой поход, это нормально. И Книва с ним остается, то есть не одинок Аласейя, есть рядом родич, если что.

– Ты, главное, меча не забывай, – в который раз напомнил Коршунову его лучший дружинник. – Красный тебя поучит. Да и молодой – тоже хорош.

«Молодой» – сын Крикши Тарвар. Парень ненамного младше Красного, но для Агилмунда – «молодой». Что, впрочем, скорее титул, чем уничижительное определение. Типа – наследник.

Прощались они у ворот Коршуновской усадьбы, приобретенной Алексеем на часть питиундской добычи. Личная доля Коршунова в этой недвижимости составляла примерно десятую часть, остальное покрыто за счет «общака» гревтунгов. Посему приобретение и по совести, и по готским законам было «общественным». Но это Коршунов убедил Одохара в необходимости вложения. Надо же иметь гревтунгам «базу» в Тавриде. Чтобы на *своей* земле и лагерем стать, чтобы хозяйство свое было, склады-амбары... убедил. Гревтунги – люди обстоятельные и хозяйственные. Даже к войнам относятся – как к посевной. И что такое правильное вложение денег, понимают. Лучше, конечно, силой взять... но и тут Коршунов сумел убедить: херсонесцев полезнее иметь в союзниках. А богатства в империи добывать. Там их больше.

Короче, оставался Коршунов в Крыму не гостем, а землевладельцем. Латифундистом с садами и виноградниками, с двумя десятками рабов, домом на полсотни комнат, скотным двором, конюшней и тому подобным. Естественно, ведь земля здесь продавалась со всем, что на ней. Причем по законам херсонесским не сообщество гревтунгов, а именно Коршунов числился владельцем всего этого великолепия, поскольку это он подписывал бумаги и оформлял сделку. В общем, стал Алексей Коршунов хозяином, а вот гостем его стал вождь

гепидов Красный. Потому что пока молодой рикс в походах ярость тешил да славу добывал, на родине у него переворотец произошел, и возвращаться туда Красному стало нежелательно. Прирезали бы его, несмотря на личную храбрость и ловкость в обращении с оружием. Так что после совещания, в котором помимо Красного и Алексея участвовали Скулди, Агилмунд, Одохар и Травстила, было решено: Красному лично в родные пампасы не ехать, а заслать туда преданных Красному гепидов, коих для открытых воинских действий осталось маловато, а вот для диверсионно-пропагандистской работы – в самый раз. С помощью умного Коршунова и опытного Скулди Красный проинструктировал своих соратников, что говорить и как. Чтобы не трусостью выглядело невозвращение Красного, а, наоборот, доблестью и удачливостью. Впрочем, лучшим агитатором, как всегда, оставалось золото.

Коршунову же гепидский «политический кризис» был на руку, поскольку собирался он этой зимой не отсиживаться на своей вилле, попивая вино и закусывая устрицами, которых в здешнем Понте Евксинском было множество,⁹ а собирался он активно собирать информацию и вести политические игры. А учитывая специфику здешней политики, совсем не лишне иметь под рукой высокопрофессионального фехтовальщика с наклонностями вуты-отморозка. Особенно если сам оружием владеешь весьма посредственно.

Была у Коршунова даже совсем дикая идея: съездить инкогнито в Рим и лично провести рекогносцировку будущего похода.

К сожалению, по причинам объективным и личного характера этой зимой Коршунову так и не удалось побывать в Риме. А если бы удалось, возможно, и будущего похода не было бы...

Или не стало бы самого Коршунова.

В отличие от своего возлюбленного гражданина Рима, уроженка Антиохии Анастасия Фока знала, как трудно в Римской империи сохранить инкогнито такому, как Коршунов. И как поступят власти, если в их руках окажется скифский вождь, ограбивший Питиунд.

И как эти же власти поступят с ней, Анастасией, едва она пересечет границу империи, она тоже знала. Поэтому сделала все, чтобы авантюристические идеи ее возлюбленного побывать по ту сторону Днестра – не реализовались. И они не реализовались, потому что велика власть любимой и любящей женщины над мужчиной. Намного больше, чем он сам полагает. Впрочем, его власть над такой женщиной – еще больше. И власть эта весьма дорога для них обоих. Иной раз дороже, чем цена империи.

Часть вторая Великий поход

*Vae victis*¹⁰

«Гражданские войны между претендентами на престол осложнялись растущим сепаратизмом провинций и все усиливавшимся натиском на империю сложившихся к тому времени племенных союзов германцев – аламанов, лангобардов, франков, саксов, готов – и задунайских племен, опустошавших провинции и даже север Италии, так что к середине III в. империя пришла в состояние полной разрухи. Земли пустели, правительство, нуждаясь в деньгах, прибегало к порче монеты, что вызвало колоссальную инфляцию и повышение цен – по сравнению со II в. на 800 % – и вело к

⁹ Отсутствие устриц в нынешнем Черном море связано с тем, что проникший туда не без помощи человека хищный моллюск рапан слопал деликатесную «родственницу». Одни мидии остались.

¹⁰ *Vae victis* – горе побежденному (лат. пословица).

натурализации хозяйства. В середине III в. жалование императорским наместникам и чиновникам стали наряду с деньгами выдавать натурой, даже штат слуг-рабов, включая 1–2 рабынь-наложниц, предоставлялся им из казны. Сокращалась торговля. Суда стали значительно более мелкими, плавание – каботажным, что вело к упадку ряда гаваней и обеднению обслуживавшего их персонала. Множество мелких и средних вилл во всех западных провинциях было разрушено, пострадал и ряд городов, оставшиеся стали окружать себя стенами, обычно охватывавшими не весь город, а только его центральные районы, тогда как за их пределами оставались бедные, населенные ремесленниками кварталы...»¹¹

Глава первая Римский наместник Туллий Менофил

Весна девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Провинция Нижняя Мезия

«Моему господину Марку Аврелию, легату в Мезии, – Анастасия Фока.

Попущением Божьим и покровительством гения-хранителя Рима мне удалось войти в доверие к главнейшему из скифских вождей, тому, что прошлым летом водил варварское воинство к берегам понтийской провинции. Сообщаю тебе, господин мой, что сей вождь, именуемый сородичами Большая Вода, необычайно хитроумен, велеречив и не обделен внешней красотой, что позволяет ему склонять к повиновению других скифов. Но варвар всегда остается варваром, и сей вождь – не исключение, ибо по-варварски простодушен и сластолюбив. Я живу в его доме, принимаю его любовь и пользуюсь у него полным доверием, посему мне ведомы все его тайные планы и помыслы. И я рада этому, мой господин, потому что намерения скифов сулят угрозу спокойствию Империи. Прошлогодняя удача сего вождя привлекла к нему несметное множество скифов: гревтунгов, гепидов, боранов и иных.

Вступил он также в контакт с боспорцами, теми, что поддерживают сейчас Фарсанза, того, кто восстал против Рескупорида, законного царя Боспора и друга Рима. И обещали мятежники дать ему корабли – за пятую часть будущей добычи...»

– Ты уверен, что это – верные сведения? – наместник Нижней Мезии Туллий Менофил оторвался от чтения и посмотрел на своего собеседника.

– У нас нет достаточных оснований для того, чтобы сомневаться, – заметил легат Марк Аврелий, коему было адресовано письмо. – В течение трех лет от нее приходили исключительно достоверные сведения. События же прошлой осени также косвенно подтверждают сказанное. Учитывая же время варварского набега, я взял бы на себя смелость утверждать, что он есть следствие изменения планов варваров-скифов, вызванных передислокацией нашего флота.

– Что ж... – наместник кивнул и вернулся к свитку.

Дочитав последнюю фразу: «...Пост скрипtum. Я взяла на себя смелость обещать Проклу Евмаху, купцу их Херсона, доставившему сие письмо, от твоего имени пятьдесят динариев. Преданная августам, Риму и тебе, Анастасия Фока...» – наместник уронил пергамент на дорогой, инкрустированный слоновой костью и яшмой стол. Пергамент тут же свернулся трубочкой.

«Тысяч сто сестерциев, не меньше», – подумал о столе Марк Аврелий, подобрал свиток и спрятал. Для архива.

– Смею также заметить, – произнес он, – что убытки, понесенные понтийской провинцией прошлой осенью, можно считать незначительными в сравнении с теми, какие

¹¹ Штаерман Е. М. Упадок Римской империи.

могла бы понести наша провинция, если бы скифы осуществили свое прежнее намерение и вторглись на ее территорию.

– Резонно, – согласился наместник.

Его лицо было смуглым. Сирийской крови в жилах Менофила было больше, чем латинской. Но в нынешнее время, время «азиатских» императоров, это скорее достоинство, чем недостаток.

– Нельзя равнять Мезию и Понт! – с важностью заявил Менофил. – Именно это я и сказал августам, когда в январе был в Риме.

– И что же?

– У меня сильная поддержка в сенате, – самодовольно произнес наместник Нижней Мезии. – Тем более Мамея полагает, что политика подкупа варваров – наиболее перспективная.

– Ты в это веришь? – удивился легат.

– Разумеется. Разве августы могут ошибаться? Тем более что сейчас наша главная проблема – не варвары, а усиление авторитета Максимиана в наших провинциях. Любая победа армии – и его победа. А у фракийца, как ты знаешь, есть омерзительная привычка побеждать! – Наместник Нижней Мезии рассмеялся. – Так что наша задача – не допустить военных действий ни в нашей провинции, ни в остальных приданубийских провинциях. Так что, если бы твой агент донес, что скифы намерены этим летом напасть на наши западные провинции, я дал бы им золото, которое они так жаждут. И пусть тогда они дерутся за это золото между собой. Помнишь, что я ответил карпам, когда те потребовали от меня мзды большей, чем мы выплатили гетам?

– Ты ответил: докажите, что вы сильнее, – и получите! – Марк Аврелий рассмеялся.

– Вот именно! И глупые варвары тут же передрались между собой. А сейчас у меня есть разрешение сената и августов выделить часть налоговых средств на «подарки» варварам. Кстати, твой человек сообщает, что в боспорском царстве пахнет гражданской войной?

– Да, это так. Другие источники также это подтверждают. Я думаю, царю Рескупориду нужна финансовая поддержка.

– Он ее получит. Но не раньше, чем этот, как его, претендент...

– Фарсанз, – подсказал легат.

– Фарсанз наберет соответствующую силу. Он ведь наполовину сармат?

– Да. Но земли его рода далеко от Меотиды. Они куда ближе к нам – по ту сторону Данубия.

– Вот и хорошо. Пусть родичи этого Фарсанза повоюют по ту сторону Понта. Вот тогда мы и дадим денег Рескупориду. И он наймет других скифов, чтобы те бились за него. Пусть варвары уничтожают варваров. А мы им заплатим. И это обойдется нам дешевле, чем война собственными силами...

– Особенно если воевать будет этот слоноподобный фракиец! – подобострастно подхватил Марк Аврелий. – Но что будем делать с тем скифским вождем, который ограбил Питиунд? Ему тоже дадим денег?

– Зачем? – Наместник искривил толстые губы, что, вероятно, обозначало улыбку. – Он отхватил слишком большой куш прошлой осенью. И мы знаем о его намерениях. Когда они придут – их встретит наш флот. И это будет уже моя заслуга, потому что понтийским флотом команду я, а не Максимин фракиец.

– А если они пойдут сушей? Если у них не выйдет с боспорянами или они ввяжутся в драку в Боспоре? Боспорское царство ведь тоже лакомый кусок...

– То, что происходит по ту сторону Понта, меня не слишком волнует, Марк, – сказал наместник. – Сейчас такие времена, что сначала заботятся о себе. Моя задача – сохранить милость августов. Мезия – отличная провинция, ты не находишь?

– Да, мой господин, – согласился легат. – Ты, как всегда, прав.

Глава вторая Крымский помещик Алексей Коршунов

Февраль девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Причерноморье

– К тебе гости, господин. – Слуга мялся у дверей кабинета, не решаясь войти внутрь. С его войлочного, пропитанного жиром плаща капало: снаружи – дождь.

– Кто? – Коршунов неохотно отложил стило.

– Четверо, верховые, вооруженные. Не назвались.

– Где они, во дворе?

– У ворот.

Коршунов поднялся, подошел к окну. Да, четверо всадников. Ничего толком не разглядеть. Он взял монокуляр, но из-за пелены мелкого дождя оптика оказалась практически бесполезной.

Четверо воинов... не назвались... хм-м... враги?

– Пошли за Красным, – велел он. – Этих впусти. Я встречу их внизу.

Коршунов с сожалением поглядел на развернутые свитки, оставшиеся на столе. Вечно его отрывают от работы... Больше месяца Алексей посвятил изучению здешних карт. Собственно, эти схемы картами назвать было нельзя. Местные «картографы» не заморачивались ни рельефом, ни масштабом. Обозначения городов, графические соответствия расстояний выдерживались с большими допусками. Но в принципе разобраться было можно. Города обычно обозначались крохотными домиками с двускатной крышей. Примерно такие во времена Коршунова рисовали маленькие дети. Устья рек и сами реки, закрашенные голубовато-зеленым, так же как и само море, сопровождались пояснительными надписями на латыни или на греческом. Светлыми линиями обозначалось побережье и все специальные пометки на закрашенной красно-коричневым суше. Тем же красно-коричневым делались пометки на море: маршруты, «иллюстрированные» корабликами с развернутыми парусами, гавани, обозначенные такими же корабликами, но уже без парусов. Отсутствие масштаба компенсировали указания расстояний: в римских милях или в греческих стадиях – в зависимости от «автора» карты. Вдобавок к некоторым схемам прилагался подробный «путеводитель», содержащий массу полезной информации – вплоть до сезонных изменений цен на продукты питания и указания конкретных лиц (семей), у которых можно остановиться на ночлег или получить соответствующие услуги. Например, у такого-то кузнеца автор «путеводителя» недорого и качественно подковал лошадь...

Все это, конечно, было замечательно, но недостаточно для того, чтобы распланировать крупный военный поход.

Правда, у Коршунова имелся в рукаве крупный козырь: карты из комплекта посадочного модуля. Алексей старательно скопировал побережье Черного моря на местный пергамент, но это была «болванка», на которую требовалось нанести все местные «достопримечательности». Чтобы решить эту проблему, Коршунов решил привлечь «профессионалов»: лоцманов и кормчих, которым были известны береговые воды по обе стороны Черного моря и традиционные маршруты, по которым ходили местные суда. Лоцманы и кормчие, купцы и пираты, но... но все, кого приводил к Коршунову Крикша, не внушали Алексею доверия. Это были люди, готовые ради наживы рискнуть жизнью, но, если можно, ничем не рискуя продать информацию... эти люди были ничем не обязаны Коршунову. Ничто им не мешало выведать у вождя скифов его планы – и сдать его Риму. И Алексей моментально настораживался, когда приглашенные «консультанты» начинали интересоваться подробностями будущего похода. Коршунов отнекивался, говорил, что не знает, какими силами будет располагать весной; что еще не решил, куда пойдет, но скорее всего целью его будет северо-восточное побережье; что есть вероятность, что это будет не морской поход, а сухопутный; что...

В общем, врал. Коршунов знал, что этой весной в его распоряжении будет армия от пяти до десяти тысяч копий. И цели уже были выбраны. И на этот раз Коршунов не собирался тащиться вдоль побережья, рискуя напороться на римские триремы. Пересечь

Черное море напрямик – и внезапно возникнуть прямо у римских берегов. Причем не в привычное для набегов время, а в начале мая, опередив всех прочих хищников. Захватить несколько укрепленных городов, изучить местность, проанализировать перспективы... и уйти с добычей, какую еще никогда не брали ни готы, ни герулы, ни гепиды... тогда на следующий год у него будет настоящий авторитет, а это значит, что под его знамя соберется уже не десять, а сто тысяч воинов. Это значит, что его имя прогремит по всем варварским землям. Гепиды, герулы, карпы, сарматы... и он поднимет все множество алчных и свирепых варваров, обитающих вдоль Дуная. Все они, воодушевленные его успехом, должны разом наброситься на Империю, а когда это произойдет и основные силы Рима будут оттянуты от облюбованных Коршуновым причерноморских провинций – и он ударит сам. Но не для того, чтобы ограбить и уйти. Нет, он будет не грабить, а завоевывать. Пока Рим и прочие варвары будут перемалывать друг друга, он, Коршунов, отхватит у Империи пару богатых провинций... и предложит Риму мир. И даже союз. На тех условиях, что и у боспорского царства. Царь Аласейя... Что ж, звучит совсем неплохо! Рим вынужден будет согласиться! А там, глядишь, при его, Коршунова, поддержке, при его умении видеть геополитическую перспективу и сама Империя может укрепиться. И не падет, как это случилось в *его* истории, когда все эти готы-гунны-вандалы навалились и сожрали великую Римскую империю. Да, он, Алексей Коршунов и его воины станут той свежей кровью, которая вольется в жилы гниющей Империи, и тогда...

Замечтавшись, Алексей забыл о том, что у него гости.

Напомнил ему об этом Красный, бесцеремонно ввалившийся в кабинет.

От гепида пахло хорошо выделанной кожей и отличной кухней. Здоровенный варвар съедал больше, чем три виноградаря, но он того стоил. Могучая боевая машина, вдобавок абсолютно преданная Коршунову. По крайней мере Алексей так полагал.

Гепид встряхнул рыжей гривой, разбросав вокруг дождевые капли.

– Спускайся, Аласейя! – потребовал он. – Там внизу – гонцы от Фарсанза. Промокли, как мыши в наводнение. Твой привратник изрядно продержал их снаружи, пытаясь, кто они такие. Будь я на их месте – тебе потребовался бы другой привратник.

«Да, – подумал Коршунов, – нехорошо получилось». Но привратник тоже прав. Две недели назад какие-то разбойники, назвавшись друзьями Крикши, воспользовались беспечностью охраны, проникли на территорию усадьбы и едва не увели сарматских жеребцов Коршунова прямо из конюшни. Хорошо, старший конюх оказался подозрительным... воров как следует отдубасили и препроводили в Херсон – на суд. На своей земле Коршунов был вправе и сам повесить конокрадов, но не стал брать грех на душу. Зато устроил выволочку охране: чтоб запомнили накрепко – чужих на территорию не пускать!

Алексей надел золотую цепь с хронометром, считавшимся его личным амулетом, накинул на плечи вишневого цвета шерстяной плащ: не от холода – для солидности. Неторопливо спустился по спиральной лестнице на первый этаж. Гепид – за ним.

Гости, сбросив мокрые плащи на мраморную скамью, грели руки у жаровни. Все четверо разом повернулись – на звук шагов.

Коршунов мысленно ахнул: одним из четверых был Фарсанз. Алексей узнал его сразу, хотя волосы мятежного боспорца поменяли цвет, из черных став каштановыми, а подбородок украсила такая же каштановая накладная борода.

– Рад приветствовать в своем доме посланцев моего друга! – сказал Коршунов, не желая раскрывать инкогнито гостя. Путешествуя без серьезной охраны, претендент на боспорский престол здорово рисковал. – Книва!

Парень появился тут же, словно ждал за дверью. А может, и впрямь ждал.

– Распорядись, чтобы моим гостям подали сухую одежду, горячее вино и перекусить.

– Да, Аласейя. – Книва тоже узнал Фарсанза, но на его лице не отразилось ничего. Несмотря на юный возраст (ему недавно исполнилось шестнадцать) парень владел собой безукоризненно.

– Кто из вас – уста моего друга? – спросил Коршунов.

– Я. – Борода полностью переменяла скуластую физиономию полусармата. Узнать его можно было только по глазам. И по повадкам.

– Прошу наверх. – Коршунов повернулся и двинулся вверх по лестнице. Претендент на боспорский престол последовал за ним, а за боспорцем – Красный.

Гепид Фарсанз не признал и полагал своим долгом на всякий случай подстраховать Алексея.

– Я дам тебе двадцать восемь кораблей, – сказал Фарсанз. – Из них три – боевые.

– Маловато, – поморщился Коршунов.

– Это почти всё, что у меня есть. Большая часть флота повинуетя Рескупориду.

– Ладно, пусть будет двадцать восемь. У меня еще есть боранские. Чего ты хочешь взамен?

– Треть из того, что будет доставлено на моих кораблях.

– Треть – слишком много.

– Я рискую всем, – напомнил Фарсанз. – Без этих кораблей – а ты можешь их потерять, верно? – я все равно что мертв. У меня нет никаких шансов победить Рескупорида.

– Без моей поддержки у тебя тоже нет почти никаких шансов, – заметил Коршунов. – Ты знаешь: я удачлив. Если этот набег будет успешен, на следующий год у меня будет пятидесятитысячная армия. Мне нужны деньги, поэтому пятая часть – это всё, что я могу тебе предложить...

– Ему не понравилось, когда ты сказал о пятидесятитысячной армии, – сказал Красный, когда боспорцы отбыли.

– Еще бы! Он ведь понимает, что с такой армией я могу прихлопнуть разом и его, и Рескупорида.

– Я бы на твоём месте так и сделал. Боспорское царство – жирный кусок! – Глаза гепида алчно блеснули.

– Может быть, я так и сделаю, – кивнул Коршунов. – Но у меня пока нет пятидесяти тысяч. Так что не будем загадывать на два года вперед, ограничимся будущим сезоном.

Глава третья Алексей Коршунов, адмирал варваров

Апрель девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Черное море

Соединенная эскадра из пяти десятков боранских кораблей, двадцати восьми – боспорских и одного – римской постройки бороздила зеленую воду Черного моря. Все-таки Коршунов уговорил их идти напрямик. Боранских и боспорских моряков он порастил искусно начертанной картой черноморских берегов. Эта карта, вкупе с прежними достижениями Коршунова, настолько подняла авторитет Алексея, что здешние мореманы перевели его из «сухопутных чайников» в «квалифицированные пользователи». И приняли заявление о том, что Аласея Большая Вода способен плыть по морю без помощи береговых ориентиров: сочли, что это умение – из области мистического, а не рационального. А коли так, то и обсуждать нечего. Коршунов не стал их переубеждать, хотя жалел, что некому оценить проделанную им зимой титаническую работу. Ведь он, фактически с нуля, разработал систему навигации, сконструировал секстант¹² и продумал всю необходимую математику. Главное – моряки приняли его предложение, а всем прочим было по барабану, как плыть. Лишь бы быстрее и безопаснее.

В поход вышли, едва только отгремели весенние шторма и море подуспокоилось. Стартовали от устья Днепра-Борисфена. Именно там сконцентрировалось Коршуновское войско: гепиды, герулы, гревтунги и прочие готы. Одохар не приехал. Не потому, что ему

¹² Секстан (от лат. sextans – шестой) – в морском деле – астрономический угломерный инструмент. Лимб секстанта составляет 1/6 часть окружности.

было зазорно ходить под командованием своего бывшего дружинника, а потому что гревтунги готовились к очередной экспансии в южном направлении, что, естественно, требовало присутствия военного вождя. Земли, присмотренные Одохаром для этого дела во время прошлогоднего похода, были отнюдь не свободны. Но хитроумный Одохар использовал сборную армию, которая двигалась к Боспору, для оказания психологического давления на обитателей облюбованной территории. Именно поэтому вышеупомянутая армия шла к устью Борисфена, а не через Меотиду – к Боспору киммерийскому, как предлагал Коршунов, рассчитывая попутно поддержать своего союзника Фарсанза.

Ничего, обратно поплывем прямо к Боспорскому проливу, решил Коршунов, погрузил на корабли свое воинство и припасы – и двинулся к цели.

Флагманский корабль Коршунова – захваченная трирема – под парусом при умеренном ветре давал порядка двух узлов, а если к ветру прибавить усилия верхнего яруса гребцов (гревтунги, меняясь, гребли в три смены), то скорость удваивалась и достигала примерно шести километров в час. Некоторые из боспорских корабликов даже под парусом могли идти быстрее, но скорость каравана, как известно, определяет самый тормозной верблюд. Так что время от времени Коршунову приходилось придерживать свою красавицу, вернее, красавца, потому что Алексей, не мудрствуя лукаво, назвал трирему «Коршуном». В честь себя, любимого. Здесь так было принято: безудержно хвастать и выставлять напоказ собственные подвиги. Веди себя по-иному – не поймут. И заподозрят нехорошее.

Но такому кораблю свое имя дать не стыдно. Безупречная работа от носа до кормы. Тридцать шесть метров настоящего корабельного искусства. Три яруса весел. У каждого гребца – персональная скамья, подушка и набор ремней, позволяющих грести с максимальным удобством. В Херсонесском сухом доке (стоившем недешево) трирему отремонтировали, заново просмолили и покрасили, обновили все, что нужно, выкрасили парус в традиционные Коршуновские цвета – белый и красный, вырезали новую носовую фигуру: взлетающую хищную птицу. Правда, Книва заявил, что это вовсе не коршун, а какой-то там орел, но – без разницы. Все равно внушительно. Экипаж – гребцов и «абордажную команду» – Коршунов набрал из своих готов. Только в палубную команду Коршунов нанял четверых моряков-боспорцев, разбиравшихся в снастях и прочем. И еще двоих – рулевыми. Третьим рулевым стал Книва. У парня неплохо получалось. Вообще Книва чем дальше, тем больше ему нравился. Умный, спокойный, надежный. И уже помыкал старшим братом. Не Агилмундом, естественно, – Сигисбарном. Но и Агилмунд как-то, в доверительной беседе, сообщил, что, по его мнению, пацана ждет большое будущее: быть ему риксом.

Коршунову Агилмунд привез гостинцы от родичей: от папаши Фретила, от тещи, от законной жены. У Фретила дела идут. Обязанности мирного вождя тестюшка отправляет достойно. Народ доволен. И с Одохаром у них – консенсус, поскольку переселенческим планам военного вождя Фретила не препятствует и уходу значительной части мужского населения в славный поход тоже не воспротивился. Даже с учетом того, что отправится войско раньше, чем закончится посевная. Правда, весна в этом году выдалась ранняя. Оценив добытые в прошлом рейде трофеи, тестюшка счел грабеж более рентабельным мероприятием, чем сельское хозяйство. Заслал он, конечно, зятю и свои наставления. Наставления эти Агилмунд Коршунову передавать не стал. Сказал: будет еще дворовой пес волка охоте учить!

Сообщил также, что Рагнасвинта изрядно округлилась. Так что вскорости быть Коршунову папашей будущего воина. Ну ясно же, у такого героя, как Коршунов, дочь в принципе родиться не может! Рагнасвинта ходит неимоверно важная, по мужу вроде как особо не скучает, а вот присланному золотишку обрадовалась неимоверно. Велела брату заверить супруга, что у нее, Рагнасвинты, все добро впрок пойдет. Когда вернется, Аласея сам увидит, какая она рачительная хозяйка. Так что пусть присылает побольше.

Весть о скором отцовстве Коршунов, к своему собственному удивлению, воспринял совершенно равнодушно. Но договорился с Крикшей, чтобы тот нанял задорого греческого

лекаря и организовал его доставку в гревтунгский бург. Готы, конечно, – нация здоровая, но лучше подстраховаться. Уж больно условия там антисанитарные. Позаботился, одним словом. Хотя для Коршунова и Рагнасвинта, и все его готское «семейство» отошли на задний план, в прошлое. А он смотрел в будущее. А в будущем был Рим. Колизеи, дворцы, театры... на этом фоне готские избы с куском кожи вместо дверей смотрелись жалко.

Коршунов прошел в носовую часть судна – там пронзительный голос флейты, задававшей ритм гребцам, не так резал уши – и уселся на край палубы (у триремы только на самом носу было некое подобие фальшборта), свесил ноги и долго смотрел на спокойное море, ни о чем не думая.

Спустя некоторое время рядом устроился Агилмунд. Тоже молчал и смотрел. Такие, как он, умеют молчать, если слова не нужны. Коршунов раньше этого не умел. Ему казалось, что общаться – значит что-то делать вместе, разговаривать... не умел, но здесь научился. У готов.

Из молчания родились другие мысли.

Зачем он куда-то плывет? Разве ему плохо было в Херсонесе? В своем поместье, с Настей... Херсонес – это уже не хижины с блохами. Это нормальные каменные дома, стеклянная посуда, гимнастические площадки, бани, культурное общество. Хочешь – с греческим философом пообщайся, хочешь – с иудейским...

Тут Коршунов усмехнулся, потому что виденные им иудейские теологи, на его взгляд, мало отличались от греков. И даже имена носили греческие. Вот христиан в Херсонесе было совсем мало... а надоест уминовать, можно выпить винца с «соплеменными» боранами, на мечях попрактиковаться...

Приличное общество, где тебя уважают, теплое море, превосходное вино (о кухне даже лучше не вспоминать, учитывая, чем он питался последнюю неделю), любимая женщина... А кони! Это ж какой кайф – ехать верхом ранним утром по тропе, оплетающей гору, и увидеть вдруг, над собой, над зеленым склоном, ослепительно белое здание языческого храма.

«А я, дурак, поперся куда-то через море, по своим дилетантским выкладкам, в неизвестность, зато с оравой свирепых варваров – воевать с Римом!» – Коршунов хмыкнул.

Ну разве не глупость? Воевать с римлянами, которых Коршунов видел в бою. Правда, и победил, но ведь исключительно числом, а не умением. Ну ладно, может, и на этот раз обойдется. Но променять нежность Насти, изысканную пищу, чистую постель – на походную баланду, пот, зуд, пыль, нервотрепку (кто знает, что будет завтра) и – хуже того – кровь, вонь, боль... Почему?

На самом деле, Алексей знал – почему. Как там у Бродского, кажется... «А что гнало его в поход, вперед, как лошадь плетъ? То, что гнало его в поход, искать огонь и смерть...» Страсть. То, что гнало Коршунова когда-то в горы. Страсть. Ну и еще – чисто мужское: поставил цель – добивайся. Поставил себе цель: урвать кусок Римской империи (плевать, что никогда ее не видел, плевать, что за этот кусок придется беспощадно драться) – добейся ее! Даже если это иррационально и неумно. Не важно. Отступить – значит перестать себя уважать. Взлся за гуж... Коршунов вздохнул.

– Что-то ты печален, Аласейя, – заметил Агилмунд.

Сказал и замолчал. Продолжал смотреть на море.

Но так он это сказал, что печаль Коршунова сразу ушла. Не дело это: адмиралу проявлять слабость при подчиненных. Даже если этот подчиненный – старый, проверенный друг, родич, можно сказать, видевший Коршунова во всех видах и даже вытаскивший его, считай, из выгребной ямы.

– Да вот, по женам своим заскучал, – после паузы, неспешно ответил Коршунов.

– Бывает, – тоже после паузы, солидно ответил Агилмунд. – А долго ль нам еще плыть, Аласейя?

– Дней десять.

На всякий случай Алексей прибавил несколько дней. По его прикидкам, они должны были увидеть берег примерно через неделю. Коршунов целил на город Одисс, во времена его

рождения называвшийся Варной, город, по утверждениям информаторов, весьма богатый. Вдобавок Одисс был изрядно удален от Данубия, и, следовательно, его обитатели должны быть более беспечны, чем жители придунайских территорий. Кроме того, как ему говорили, правый берег великой реки, разделявшей Рим и варваров, находился под постоянным контролем пограничных легионов, которые, как ему опять-таки говорили, передвигались с невероятной быстротой. Разумеется, в Одиссе тоже имелся гарнизон и крепость. Но Коршунов рассчитывал проделать с ним тот же финт, что и с Питиундом. Ввести в гавань трирему, высадить десант, ворваться в город и держаться до подхода основных сил. Ну а если за крепостную стену прорваться не удастся – тоже неплохо. Вокруг – богатые земли, виллы, храмы (места языческих богов он, разумеется, не опасался) и прочие «достопримечательности». Быстро пройти по окрестностям, загрузиться на корабли, запастись водой и пищей – и опять уйти в открытое море. И пусть римские боевые корабли, если таковые окажутся поблизости, рыщут вдоль берега, выискивая врага. А даже если они, наплевав на традиции, станут искать их в открытом море – нехай ищут. Не те здесь средства обнаружения, чтобы из этого вышел толк. Короче, уйти в море, а затем так же внезапно появиться у города Месемврии. Затем Халкедон, Гераклея, Синопа и так далее. Пройтись по десятку городов, разворошить муравейник, а затем, набив до отказа трюмы, тоже открытым морем, проскочить к Боспору. Отправить домой гепидов, боранов и прочие «вспомогательные войска», разгрузить свою долю добычи, что можно – превратить в золото, остальное добро отправить частью в Херсон, частью – дальше, по Днепру – родичам, а самим, сушей, пройти по краю Боспорского царства: поддержать партию Фарсанза, а заодно и долю ему отдать. Пусть видит, что Аласейя слово держит. И наказать Фарсанзу: пусть позаботится о кораблях. В следующем году Коршунову понадобится не двадцать восемь кораблей, а вдесятеро больше.

Вот такие наполеоновские планы строил Алексей Викторович Коршунов, сидя на краю палубы римской триремы, глядя на спокойное море.

Но планам этим не суждено было сбыться. Прошло два дня – и Алексей в этом убедился. Хорошо хоть он не стал никого посвящать в свои стратегические проекты. Ой как было бы стыдно!

Глава четвертая, в которой скифская эскадра сталкивается с римлянами, а Алексей Коршунов узнает, что штурман из него никудышный

Утром они увидели берег. Увидели все, а не наблюдатель на верхушке мачты, который, кстати, еще и вскарабкаться наверх не успел. Серая туманная полоска над темной синевой моря. Берег. А между берегом и их флотилией – корабли. Четыре крохотных кораблика, почти неподвижных, потому что утро было совсем безветренное. Ёш твою двадцать!

«Если это боевые корабли, то мы попали!» – подумал Коршунов. Придется драться. И не факт, что его флотилия окажется в выигрыше. Конечно, у него теперь тоже есть трирема, да и три боспорских корабля, таких же узких, боевых, оснащенных таранами, – это тоже сила, хотя в сравнении с триремой они – как собаки рядом с лошадью. Но от остальных судов, даже боспорских, и вовсе проку нет. Так, емкости для перевозки груза. Зато суммарный экипаж у них – пять тысяч клинков. Ладно, где наша не пропадала...

Коршунов поднес к глазу монокуляр. Теперь он мог разглядеть противника поподробнее... но тоже ничего определенного. Ну корабли и корабли. Один поменьше, три – побольше.

– Можно мне? – застенчиво попросил бородатый боспорец-кормчий.

Он робел перед «великим Аласейей» и еще больше – перед волшебным устройством.

– Взгляни, – разрешил Коршунов.

Боспорец взял монокуляр. Смотрел минуты две, потом возвратил прибор Алексею.

– Ну? – требовательно спросил тот.

– Великое чудо! – благоговейно произнес боспорец.
– Сам знаю. О кораблях можешь что-то сказать?
– О кораблях? – Боспорец неохотно вернулся к прозе жизни. – Могу, мой господин. Три «торговца», больших, и один – военный: бирема или трирема, но скорее бирема. Еще я на берег смотрел, но не признал. Я дальше Истрии не ходил.

– Ничего, – сказал Коршунов. – Скоро узнаем, скоро мы все узнаем! – Он хищно улыбнулся. – Агилмунд! Где Агилмунд?

– Я тут, вождь!

– Командуй парням: всем на весла! Но парус не спускать и особо не торопиться. Тем, кто на верхнем ярусе, скажи, чтоб римские шлемы надели для маскировки. И дай знать на боспорские боевые, чтобы шли за нами!

– Добыча? – Глаза гревтунга алчно блеснули.

– Три римских торгаша! Правда, с ними один боевой, но мы с ним справимся, я уверен!

Последнюю фразу он договаривал уже пустому месту. Агилмунд исчез. Зато на корме тут же раздался его зычный бас. А на триреме все пришло в движение. Десяти минут не прошло, как на корме сипло хрюкнула флейта – и все сто шестьдесят два весла разом опустились в воду. И трирема пошла...

Они не торопились. Коршунов предпочитал до времени не показывать себя врагом. Он изрядно погонял свой экипаж в Херсонесе, но все же его ребята недостаточно опытные, чтобы на равных схватиться с настоящими моряками. И вообще он не собирался рисковать ни своими людьми, ни кораблем. С ходу отправить на дно боевой корабль римлян, а уж с «купцами» проблем не будет.

Через некоторое время он уже мог рассмотреть врага поподробнее. Да, точно, один военный, вроде бы поменьше его «коршуна», и три торговых, пузатых, с обвисшими полосатыми парусами.

На римских кораблях их, естественно, тоже заметили. Но ничего не предприняли. Проявили сдержанный интерес. На военном корабле около носовой «фигуры» Коршунов сумел разглядеть человечка в шлеме с алым гребнем. На Алексее красовался такой же. И он тоже, в полном облачении римского офицера, стоял на носу около фигуры якобы коршуна, а по утверждению специалистов – орла. Попробуй заподозрить в нем варвара.

К нему подбежал Книва, тоже в римских доспехах:

– Сразу на таран, Аласейя?

– Нет. Тогда они сообразят неладное. Править как для прохода примерно в пяти корпусах. А когда поравняемся, крутой поворот – и на таран.

Парень умчался передавать приказ. Мерно взвизгивала флейта, скрипели весла, пенилась вода у форштевня...

Да, римский боевой был поменьше триремы. И весел у него было не три, а два ряда. Сейчас эти весла были задраны вверх. Но сам корабль был развернут носом к «коршуну». Впрочем, так даже удобнее – ударить с разворота в борт.

Боспорцы поотстали. Трирема, даже идущая вполсилы, легко обогнала корабли, на каждом из которых всего-то по тридцать весел.

Они поравнялись с тремя вытянувшимися линией «купцами». Их экипажи скопились у бортов, глазели на трирему. Военный корабль держался метрах в ста позади. Офицер на носу что-то крикнул, призывно махнул рукой: мол, давайте к нам.

– Сейчас приплывем! – гаркнул Коршунов по-русски. – Не сомневайся!

Офицер опять что-то закричал. Надо полагать, с русским у него были проблемы...

Трирема вышла на нужный рубеж.

– Давай! – взревел Коршунов по-готски.

Весла правого борта вскинулись вверх, весла левого борта мощно, теперь уже в полную силу вспенили воду, флейта загнусавила чаше, трирема, по короткой дуге, очень красиво развернулась, весла правого борта упали вниз, рванув взбудораженную воду...

На римском корабле сообразили, что происходит что-то не то. Завопили, засуетились...

поздно пить боржом, когда почки отвалились!

Все произошло в считанные секунды. Красный борт римского корабля (он оказался намного ниже носа триремы) стремительно надвинулся. Коршунов успел увидеть на «римлянине» стрелка, поднимающего лук, но укрыться не успел. Стрелок, впрочем, тоже не успел – выстрелить. Раздался ужасающий треск, Коршунова швырнуло вперед – но он был готов: крепко вцепился в «ногу» «коршуна». А вот стрелку не повезло. Храбреца швырнуло вперед – за борт. Не его одного. Человек десять римлян, стоявших слишком близко, полетели с палубы вниз... а трирема уже отработывала назад, выдергивая таран из пробитого корпуса, отходя от обреченного корабля, который уже можно было не принимать в расчет, и направляясь к «купцам», которых никто таранить не собирался...

Коршунов бросил взгляд на протараненный корабль. Да, с этим все. Бедолага стремительно погружался. С его бортов сыпались в море люди. Спрыгивали – и сразу плыли прочь, чтобы тонущий корабль не утянул за собой. Пускай плывут, решил Коршунов. Берег далеко, но водичка теплая, хороший пловец доберется.

Только римский офицер по-прежнему стоял на носу своего корабля... «Ну и дурак», – подумал Алексей. Кораблей много, а жизнь – одна. Хотя, может, он плохо плавает...

«Купцов» взяли без проблем. Те, увидев над собой свирепо-веселые бородатые рожи гревтунгов, сразу подняли лапки вверх. И правильно. Резать их не стали. Свою команду, в том числе и любителей пустить кровушку, Коршунов крепко держал в кулаке. А боспорцы поспели уже тогда, когда в трюмах всех трех «купцов» шарили готы. Впрочем, свою долю добычи, по общему соглашению, получают и они.

А добыча оказалась изрядная. Вместительные трюмы судов были под завязку набиты барахлом: тканями в тюках, амфорами с благовониями, корзинками с аккуратно упакованными стеклянными изделиями... короче, много всего ценного производилось в Римской империи и вывозилось из нее. Вот только золота было мало, но это не страшно. Суда направлялись в Боспор, следовательно, все товары были подобраны так, чтобы по ту сторону Черного моря на них был спрос.

Коршунов добычей не занимался: поручил это дело родичам. Его больше интересовала информация. И Алексей ее получил. Информацию, из которой явствовало, что все его расчеты гроша ломаного не стоят.

Он промахнулся почти на двести километров.

Глава пятая, в которой Алексей Коршунов занимается стратегией и дипломатией

Купцов Коршунов отпустил. Даже выкупа не взял. Выкупом послужили полученные от них сведения.

Наиболее важное: примерно в ста километрах к западу патрулируют военные корабли. Сколько их и откуда они взялись, купцы не знали. Выходит, фокус с ложным донесением на этот раз не сработал? Утешением служило то, что Алексей не вывел свой флот прямо на вражескую эскадру. Такое вполне могло случиться, учитывая его навигационные способности. Повезло, можно сказать.

А вот соратники Коршунова считали, что иначе и быть не может. Они были уверены, что это удача вождя Аласеи вывела их прямо на добычу. Алексей не сказал им, что намеревался выйти к берегу совсем в другом месте. Хотя мог бы и сказать. Тогда бы ему заявили, что это удача сбила флотилию с намеченного курса. Три корабля, набитых добром, полученных практически на халяву. Ни одной капли крови (своей, разумеется) пролить не пришлось.

Два корабля Коршунов забрал себе. Вернее, объявил законной частью гревтунгов. Кое-кто поартачился, но без особого пыла. В основном потому, что все предвкушали новые, невероятно огромные трофеи, которые добудут у ромлян. Свои суда Алексей, с новыми командами и в сопровождении военного боспорского корабля, отправил в уединенную бухту

неподалеку от своего имения. Прямо в Херсонес он их гнать не рискнул – пиратов там не любили, а они, как ни крути, стали именно пиратами. Идти велел обычным маршрутом, представляясь, если что, боспорцами. На месте разгрузиться, часть груза, потребную самим гревтунгам, – отложить, остальное продать на рынках Херсонеса. Коршунов, с помощью одного грамотного боспорца (сам он пока даже греческим владел не очень, не говоря уже о латыни) составил сопроводительную – для Анастасии. Алексей отправил бы все три корабля, но остальное войско потребовало немедленного раздела добычи – на всех. Особенно ярились гепиды. Они пришли с другим риксом, который, в отличие от Красного, вел себя довольно нагло. Красный же даже прикончить наглеца не мог, потому что тот был дядей его матери.

Пришлось устроить раздел, на что, в условиях моря, ушли целые сутки. И теперь пустое купеческое судно болталось на буксире у «коршуна», потому что при слабом ветре безнадежно отставало от флотилии.

Ох уж эти гепиды! Наплачемся мы с ними, пожаловался Алексей Агилмунду.

«А может, бросить их? – предложил тот. – Пусть идут своей дорогой, а мы – своей?»

Нет, послать их подальше – тоже нельзя. Почти пятая часть войска как-никак.

Флотилия шла на юг. В виду берега, но достаточно далеко, чтобы не «бросаться в глаза». Хотя два дня назад несколько боспорских кораблей подошли к берегу в районе какого-то местного селения – пополнили запасы воды и продовольствия. Причем, в целях конспирации, не только никого не стали грабить, а даже честно за все расплатились, более того – дали взятку местному чиновнику, чтоб не болтал. Дескать, идут они в Марциополю и не хотят привлекать внимание конкурентов. Скулди с Агилмундом, правда, считали, что лучшая конспирация – просто вырезать всех свидетелей. Заодно и деньги сэкономить. Но Коршунов был главным и настоял на своем. Скрытность важнее экономии. Даже отпущенным на свободу купцам он ненавязчиво намекнул, что собирается двигаться именно на север. Прорваться с боем или в обход римского флота, к устью Дуная-Данубия. Да, скрытность – это залог его успеха. Ведь была одна очень интересная информация, полученная от ограбленных купцов: скоро по всей Империи начнется большой праздник. Флоралии называется. Алексей был уверен, что праздник в Великой Римской империи – то же самое, что и везде: всеобщая пьянка, безобразие и утрата бдительности. Следовательно, есть шанс взять римлян тепленькими.

Алексей рассчитал все точно. И цель выбрал достойную – город Маркиополю,¹³ один из городов провинции Мезия (так ему сказали), чрезвычайно богатый. Прикинул, что к вечеру второго дня славного праздника римляне (включая гарнизон) дойдут до нужной кондиции и «правильно» прореагируют на появление «коршуна» в гавани.

Вечером, накануне назначенного дня, Коршунов собрал у себя на «коршуне» вождей: Агилмунда, Скулди, Дикинея, младшего брата Комозика и второго по значимости (после Скулди) вождя герулов; Беремода, старшего из вождей разноплеменных готов; Химнериха – лидера гепидов, дядюшку Красного; Тарвара со Скубой – предводителей боранов. Алексей объявил план будущего сражения: завтра пройти оставшиеся до Маркиополя двадцать миль на максимальном удалении от берега. И к вечеру, когда начнет темнеть, трирема Коршунова войдет в порт Маркиополя, боевая команда высадится с минимальным шумом, войдет в город и постарается захватить и удержать ворота цитадели. К этому времени к берегу, под прикрытием темноты, должны подойти остальные корабли – и доделать остальное. Коршунову этот план казался простым и безукоризненным. Ночь и темнота в данном случае – не помеха. Насколько ему было известно, в Маркиополе имелся маяк, который в хорошую погоду наверняка виден минимум за километр. А когда на берег высадятся парни в римских доспехах (у Коршунова имелось больше ста трофейных комплектов обмундирования противника), их не на клинки примут, а венками забросают. А

¹³ Маркиополю (Марциополю) – город в провинции Нижняя Мёзия (ныне поселок Река Девня, на 30 км к юго-западу от Варны); город действительно крупный – в течение трех лет (366–369), при императоре Валенте М., даже был столицей империи.

там уж, пока разберутся, кто есть кто, дело будет сделано.

Таков был план Коршунова, но оказалось, что далеко не всем он по вкусу.

– Складно ты все придумал, Аласейя! – мрачно прогудел диникей, который так зарос бородой, что ни щек, ни скул не видно, даже зеленить практически нечего, разве вот под глазами. – Мы, значит, после подойдем, а вам, гревтунгам, значит, опять вся добыча достанется!

– Зря говоришь! – тут же подал голос Скулди, который, мягко говоря, соплеменника недолюбливал. Терпел только потому, что тот – родич Комозика. – Маркионополь – большой город. С ходу его не возьмешь. А запрутся к крепости, так только и останется, что предместья грабить! Всякому известно: самая добыча – она за стенами!

– А ты молчи, Скулди! – заворчал гепид Химнерих. – Ты за Аласейей – как хвост за собакой. Ты в обиде не останешься, а нам опять, как недавно, крохи делить!

– Ты, химнерих, совсем совести лишился! – возмутился Агилмунд. – Сумки набил, меч не вынул, так мало тебе!

– А я, гревтунг, меч вынуть не боюсь! – гаркнул гепид. У него от раздражения даже мясистый нос покраснел. – Хочешь поглядеть на мой меч?

«Черт! Сейчас ведь подерутся! – подумал Коршунов. – Надо что-то делать!»

Но что? Разводить этих амбалов – не для его комплекции и фехтовального мастерства. А на одном авторитете... на авторитете он мог бы урезонить Агилмунда, Тарвара или Скулди. Остальные, напротив, склонны были постоянно нарываться на скандал. Так у них принято: вождь, поднявшийся на другими вождями, должен постоянно доказывать, что он – круче.

А почтенные вожди расходились все больше и больше. Даже чаек напугали. В ругани не принимали участия только Тарвар, Скуба и Агилмунд, которого Коршунов предусмотрительно поймал за руку раньше, чем родич взялся за меч.

– Вы, готы, всегда наперед других норовите! – ярился химнерих.

– Это вы, гепиды, завсегда в хвосте волочитесь! – вмешался гот Беремод, который не смог не возмутиться, когда речь зашла о готах вообще, а не конкретно о гревтунгах.

– Нынче, Беремод, и тебе в хвосте волочитесь, – язвительно напомнил Диникей. – Или забыл?

Верно, забыл беремод. Сразу замолчал.

Зато Диникей продолжал разоряться. И Химнерих ему подпевал.

«Взять, что ли, в десант сотню герулов? – подумал Коршунов. – Дерутся они подходяще...»

Наклонившись к Агилмунду, Коршунов вполголоса поинтересовался:

– У герулов добыча в общий котел идет, как у нас?

– В общий, – подтвердил Агилмунд. – Еще доли вождей и за храбрость, но так – на всех делят.

– Что ты молчишь, Аласейя? Чего ждешь? – потребовал Диникей.

– Жду, пока вы глотки драть перестанете, – сухо произнес Коршунов. – Тогда дальше говорить буду.

– Говори! – буркнул диникей.

– Ну спасибо, что разрешил, – усмехнулся Коршунов. – Потому что говорить буду как раз о вас, герулах. Скулди! Хочу тебе предложить...

– Скулди, опять Скулди... – проворчал Диникей, но Коршунов, не обратив на его реплику внимания, продолжал:

– Хочу, чтобы ты подобрал человек сто – и присоединился к команде «Коршуна».

– Тесновато будет, – заметил Агилмунд.

– Ничего, потеснимся. Согласен, Скулди?

– Согласен! – не раздумывая ответил Скулди.

Диникей задрал бородищу, даже рот открыл, намереваясь возмутиться... открыл и закрыл. Сообразил: в данном варианте шишки достанутся Скулди и его ближним

сторонникам, а орешки все равно поровну делить.

Диникей заткнулся (как и предполагал Коршунов), зато заорал Химнерих. Но его никто не поддержал, даже Беремод, который с надеждой уставился на Коршунова: может, и его тоже пригласят?

Зря надеялся. Из тысячи с лишним разноплеменных готов Коршунов, с помощью Агилмунда разумеется, уже отобрал полторы сотни самых толковых в свою личную дружину, остальных же предпочитал держать на отдалении. Так удобнее и спокойнее. Может, самого Беремода он бы и взял в экипаж, но под Беремодом здесь аж три сотни родичей, так что он – тоже вождь. А вождю без дружины, хотя бы и малой, – непочетно.

– Ладно, Химнерих, хватит тебе яриться! – прервал Скулди поток красноречия Гепида. – Ты хоть годами и не молод, да вождь еще неопытный. Не тебе с Аласейей спорить.

– Да я... – начал Химнерих, но тут, в кои веки, и Диникей встал на сторону Скулди.

– Так и есть, – подтвердил он. – И какова твоя удача, нам неизвестно. Ты ведь не в споре воинском, без славы риксом стал, Химнерих, это все знают. Да и у рода вашего удача невелика. Кабы не Аласейя, племянник твой, Красный, так бы и остался в рабстве. Не забыл?

Племянник у Химнериха – как кость в горле. Но есть еще, так сказать, долг рода. Перед Аласейей. Умолк Химнерих.

В общем, разъехались, вернее, расплылись относительно мирно. Одно не понравилось Коршунову: то, что Химнерих и Беремод сели в одну лодку.

«Если эти двое сплуются – будут проблемы, – подумал он. – Надо бы меры принять...»

Думал-то он правильно. Но с мерами – опоздал.

Глава шестая, в которой все планы Коршунова идут прахом из-за чужой жадности и глупости

Третье мая девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима

Коршунов спал на палубе, подстелив под себя одеяло. Второе, свернутое, положил под голову. Трирема, поставленная на оба якоря, носовой и кормовой, слегка покачивалась, ночи были исключительно теплые, и никаких комаров, разумеется... в общем, спать было вполне комфортно. Правда, немного мешал богатырский храп: Коршунов не один спал на палубе. Кому захочется спать внизу – в такую погоду! Но к храпу можно привыкнуть. Алексей привык... за пару недель плавания. Особенно если принять на сон грядущий стакан-другой качественного боспорского винца. Что, говорят, и для здоровья полезно. Это Коршунов еще в *той* жизни слышал.

Рядом с Алексеем обычно укладывались родичи: Агилмунд, Книва, Сигисбарн. Для полноты компании не хватало только Ахвизры, но Ахвизра плыл на другом корабле – боспорском военном. Коршунов назначил его старшим над «боспорской эскадрой». Это ему Агилмунд посоветовал. «Пора, – сказал, – нашему Ахвизре учиться повелевать. А то так и проживет – в старших дружинниках». Ахвизра к власти не рвался и даже попробовал от руководства увильнуть. Но Агилмунд обладал поистине готским упорством и дружбана своего дождал. Ворча и не к месту поминая богов, Ахвизра перебрался на боспорский корабль. Там он через пару дней плотно скорешился с Тарваром. Сыну Крикши вообще-то полагалось плыть при своих, но он спихнул все на Скубу, переселился на «боспорца» и, оттеснив приданных кораблю Фарсанзом кормчих, целыми днями «рулил», вперемежку с Ахвизрой, который тоже въехал в преимущества начальственного статуса (грести не надо, твоя пайка – первая, доля добычи – двойная) и уже на Агилмунда с Аласейей не бухтел. Печалился только, что подраться с римлянами ему не дали. Тарвар тоже печалился.

Вот они оба и заявили на «Коршуна» чуть свет, не столько опечаленные, сколько взбешенные.

– Этот плевок отхожего места, этот отпрыск дурной козы! Чтоб у него в бороде опарыши завелись! Этот проклятый всеми богами гепид!.. – ревел Ахвизра, перебудив всех на триреме еще раньше, чем поднялся на палубу.

– Ублюдок дохлой камбалы! Чтоб ему крабы яйца отгрызли! Чтоб ему из жопы акулу родить!.. – вторил ему более тонко, но не менее громко сын Крикши.

– Заткнитесь оба! – рявкнул свежеразбуженный и очень недовольный Коршунов. – Толком говорите!

Толком вышло еще печальнее.

Этой ночью два «обиженных» вождя, Химнерих и Беремод, сговорившись, угнали без малого треть боранского «флота» (кормчих, вероятно, запугали или убили) и самостийно направились к берегу, желая, так сказать, снять сливки. К сожалению, направились они не к Маркионополю (где им наверняка навешали бы по загравкам), а прямо к ближайшему населенному пункту, коим по карте Коршунова был ничем не примечательный городишко Тумос.

– Козлы! – прошипел Алексей по-русски.

Тумос его не волновал. Бог с ним, с Тумосом. Но теперь-то им Маркионополя не видать. Связь у римлян поставлена отменно. Так что максимум через полдня на всем побережье будут знать: варвары пришли! Единственный выход – поднять паруса и заплыть подальше на юг... надеясь, что там не окажется еще одной римской эскадры.

– Так. Агилмунд! Разошли гонцов на все корабли. Снимаемся и уходим на юг!

– И не накажем этих безмозглых?! – взревел Ахвизра.

– А корабли? Наши корабли?! – возопил Тарвар.

Последний довод был серьезным.

– Ладно, – подумав, решил Коршунов. – Идем к берегу.

Как и следовало ожидать, гепиды дело просрали. То есть на берег они высадились без проблем, но, решив начать с того, что ближе лежит, принялись грабить предместья.

Пока они занимались этим приятным и интересным делом, местные жители протрезвели и успели убраться в крепость.

– Вот и хорошо! – заявил очень довольный Химнерих, у которого на шее уже красовалось новое ожерелье из оправленных в золото самоцветов. – Значит, никуда не удерут. Не бойся, Аласея, сейчас мы разом навалимся и их оттуда выковыряем!

В гавани воняло рыбой и смертью. Повсюду лежали мертвые тела. Иногда – голые, иногда – в ошметках одежды. Вряд ли это были трупы воинов. Телосложение не то, да и женских тел было немало. Гепиды не только не озаботились похоронами, но даже не потрудились сложить трупы в одно место. И Химнериху плевать было на мертвецов. Его интересовала только добыча.

«Стоп! – сказал себе Коршунов. – Ты не в двадцать первом веке. По здешним понятиям Химнерих – в своем праве».

И все-таки самым большим желанием Коршунова было пристрелить гепидского рикса. Но – нельзя.

Начнется большая драка, и в итоге Алексей останется без войска. Значит, эмоции – побоку.

Коршунов посмотрел на крепость. Издали она не выглядела грозной. Наоборот, была она небольшой и несколько обветшавшей. Но Алексей уже знал, что это обманчивое впечатление. Расположена крепость на редкость удачно – подход только со стороны моря. А у стен есть такое свойство – становиться все выше и выше по мере приближения к ним. А под самой стеной ты вдруг становишься совсем маленьким, а стена – очень высокой. И пусть она потрескалась и покрыта щербинами, это не имеет значения. Древние строили на совесть. И даже таран к воротам будет подтягивать чертовски неудобно. Нет, без осадных орудий тут делать нечего. А из всех орудий у Коршунова – только палубные «скорпионы».

Сам же городок Тумос оказался совсем маленьким. Наверное, около тысячи жителей. Живописная гавань, спокойная удобная бухта... отличное место для отдыха. С древесиной вот только плохо. А для осадных орудий надо много древесины. Так что дело это долгое. Даже если не учитывать того, что его воины понятия не имеют, как эти орудия строить. Конечно, Коршунов что-нибудь придумал бы... но на это тоже требуется время...

– Нет, – сказал Алексей. – Крепость ты будешь брать сам. Мы уходим.
– Дело ваше, – беспечно ответил гепид. – Все нам достанется.
– Точно говорят: безмозглый, как гепид! – прорычал Скулди, когда Коршунов собрал на совет всех оставшихся вождей.

Агилмунд спросил:

– Теперь нам в Маркионополь соваться нечего, да, Аласейя?
– Естественно! – раздраженно подтвердил Коршунов. – Теперь там все начеку.
– Прикончить гепидов! – заявил Ахвизра.
– Перебить, как свиной! – поддержал его Тарвар. – С Химнериха шкуру содрать, а самого в море бросить!

– Аласейя! Вели их бить! – потребовал Ахвизра. – перебьем – и добычу у них заберем. Нас вдвое больше! Беремод вмешиваться не станет! Агилмунд! Ты что молчишь? Не согласен, что ли? Скулди! Неужели боишься?

– погоди, друг, – произнес Скулди (он уже успокоился), – не кричи. Гепидов я не боюсь. Только ведь не гепидов бить мы сюда приплыли. Гепидов и по ту сторону моря найти можно.

– Наказать! – настаивал Ахвизра. – Спустим им пакость такую – боги нас уважать перестанут! Удачи не будет!

– Удача наша – вон. – Скулди кивнул на Коршунова. – Что скажешь, вождь?

– Скажу, что от гепидов мне ничего не надо...

Ахвизра открыл было рот, но Агилмунд взял друга за плечо и прикрыл ему рот ладонью.

– Ничего, кроме одного, – продолжал Алексей. – Они взяли суда боранов. Кормчих, правда, не тронули, так что крови на гепидах нет. Но я думаю: вернуть суда они откажутся. Иначе на чем им обратно плыть?

– Ни на чем! – яростно воскликнул Тарвар. – Перебить их всех – и плыть некому будет!

– Ты плохо слышишь, Тарвар? – прищурился Коршунов. – Я сказал: *драться с гепидами мы не будем*! Не захотят вернуть суда, значит, должны их выкупить и еще заплатить... – Коршунов подумал, как по-местному обозначить «моральный ущерб», не придумал и сказал: – Еще заплатить – чтоб обиды не было. Это – по закону. И этого я от Химнериха добьюсь!

И распустил собрание на два часа.

Выкупить суда Химнерих согласился на удивление легко. И заплатил щедро: отдал почти всю добычу.

Коршунов понял, что гепид пусть и безбашенный, но все-таки опасался, что без крови не обойдется. К тому же он был уверен, что возьмет крепость и поправит дела.

Перед тем как сниматься с якоря, Коршунов отыскал Красного.

– Дружище, возьми с собой кого хочешь – и плывем со мной! На моем корабле для тебя всегда место найдется!

Но гепид только рыжей головой мотнул.

– Добычу со мной возьмешь – не сравнить с этой! – уговаривал Коршунов.

– Что добыча! – вздохнул гепид. – Вот слава... не могу, Аласейя. Дядя он мне. На коня сажал, меч держать учил... не пойду я с тобой!

Глядя вслед уходящему Красному, Коршунов подумал, что тот еще, в сущности, совсем мальчишка, немногим старше Книвы... сколько ему – восемнадцать, девятнадцать?..

– Теперь все в порядке, Тарвар? – спросил Коршунов, после того как тот получил компенсацию.

– Отец будет доволен, – отозвался сын Рикса. – Тебе, Аласейя, в купцы надо – по тройной цене продал!

– А наша обида? – не стерпел Ахвизра. – Нас он тоже обидел! Не должно такое оставлять! Аласейя! Разреши, я вызову этого Химнериха! Я его убью, не сомневайся!

– Без тебя справятся!

– Это кто же? – ревниво спросил Ахвизра.
– Скулди! – Коршунов повернулся к герулу. – Ты – воин опытный. Сколько Химнерих будет эту крепость брать?
– Дней пять провозится, не менее.
– А когда здесь легионеры появятся?
– Через три дня, не больше. Здесь, в Мезии, лагерей мно-ого.
А Беремод все-таки с гепидами не остался. Ушел со всеми. И людей своих, естественно, с собой забрал. Прозорливый, блин... или, может, боранские корабли выкупать не хотел?

Глава седьмая, в которой Аласейя – Небесный Герой осуществляет стратегически безупречный грабеж

Искусство Скулди получать информацию пропало втуне: рыбаки даже и не думали запираяться. Оказавшись на палубе «коршуна» и обнаружив, что вокруг – не римские солдаты, а дикие варвары, эти труженики моря так перетрусили, что выложили все, что знали, и даже от себя прибавили. Лишнее Коршунов отфильтровал, нужное – проанализировал, и в результате у него выкристаллизовался рискованный, но вполне жизнеспособный проект.

– Значит, так, – сказал он, в очередной раз собрав военный совет. – Примерно в пятидесяти милях отсюда – то, что нам надо. Римский город, забыл как называется, но это не важно. На моей карте его нет, но не думаю, что рыбаки соврали.

– Город богатый? – спросил Ахвизра.
– Гарнизон большой? – одновременно поинтересовался Скулди.
– Насчет богатств – не знаю. А вот гарнизон приличный. Раньше там римский лагерь был, потом крепость построили... шесть поколений назад. Теперь туда налоги свозят! – Коршунов поднял палец. – Со всех прилегающих территорий. А уж потом собранное отправляют в столицу провинции. Но это – осенью, а сейчас у нас май.

– Так они ж еще и не собрали ничего! – заметил Агилмунд. – Весна же!
– Насколько я знаю, у них, у римлян, налоги круглый год собирают, – сказал Коршунов. – Дом купил – плати, женился – плати...

– Умер – плати! – вмешался Ахвизра и захохотал.
– Ты не смейся, – строго сказал Коршунов. – Так и есть. Налог на наследство называется.

– И откуда ты это все знаешь? – поинтересовался Скулди не без уважения. – Вот я за Рим воевал, а не знаю.

– От Анастасии.
– А-а-а... тогда понятно. Ты про гарнизон не сказал.
– Скажу. Пленные говорили – там когорта стоит. Сколько это?

Скулди присвистнул. И Скуба, который тоже имел представление о римских воинских соединениях, тоже разочарованно вздохнул.

– Когорта! Что ж ты, Аласейя, про налоги знаешь, а про когорту – нет? – уколол Скулди.

– А для этого у меня ты есть! – парировал Коршунов. – Говори.
– Когорта, вождь, – это, значит, город тот не про нас. Это, считай со всеми вспомогательными, – до тысячи копий. А еще ополчение, вигилы... ты что развеселился?
– Бывают случаи, друг мой Скулди, когда большой гарнизон – намного лучше маленького...

Коршунов предполагал, что самым трудным в этом деле окажется высадка. Он ошибался. Провести почти две тысячи человек по маршруту длиной в пятьдесят с лишним миль, да еще по плотно заселенной территории, оказалось намного труднее. Очень мешало отсутствие карт. И разведчиков, способных выдавать себя за местных жителей,

катастрофически не хватало: Скулди самому приходилось ездить в дозоры. Помогало же то, что все Коршуновские воины – и герулы, и гревтунги – были прирожденными охотниками. Трудно поверить, но вся эта орава могла просочиться днем в пятидесяти метрах от какого-нибудь пастушка – и тот ничего не замечал. Более того, даже собаки пастушьи оставались в полном неведении. Не увидь этого Коршунов собственными глазами – не поверил бы. Иногда их, конечно, обнаруживали. Но на этот случай Коршунов дал четкое распоряжение: всех свидетелей ловить, наливать под завязку плохоньким вином и оставлять где-нибудь в укромном месте. Рекомендации своих советников, что, дескать, проще зарезать, Коршунов отверг. Покойник, сказал он, наверняка привлечет внимание, особенно *столько* покойников. А пьяный проснется, по здешнему климату, разве что часов через десять, в состоянии острого похмелья, и даже если не забудет, что с ним было, все равно ему никто не поверит. Это примерно как если бы в Коршуновской России муж заявился домой с бодуна и стал грузить жене, что его, мол, поймали и напоили вторгшиеся в город американские спецназовцы.

Сам Коршунов, к сожалению, навыками «просачивания» не обладал (вот Генка Черепанов, тот – умел) и потому ехал по дороге в составе одного из дозоров, выдававших себя за британских купцов, достаточно щедрых, чтобы ни у кого из местных чиновников-начальников не возникало вопросов, что британские купцы (притом без товаров) делают в провинции Нижняя Мезия.

Путешествовал он так два дня, но достопримечательностей Римской империи фактически не видел.

Не до того было. Зато к конечному пункту прибыли вовремя. Уложились за двое суток. Прибыли, посмотрели издали на крепость (новую, крепкую, не сравнить с Тумосом), напоили вусмерть двух проводников, взятых по дороге, и принялись ждать. Ждали недолго. Спустя три часа на горизонте появились корабли. Около сорока боранских «двухголовых» суденышек, кои весьма самоуверенно ворвались в порт, высадились в виду крепостных башен и стали бесчинствовать.

Так Коршунов и напутствовал Беремода: «Высаживайтесь – и делайте, что хотите!»

«Что хотите» по здешним понятиям – понятно что.

Поначалу все местные жители, кто успел, бросились в крепость или в горы. Ворота в крепости затворили и приготовились к обороне. Но чуть позже в цитадели оценили количество варваров и поступили именно так, как и предполагал Коршунов.

В монокуляр Алексей очень хорошо видел, как медленно растворились крепкие, окованные бронзой ворота и наружу стали вытекать ровные ряды легионеров. Аккуратные, сверкающие начищенными шлемами и остриями копий, над которыми покачивалась обрамленная венком открытая ладонь.

Сначала мерным, неторопливым шагом, потом все быстрее и быстрее римская пехота покатила вниз, на противника... ворота в крепости остались открытыми.

– Ну что? – жарко дыша Коршунову в ухо спросил Агилмунд. – Бьем?

– погоди!

Слитный многоголосый рев взлетел к небу. Лучшая пехота этого мира врезалась в толпу готов Беремода.

«Ну, это мы уже видели!» – подумал Коршунов.

– Бьем?!

– погоди! Пусть увязнут! Сначала – ворота. Ахвизра! – Алексей повысил голос. – Начинай!

Ахвизра, а с ним сотня гревтунгов, экипированных в римские доспехи (все роли заранее расписаны), с римским военным кличем «барра!» покатились вниз, словно бы на подмогу гарнизону, но, поравнявшись с крепостью, вдруг свернули и помчались к воротам. Полминуты – и первые (самый первый – Ахвизра) уже внутри. В крепости тоже завопили. И крик этот слышали в задних рядах легионеров (передние были слишком увлечены – резали проклятых варваров). Аккуратные линии римлян, уверенно оттеснявшие воинов Беремода к

воде, заколебались. В них наметилось разделение – и вот уже отряд человек в сто порысил обратно к крепости: выяснять, что там стряслось.

– А вот теперь и мы! – воскликнул Коршунов. – Скулди! Агилмунд! Бей!!!

И полторы с лишним тысячи истомившихся по драке воинов, с рычанием, от которого шатались камни и дрожали листья масличных деревьев, потрясая копьями, высыпали на гладкий, усеянный белыми цветами склон и покатались вниз с неотвратимостью цунами.

В этом бою Коршунов личного участия не принимал. Гордо стоял на пригорке в окружении дюжины «телохранителей» и наблюдал, как трехкратно превосходящие силы варваров ровняют с землей смешавшиеся ряды легионеров.

Через час все было кончено. Но еще раньше, как и предполагал Коршунов, отдельные представители его воинства самочинно вышли из боя и устремились к городу. Грабить.

Коршунов усмехнулся. Конечно, лиц на таком расстоянии он разглядеть не мог (без монокуляра), но отлично знал, что это удалцы из вольницы Беремода. Те, кто пришел с Коршуновым, были строго предупреждены: сначала разобраться с овчарками, а уж потом стричь овец.

«Грабежа не будет! – сурово заявил Коршунов. – Не дело это, когда одни сражаются, а другие грабят. Возьмем город, спокойно вычистим все, а что не найдем, то жители сами принесут. А потом честно поделим на всех. И никто не будет в обиде».

Те, кто ходил с Коршуновым на Питиунд, знали, что Аласейя слов на ветер не бросает. И убедили остальных. Но не архаровцев Беремода.

Этих, однако, ждал большой сюрприз. В воротах города стояла уже не римская стража – свои.

– Точно Аласейя сказал! – ухмыльнулся Ахвизра, поигрывая копьем. – Одни бьются, а другие норовят чужой кусок ухватить!

– Мы тоже дрались! – возмутился самый проворный мародер, гот, демонстрируя окровавленный рукав. – Ты что, Ахвизра, своих бить станешь?

Остальные, человек пятьдесят, возмущенно загудели.

За спиной Ахвизры стояли всего тридцать воинов.

– Ты мне не свой, *скамар* ! ¹⁴

Взбешенный гот бросился на Ахвизру... и полетел на землю. Копье Ахвизры проткнуло ему бедро.

Ахвизра выдернул оружие, пинком вышиб копье из рук упавшего гота.

– Аласейя сказал: никого не впускать, – так же лениво процедил Ахвизра. – Аласейя сказал: храбрые получают долю храбрых, шакалы – гнилое мясо! – и пнул в бок подраненного гота.

Тот осыпал его бранью.

Ахвизра засмеялся.

– Ногу перевяжи, дурень, – сказал он. – Подохнешь... – и прошелся тяжелым взглядом по кучке кандидатов в грабители: не хочет ли кто вступить за раненого?

Никто не вступился. Должно быть, близких родичей у раненого здесь не было. А так никто не хотел связываться с опасным гревтунгом. Тут ведь какое дело: это против ромлян – все разом. А когда между своими, то – каждый за себя. Если не за род, конечно.

Легионеров вырезали полностью. Убили вообще всех, кто рискнул взяться за оружие. Тут уж Коршунов ничего поделать не мог. Резать мирных жителей Коршунов не позволил. Порядок должен быть, как говаривал Генка Черепанов. И порядок был. Очень помогла в этом деле готская обстоятельность. Конечно, в горячке боя они все становились отморозками почище гепидов. Но в спокойном состоянии, в отсутствие видимого врага, снова превращались в неторопливых землепашцев, рассудительных и рачительных. То есть чтобы

¹⁴ Скамар – что-то вроде безродного бродяги-попрошайки-скомороха. В данном случае – серьезное оскорбление.

даже мелкой медной монеты не упустить.

Если бы кто-то сказал здешним друзьям Алексея, что их вождю, в общем-то, наплевать на добычу, те плюнули бы болтуну в лицо. Всякий видит: Аласея учитывает каждый медяк! И честно делит его на всех. Правильный вождь – он такой. Все вокруг крушить в священной ярости – это дело воинов. Задача вождя: чтобы воины остались живы и с прибылью.

Но сам Коршунов никогда не забывал слов Анастасии:

«Они не люди! Они только выглядят людьми! Даже тебе не обуздать их звериной природы.

Они ведь не просто убивают: они убивают всех. Женщин, детей, совсем маленьких... просто для развлечения. После них не остается ничего – только трупы и пепел!»

Он тогда сказал: «Я обещаю тебе, что не позволю им убивать ради развлечения».

Настя ему не поверила. И она была отчасти права. Это была чертовски сложная задача – отучить их от естественного зверства. Бессмысленно было вызывать к морали и лучшим человеческим качествам. Здесь была другая мораль, и совсем другие качества считались лучшими. Здесь ребенок врага – не беспомощное дитя, а будущий враг. Тот, кто может занять место собственного отца. Среди этих людей рабство еще не стало главным источником дохода, поэтому вражеское село вырезалось под корень. Они не убивали – они освобождали место. Так земледелец расчищает лесную делянку под пашню. Так лев, ставший главой прайда, убивает всех львят, зачатых прежним вожаком.

Поэтому Коршунов подошел с другой стороны и взывал не к гуманизму и доброте, а к алчности и тщеславию.

– Вот представь, Ахвизра, – говорил он. – Тебя убьют...

– Ну это еще не скоро будет! – возражал самоуверенный Ахвизра.

– Но когда-нибудь случится. Или ты считаешь, что лучше умереть от старости?

Нет, Ахвизра так не считал.

– Вот убьют тебя, – говорил Коршунов, – предстанешь, ты перед вотаном вместе со всеми убитыми тобой в бою...

– Большая толпа получится! – гордо заявлял Ахвизра.

– ...а в толпе этой, – продолжал Коршунов, – полно баб и детишек. И скажет вотан: с кем же ты воевал, Ахвизра, с бабами или с воинами?

– Сроду я с бабами не воевал! – возмущался Ахвизра. – Ты думай, Аласея, что говоришь-то!

– Но убивал?

– Ну, бывало... если какая подвернется... случайно... что ты хочешь, война же!

– Да я ничего не хочу, Ахвизра, – успокаивал Алексей. – Кого хочешь, того и убивай. Твое дело. Но ты мне друг, и я тебя предупреждаю. Как друг, не как вождь. Там... – жест вверх, к небу, – может совсем нехорошо получиться. Думаю, вотану недосуг будет разбирать, кого ты случайно убил, а кого – намеренно.

– Так все так делают... – неуверенно возражал Ахвизра.

– Вот именно, – соглашался Коршунов.

– А вутья ¹⁵ вообще своих и чужих не разбирает!

– Так то – вутья. С вутьи у вотана – спрос особый. А тебе я просто так сказал, по-дружески.

И Ахвизра уходил переваривать информацию. И представлять себе картинку, нарисованную Коршуновым. И делать выводы.

Так выглядели «душеспасительные» беседы в варварской интерпретации. И надо признать, эффект был. Правда, пока только среди своих, особо приближенных. А для более широких масс достаточно было приказа: местных зря не трогать. Авторитет Аласеи – Небесного Героя был настолько высок, что рядовые бойцы слушались его без всяких

¹⁵ Вутья – берсерк.

объяснений. Вернее, довольствовались тем объяснением, что так надо для более эффективного взимания дохода. Единственное, в чем Коршунов вынужден был дать послабление, – насчет женского пола. Но тут уж ничего не поделаешь: запрети парням сбрасывать избыток семени – моментально возникнет бунт. Да и местные женщины, как уже давно заметил Коршунов, относились к подобным вещам почти равнодушно. Лишь бы не убивали и не калечили. Насилие на войне неизбежно. Но этот мир был правильнее того, из которого пришел Коршунов. В этом мире никто не болтал о «правах человека» и «человеколюбии», одновременно выжигая с воздуха целые города, никто не травил народы «третьего мира» синтетическими продуктами и не отправлял голодающим странам токсичные отходы под видом «гуманитарной помощи». Здесь каждый честно заявлял: есть я, есть мои родичи, а остальные мне по...! Просто и доходчиво. А то – как в анекдоте, который любила цитировать одна эрудированная коллега Коршунова: «Больше всего на свете я ненавижу расистов и негров».

Зато и продвигать собственную мораль в местный менталитет Коршунову было не так уж сложно.

«Вот представь, – говорил он Книве. – Вырежем мы сейчас всех здешних жителей, сожжем город, поля, сады, а дальше что? Пройдет десять лет, станешь ты риксом, придешь сюда за добычей, а тут – безлюдье и пепелища. Если ты хочешь из года в год стричь овцу – не сдирай с нее шкуру».

Книва слушал очень внимательно. И запоминал. Алексей мог не сомневаться: его слова не пропадут втуне. И когда Книва станет вождем (а он непременно им станет, если не убьют), то будет относиться к «людским ресурсам» по-готски рачительно.

Но если все пойдет так, как планирует Коршунов, эта самая Мезия станет его собственной «базой». Его удельным княжеством. Или – царством. Почему бы и нет? Разве не было (вернее, не будет попозже) царства болгарского? Прекрасная земля, прекрасное море, покладистый народ... Коршунов будет царем, а друзья: Агилмунд, Ахвизра, Скулди – его вассалами...

Однако мечты мечтами, а дело делом.

Всем жителям пообещали жизнь. И даже свободу. Тех, кто оставался в городе, собрали снаружи, под стенами, избавили от ценностей и отправили на все четыре стороны, оставив только сотню мужчин – для похоронных и вспомогательных работ да пару сотен женщин – для иных надобностей. Всех их тоже отпустили через два дня. Опустевший городок обшарили и «убрали» тщательно, словно родную делянку. Когда на следующее утро к гавани подтянулась основная Коршуновская флотилия, добыча уже лежала на причалах, поделенная и упакованная. В таком количестве, что даже заранее настроенный отрицательно Диникей, увидев лично свою долю, только крикнул и даже посмотрел сквозь пальцы на то, что Коршунов, выполняя собственное обещание, отпустил пленных.

«Теперь можно и домой», – подумал Алексей, но не тут-то было.

Глава восьмая, в которой Алексей Коршунов вынужден подчиниться большинству

– Нельзя возвращаться, Аласейя, никак нельзя! – пылко воскликнул Ахвизра. – Боги тебя любят! Нельзя отказываться от их любви!

– Да, – присоединился к нему Скулди. – На этом берегу Понта еще много богатых римских городов!

– И на кораблях наших еще довольно места для добычи! – поддержал герула рассудительный Агилмунд, у которого сейчас тоже совсем не рассудительно горели глаза.

– Добычи никогда не бывает много! – строго изрек Диникей, поглаживая сальные косички рыжеватой бороды.

– Жадность фразера сгубила, – пробормотал Коршунов.

Уговаривать их было бесполезно. Бесполезно было говорить, что на следующий год

они возьмут вдесятеро больше. Что с каждым днем все увеличивается риск нарваться на легионеров. Эти люди всё делали так. Дорвавшись до еды – ели, пока в животы влезало, дорвавшись до грабежа – грабили, пока мешки не лопались от добычи... А если возмездие настигало раньше, то убегали, отгрызаясь на ходу, теряя добычу и награбленное... Это называлось: «Не повезло».

«Черт с вами, – подумал Коршунов. – Еще один раз...» Еще один такой город – и хорош. Все равно складывать будет уже некуда.

– Ладно, – сказал он. – Будь по-вашему!

– Аласейя! – заорал Ахвизра. – Ты – великий воин! – и испустил боевой клич, от которого у Коршунова заложило уши.

А остальные члены «высшего военного совета»: Агилмунд, Тарвар со Скубой, Скулди, Диникей – улыбались счастливо, словно детишки, которым пообещали купить заветную игрушку.

– Хорошо, – хмуро произнес Коршунов. – Мы поплывем дальше. Но не все.

– Как это – не все? – тут же набычился Диникей, не без основания подозревавший, что Коршунов хочет от него избавиться.

– Ты пойдешь, – успокоил его Алексей. – Не пойдет Беремод со своими...

Тут никто не возражал. Беремод был почти чужим. Да и людей у него осталось – сотни две. Остальных покروшили римляне.

– Ты... – Коршунов посмотрел на Тарвара, – тоже с нами не пойдешь.

– Почему это? – возмутился сын боранского рикса.

«Потому что ты еще слишком молод, а риск слишком велик, – подумал Коршунов. – Потому что если со мной что-то случится, то я хочу, чтобы там, в Крыму, твой отец Крикша не затаил на меня обиды и защитил, если возникнет надобность, мою жену».

– Потому что большая часть наших кораблей заполнена добычей по самые борта, Тарвар. Они – обуза. Я хочу, чтобы ты взял их под свою команду и привел в Херсон. Ты знаешь море и ты – вождь. Ты справишься.

– Скуба тоже справится! – воскликнул Тарвар.

Коршунов наклонился к нему поближе, прошептал в самое ухо:

– Это должен быть ты, а не Скуба. Я тебе потом объясню, почему.

– Я хочу, чтобы именно ты, Тарвар, привел корабли в Херсон, – сказал Алексей сыну Крикши наедине. – Ты будущий рикс. Люди должны тебя видеть вождем! Ты приведешь корабли – и люди увидят: вот Тарвар, сын Крикши, возвратился из победоносного похода! Не важно, что воевали мы все. Важно, что ты станешь тем, кого увидят люди! Этим человеком должен быть ты, а не Скуба, потому что ты – будущий рикс!

Алексей дал парню время, чтобы переварить сказанное и проникнуться. Мальчишка тщеславен... как все мальчишки, даже если они здесь и считаются воинами.

– И еще, – произнес Коршунов, понизив голос, – есть у меня к тебе личная просьба: взять на сохранение часть моей личной доли и доставить ее в мое поместье, моей жене. Я могу на тебя положиться?

Коршунов его уговорил. Теперь, если они по дороге не нарвутся на римские корабли, если не случится шторма, если... короче, море есть море, но в данном случае море безопаснее суши, и шансов на выживание у парня существенно больше.

«Отлично, – подумал Алексей. – Одного уболтал. Теперь очередь за вторым».

Книвой Коршунов занялся вечером, после ужина. После того, как убедился, что посты расставлены, а дозоры отправлены, ведь все это время Алексея не покидало смутное предчувствие неприятностей. И самой большой неприятностью было бы появление римской армии.

Они шли по песчаному берегу, и море шуршало у них под ногами.

– Такие дела, Фретилыч, – сказал Коршунов, – есть у меня ощущение, что боги любят меня меньше, чем прежде. Только тебе говорю, больше никому.

Парень серьезно кивнул, мол, понял, дальше меня не пойдет.

– Потому, брат, есть у меня к тебе просьба: не ходи с нами. Возвращайся вместе с Тарваром... погоди, не спорь! Возвращайся вместе с Тарваром и проследи, чтобы наша доля добычи досталась роду, а не чужим людям. Ты понимаешь, как это важно?

Книва подумал (он всегда думал, прежде чем ответить на серьезный вопрос, – совершенно не юношеская черта), потом неохотно согласился. С тяжелым вздохом. Очень не хотелось ему уходить. Даже не поглядев толком на страшную и манящую Римскую империю. Но род есть род. Интересы его – прежде всего, никуда не денешься. Это правильный пацан Книва с молоком матери всосал. Его не нужно прельщать будущей славой. Он все понимает и так.

– И еще есть у меня к тебе личная просьба, – продолжал Коршунов. – Поручаю тебе мою собственную долю, половину ее. Передай ее жене моей Рагнасвинте. Даже если я не вернусь, хочу, чтоб она ни в чем не знала недостатка. Сделаешь?

– Сделаю, – в третий раз кивнул Книва и, будучи парнем практичным, тут же спросил: – а вторая половина, куда ее?

– Вторую половину я отдам Тарвару, а он передаст Анастасии, – сказал Коршунов.

– Хорошо ли это? – покривился Книва. – Законную жену с наложницей равнять?

– А вот это, брат, я сам буду решать, – строго произнес Коршунов. – Без твоих советов.

Книва кивнул в четвертый раз. Если Аласейя решил, значит, так и надо. И не ему, Книве, это оспаривать. Не зря его Коршунов почти год строил: когда свое мнение высказать, а когда делать, что сказано.

Нет, Книва славный малый. С большим будущим. Правильно Алексей решил его отослать. Если предчувствия его не обманывают, пусть хоть этот в живых останется. Зря, что ли, они с Генкой спасли его там, на болоте?

Ранним утром флотилия отчалила от римских берегов, оставив опустошенный, но не разрушенный и не сожженный город и гавань, пусть тоже опустевшую, зато без трупов у берега.

Коршунов был горд. Он совладал со своим воинством: не позволил превратить мирный берег в пепелище.

Правда, на берегу этом оставались еще две сотни Беремира и примерно столько же «вольных охотников» из разных варварских племен.

Алексей не знал, что они, вместо того чтобы погрузиться на оставленные им трофейные корабли и уплыть восвояси, займутся грабежом и будут превращать окрестности в пепелище до тех пор, пока сюда не придут легионеры. Наверное, Алексей здорово огорчился бы, если бы узнал об этом. Не узнал он и о том, что жадность грабителей подарила ему несколько драгоценных дней. И его собственный большой поход чуть было не увенчался полным успехом. Если бы не жадность кое-кого в его собственном отборном войске...

Глава девятая Цекула

Коршунов все сделал правильно. Никто из тех, кто остался на берегу, не знал, что возвращается только половина кораблей. И разошлись они достаточно далеко от берега. А шли вообще на пределе видимости. В нужную бухту вошли ночью, с большим риском, но ухитрились не потопить ни одного корабля.

Бухточку предложил один из парней Скулди, захваченный лет десять назад, в молодости, в плен карпами и проданный в Рим. Парень этот трудился сначала пастухом у местного латифундиста-помещика, потом его продали кожевнику, а затем парень то ли выкупился, то ли просто удрал – этого Коршунов не понял, но – без разницы. Главное: герул примерно знал местность. И предложил следующую цель: сравнительно крупный город на приличном удалении от побережья. Город назывался Цекула, и боец Скулди утверждал, что в городе даже стен нет: приходи и бери.

В ту же ночь прошли двадцать миль. В следующую – тридцать. Днем отсиживались в укромных, присмотренных разведчиками местах. Кто думает, что это просто – спрятать от

посторонних глаз тысячу человек не в какой-нибудь дикой пуще, а на обжитой территории Римской империи, тот глубоко ошибается. Но они прошли незамеченными за пять дней почти восемьдесят миль. Черепанов как-то рассказывал Алексею, как к нему в африке *подкрался* слон.

«Я стою, – говорит Генка, – смотрю, понимаешь, на пейзаж – и вдруг кто-то мне в ухо фыркает. Примерно как пневматический тормоз спустило. Я так осторожненько поворачиваюсь... ёш твою двадцать!..»

Вот примерно так же, как тот слон, тысяча варваров тихонечко *подкралась* к городу...

И поимела неприятный сюрприз.

Город Цекула, расположенный в живописной долине на берегу быстрой речки, действительно оказался довольно крупным, но... за то время, пока герул-информатор отсутствовал, Цекула успела обзавестись новенькими стенами. И (что особенно обидно) приближение Коршуновского войска засекали-таки. Так что, когда в долину хлынули страшные варвары, ворота Цекулы были уже на замке, а вне стен – ни одной живой души.

Разъяренные варвары ринулись на штурм (стихийно, без санкции Коршунова) – и потеряли почти сотню человек. Ущерб же, причиненный городу, – несколько зарубок от топора на толстых воротах да пара-тройка защитников, сбитых со стен стрелами.

Обычно после такого фиаско армия варваров рассыпалась по окрестностям и принималась грабить все, что под руку попадется. Коршунов об этой повадке знал и, собрав командиров, строго предупредил: кто на свой страх и риск отправится грабить, более к нему, Аласейе, может не возвращаться.

– У нас мало времени, – сказал он. – Но несколько дней – есть. Если боги мне благоволят – крепость будет наша. Но коли будем сидеть сложа руки, толку тоже не будет. Боги не любят ленивых. Так что займитесь делом. Ахвизра! На тебе разведка. Диникей! Твоя задача – чтобы ни одна мышь из крепости не ускользнула. Агилмунд, Ахвизра, займитесь тараном. И попробуйте подкоп. Действуйте!

Это было правильно. Солдат должен быть занят. Получив работу, Коршуновское воинство моментально оживилось. Застучали топоры в соседней рощице, помчались в разные стороны дозоры, наиболее меткие стрелки принялись выцеливать защитников на стенах...

Через несколько часов герулы Скулди сколотили нечто вроде переносной галереи, обмазали жирной речной глиной, разместили внутри здоровенное бревно с железным «набалдашником», выкованным в местной кузнице, и поволокли к воротам, а парни Агилмунда, прикрывшись наклонными бревенчатыми стенками (вспомнили, как Коршунов в свое время «брал» избу в квеманской деревне), подобрались к стене на расстояние тридцати шагов и принялись рыть подкоп.

Таранившим ворота пришлось туго. На них тут же принялись лить смолу и кипяток, швырять камни и в конце концов проломили свод галереи булдыганом в центнер весом, так что Скулди пришлось отступить. Единственный позитивный результат – забрали своих убитых из-под вражеских ворот.

А вот «подкопщиков» особо не тревожили. Так, постреливали иногда. Вообще же по поводу их деятельности наверху не беспокоились. Кричали что-то насмешливо...

Коршунов в осадную работу не вмешивался. Верхом на конфискованном коне он объехал крепость, ища слабые места. Не нашел. Крепость была новенькая и крепкая. С одной стороны – речка, с трех сторон – чисто. Ни ловушек, на которые, по словам Скулди, были так горазды римляне, ни даже рва. И зачем, собственно, этому городу особая защита? Так, продержаться с недельку, пока подоспелет помощь.

Изучив крепость, Коршунов проехал километра полтора вдоль реки, до того места, где она ныряла в скальный каньон. Хорошая речка, чистая, быстрая. Никого не встретил, тем не менее решил вернуться: разъезжать в открытую по вражеской стране с десятком охранников – несколько рискованно.

Так ничего и не придумав, Коршунов возвратился в лагерь. И узнал, что землеройные

работы тоже зашли в тупик. Копать было легко: рыхлый грунт поддавался замечательно. Но строители крепости оказались серьезными ребятами и фундамент заложили – будьте-нате. Парни Агилмунда пробовали подрываться в пяти местах – и во всех пяти натыкались на основание стены. Подрываться снизу – можно, но толку? Стена как стояла, так и будет стоять. А защитники тоже не полные лохи. Любой, кто вылезет из прорытой норы по ту сторону крепости, – готовый покойник.

Одним словом, тупик.

Единственное утешение: впервые за несколько дней поели горячей пищи. Теперь таиться было не от кого.

Наверное, от сытного ужина Коршунова осенило...

Это было наитие. Собственно, он сам не знал, что из этого может получиться. Все-таки он был физик, а не строитель. Но сработало где-то на уровне подсознания, дескать, вода камень точит...

– Значит, так, – сказал он. – Ты, Агилмунд, возьми человек сто, и продолжайте копать. В одном месте. Постарайтесь вытащить из-под стены как можно больше грунта. Диникей! Твоя задача – создать как можно больше шума. Подожги что-нибудь, сделай вид, что мы начинаем штурм... оставляю тебе для этого еще сто человек, а остальных, Скулди, мы забираем с собой. У нас будет самая сложная задача...

Если бы не ущелье, они бы, наверное, не справились. Шутка ли – без подручных средств перегородить даже относительно неширокую речушку. Особенно если течение приличное. Сначала все, что они сбрасывали, уносило вниз. Потом Коршунов придумал вбить в дно колья – и дело пошло. Конечно, работа была адова: ночью, в холоднющей воде вколачивать в глину заостренные бревна. Но готы с герулами – здоровые ребята. Работали дружно. Двое подтаскивали и устанавливали бревно, еще четверо исполняли роль живых опор, а двое наверху вгоняли его в грунт двухпудовой колотушкой. С помощью кольев сократили ширину реки до двадцати шагов (у же не получилось – глубоко), и дело тронулось. К утру запруда была закончена, русло в ущелье обнажилось (остался ручеек – ослу по колено), и красивая долина, посреди которой стоял город Цекула, начала понемногу заполняться водой.

Издали готы и герулы наблюдали за тем, как узкая речушка постепенно расширяется. Вот она уже достигла стены, вот залила ее подножие. Вот вода хлынула в «кротовые норы», прокопанные людьми Агилмунда.

Со стен крепости защитники с беспокойством наблюдали, как поднимается вода. К восходу солнца она уже плескалась вокруг крепости. Что делалось внутри, Коршунов не знал. Он вообще не знал, каким будет результат. По его прикидкам, прежде чем хлынуть через запруду, вода может подняться метра на два. Сколько это займет времени, он тоже понятия не имел... пока что вода плескалась у ворот крепости, но не выше тридцатисантиметровой отметки. Если внутри стен она на таком же уровне, то сейчас жители поспешно вытаскивают вверх все, что не должно намочнуть. Но если внутри крепости уровень грунта выше, то по ту сторону стен вообще сухо...

Алексей ждал. И вместе с ним ждали его воины...

И они дождались. Ниже по течению раздался громopodobный удар – и уровень воды стал стремительно падать.

«Черт! – подумал Коршунов. – Надо было оставить кого-нибудь – поддерживать запруду...»

Но – поздно.

Каких-то полчаса – и речка уже вновь входит в свои берега. И ничего. Только грязь вокруг стен. И...

Громopodobный вопль тысячи глоток потряс окрестности. Участок стены, не тот, под который копали люди Агилмунда, другой, обращенный к реке, вздрогнул. Что-то треснуло – будто лопнуло враз несколько толстенных бревен. Две змеистые трещины пробороzdили стену на расстоянии метров тридцати друг от друга – и сразу, будто его отрезало,

здоровенный кусок кирпичной кладки весом в десятки тонн рухнул в реку, взметнул потоки грязи и унес с собой тех, кто защищал этот участок стены.

– Ты здесь главный? – строго спросил Коршунов. – Ты?

Они расположились на рыночной площади. Здесь это называлось «форум». Вокруг площади – пара храмов да одноэтажный дом с белыми колоннами: городская управа.

От искусственного наводнения городок практически не пострадал, но, когда рухнула стена, его жители еще некоторое время сопротивлялись, хотя и довольно вяло. Их боевой дух подкосило падение стены. Бойцы Коршунова даже в раж войти не успели, и ему удалось остановить резню почти сразу после того, как защитники побросали оружие. Перебили всего человек триста.

– Он – не главный, – перевел Скулди. – Он – один из старшин. Но он может говорить за остальных. Теперь он – самый важный. Остальных, говорит, мы убили.

Вполне порядочный римлянин преклонных лет в замызганной тоге, с поцарапанной лысиной и испуганными оленьими глазами. Еще бы ему не бояться! Коршунов отлично представлял, как выглядят со стороны его татуированные раскрашенные головорезы. Пусть боятся, это хорошо. Целее будут.

Алексей отлично понимал, насколько хрупко установившееся равновесие. Да, они взяли город почти без потерь. Сейчас все выходы перекрыты герулами Диникея, патрули Ахвизры контролируют улицы... техника оговорена и отработана на прошлом штурме. Гордые варвары расхаживают по узким улочкам, а жители сидят в домах, не смея носу высунуть... но его гревтунги – отнюдь не сторожевые псы. Они по-прежнему волки. Малейший повод – и они, забыв приказ вожака, бросятся рвать добычу...

– Отлично, – кивнул Коршунов, окидывая старшину Цекулы внимательным взглядом. – Только говорить ему пока не надо. Пусть слушает, а ты переводи...

Требования Коршунов продумал заранее.

– Я даю вам день, – четко произнес он. – Завтра в это же время здесь, на этих камнях должно лежать все ценное, что есть у вас в городе: золото, серебро, бронзовая и стеклянная утварь, благовония, оружие – всё, что имеет ценность. Предупреди всех: если кто посмеет что-то утаить, хоть крошечную серебряную ложку, – умрет. Причем умрет не один – вся семья, все, кто обитает в его жилище...

– Но в наших жилищах живут разные семьи... – попытался возразить старшина.

– Меня это не интересует, – отрезал Коршунов. – Убиты будут все, а жилище сожжено. Убедись, Скулди, что он хорошо понял!

– Ты хорошо все понял? – Скулди, оскалившись, навис над римлянином, приблизил свое вызеленное лицо к побледневшей физиономии старшины так близко, что коснулся бородой крючковатого римского носа, ухватил за мягкий загривок: – Ты хорошо понял, что велел тебе рикс, ты, жирный каплун?

– Да-а-а... – проблеял вспотевший от страха старшина.

– Дальше, – продолжал Коршунов. – Вы должны подготовить для нас продовольствие и фураж на обратную дорогу. Половина всего провианта, что есть в городе, должна завтра лежать тут. Дальше: снаружи, перед воротами города, должно стоять семьдесят пять фургонов. Тебе покажут, какими они должны быть. Разрешаю тебе послать своих людей в ближайшие поместья. А чтобы твоим людям никто не посмел отказать, их будут сопровождать мои воины.

Дальше! Мои храбрые воины устали и проголодались. Поэтому ты должен устроить для нас настоящий пир. И пусть на этом пиру моим воинам прислуживают ваши женщины, не старые и не уродливые, в количестве, достаточном, чтобы хватило на всех. Объясни всем, что убытка им не будет. Иные так даже в прибытке останутся! – Коршунов усмехнулся, а окружавшие его воины жизнерадостно заржали. – Смотри, ромлянин! Лучше, если мои воины получают то, что им нужно, в достаточном количестве! Иначе они возьмут сами, и вы все об этом горько пожалеете! Он хорошо понял, Скулди?

– О да! – Герул похлопал мозолистой рукой по мягкой спине старшины. – Пришли мне

свою внучку, каплун! Если она мне понравится, я подарю ей аурей! ¹⁶ Я щедрый! Мы все щедрые, если нам угодить! Пусть ваши женщины будут ласковыми и ублажают нас с полным усердием. Тогда в положенное время они родят воинов, а не каплунов!

Скулди засмеялся, затем повторил сказанное на своем языке и получил полное одобрение соратников.

– Что еще, Аласейя? – спросил он Коршунова.

– Пока все. Проследи, чтобы дед ничего не перепутал.

– Будь спокоен! – Скулди кивнул нескольким своим людям: со мной! Затем взял старшину за плечи, развернул: – Пошли, каплун, наш рикс не любит, когда ленятся!

– Агилмунд! – позвал Коршунов. – На тебе – фургоны. Фургоны – это самое главное, – добавил он, понизив голос. – Фургоны и лошади. Надо убираться отсюда как можно быстрее. Чует мое сердце: легионеры уже идут сюда. А ходят они быстро, ты знаешь.

– Не беспокойся, Аласейя! – пробасил Агилмунд. – Мы успеем. Боги нам благоволят, а удача твоя по-прежнему велика. Не беспокойся!

– Ну да, – пробормотал Коршунов, когда Агилмунд отошел. – Везет нам немерено. Как бы перебора не было...

– Делить будем сейчас! – Диникей сверху вниз мрачно глядел на Коршунова. – И ежели доля моя покажется мне малой, я возьму еще! И баб возьму, сколько хочу! И рабы мне тоже нужны! И убивать буду, кого хочу! А ты... Я тебе верностью не клялся! – маленькие покрасневшие глазки сверлили Коршунова. Хорошее римское вино гуляло в кудлатой башке Диникей, выплескивая наружу старые обиды. – Делить будем сейчас! Я хочу видеть свою долю! Мы все хотим видеть свои доли! Да!

– Верно! Хотим! Делить! – загалдели его сторонники. – Сейчас! Давай! Мало!..

«Идиоты!» – подумал Коршунов.

Он знал, что не в доле дело. Сука Диникей давно искал повод. Наверняка это он подзуживал тех герулов, что прикончили ювелира...

Город выполнил все обязательства. Выставил угощение и выделил девок. Заплатил выкуп, целую груду «контрибуции» навалили посреди площади. Проставился провиантом и фуражом. Построил фургоны: последнюю дюжину сейчас покрывали кожами... короче, полностью ответил по обязательствам. И Коршунов уже собрался поблагодарить старшину и откланяться, как ему доложили, что полдюжины подвыпивших герулов, выяснив, где живет местный ювелир, ворвались к нему в дом, перевернули все, ничего не обнаружили и принялись поджаривать бедолаге пятки, выясняя, где тот прячет золото, и игнорируя вопли несчастного о том, что всё уже на форуме.

Истошные вопли привлекли патруль Ахвизры...

Пока гревтунги пререкались со своими союзниками, не желавшими отказаться от своей идеи, кто-то послал за самим Ахвизрой.

Тот примчался, совершенно бешеный еще и потому, что сам был бы не прочь потрясти местных на предмет захоронок, но из уважения к Аласейе вынужденный от этого развлечения отказаться.

Хорошо хоть мечи в дело не пошли. Гревтунги, которых было раза в три больше, накомостиляли самостийным «экспроприаторам», скрутили их и приволокли на площадь: на суд и расправу.

И Коршунов наказал бы их по полной при общем одобрении масс, которые, как и Ахвизра, сами были не прочь пограбить и очень обиделись, что кто-то позволил себе то, от чего они отказались.

Но тут появился Диникей.

Коршунов нащупал в кошеле на поясе пистолет. Блин, время, время уходит! Третий час они пререкаются. Солнце уже миновало зенит. Какая, на фиг, дележка! Давно пора грузить

¹⁶ Аурей – золотая римская монета.

все и сваливать...

Диникей рычал и брызгал слюной. Преданные ему герулы, человек двести, вопили, как футбольные болельщики перед пенальти.

Агилмунд наклонился к Коршунову, проорал в ухо:

– Ответь ему!

Алексей мотнул головой. За ним тоже стояли воины. Побольше, чем за Диникеем, но здесь решают не голосованием. Сверху палило солнце. Голова вспотела.

Безумно хотелось снять шлем, стянуть подшлемник и почесаться...

Коршунов устал. Устал от напряжения, от нервозности, от ответственности. От непрерывного ожидания чего-то скверного. Очень хотелось все бросить, повернуться и уйти. И пусть эти недоумки делают, что хотят. И пусть придут римляне и вырежут их всех...

Нельзя. Он, Коршунов, обещал горожанам, что их не тронут, если все требования будут выполнены. Он обещал...

Но для Диникей это – не довод. Какие могут быть обещания – врагам? Тем более этим ничтожным ромлянским рабам? Диникей наезжал по полной: почувствовал, мать его так, слабину... возможно, даже страх...

И Коршунов не мог ему сказать, что боится он вовсе не Диникей. Блин, ну чего он, собственно, боится?! В любую минуту можно сесть на коня и уехать, сбежать... Черт! Нельзя! Никто тогда за ним не пойдет. Даже Агилмунд. Тогда – всё. Полный проигрыш.

– Делить! – орал Диникей, наступая. – Мое – мне! – и уже хватался за рукоять меча.

– Ответь ему, Аласей! – рычал в ухо Агилмунд.

Коршунов огляделся. Вокруг – здоровенные гревтунги и такие же здоровенные герулы. И огромная, в человеческий рост, куча добра – между ними. На заднем плане – перепуганные представители горожан. Это их будут резать, если Коршунов не справится с ситуацией. Заросшие рыжей и желтой шерстью раскрашенные и татуированные лица, распыленные воплем рты... и все смотрят на него, на Алексея. Совсем не так, как раньше... внезапно Коршунов понял: и свои, и чужие ждут от него одного – разрешения на грабеж. И Диникей это прекрасно знает. Дай Коршунов такое разрешение – и потеряет лицо. А запрети – лидером тут же станет он, Диникей.

Коршунов поймал взгляд Ахвизры, весело-кровавый: «Можно, Аласей? Можно?!»

И тут словно кто-то чужой вселился в Алексея. Он подмигнул Ахвизре, кивнул на ярящегося Диникей и сказал:

– Ахвизра, убей его.

Ахвизра не мог услышать, это точно. В таком бедламе даже сам Коршунов себя не слышал. Должно быть, гревтунг прочел приказ по губам.

Меч, узкая стальная полоска, мелькнул в жарком воздухе...

Диникей был опытным воином. Он успел увидеть, успел сообразить, что Ахвизра не пугает, а бьет по-настоящему, успел даже выхватить свой собственный меч, благо и так почти на треть вытасканный из ножен...

Ахвизра грациозно, словно тореадор, уклонился от чужого клинка и легко, небрежным, будто случайным движением погрузил острие меча в густую бороду Диникей. Кольнул – и откатнулся. Диникей – изумленно вытаращенные, бегающие глаза (он еще не понял, что умирает) – сначала на Коршунова, потом – на Ахвизру, снова – на Коршунова. Грязная рыжая борода герула окрасилась пурпуром, сам он мягко осел на мостовую, наклонился вперед и уткнулся головой в розовые плитки, которыми была вымощена рыночная площадь.

И тут, словно кто-то отключил звук, наступила тишина. Все, и готы, и герулы, уставились на мертвого Диникей, постепенно осознавая, что произошло. И осознав, поднимали взгляд и обращали его на Коршунова. Все они чувствовали: произошло нечто неправильное. Не такое, как положено по обычаям...

– Ну все, – устало произнес Коршунов. – Пошумели – и будет.

В наступившей тишине каждое его слово было отчетливым, как удар гонга.

– Добычу – в фургоны. Пищу и фураж – туда же. И поживее – завтра здесь будут

легионеры.

И что-то такое было в его голосе, что толпа тут же рассосалась – все занялись делом.

А труп Диникея пролежал на солнце еще два часа, пока его, по приказу Скулди, не погрузили на одну из повозок. Как-никак Диникей был не простым воином, хоронить его полагалось с подобающими почестями, а не просто сжечь.

Глава десятая Битва

Смерть Диникея подействовала на всех удручающе. Особенно на герулов. Алексей этого не ожидал. Он ожидал взрыва чувств: ярости, ликования, негодования... а тут – какое-то тухлое угнетенное молчание. И герулы, и даже свои, гревтунги, старались на него не смотреть, отводили взгляд, опускали глаза... приказы выполняли, но как будто – через силу. Как будто он привел их не к поражению, а к разгрому. Коршунов полагал: пройдет какое-то время – и опять начнется буча. Но если Скулди удастся хотя бы несколько дней продержат своих соплеменников в узде, все обойдется. Главное сейчас – уйти с римской земли. Она буквально жгла Коршунову пятки. Но почему, черт возьми, никто из его соратников этого не чувствовал? Откуда в них эта чертова самоуверенность? Или это – фатализм? Чему быть – того не миновать...

А вечером возникла разборка из-за девушек. Кое-кто захотел оставить при себе приглянувшихся римлянок. Однако и разборка тоже была какая-то вялая. Алексей мог бы настоять... Но решил уступить:

чувствовал, что не понимает ситуации, не контролирует больше состояние армии. Это было очень плохо. А еще хуже то, что пришлось перенести выступление на утро.

Выступили с рассветом. Ехали в фургонах и верхом. Лошадей хватало: рядом оказалось несколько коневодческих ферм. Большинство животных под седло не годились, но в упряжки – вполне. Перед отправлением Коршунов пересчитал свою армию: восемьсот семьдесят шесть человек, считая его самого. Где-то пропали около двух десятков герулов и трое гревтунгов. Искать было некогда. Тем более Коршунов еще вечером предупредил: ждать никого не будем. Кто отстанет, пусть догоняет самостоятельно. Никто, даже родичи пропавших, не рискнули отправиться на поиски. Похоже, беспокойство Коршунова наконец передалось его людям. Или это подействовала висевшая в воздухе бессильная (пока бессильная) ненависть местных жителей. Варвары оставили им жизни, но ограбили подчистую и вдобавок забрали полсотни горожанок. Будь сейчас у горожан сила – они бы захватчиков щадить не стали, это точно. Это чувствовали все, и кое-кто даже ворчал: мол, нехорошо оставлять за спиной врагов. Но Коршунов знал, что это не враги. Овцы. Все, способные держать оружие, были перебиты при штурме. Остались бессильные и безвольные. Мстить и ненавидеть – слишком большая роскошь для овцы. Впрочем, для Империи это нормально. Разве *там*, в России, в которой родился Алексей, было иначе? Государство превращает *людей* в *стадо*. И лишь немногие становятся пастухами. Это только в маленьких, активных, постоянно воюющих социумах каждый мужчина – воин, а каждая женщина – мать и жена воина. Вот там действительно *никого* нельзя оставлять за спиной. И только в час настоящей беды народ большого государства может избавиться от «комплекса овцы». А если этого не произойдет, чужие сменят *своих*, поставят своих пастухов и будут продолжать стричь овец. Может, чуть короче, чем раньше. А может, и наоборот...

Но сейчас Коршуновские воины мало походили на будущих «пастухов». Следовало увести их как можно скорее от будущего стада. И вообще с этих пастбищ. Потому что где-то в полусотне миль (если не ближе) уже цокали по плитам отличной римской дороги подкованные гвоздиками легионерские калиги...

Сначала все шло неплохо. За первые сутки, не прячась, по хорошей дороге, не особо утруждавшей лошадей, прошли без малого тридцать миль. За вторые – с восхода до полудня – еще восемь. Дорога стала поуже, пришлось перестраиваться в цепочку. Оставалось пройти чуть больше пятидесяти миль. Посланные вперед разъезды сообщали, что впереди – все

чисто. Вернулся верховой отряд, загодя отправленный в заветную бухту. Там тоже было все замечательно. И горизонт чист – ни следа римского флота.

Но везение кончилось.

Вражеские разъезды появились на горизонте незадолго до полудня. Сначала их приняли за местных пастухов: эти вчера весь день маячили на высотах – следили. Но заблуждение длилось недолго. Ровно столько, сколько требуется хорошему всаднику, чтобы проскакать милю. Минут пятнадцать – и из-за ближней рощицы выкатилась легкая конница. И с ходу забросала варваров стрелами. Спокойная часть путешествия кончилась.

Правда, урон от обстрела был незначительный. Парни Коршунова были тоже не лохи, а реальные пацаны. И на чужой территории не расслаблялись. Так что одним из самых тормозных оказался сам полководец, но его вовремя, хоть и неуважительно сдернули с коня и чуть ли не силком запихнули под один из фургонов.

Как потом выяснилось, личная охрана Коршунова действовала по четкой инструкции Агилмунда: без Аласеи – всем нам крышка; первым делом укрыть Аласею в безопасном месте, а уж потом разбираться, что к чему.

Так что урон от налета был небольшой, а когда выяснилось, что кавалерия противника относительно малочисленна, варвары сами перешли к ответным действиям. И потеряли одиннадцать человек: римляне, более подвижные и более меткие, оказались и более эффективными.

К счастью, у бросившихся в атаку варваров хватило ума, чтобы это понять, иначе потери могли быть намного больше.

В общем, спокойному и быстрому путешествию наступил конец. Теперь пришлось двигаться «передвижным фортом», за сплошной стеной фургонов и в постоянном напряжении. Римских ауксiliarиев, «союзной конницы», как определил ее Скулди, оказалось более алы, то есть около трех сотен. Ни доспехами, ни внешним видом большинство из них не походило на классических римлян. Косматые, бородатые, чертовски умелые всадники и очень приличные стрелки, они придерживались тактики охотничьих собак, удерживающих зверя до появления охотников. Они кусали исподтишка, они досаждали войску Коршунова днем и ночью, они заставили варваров двигаться вслепую, потому что о дозорах тоже пришлось забыть. Любому небольшому отряду, отделившемуся от основной армии, позволяли отойти примерно на полмили или около того, а затем со всех сторон налетали ауксiliarии – и дозор переставал существовать. Несколько человек римские наемники ухитрились даже захватить живьем – с помощью арканов. И для их спасения ничего нельзя было сделать. Как только готы выходили из-под защиты фургонов, то сразу становились уязвимы. В конце концов Коршунов решительно запретил все вылазки. Совсем остановить их ауксiliarии не могли, но изо всех сил старались задержать. До подхода основных сил, с которыми Коршунову встречаться совсем не хотелось. Нет, надо, невзирая на потери, прорываться вперед. Скорость и только скорость. Сесть на корабли – и сразу в открытое море. Пока не накрыли римские триремы, которые наверняка тоже чешут сюда на всех парусах.

Да, Коршунов очень спешил. Все они очень спешили, но проходили в среднем не больше пяти-шести миль в день. Ауксiliarии вертелись вокруг, не давая буквально ни минуты покоя. Варвары били в них из луков – из-под прикрытия фургонов. И попадали втрое чаще, чем римляне. Особенно удачлив был Коршунов, чей «оптический» самострел бил вдвое дальше луков. Еще дальше били прихваченные с собой и установленные на телеги «скорпионы». Но от них толку было немного: такие «меткие» стрелки, как в Коршуновском войске, могли за пятьдесят шагов по сплошному строю промахнуться. Куда там целить в отдельных всадников.

Не будучи слишком хорошими стрелками из луков, варвары тем не менее по дюжине-полторы римлян в день «выбивали». Но и стрелы ауксiliarиев время от времени находили цель. Примерно раз двадцать-тридцать в день приходилось останавливаться, чтобы успокоить и выпрячь раненую лошадь. Или вытянуть застрявшее в яме колесо, потому что

ехали уже не по дороге, а как придется. К счастью, сама дорога все время шла вдоль мелкой речушки, даже не речушки – большого ручья. Его воды с избытком хватало и на людей, и на лошадей. Иначе положение Коршуновского войска еще более осложнилось бы...

И все-таки они шли. Целых пять дней. В воздухе уже пахло морем, когда...

– Плохое место! – пробормотал Скулди, глядя на пару некрутых холмов, между которыми текла *их* речка и лежала *их* дорога.

– Почему? – спросил Коршунов.

С его точки зрения, ни сами холмы, ни их окрестности ничем не отличались от десятков таких же, которые варвары успешно миновали. Даже ненавистные ауксиларии, кажется, решили оставить их в покое. Маячили в отдалении...

– Посмотри, что видишь там? – спросил Скулди, махнув рукой.

Алексей – он сидел на «облучке» развернутого задом наперед фургона, подложив под зад мешок с соломой, – привстал, поглядел налево, потом вперед и направо, поверх крыши переднего фургона.

– Ничего не вижу, – честно сказал он. – Сады. Роща оливковая...

– То-то и оно, Аласейя.

Скулди ехал рядом. В седле он сидел с небрежностью опытного всадника, с детства овладевшего верховой ездой. Такому и стремяна не нужны. У Коршунова так никогда не получится.

– Ты не видишь, я не вижу, – сказал герул. – Никто не видит. Все подходы закрыты. Я это место запомнил, когда мы сюда шли. Тогда подумал: если кто по дороге едет – хорошее место для засады получится.

– Думаешь? – Коршунов стянул шлем с подшлемником, почесался с наслаждением, плеснул на макушку из фляги. – Что будем делать? Объезжать?

– Ты – вождь, – отозвался Скулди. – Тебе решать. Может, там и нет никого...

Алексей задумался. Его фургон, второй слева, одной парой колес ехал по дороге, другой – по дну речки. Каждый раз, когда тяжелое колесо наезжало на камень, фургон немилосердно встряхивало. Но это все равно лучше, чем верхом. Сзади, по ту сторону тента, возничий Сигисбарн покрикивал на лошадей, запряженных особым способом, чтобы не тянуть фургон, а толкать его перед собой.

Внутри «передвижной крепости», в тесноте, ехали и шагали Коршуновские воины. Алексей знал, что все они здорово устали. Но знал, что если придется драться, то они наплюют на усталость и будут драться со своей обычной яростью и лихостью... с лихостью...

Коршунов потянулся к поводу своего привязанного к фургону коня. Задница на перемещение с соломы на твердое седло отреагировала отрицательно.

– Давай со мной, Скулди, – сказал он. – Агилмунда поищем...

Агилмунда нашли снаружи, у замыкающего фургона.

– Скулди думает: между теми холмами может быть засада, – сказал Коршунов.

Агилмунд кивнул.

– Пошлю Ахвизру, – ответил он. – Пусть проверит.

Алексей поглядел на маячившие в двух сотнях шагов темные фигурки ауксилариев.

– Почему Ахвизру? – спросил он.

– Ахвизра в этом лучше меня, – просто ответил сын Фретилы.

Ну да, все правильно. Самое рискованное дело вождь должен выполнить сам. Лично. Если, конечно, этот вождь – не такой вот Аласейя...

– Не надо, – сказал Коршунов. – Если там засада – они ни одного разведчика не пропустят. И в объезд тоже не пойдем. Хрен редьки не слаще, – добавил он по-русски. И пояснил: – Если нас впереди ждут, то так и так не пропустят. А там дальше – сады. Фургоны не пройдут. Так что – вперед. Только учтите оба: если на нас нападут, останавливаемся и сидим за фургонами. Римляне сильны, когда они вместе. А вне строя они рубятся еще хуже меня. – Коршунов усмехнулся. – Так что следите за своими: чтоб наружу не лезли. Сейчас не

время проявлять удаль. Сейчас нам надо просто уничтожить врага.

Фургоны въехали в лощину. Слева склон сплошь зарос виноградником. На правом склоне, голом, на самом верху вертелись ауксиларии. Постреливали время от времени. Для профилактики. Привстав на стременах, Коршунов глядел поверх фургонов. Случайной стрелы он не боялся: справа и слева – телохранители со щитами. Прикроют, если что.

Низкий протяжный рев перекрыл даже грохот колес.

«Что это?» – подумал Коршунов и вопросительно посмотрел на Скулди.

На вызелененных скулах герула вздулись желваки. Не мигая, он глядел на голый правый склон. Коршунов тоже посмотрел туда... и пропустил появление римлян, которые появились не справа, а позади. Длинный строй, замкнувший выход из лощины. Над блестящими шлемами раскачивались штандарты и значки. Их было очень много...

Коршунов привстал на стременах.

– Сто-ой! – закричал он во всю мочь.

«Передвижной форт» остановился. Не сразу, примерно за минуту. Но строй фургонов нигде не разорвался. Наоборот, сдвинулся теснее. Умолк непрерывный грохот сотен колес. Варвары разобрались – каждый занял свое, заранее определенное место. Казалось, наступила абсолютная тишина.

– Когорта... – буркнул Скулди. – Одна, две, три... восемь кентурий.

Он считал значки. Коршунов в значках не разбирался. Просто видел, что римлян много. Не меньше полутысячи.

И тут снова заревела труба, и на гребне правого холма тоже появились legionеры. Появились и застыли.

«Чего они ждут?» – подумал Коршунов.

И тут же понял, чего. Ждут, что отмороженные варвары вылезут из-под прикрытия и, как это у них принято, попрутся в атаку на изготавившегося противника.

«А вот вам хрен!» – подумал он.

– Всем оставаться на местах! – заорал он. – Если им нужно – пусть придут и выковыряют нас отсюда! Орудия – бей!

Обслуга уже разворачивала «скорпионы», задирая их кверху, целя поверх фургонов в шеренги на правом холме.

Б-бан-нг!

Первая стрела ушла в «молоко».

Б-бан-нг!

Вторая ушла туда же. Коршунов потянулся к самострелу...

И тут труба загудела снова... Тысячеголосый слитный рев римских глоток ответил ей так, что Коршунова пробрало до костей...

И в следующий миг его бойцы, которым было строго приказано: сидеть и не высовываться – забыли о всех приказах.

Битва!!!

– Стой! Стой! Стоять!!! – надсаживаясь, орал Коршунов.

Бесполезно.

Страшно ревели римляне. Герулы и готы, вопя во всю глотку, лезли через фургоны, протискивались между колесами...

Римляне поторопились. Значительная часть варваров просто не успела выбраться. А может, большинству хватило ума остаться на месте, и Коршунову только показалось, что боевое безумие охватило все его войско?

Так или иначе, но только около сотни отморозков вылезли из-за повозок. У них не было никаких шансов. Разогнавшиеся римляне с разбегу ударили их строем, сомкнутыми щитами, отбросили к фургонам, перебили в считанные минуты, поднажали на сами фургоны, пытаясь если не опрокинуть, то хотя бы сдвинуть с места, толкнуть...

Не тут-то было! Где упряжками, где собственными плечами, но защитники сумели удержать фургоны на месте. А тех римлян, кто самонадеянно сунулся снизу, между колес,

или попытался пролезть через верх, мигом поддели на копья.

Гулкий удар. Это телохранитель Коршунова отшиб щитом летевший в вождя каменный шар. Алексей посмотрел направо. Легионеры, перекрывшие вход в лощину, тоже пришли в движение, но не торопясь, шагом. За пехотой маячила конница. Тяжелая конница, в доспехах, с копьями. Но камень прилетел не от них. Сверху, опережая пехоту, скакали ауксиларии. Разогнавшись, они стремительно промчались мимо фургонов. В воздух взлетели стрелы и пращные снаряды. Варвары привычно прикрылись щитами... и Коршунов, который мог не заботиться о собственной защите, увидел, как от всадников к фургонам полетело множество черных змей. Арканы!

– Упряжки держи! – закричал он. – Держать коней!

Он сам бросился вперед, но один из телохранителей ухватил его коня за узду, другой поймал щитом стрелу. Одну. Вторую не успел – и повалился под копыта.

Алексей тоже не успел бы. Он с ужасом смотрел, как натянувшиеся арканы растаскивают фургоны. Гревтунги Ахвизры пытались помешать, но несколько лошадей были ранены, бились в упряжи и не давали подойти...

Строй перекрывших дорогу кентурий разомкнулся, пропуская конницу. Коршунов увидел, как, набирая скорость, на них несется ошестиненный пиками клин...

Один из фургонов опрокинулся, второй, вместе с бьющимися, запутавшимися в упряжи лошадьми, поволокли прочь – и железный таран тяжелой кавалерии ударил прямо в брешь.

Все смешалось. Римская тяжелая конница, словно огромный шипастый кулак, сшибла варваров, но не разметала их, как было бы на открытой местности, а отеснила к противоположной стороне «крепости». Отчаянно ржали лошади. Римляне, готы, герулы, в дикой давке, беспощадно резали друг друга. Коршунов оказался в относительно благоприятном положении: верхом, в удаленной от бреши части фургонного «периметра», в окружении телохранителей.

Вынув самострел, он стрелял в «завязших» римских всадников. Тяжелые болты насквозь прошибали доспехи катафрактов, однако это была капля в море. Римляне побеждали. Римляне побеждали, хотя его варвары дрались очень хорошо. Хаотический бой – это их стихия. Но Коршунов видел, что справа римляне уже растаскивают фургоны, и помешать им больше некому. Через пару минут откроется фланг, и строй легионеров навалится на противника по всем правилам...

И тут Коршунов наконец вспомнил, что он – не просто наблюдатель. Он – вождь!

– Гревтунги! – закричал он, надрываясь, сиплым сорванным голосом. – Агилмунд! Ко мне! Скулди! Ахвизра! Сюда! Ко мне!

Кто-то его услышал. Не Скулди и не Агилмунд, но несколько десятков лиц повернулось к нему. Не лица – заляпанные грязью и кровью маски ярости. Некоторых он узнал.

– Ты, ты и ты! Разверните фургоны! – Он махнул в сторону выхода из лощины. – Живо! Еще!

Одна из упряжек разом потянула в сторону. Фургон с грохотом и лязгом опрокинулся – посыпалась серебряная утварь, – и в стене фургонов образовалась брешь. Коршунов немедленно направил туда коня. Трое оставшихся телохранителей держались рядом, прикрывали его с трех сторон. Копыта лошадей безжалостно сминали дорогие чаши и кубки...

Коршунов привстал на стремянах. Впереди – завал, но объехать его нетрудно. Рвануть сейчас галопом – и через пару часов он увидит свои корабли. И – прощай, Рим!

Алексей оглянулся. Римляне побеждали, но его воины сдаваться не собирались. Страшная беспощадная мясорубка... у Коршунова было десять секунд, чтобы принять решение... и тут он увидел Агилмунда. Совсем близко. Без шлема, без щита: в правой руке – топор (меч он где-то потерял), в левой – копье... а рядом с Агилмундом – Сигисбарна, с большим щитом...

И Коршунов понял, что он не может их бросить. Он привел их сюда. И он умрет вместе

с ними. Или вместе с ними спасется...

Алексей сунул в чехол самострел, выхватил меч, завертел над головой.

– Гревтунги! – вновь закричал он, надрывая глотку и с трудом удерживая пляшущую лошадь. – Агилмунд! Сигисбарн! Я здесь! Все ко мне!

Тут кто-то вцепился в узду его лошади. Коршунов едва не рубанул... но увидел вызеленные щеки. Свой. В следующую секунду он узнал Скулди. Герул оскалился и пронзительно засвистел. Коршуновская лошадь дернулась, но герул не дал ей встать на дыбы. Он свистнул еще раз – и теперь не меньше сотни глаз смотрели на Коршунова.

– Сюда! – закричал Алексей. – Ко мне!

И тут же те из варваров, кто еще мог вырваться из боя, устремились к нему. Еще несколько десятков пробились с боем... немного, около сотни. Но это были – лучшие.

Они выбрались на открытое место – и тут же построились.

– Агилмунд, где Ахвизра?

Сын Фретилы только мотнул головой: там.

Там – это внутри «периметра», где смешались в смертельной сече несколько сотен варваров и вдвое больше римлян.

Надо было уходить, пока впереди чисто. Похоже, римский военачальник бросил в бой все свои силы... нет, не все! Вниз по склону, прямо к ним уже бежали legionеры. Немного, с полсотни.

Коршунов перекинул через плечо чехол с самострелом и спрыгнул на землю. Верхом, в своем золоченом шлеме он был слишком заметной мишенью.

А его готы уже строились для боя. Готы, гревтунги. Герулов было всего трое, считая самого Скулди.

– Агилмунд! – крикнул Коршунов. – Не стоять! Вперед! Вперед! – И бросился к выходу из лощины, уверенный, что его парни последуют за ним.

И они побежали. Колонной, топчя ровную римскую дорогу варварскими сапогами. Бежали же готы не хуже римлян. Лучше. Враги отстали.

Коршунов, опережая остальных, первым взбежал на склон, огибая завал, которым римляне перегородили речку и выход из лощины.

Сразу за завалом обнаружилось около десятка римлян. Один из них метнул дротик. Коршунов пригнулся – дротик прошипел у него над головой. И тут же кто-то позади поймал оружие и метнул обратно.

Другой римский солдат, прикрываясь щитом, попытался достать Коршунова коротким мечом, но тот с разбегу ударил ногой в щит, и legionер отлетел в сторону. Тут все и закончилось, потому что подоспели остальные и мгновенно перебили весь римский десяток.

– Вперед! – кричал Коршунов. – Вперед! Не отставать!

Его ранили в руку. Когда – он даже не заметил. Рана была пустяковая.

Они уже бежали по саду. Пахло цветами. Бежать было легко...

Впереди, между деревьями, мелькнул всадник. Еще один... пропела стрела. Кто-то вскрикнул. Еще одна стрела, пропоров штанину, чиркнула Коршунова по ноге. Алексей сбился с шага – и это его спасло. Коршунова наконец догнали – и прикрыли щитами. Теперь готы бежали все вместе, плотным строем. Легкая конница, наверняка те самые ауксиларии, которые преследовали варваров все эти дни, скакали параллельно, справа и слева – по ту сторону речушки. Они держались на отдалении: пара-тройка уже познакомилась с тем, как готы умеют бросать копья.

Коршунову было легче, чем другим. Он бежал внутри строя, считай, налегке, без копья и щита. Тем, кто снаружи, приходилось тяжелее. Вдобавок их еще и обстреливали, издали, неточно, но даже с пятидесяти шагов промахнуться по плотному строю практически невозможно. И время от времени вместо звонкого удара в щит раздавался глухой – когда наконечник вонзался в живую плоть. А потом их догнали – сзади раздался топот множества копыт: их настигала другая конница. Вернее, не конница: пехота на лошадях. Примерно две кентурии, которые, догнав, спешили и приблизились уже обычным порядком. Чтобы

встретить врага лицом к лицу, готам пришлось остановиться и развернуться. Все, чего достигли, – удалились примерно на милю от места сражения.

Надо сказать, атаковали римляне довольно вяло: метнули несколько десятков копий, а врукопашную не полезли: очевидно, выжидали, пока подойдет подкрепление. Да и варвары не особо рвались в бой. Биться было бессмысленно. Тем более ауксиларии перекрыли дорогу – не уйти.

Коршунов почувствовал безмерную усталость. Внезапно заболела раненая рука. И нога тоже – там, где задела стрела.

– Ну что, Аласейя, будем умирать? – Агилмунд, тоже раненный, опираясь на римский, трофейный, щит, поверх него смотрел на легионеров. – Или сложим оружие?

Сигисбарн (ему, сравнительно неопытному, удалось уцелеть только потому, что держался рядом с братом) с надеждой глядел на Коршунова. Парень не хотел умирать...

Алексей поискал глазами Скулди, окликнул:

– Эй, герул! Если мы сдадимся, что с нами сделают ромляне?

– От их главного зависит. Может, и не убьют. Могут в рабство продать, в гладиаторы. А могут и во вспомогательные войска взять, если им солдаты нужны. Если хорошие воины. А мы – хорошие, – добавил он без всякого хвастовства. Просто констатировал факт.

Коршунов принял решение.

– Ладно, – сказал он по-русски. – Все равно ловить нечего. – И уже по-готски: – Крикни, что мы сдаемся.

– Эй! – закричал Скулди по-латыни. – Мы складываем оружие. Обещайте, что не станете нас убивать!

– Я тебе ничего обещать не стану, варвар! – гаркнул в ответ легионер в шлеме с гребнем. – Сдавайся, а там посмотрим!

Скулди вопросительно посмотрел на Коршунова: понял ли? И что решил?

Алексей кивнул и медленно опустил на землю свой меч. Затем, отсоединив монокуляр, положил рядом с мечом свой самострел. И на дорожные камни с грохотом полетели тяжелые щиты: готы складывали оружие. Большой поход завершился.

Одно утешало: изрядная часть добычи все-таки утечет из римских пределов. Если в море ее не перехватят триремы имперского флота.

Глава одиннадцатая, заключительная, в которой заканчивается история рикса Аласейи – предводителя варваров

Май девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Провинция Нижняя Мезия

Очень не хотелось умирать. Но наверное, лучше было умереть там, на дороге. Быстро. Зря они сдались. Теперь придется умирать долго. Рук, привязанных к перекладинам креста, Коршунов уже не чувствовал. Он вообще почти ничего не чувствовал. Кроме боли и жажды. И желания умереть достойно. Все, что он может сделать для своих воинов, – это показать, что вождь, за которым они пошли, чтобы умереть, достоин этого. Вот и римляне выделили ему особое, почетное место. На самой вершине.

Вид с холма открывался превосходный: рощи, виноградники, поодаль – аккуратные домики земледельцев. Плодородный, благодатный край... именно в таком краю Коршунов и хотел бы жить. Потому он и привел сюда диких варваров... которые теперь мертвы, а те, что еще живы, чудовищными украшениями висят вдоль обочины превосходной римской дороги.

И это – последнее, что увидит в жизни бывший ученый, бывший космонавт, бывший вождь варваров Алексей Коршунов. Н-да... зато смотреть на этот пейзаж он будет долго. Может, два дня, может, три... если, конечно, раны не откроются и он не истечет кровью раньше... ну тогда ему, считай, повезло. Как Ахвизре, чья голова уже бессильно повисла...

– Агилмунд! – позвал Алексей. – О чем думаешь?

– Да вот думаю... – мрачно отозвался родич. – Примет ли меня вотан, ежели вот так

умру? Без меча в руке, без погребения, без тризы...

Гот тяжело вздохнул. И справа, эхом, вздохнул Скулди.

«Надо же, – подумал Коршунов. – Не то их беспокоит, что придется подышать долго и мучительно, а то, признает ли их какой-то там вотан... впрочем, правильно. Для тех, кто верит в загробную жизнь. Вопрос: верит ли в нее кандидат наук А. Коршунов? Раньше вроде бы верил... во что-то такое...»

– Я так думаю, – громко произнес он. – Вотан – не какой-нибудь безмозглый гепид: сумеет отличить воина от свинопаса. А ты, Агилмунд, столько народу в хель отправил, что никакой тризы не нужно. Даже вот в последнем бою хотя бы... присмотришься, брат: неужели ты не видишь, как выются вокруг души поверженных тобой врагов?

– Не-а... – пробормотал Агилмунд. – Никого я не вижу, кроме наших повешенных парней да вот этих ромлян, что жрут бараний бок у меня под ногами.

Римляне, стража, оставленная присматривать за казненными, беседу двух варваров проигнорировала. Повешенные были них для уже не живыми людьми, а вороньим кормом. Но еще не настолько воняли, чтобы испортить аппетит. Впрочем, аппетит настоящего солдата никаким запахом не испортишь.

– Я вижу! – решительно заявил Коршунов. – Я – Аласейя, пришедший с неба, я видел богов и разговаривал с ними! И я говорю тебе: боги отличат настоящих воинов, какой бы ни была их смерть! Так что через несколько дней ты отправишься прямо к своим богам! Это я тебе обещаю! Конечно, смерть твоя будет нелегкой...

– Плевать! – Агилмунд заметно повеселел. – Перетерплю! Слышишь меня, вотан? – рывкнул он во всю глотку. – Скоро я приду к тебе!

– Эй, Аласейя! – это подал голос Скулди. – А ты не врешь? Насчет богов?

– Ты никак умом повредился, герул! – насмешливо бросил Коршунов. – Кто же рискнет соврать, говоря о *таком*? Или ты забыл, что и сам я тоже очень скоро покину этот мир?

– А ведь верно! – согласился рассудительный герул. – Не станешь ты врать в такой час, Аласейя! – Скулди рассмеялся. – Хорошо иметь такого вождя, как ты! – заявил он. – Биться с тобой хорошо, а умирать – еще лучше! Хотя, сдается мне, не к нашим богам попадешь ты, а к своему христианскому богу. Жаль! Очень тебе будет скучно после смерти, Аласейя.

– Разве Аласейя не воин? – вмешался Агилмунд. – Я попрошу вотана! Пусть вотан договорится с христианским богом. Или я не отправил в хель мало христиан? Обменять их души на душу Аласейи – правильное дело!

– Точно! – поддержал Скулди. – и я отдам своих на это дело! И без христиан найдется кому мне прислуживать после смерти! Отдам! Душа такого воина, как ты, Аласейя, много потянет на загробных весах. Не один десяток христианских душ потребуется.

– Коли так, то и я своих готов отдать! – крикнул кто-то из повешенных ниже.

– И я! И я! И я!

– Чего разорались! – недовольно гаркнул один из римлян. – Вот я вас!

На него никто не обратил внимания. И впрямь: что можно сделать тем, кто уже, считай, мертв?

– Ты слышишь, Аласейя! – резюмировал Агилмунд. – Выкупим мы твою душу у христианского бога, не сомневайся!

Коршунов был растроган. И поклялся себе до последнего вдоха вести себя так, чтобы не уронить себя в глазах этих людей. Это все, что он мог для них сделать: облегчить надеждой их мучительную смерть.

Хотелось пить. Повязка на боку набухла от крови, потяжелела. Наверное, надо радоваться. Если кровотечение не остановится, Алексей вскоре ослабеет и потеряет сознание. Затем – легкая смерть. Проблема в том, что Коршунову совсем не хотелось умирать. Даже легкой смертью. В конце концов, это несправедливо! Варвары все равно пришли бы на эту землю. И крови пролилось бы куда больше, если бы Коршунов не пресек бессмысленную резню. Нет, это просто свинство – повесить всех пленных, сдавшихся, без суда! Где же хваленое римское правосудие, законы, которые будут изучать и через две

тысячи лет?

– Эй, Скулди! – крикнул Коршунов. – Скажи этим римлянам, что я хочу видеть их военачальника.

– Зачем тебе какой-то римлянин? – отозвался герул. – Скоро ты увидишь богов.

– Хочу взглянуть на того, кто нас победил, – заявил Алексей.

Казнь на кресте хороша тем, что у судей есть время передумать. Или их можно попробовать переубедить. Но надо поторопиться. Большинство казненных будет умирать несколько дней, но такие, как Ахвизра, не смогут продержаться долго. Чем черт не шутит? Вдруг Коршунову удастся убедить римлянина? В любом случае, терять нечего.

– Эй, вы! – гаркнул Скулди по-латыни. – Наш вождь желает сообщить что-то важное вашему главному командиру.

– Пусть скажет мне, а я передам, – ответил старший из стражников.

– Нет!

– Нет так нет, – буркнул стражник. – Чтобы я беспокоил принцепса из-за такого вороньего корма, как вы...

Внезапно слух Коршунова потерял остроту: словно в уши вату напихали. Сквозь эту вату до него доносилась перебранка Скулди и охраны, крики ворон, лязг металла откуда-то со стороны римского лагеря...

– Эй, ты, варвар!

Острая боль вспыхнула в раненом боку. Коршунов сдержал стон, с усилием разлепил глаза. Стражник, вознамерившийся еще раз ткнуть древком копья в бок Алексея, остановил движение.

– Ты хотел мне что-то сказать, варвар?

– Я... – Голос стал сиплым, в глотке – будто наждак.

Что-то влажное прижалось к губам Коршунова. Губка, набухшая кисловатой влагой.

– Кто ты?

– Старший кентурион Гай Ингенс. Что ты хотел мне сказать?

Старший кентурион. Блестящий шлем с красным, потускневшим от пыли гребнем.

Пониже шлема – такое же кирпично-красное, со свернутым в сторону носом грубое лицо. Один взгляд – и Алексей понял: надеяться не на что. С этим человеком ему не договориться.

– Я? Тебе – ничего.

– Тогда подыхай молча, варвар! – сердито бросил кентурион. Развернулся и двинулся вниз, лавируя между крестов.

Коршунов закрыл глаза. Нет, ему было не страшно умирать. Обидно немного. И Настю жалко. Как она теперь, без него?

Губка снова прижалась к губам Коршунова. Он жадно втянул кислую влагу, разлепил глаза. Сколько времени прошло? Час? Сутки?

Внизу маячил римский командир. Тот же шлем с красным хвостом, квадратное лицо... или не тот. Алексею было худо. Перед глазами двоилось и троилось. Не разглядеть.

Римлянин рывкнул что-то на латыни. Влажная губка оторвалась от губ Коршунова (он с трудом сдержался, чтобы не потянуться за ней), прошла по его лицу...

Римлянин некоторое время смотрел на Коршунова, потом резко развернулся, бросил несколько слов и двинулся вниз по склону.

Коршунов снова закрыл глаза... и тут его крест пришел в движение. Коршунов почувствовал, что опрокидывается на спину. Боль стала нестерпимой... Алексей изо всех сил сдерживался, чтобы не застонать... но все-таки застонал. И его тут же накрыла спасительная чернота.

Когда он очнулся, вокруг была ночь. Теплая безветренная южная ночь... запах дыма, знакомый запах большого военного лагеря... Коршунов лежал на спине и смотрел в черное звездное небо. То, откуда они пришли в этот мир. Но Алексей об этом не думал. Он вообще ни о чем не думал. Ему было хорошо. Боль почти ушла.

– Эй, варвар, дать тебе вина?

Коршунов осторожно повернул голову. Рядом – тень. Римлянин. С копьем. Алексей понял сказанное.

– Да, – сказал он по-латыни, но вышел какой-то невнятный сип. – Да, – повторил он погромче. – Дай.

Римлянин встал, отложил копье. Приподняв голову Коршунова, он осторожно поднес к его губам флягу. Во фляге было вино. Кисловатое, разбавленное, невероятно вкусное.

Алексей пил, пока фляга не опустела. Римлянин удовлетворенно хмыкнул и вернулся на свое место.

«Что со мной? Что происходит?» – попытался думать Коршунов. Звезды закружились, и он опять впал в беспамятство.

Разбудил его шум.

Было уже светло, но еще не жарко. Утро. Вокруг громко переговаривались по-латыни. Пахло дымом и еще чем-то вкусным. Алексей понял, что чувствует себя намного лучше. Настолько хорошо, что даже попытался сесть. И у него получилось.

– Ага, ты встал! – Давешний римлянин с копьем сидел напротив, на топчане – раме на ножках, на которую натянули толстый холст, – и достаточно доброжелательно смотрел на Алексея.

Коршунов посмотрел по сторонам. Слева и справа стояли палатки. Шагах в двадцати горел костер. Над ним, на треноге, висел большущий котел. В котле булькало. У котла, на корточках, – римлянин в грязной тунике, с большой деревянной ложкой.

Внезапно Коршунов сообразил, что он – не связан, а в пяти шагах от него сидит враг...

– Даже и не думай, – усмехнувшись, проговорил легионер, покачав головой. Он поймал взгляд Алексея, брошенный на его копье.

Легионер был кряжистый, широкоплечий, черноволосый. Загорелое обветренное лицо обросло черной двух-трехдневной щетиной, нос расплюсчен, на щеке – старый шрам. Грудь римлянина прикрывал пластинчатый доспех, на ногах – поножи с тиснением, на поясе – короткий меч.

– Ходить можешь? – четко выговаривая слова, произнес легионер.

Коршунов пожал плечами. И сразу заныл оцарапанный бок.

Римлянин встал, перехватил копье в левую руку, правой взял Алексея за плечо и без видимого усилия поставил на ноги. У Коршунова тут же закружилась голова. Римлянин помог. Поддержал.

«Хорош бы я был, если бы попробовал на него напасть», – подумал Коршунов.

– Пошли, – сказал легионер. – Здесь недалеко.

Коршунов не понял, но позволил себя вести. Да он и не смог бы сопротивляться.

Идти и впрямь было недалеко. В соседнюю палатку.

У входа легионер остановился, сказал что-то, изнутри ответили. Легионер откинул полог, втолкнул Коршунова внутрь, усадил на скамью и вышел.

Внутри палатки было просторно и довольно светло. Свет падал сверху, из квадратного продуха. Еще в палатке стояло несколько сундуков и дорожный стол, за которым, сидел римский офицер в шлеме и что-то быстро писал. Шлем у римлянина был роскошный, золоченый, украшенный искусной чеканкой, с длинным красным «хвостом». По хвосту Коршунов его узнал. Тот самый, как его... Ингенс. Тот, что приходил вчера. Тот, что велел его снять.

Лица римлянина Коршунов разглядеть не мог, зато он увидел кое-что другое. На столе, рядом с табличкой, на которой писал римлянин, лежал Коршуновский, вернее, Черепановский талисман: обшарпанный уродец Буратино.

Римлянин писал минут пять. Коршунов ждал. Он уже догадался, что этот римский командир и определит дальнейшую его судьбу. Коршунов понимал: его не просто так сняли с креста. Значит, римлянину от него что-то надо. Что?

Римлянин отложил стило, расстегнул ремешок шлема, снял его и посмотрел прямо на

Алексея. Нет, это был не тот римлянин, не Ингенс...

– Ну здравствуй, Леха, – сказал римский командир, он же – подполковник Геннадий Черепанов. – давненько не виделись...

Часть третья Кентурион

*«Aut bibat, aut abeat!»*¹⁷

«...С I по III век материальное положение легионеров неуклонно улучшалось, тогда как жизненный уровень большинства гражданского населения в III веке существенно понизился...

*...Реформы Септимия Севера, призванные укрепить армию, ставшую чуть ли не единственной наряду с пограничными провинциями социальной опорой принципата, и радикально улучшить качественный состав новобранцев, по сути дела завершили процесс разрыва армии с гражданским обществом империи. Легионеры превратились в зажиточную и привилегированную социальную группу, неразрывно сросшуюся с обществом пограничных территорий. Благодаря мужеству легионов и стойкости населения лимитрофных провинций Империя была спасена. Однако политика „солдатских“ императоров, опиравшихся на легионы и пограничные провинции, нацеленная на сохранение античных форм жизни, оказалась глубоко чужда жителям внутренних территорий...»*¹⁸

Глава первая Принцепс одиннадцатого Клавдиева легиона Геннадий Павел Череп

Май девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Провинция Нижняя Мезия

Командир римлян принцепс Геннадий Павел вынырнул из беспамятства через восемнадцать часов. Кружилась голова, руки-ноги – как ватные, но в целом состояние можно было считать удовлетворительным. Черепанов с детства обладал способностью быстро восстанавливаться.

На раскладном дорожном столе горела масляная лампа. Рядом с ложем Черепанова, свернувшись на коврике, как щенок, спала девушка. Племянница старшины из Цекулы.

Черепанов погладил ее по плечу. Девушка тут же проснулась, потерла кул ачками глаза:

– Попить?

– Сам разберусь. Сколько я спал?

– Ночь. И еще день.

– Сейчас вечер?

– Да.

– Тогда живенько найди мне старшего кентуриона Гая Ингенса, знаешь такого? Скажи: командир очнулся, зовет...

Девушка упорхнула.

Черепанов осторожно сел. Налил себе вина, разбавил, выпил – и только тогда понял,

¹⁷ Aut bibat, aut abeat! (Пей или убирайся!) – одно из популярных правил римского пира.

¹⁸ А. В. Колобов. Римские легионы вне полей сражений.

насколько хотел пить. В голове тут же прояснилось. Снаружи, за стенами палатки, раздавался привычный шум римского лагеря. Судя по звукам, в подразделении порядок. Чего и следовало ожидать. Черепанов откинулся на ложе, осторожно ощупал раненое бедро. Болело умеренно. У Геннадия был достаточный опыт обращения с ранами, в том числе – своими собственными, чтобы определить: с ногой тоже порядок. Хотя то, что он схлопотал очередную дырку, – это как раз непорядок. Детство в жопе заиграло – полез, блин, в драку, как мальчишка! Ладно, проехали. Все путем, с налетчиками разобрались. Что теперь? Корабли?

Полог откинулся, в палатку вошел кентурион Гай Ингенс. На квадратной кирпично-красной морде бывшего кулачного бойца – озабоченность.

– Как здоровье, командир?

Искренне спросил. Любят братья Ингенсы своего командира. И есть за что.

– Жив буду. Садись. Как – в лагере?

– Все при деле. – Ингенс осторожно присел на край ложа, которое угрожающе заскрипело под шестипудовым кентурионом. – С трофеями разбираемся, с пленными уже разобрались: мертвых зарыли, живых повесили. Дерево из имения соседнего завезли: разобрали там пару сараев. Девочек цекульских никто не обижал...

– Значит – все хорошо? – с неопределенной интонацией произнес Черепанов. Что-то Ингенс недоговаривал...

Старший кентурион замялся:

– Ну это... – и решившись: – Корабли варварские мы упустили, Череп. Хотел дать парням передохнуть, а сегодня с утра послал Трогуса с Луцием в ту бухту, а там уже пусто!

– Угу. Нечего было до утра тянуть.

Черепанова упущенные суда не очень беспокоили.

Пускай удирают. Еще неизвестно, удерут ли. Может, их корабли данубийской флотилии по дороге перехватят. Хотя в этом случае и то, что у варваров в трюмах, достанется морякам.

Рассеянным взглядом Черепанов окинул своего кентуриона. В палатке царил полумрак, но Геннадию это не мешало. Он неплохо видел в темноте. Всем своим видом Гай Ингенс выражал раскаяние. Черепанов не стал его успокаивать. Но и наказывать кентуриона он тоже не станет.

– Ладно, иди, – разрешил Геннадий. У старшего кентуриона в лагере всегда полно работы. Это Черепанов знал по своему опыту.

Ингенс вздохнул с облегчением (не думал, что так дешево отделается), неловко поднялся, уронил что-то на землю, поднял, сунул обратно за пояс...

– Эй... что это у тебя там? – произнес принцепс вдруг изменившимся голосом.

– Да так, божок какой-то варварский... – удивленный кентурион протянул фигурку командиру. – Дурацкий, но смешной. На нашего Трогуса похож. Глянь-ка... – Гай взял лампу, поднес поближе, чтобы принцепс смог получше рассмотреть смешного божка...

М-да... Талисману тоже досталось. Помимо многочисленных царапин имелась даже корявая надпись: «Тевд Трогус-младший»... Да нет, подполковник Черепанов понимал, что надеяться не на что. Скорее всего, Буратино уже прошел через дюжину рук. И все-таки...

– Значит, убитых варваров уже закопали? – спросил принцепс, стараясь, чтобы голос его звучал ровно. Но голос все-таки дрогнул. Впрочем, Ингенс даже и подумать не мог, что командир волнуется из-за мертвых варваров.

– Так воняет же, – заметил кентурион. – Жарко.

– Ну да. А живых – повесили. Где?

– Да вдоль дороги, как всегда.

Гай Ингенс был спокоен. Потому что уверен, что *эти* действия командир наверняка одобрит.

Черепанов потянулся к сундучку, открыл его и бросил туда варварского божка. Ингенс удивился. Но промолчал.

– Руку дай... – сказал принцепс. Ингенс подал командиру руку, помог ему встать. Вместе они вышли из палатки. Оба часовых бодро салютовали.

Черепанов, опираясь на плечо кентуриона, отошел на десяток метров, к яме. Помочился.

Ингенс стоял рядом, аккуратно придерживая командира за рукав туники. «Как вернемся – пошлю медика, – подумал он. – Пусть даст принцепсу снотворное, пусть принцепс отдохнет, поправится...»

Мысли Ингенса были не только от заботы о командире. Гаю было приятно чувствовать себя *главным* в лагере.

Но в палатку они не вернулись.

– Говоришь, вдоль дороги их повесили? – сказал командир. – Пойдем-ка глянем.

– Но, принцепс, это не близко! – запротестовал старший кентурион. – Не стоит тебе...

И заткнулся. Потому что принцепс посмотрел на него тем *специальным* взглядом, после которого Гай Ингенс, да и любой в подразделении, моментально затыкался и делал, что сказано.

– Это – все? – спросил Черепанов, останавливаясь у последнего креста, вкопанного в землю у моста через овраг. – Или с той стороны – есть еще?

Ту сторону оврага ему было не разглядеть: обзор заслонял здоровенный склеп и пинии, тьфу, сосны. «Уже и думать по-латыни начал», – рассердился сам на себя Черепанов.

Среди распятых у дороги Коршунова не было. Некоторые лица, правда, показались подполковнику знакомыми... но эти варвары все похожи друг на друга.

– Нет, за мостом – нет, – ответил Ингенс.

– Тогда пошли обратно, – сказал Черепанов.

В голове шумело, нога разболелась... на что он, собственно, надеялся? Если Леха и был среди этих варваров, то скорее всего, он уже в земле. С его-то воинскими навыками...

Деликатно поддерживаемый старшим кентурионом, Черепанов заковылял обратно, но когда они прошли шагов пятьдесят, честный Ингенс пробубнил:

– За мостом – нету, но там, на холме, – он показал рукой, – еще висят.

Черепанов поглядел в указанном направлении. Точно, на склоне холма, за виноградником, прорисовалось еще с дюжину крестов.

– Это Луций посоветовал, – словно извиняясь, сказал кентурион. – Шутка, значит, такая. Давай, говорит, командиров ихних на почетном месте распнем. Пусть на войско свое поглядят напоследок...

Черепанов с тоской поглядел вверх. Боль в раненой ноге сразу запульсировала сильнее.

– Может, э-э-э... не надо, а, командир? Чего тебе на них смотреть? Ну варвары и варвары. А парни работу знают: вешают качественно...

– Пошли, – решительно произнес Черепанов.

И они двинулись вверх. Вернее сказать, Черепанова повлекли вверх. По пути Ингенс кликнул легионера – чтоб взял принцепса под вторую руку. Так и поднимались...

Он висел на самой макушке. Рикс варваров. Отросшие волосы закрывали пол-лица, вторая половина заросла бородой. Тем не менее Черепанов его узнал, а вот он Черепанова – нет. Присосался к влажной губке, глянул слепо...

– Раны у него серьезные? – вполголоса спросил Геннадий.

– Не очень. Крови много потерял: считай, повезло. Но сутки еще продержится. А этому, – кивок в сторону креста пониже, где обвис на ремнях еще один варвар, – совсем хорошо. До утра не дотянет.

– Угу... – Черепанов задумался, затем скомандовал легионеру с губкой: – Лицо ему протри!

Да, ошибки не было. Леха. Ну везет парню! Или, наоборот, не повезло. Ведь если бы не Черепанов,плыли бы сейчас эти готы домой, счастливые, увозя римское золото...

– Этого – снять! – сказал Черепанов, показав на Коршунова.

– Что? – не понял принцепса старший кентурион.
– Я сказал: снять! – рыкнул Геннадий. – Снять, напоить, показать лекарю. Этот варвар мне понадобится. Что-то хочешь сказать?
– Ничего, мой принцепс! – бойко отчеканил кентурион. – Будет исполнено!
– Уже лучше, – проворчал Черепанов. Ему тоже вдруг стало лучше. Как, однако, удачно все получилось. И как вовремя он очнулся...
– Что-то еще, мой принцепс?
– Еще... – Геннадий нахмурился, размышляя... – Да, еще: этого тоженими! – Он показал на умирающего варвара. – Тоже – напоить и показать лекарю. И вообще всех, кто ранен, снять.
– Они все ранены, – заметил Ингенс.
– Всех, кто *серьезно* ранен! – уточнил Черепанов. – Те кто может дождаться завтрашнего дня, пускай еще повисят. Утром я решу, что с ними делать. Все ясно?
– Да, мой принцепс! Займусь, как только провожу тебя в палатку, мой принцепс!
– Прямо сейчас, – велел Черепанов. – А в палатку и без тебя найдется кому меня проводить.

Глава вторая Алексей Коршунов, он же – Аласейя, предводитель варваров Бывший

– Генка... – прошептал Алексей вдруг севшим голосом. – Ты?... Как?
– А вот так! – Геннадий Черепанов, он же принцепс одиннадцатого легиона Геннадий Павел, поднялся. Хлипкий походный стол, на который опирался подполковник, жалобно хрустнул. – Ты что же, не рад меня видеть?
Коршунов рванулся вперед – но раненая нога подвела: едва не упал. Черепанов подхватил его – и тоже скрипнул зубами. Но устоял. И Алексея удержал.
– Давай-ка присядем, – сказал он. – Сейчас у нас на двоих – две нормальные ноги. С прыжками придется повременить.
– Ты что, тоже ранен? – удивился Алексей. Черепанов, особенно сейчас, после своего внезапного превращения в римского военачальника, казался Коршунову неуязвимым и вообще неземным существом. Ну да так оно и было – летчик все-таки.
Черепанов задрал край туники – продемонстрировал забинтованное бедро.
– Ваша работа, – проворчал он.
– Ну извини.
– Зарастет. Не первая дырка и, боюсь, не последняя. – Он хлопнул в ладоши. Вошла девушка. Племянница старшины из Цекулы. Увидела Коршунова, шарахнулась...
– Не бойся, не укусит! – добродушно прогудел Черепанов. – Налей нам вина, детка, и иди погуляй.
Девушка выполнила распоряжение, стараясь при этом держаться от Алексея подальше.
– Ты что, ее поймел неудачно? – спросил подполковник.
– Я, если хочешь знать, уже месяц ни с кем не спал! – Коршунов обиделся. – Да если бы не я, им бы всем глотки перерезали...
– ...Твои варвары! – вставил Черепанов. – Ну, за встречу! – и опрокинул чашу.
Коршунов тоже выпил. Вино было приторно-сладкое, с медом: римский обычай, который Алексею не нравился.
– Что морщишься! Хорошее вино! – возмутился Черепанов. – Десять денариев за кувшин. Совсем ты, брат, одичал в своей скифии. Ну рассказывай, как ты дошел до жизни такой.
– Расскажу, – кивнул Коршунов. – Только сначала вопрос: ты как, распинать меня больше не собираешься?
– А в лоб? – поинтересовался подполковник.
– Тогда давай снимай моих мужиков тоже! Или – меня обратно!

– Это что, ультиматум? – прищурился Черепанов.

– Считай, что так! И решай быстрее. Многим нужна срочная медицинская помощь. Где, кстати, моя аптечка?

– Найдем твою аптечку, – проворчал Геннадий. – Сначала скажи, почему я должен пощадить этих разбойников. Чтобы они снова устроили резню? Видел бы ты, что эти твари делают с людьми!

– Не эти! – жестко произнес Коршунов. – Эти – мои. Я привел их сюда. И делали они то, что я им приказывал. С прочими варварами можешь поступать как угодно. Но это мои люди. Я за них отвечаю. И они не устраивали резни. Тех, у кого возникало такое желание, я наказывал.

– Слышал, слышал, как ты наказываешь... – с неопределенной интонацией произнес Черепанов. – Цекульский старшина рассказывал.

Было непонятно, то ли подполковник одобряет действия Алексея, то ли осуждает.

– Решай! – твердо сказал Коршунов. – Решай, Леха. Поставь себя на мое место. Неужели ты поступил бы иначе?

– Я бы на твоё место не встал, – решительно произнес Черепанов.

– Бывают обстоятельства, когда выбора нет.

– Хрена лысого! – рассердился подполковник. – У меня были обстоятельства покруче твоих. Напомни мне как-нибудь, чтобы я тебе про Африку рассказал. Чтоб ты знал, *какие* бывают обстоятельства!

– Ладно, ты крутой! – тоже повысил голос Коршунов. – Но я – это я! Или ты велишь снять моих парней – или возвращай меня на холм!

Черепанов хмыкнул.

– Ишь раскомандовался, – проворчал он. – Куда идем мы с Пятачком? На мясокомбинат! Да кто тебя спросит, мать твою? Ты вообще мой пленник! Захочу – продам, захочу – себе оставлю. Здесь, брат, не Питер. Здесь – рабовладельческое общество. Учил в школе? Что это ты поскучнел? Не в игрушки играем!

Коршунов мрачно глядел в пустую чашу. Такого он от Генки не ожидал.

– Вот так вот, космонавт-исследователь, – строго произнес подполковник. – Тут за базар отвечают покруче, чем у нас. Значит, говоришь, варвары твои делали то, что ты им приказывал?

– Да, – буркнул Коршунов.

– То есть за все, что они делали, отвечаешь ты?

– Да.

– То есть ты готов за это отвечать?

– Да. – Коршунов поднял голову и посмотрел прямо в глаза подполковника. – Да, я готов!

– Хорошо, – кивнул Черепанов. – Так и будет. Я *сниму* твоих варваров. Я уже снял кое-кого, чтобы не подох раньше этого разговора. Я подарю им жизнь. Всем, кто еще жив. Но – с двумя условиями.

Первое: отпускать таких волков домой я не могу. Они слишком опасны и наверняка захотят вернуться. Поэтому все они отныне будут служить Риму.

Второе: с этого момента за каждого из них отвечаешь ты. Лично. За их дисциплину, за их службу, за все их поведение. И если кто-то из них выкинет фортель, спрошу я с тебя. И спрошу по полной, без пощады и без поправки на нашу дружбу. Вот на этих условиях я согласен подарить им жизнь. Принимаешь?

– Да, – не колеблясь, ответил Коршунов.

– Что ж... – Черепанов положил ему на плечи широкие ладони. – Вижу, Алексей Викторович, ты кое-чему научился за это время. – Подполковник улыбнулся. – И я этому рад! Ну давай еще по одной и пойдем снимать пугала. Я хочу, чтобы каждый из них знал, кому обязан жизнью. Не повредит.

Глава третья Принцепс Геннадий Павел Череп. Германские «рекруты»

– Я хочу, чтобы каждый из вас знал, кому обязан тем, что продолжает дышать сладким римским воздухом, а не кормит червей в выгребной яме! – неторопливо, раздельно произнес Черепанов. – Давай переводи!

Принцепс Геннадий Павел, верхом, возвышался над тройной шеренгой германцев и видел каждого из них. Чуть позади принцепса, тоже верхом, – старший кентурион Гай Ингенс и субпрефект Тевд Трогус, под чье начало Черепанов намеревался на время передать «новобранцев».

Толмач забубнил, трансформируя четкую латинскую речь в готское наречие. В принципе, Черепанов мог то же самое воспроизвести и на «варварской мове», которой владел вполне прилично, но счел это непрестижным. Будущие римские солдаты должны изъясняться на латыни.

«Будущие римские солдаты», порядка сотни готов-гревтунгов и десятка четыре герулов, перебинтованных, безоружных, в заскорузлых от крови отрепьях, выглядели, мягко говоря, непрезентабельно. И их вождь, который стоял с ними в одном строю, смотрелся не лучше. У Коршунова была возможность привести себя в порядок, но он отказался. Пусть его воины видят, что его судьба такая же, как и у них.

Черепанов отнесся к позиции друга с пониманием. Но и своей точки зрения скрывать не стал.

– Ваш рикс поручился за вас! – продолжал Черепанов, развернув коня и пустив его шагом вдоль строя свежее испеченных рекрутов. – Он поклялся, что все вы будете служить честно и доблестно. Я ему верю, а он верит вам. Но хочу, чтобы вы все знали: за проступок любого из вас я буду спрашивать с двоих: с преступника и с вашего рикса. Так что, если кто-то думает, что рикс Аласейя не вправе решать за него, пусть скажет об этом сразу, сейчас! Есть такие?

Строй молчал.

– Очень хорошо, – одобрил принцепс Геннадий Павел. – С сегодняшнего дня вы все зачислены в состав вспомогательных войск одиннадцатого Клавдиева легиона. *Claudia pia fidelis*,¹⁹ – повторил он торжественно. – Довольствие на вас будет выписано также с сегодняшнего дня. Жалованье – с того дня, когда вы принесете присягу императору и аквиле одиннадцатого легиона. Размер жалованья вам сообщит старший кентурион Гай Ингенс... – Кентурион Ингенс медленно, важно наклонил голову, – а получать его – на всех, а затем распределять между вами будет ваш сигнифер, коим – до получения вашим отрядом своего штандарта-сигнума – будет ваш рикс Аласейя, именуемый отныне Алексием Виктором. Вашим командиром – до получения сигнума – станет субпрефект Тевд Трогус (Трогус поднял правую руку). Он командовал алой ауксилариев, которая не позволила вам уйти от возмездия Рима. Возможно, кое-кто из вас затаил обиду на славных римских воинов и полагает, что пролитая кровь требует мщения. Есть такие?

Никто не отозвался. Вероятно, потому, что взгляд принцепса не сулил желающим отомстить ничего хорошего. А снова становиться придорожным «украшением» никому не хотелось.

– Очень хорошо, – одобрил Черепанов. – Римский порядок запрещает римским солдатам убивать или калечить друг друга. За эти проступки виновные наказываются очень сурово. Все серьезные претензии между вами разбирают ваши командиры. Если они не справятся, этим займусь я лично! Кое-кто из вас, насколько мне известно, уже служил Риму. Можете обращаться к ним за советами. Хотя лично я не стал бы прислушиваться к советам тех, кто, зная, что есть Рим, рискнул стать его врагом. Но, возможно, им не повезло и служили они не под теми штандартами, а командовали ими не слишком достойные

¹⁹ *Claudia Pia Fidelis* – Клавдиев Верный (лат.).

командиры. Сейчас же вам всем повезло. Вы все станете не просто солдатами Рима, а будете служить под началом самого главнокомандующего Максимиана. Слыхали о нем?

На этот раз раздалось несколько утвердительных возгласов. Среди варваров Максимиан был весьма известной личностью. Куда более известной, чем нынешние августы Александр Север и Мамея.

– Очень хорошо! Служите честно и храбро – и ваша верность Риму будет вознаграждена. Это я вам обещаю, а если я, принцепс Геннадий Павел Череп что-то обещаю, то так оно и будет...

– Если бы не ты, хрен бы ваши римляне нас поймали! – заявил Коршунов.

Вместе с Черепановым они удобно разместились на мешках с шерстью, уложенных на дно фургона. На хорошей римской дороге даже в безрессорной повозке ехать было достаточно комфортно. Лучше, чем в седле. И раны не беспокоили. Особенно после того, как среди трофеев они отыскали аптечку Коршунова и сделали пару инъекций. Еще одну дозу вкатили Ахвизре, у которого началась горячка. Возможно, этим спасли ему жизнь. Впрочем, древние германцы оказались на диво крепким народом. Генофонд, не истощенный цивилизацией.

Ехали с удобством, в голове колонны, чтоб не дышать пылью, убрав боковины фургона, но оставив крышу, защищающую от солнца. Вокруг лежала страна, которую позже назовут Болгарией.

Не без гордости Коршунов поведал о своих приключениях. Черепанов, в принципе, всё одобрил. И даже согласился, что у Алексея были все шансы вывести своих варваров из-под удара.

– Но, – заметил он, – вряд ли тебе, Леха, хватило бы ума остановиться. На следующий год ты появился бы снова – и получил по репе.

– На следующий год я бы поставил своего царя в Боспоре, поднял всех варваров по ту сторону Дуная, а сюда привел бы не пять, а пятьдесят тысяч воинов.

– Да их всего тысяч двести, твоих германцев! – возразил Черепанов.

Коршунов пожал плечами:

– Может быть. Но почему только германцы? Есть еще сарматы, бораны, аланы... да мало ли кто! Размер моего войска – вопрос моей личной популярности.

– Справедливо, – кивнул Черепанов. – Но не для всех. Сарматы, например, пойдут только за своим родовым вождем. В первом фракийском – четыре сарматские алы. Максимиан с ними еще в мидии воевал. Так что я знаю, что говорю.

– Да мне без разницы, – сказал Коршунов. – Пускай идут за родовым вождем. Лишь бы вождь этот шел за мной.

– А ты заматерел, – не без удовольствия произнес Черепанов.

– Такая жизнь. Положение обязывает. – Последнюю фразу Коршунов произнес по-латыни. – Я, кстати, и женат теперь. Даже дважды.

– Это как?

– Помнишь ту рыженькую, дочку Фретины? Теперь моя главная жена.

– Поздравляю. А вторая?

– А вторая – любимая. Вот слушай...

И Коршунов поведал другу историю своей любви и всего, что ей сопутствовало.

– Вообще-то я намерен за ней послать, – сказал он в заключение. – Думаю, она обрадуется, узнав, что я теперь буду воевать за Рим, а не против. Она – изрядная патриотка.

– Советую тебе не торопиться, – сказал Черепанов. – Девушки и здесь отменные. Зачем в Тулу самовар выписывать? И кто тогда за именем твоим присматривать будет?

– Да хрен с ним, с именем!

– Ну не скажи...

Тут они посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Черт! Леха! Я уже, считай, год по-русски не говорил!

– А я говорил! – с гордостью заявил Коршунов. – С Настей. И с боранами крымскими.

Ну так что, поможешь мне человека за ней послать?

– Леха, какой человек! – воскликнул Черепанов. – Ты в Риме! – и добавил с гордостью: – Здесь существует почта. Пошлем письмо – и все дела.

– Отлично! Организуешь?

– Без проблем! – Черепанов привстал: – эй, там! Позовите Мелантия Ингенса!

– Луций, – сказал подполковник, когда кентурион подъехал к повозке. – Алексей хочет отправить письмо жене, в Херсон. Позвать ее сюда, в Мезию. Организуй.

– Организовать можно, – степенно произнес Ингенс-средний. – Только я не советую. Сейчас в море неспокойно. Пираты. Я слышал: буквально милях в восьмидесяти от устья Данубия, чуть ли не под носом данубийской флотилии, утопили нашу бирему, а купцов ограбили вчистую, хорошо не убили. И варвары... хм-м... ну, может, варвары твою жену и не тронут...

– Спасибо за предупреждение, Мелантий, – поблагодарил Коршунов. – Тогда не одно письмо, а два. Второе – моему другу, боранскому риксу Крикше. Он позаботится, чтобы моя жена плыла не на первом попавшемся корабле, а с хорошим конвоем.

– Твой друг – боранский рикс? – удивился Мелантий. – Но вы же германцы! Неужели германцы теперь дружат с боранами? Это плохо для Империи, – сказал он озабоченно. – Верно, принцепс? Вот и Трогус говорил: слышал от купцов, что бораны обчистили Питиунд. А раньше мирными были...

– Это он выпотрошил Питиунд. – Черепанов похлопал Коршунова по плечу. – И с боранским риксом тоже дружат не германцы, а наш новый соратник Алексей Виктор. Так что, думаю я, союза германцев и боранов можно пока не опасаться.

– Не уверен, – возразил Коршунов. – Идея была не моя – одного герула. Скулди.

– Это тот, которого ты поставил опционом? – улыбнулся Черепанов. – Видишь, мелантий, каких толковых солдат приобрел наш Август.

– К во ронам Августа! – воскликнул Мелантий. – А вот Максимино это понравится. То, что ты изменил своему правилу вешать варваров.

– Не изменил, – проворчал Черепанов. – Нет правил без исключений.

– Наш принцепс – философ! – с гордостью произнес Мелантий. – А с кем ты еще дружишь, опцион Алексей?

– С сарматами, – сказал Коршунов. – Кое с кем из гепидов...

– А с алеманнами?

Коршунов покачал головой.

– Это хорошо, – сказал Ингенс-средний.

– Почему?

– Потому что этой осенью Максимин собирается задать им трепку, – с неудовольствием произнес Черепанов.

– Тебе это не по нраву? – удивился Мелантий.

– Мне не по нраву то, что об этом знает каждый легионер по эту сторону Данубия, – заявил Черепанов. – Всё. Езжай к своей кентурии. Завтра Алексей отдаст тебе письма.

– Умник, – проворчал подполковник, когда Ингенс-средний отъехал. – Каждый, блин, кентурион теперь стратег.

– А что в этом плохого? – удивился Коршунов.

– Болтают много. Все в этой армии много болтают. Никакого понятия о секретности.

– Ты еще первый отдел здесь организуй! – сыронизировал Коршунов.

– Придет время – организую, – совершенно серьезно ответил Черепанов. – И разведку поставлю как надо. Чтобы такие, как ты, не разводили нас так по-детски. Это очень хорошо, Леха, что мы с тобой встретились. Очень полезную ты мне информацию принес.

– А я уж, дурак, подумал, что ты *меня* видеть рад! – усмехнулся Коршунов.

– Точно – дурак. Нам здесь жить, Леха. По крайней мере надо быть готовым к тому, что домой мы никогда не вернемся.

– Похоже, ты больше обратно не рвешься, – заметил Коршунов. – Тоже женился, что

ли?

– Ну до этого пока не дошло, – уклончиво ответил Геннадий.

– И кто она?

– Дочка здешнего консуляра, ²⁰ Антонина Гордиана-младшего, Корнелия Преста.

– Seriously? Голубая кровь?

– Угу. Даже царская – по прабабке. И минимум полтыщи лет благородных предков.

– Круто! Она хоть красивая?

– Ты поухмыляйся еще – враз по зубам получишь! – посулил Черепанов, демонстрируя кулак.

– Ну прости! – с покаянным видом проговорил Алексей. – Не знал, что у вас так серьезно. А родители ее как, не против?

– А хрен его знает. С папашей мы вроде в приличных отношениях... Но они и впрямь – крутая аристократия. Дед ее вообще проконсул Африки. В общем, проблемы могут быть...

– А сама девушка?

– Мы переписываемся, – скромно ответил принцепс.

– А сколько ей лет? – любопытствовал Алексей.

– Восемнадцать. Будет.

«Надо же, – подумал Коршунов. – Грозный подполковник Черепанов состоит в переписке с семнадцатилетней девчонкой. Романтика!»

Впрочем, вслух Алексей сказал другое:

– А она хоть в курсе твоего отношения к ней?

– Ну, в принципе, наверное, да.

– Ну ты, принцепс, даешь! – сказал Коршунов. – Легких путей не ищешь.

– Ты – тоже. А скажи: парнишка этот, как его, Книва, что с ним?

– Живой. Я его очень вовремя отослал домой. Не пустым. Кстати, если тебе нужны деньги, имей в виду: я здесь хорошо поднялся. У меня даже трирема есть. Правда, трофейная, – уточнил он. – Твое руководство может конфисковать, если увидит. Но ее можно перекрасить. И замаскировать. Организовать ей, скажем, приписку в феодосийском порту. У меня в Боспоре хорошие связи.

– Там сейчас, по-моему, что-то типа гражданской войны?

– Угу. Мы с претендентом, его Фарсанзом зовут, в союзе.

– Наш пострел везде поспел, – проворчал Черепанов. – Я тебя об одном прошу: когда буду представлять тебя начальству – помалкивай.

– Ну я же не идиот! – обиделся Коршунов. – Кстати, один из тех, кого ты великодушно помиловал, – Сигисбарн, Книвин старший братан. А самый старший братан – Агилмунд – вообще моя правая рука. Надежнейший мужик.

– Это он в Цекуле твоего оппонента зарубил? – осведомился Черепанов.

– Нет, другой. Ахвизра. Помнишь другого парня, Нидаду, которого на болоте перед нашим спускаемым аппаратом зарезали? Ахвизра – его старший брат. И мой лучший разведчик. Вы с ним наверняка подружитесь...

– Так! – прервал его Черепанов. – Давай-ка определимся, Леха. Дружить я буду с тобой. По старой памяти. Все остальные – мои солдаты. И только так. И если кто-то из твоих парней решит, что мы с ним в приятелях – по старой памяти, я его круто разочарую. Есть такое слово – субординация. Может, слышал?

Глава четвертая Агилмунд, Сигисбарн и прочие варвары

– Это же Гееннах! – возбужденно воскликнул Сигисбарн. – Я его узнал!

– Тот самый, кого захватили квеманы? – уточнил Агилмунд.

²⁰ Консуляр – бывший консул. Пожизненный титул.

– Он! Я знаю! Я с ним боролся!

Оба брата шли в конце обоза, рядом с повозкой, на которой лежал Ахвизра.

– Значит, прав был Овида-жрец, когда сказал: не совладать квеманам с таким, как Гееннах, – степенно ответил Агилмунд. – Это удача Аласейи привела к нам Гееннаха.

– Хороша удача! – возмутился Ахвизра и даже привстал, несмотря на слабость. – Скулди говорит: это Гееннах, которого теперь зовут принцепсом, погнался за нами. Если бы не он, мы бы уже плыли домой. Вместе с добычей! – сказал – и откинулся на солому, тяжело дыша. Хоть и поправлялся Ахвизра, но был еще очень слаб.

– Никто не ведает, что нам назначили боги, – неторопливо произнес Агилмунд. – Может, это удача для нас, что ромляне нас победили. Ведь мы теперь сами стали ромлянами, а все знают: никого нет богаче ромлян. Посмотри вокруг: как богато живут здешние землепашцы. А ведь они даже не воины. Они – никто. Покажи им копье – и они тут же упадут на колени, отдадут тебе добро и женщин и будут счастливы, если их не убьют. А Гееннах у ромлян – большой вождь. Скулди говорил с его воинами, и те сказали: Гееннаха привечают самые важные ромлянские риксы. Даже самый главный ромлянин, императрикс, говорил с ним как с равным. Ничего не было у Гееннаха, когда он пришел в Рим. Год прошел всего, а как Гееннах возвысился. Велики его достоинства, а удача его еще больше. Так сказал Скулди, а я ему верю, потому что Скулди уже служил у ромлян и умеет узнать правду.

– Верно говоришь, Агилмунд, – слабым голосом произнес Ахвизра. – Но ведь как вышло: была у нашего Аласейи удача, а теперь ее нет. Съела ее удача Гееннаха.

– А я иначе думаю, – возразил Агилмунд. – Не враг Гееннах нашему Аласейе, а родич. Потому не съела его удача удачу Гееннаха, а присоединила к себе. Как великий рикс присоединяет к себе дружину своего родича послабее. Но от этого родич тот только сильнее становится, ведь большим войском и добра больше добудешь, и славу бо льшую, и враги, прежде грозные, от большого войска бегут в страхе. Мудр Аласейя и хитер. Но еще мудрее и хитрее Гееннах. Слышал я: и от квеманов он с большой славой ушел: богов их пожег. И никто не сумел ему отомстить: ни боги, ни люди.

– Разве квеманы – люди? – пренебрежительно пробормотал Ахвизра, но Агилмунд не стал отвечать на эти слова. – Я так мыслю, – сказал он. – Не ромлянам теперь будет служить Аласейя, а другу своему Гееннаху. А мы будем служить Аласейе – и великую славу добудем.

– А как же клятва, которую мы должны принести ромлянским богам и императриксу? – вмешался Сигисбарн.

– Ромлянских богов на ромлянской земле следует жаловать, – степенно изрек Агилмунд. – Они на нас и без того сердиты: храмы их мы грабили. Но и понять они должны: как ихние храмы не грабить, ежели там всякие богатства сокрыты.

– Ничё! – подал голос Ахвизра. – Вона Гееннах квеманских богов прям у них дома пожег. И квеманов затем побил несчетно, и капище их ограбил, и здесь, у ромлян, великим вождем стал. И даже нашего Аласейю удачей перевеличил!

– А я так думаю: или за Гееннахом бог сильный стоит, или сам Гееннах все же бог, а не герой, как Овида сказал, – заявил Сигисбарн.

– А я вот вспомнил, что Книве на капище боги открыли, – проговорил Ахвизра. – Когда в иной мир попал. Где пусто: лишь воды морские. И стоял Книва на воде ровной, хотя вокруг волны кипели. И тень на него падала: как от крыла. И небо было цвета огня и снега, снега и крови. Небо Байконура. И бог Аласейи и Гееннаха говорил ему что-то... а может, то был сам Гееннах?

– Эх-х, – вздохнул Сигисбарн. – Нет с нами ни Овиды-жреца, ни Травстилы... даже Одохара нет. Но ты, брат Агилмунд, ведь тоже почти что рикс. Ты еще не научился невидимое прозревать?

Агилмунд покачал головой.

– Аласейя может, – сказал он. – Помнишь, Сигисбарн, что он нам на кресте говорил? «Верь мне, Агилмунд! Я – Аласейя, пришедший с неба, я видел богов и разговаривал с ними! И я говорю тебе: боги отличат настоящих воинов, какой бы ни была их смерть! Так что через

несколько дней умрешь ты, Агилмунд, и отправишься прямо к своим богам! Это я тебе обещаю!» Так сказал Аласейя. Значит, умеет прозревать невидимое наш рикс!

– А я так не думаю, – возразил Ахвизра, которому историю эту не однажды уж рассказали. – Ведь что сказал Аласейя: «Через несколько дней ты, Агилмунд, отправишься к своим богам!» А ты живой!

– Если... – сказал Сигисбарн.

– Что «если»? – спросил Ахвизра.

– Аласейя сказал: «Я говорю тебе: боги отличат настоящих воинов, какой бы ни была их смерть! Так что если через несколько дней умрешь ты, Агилмунд, то отправишься прямо к своим богам! Это я тебе обещаю». «Если». Именно так он сказал. Ты знаешь, Агилмунд, я все хорошо запоминаю.

– А верно! – воскликнул Агилмунд. – Так он и сказал! Верно! Прозревает невидимое Аласейя! Помните? Хотел ведь Аласейя домой возвращаться! Знал, что побьют нас. И Книву тоже домой отправил, хотя не хотел того Книва. А ведь пошел бы Книва с нами, его бы точно убили!

– Верно, убили бы Книву! – подтвердил Ахвизра. – Всех убили, кто молодой. Один вот Сигисбарн живой, потому что ты его прикрывал, Агилмунд. А был бы с вами Книва, погибли бы вы все, потому что даже такому воину, как ты, друг мой, в той сече двоих не уберечь.

– Значит, не простой рикс Аласейя, родич наш, – сказал Агилмунд. – Он даже смерть своим волшебством изгнать может. Он ведь и от тебя смерть прогнал, Ахвизра. Так же, как от того молодого сармата, помнишь? И внимают ему – не как простому риксу. И бораны его слушаются, и даже этот боспорский царь Фарсанз...

– Фарсанз – не царь еще... – уточнил Ахвизра. – И не так уж хорош родич твой, как ты говоришь. С мечом управляется не лучше Сигисбарна. А тиви его, Анастасия, чернява и мнит о себе много!

– А я думаю: ни к чему Аласейе на мечах лучше всех биться, – сказал Агилмунд. – И без того он лучших воинов побеждает. Комозика победил? Победил. А брат его Диникей? Только он против Аласейи встал – и мертв.

– Диникейя убил, – без всякой гордости сказал Ахвизра.

– Убил ты, верно. Но хотел ли ты его убивать?

Ахвизра покачал головой.

– Нет. По обычаю Аласейя сам должен был его убить. Сам не знаю, почему я убил Диникейя. Подумалось мне: не прав Диникей. И *правильно* будет убить. А тут и говорит мне Аласейя: «Убей его, Ахвизра». И я убил. И знаешь, Агилмунд, – от возбуждения Ахвизра приподнялся и даже попытался сесть, – так легко мне было убивать Диникейя, словно не опытный воин предо мной был, а такой вот молодой, как он. – Ахвизра показал на Сигисбарна. – И еще я сейчас подумал: все, что ни скажет Аласейя, все, что ни сделаем мы для него, – так легко и славно получается. И всегда так было. Помнишь, как мы квеманов побили?

– Помню, – кивнул Агилмунд. – Так и есть все, как ты говоришь. Только ты лучше лежи, Ахвизра. Хоть и отогнал от тебя смерть Аласейя, но сил в тебе совсем немного. Лучше ты поспи, а мы с Сигисбарном к нашим пойдем. Скажу им, что мы решили.

– За Аласейей идти... – прошептал Ахвизра, у которого и впрямь совсем сил не было.

– Да! – торжественно произнес Агилмунд. – Хоть в Рим, хоть в Валхаллу!

– Лучше сначала – в Рим, – сказал Ахвизра и тихонько рассмеялся.

Глава пятая, в которой Алексей Коршунов, он же – рикс варваров Аласейя, знакомится с самим «главнокомандующим данубийским фронтом» Гаем Юлием Вером Максимином, по прозвищу Фракиец

Май девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Провинция Нижняя Мезия. Летний лагерь XI легиона

В расположение летнего лагеря одиннадцатого Клавдиева легиона мобильное подразделение принцепса Геннадия, доукомплектованное рекрутами-варварами, прибыло утром двадцать третьего дня месяца июня, в канун римского праздника Форс Фортуна.²¹

Ни Аптуса, ни трибуна-Латиклавия Деменция Зимы в расположении не было. Был префект лагеря Децим Флор, к которому Черепанов и отправился докладывать о результатах «экспедиции». Поскольку общаться с легатом одиннадцатого благородным Дидием Цейонием Метеллом у Геннадия не было ни малейшего желания.

Префект Флор принял доклад с полным одобрением. А затем огорошил новостью: нынче к вечеру в лагерь прибывает сам. Желает, понимаешь, главнокомандующий отпраздновать Форс Фортуна с одиннадцатым Клавдиевым (от коего в лагере сейчас – четыре когорты, вернее, пять, считая Черепановскую), а затем, вместе с шестью когортами первого Фракийского (которые придут с Максиминим) посетить «варварскую» сторону Данаубия, укрепив тем самым преданность союзников и проверив, не планируют ли «несоюзные» племена очередной наезд. Визит был реакцией главнокомандующего на паническое послание наместника Нижней Мезии Туллия Менофила: дескать, совсем, варвары замучили!

Сообщая об этом, префект Флор высказался насчет наместника искусно и уничижительно: оно, конечно, Максимина в армии жаловали, но он был из тех «любимых» военачальников, коих лучше любить заочно. Уж больно нравом крут.

Вернувшись от начальства, Черепанов немедленно вызвал в свою палатку братьев Ингенсов, Трогуса и Коршунова.

– Завтра здесь будет фракиец, – сообщил он.

Квадратные физиономии Ингенсов выразили радость, лицо Трогуса – озабоченность, а Коршунова – заинтересованность.

– Нечего лыбиться! – рыкнул Черепанов братьям. – Вы со своими людьми разобрались?

– А как же! – ответил за всех Ингенс-старший.

– А с новобранцами?

– Ну это... – промямлил кентурион Гай.

– Вот именно! Даю вам всем, включая и тебя, – черепановский палец указал на Коршунова, – два часа.²² Разместить всех, экипировать и поставить на довольствие. Алексей! Пока без записи. Скажете библиотекам²³ – под мою ответственность. К прибытию Максимина все будет оформлено как надо. С квестором²⁴ я тоже договорюсь. Помощников возьмите из своих. Потолковее. Действуйте.

Братья покинули палатку, и Черепанов повернулся к оставшимся: Коршунову и Трогусу.

²¹ Праздник Форс Фортуна отмечался римлянами двадцать четвертого июня и считался выходным. В этот день жители столицы спускались на лодках вниз по Тибру, чтобы принести жертвы богине Фортуне (за что отвечала данная богиня, думаю, пояснять не требуется) в двух святилищах за пределами Рима. Выполнив, так сказать, религиозный долг, счастливые граждане весь остаток дня выпивали и закусывали, активно радуясь жизни.

²² Два римских часа по летнему времени – это несколько больше, чем два наших астрономических часа, так как само понятие часа в Древнем Риме зависело от длительности светового дня: время от рассвета до заката делили на двенадцать часов. Соответственно зимой час был короче, летом – длиннее.

²³ Библиотекарий – писарь. В римской армии бухгалтерия была поставлена отменно. Все фиксировалось и документировалось, причем дважды: собственно в подразделении и в канцелярии легиона.

²⁴ Квестор (военный квестор) в легионе выполнял обязанности одновременно начальника канцелярии и главного бухгалтера. В его ведении была вся бюрократия легиона. Он же отвечал за оплату расходов и выдачу жалованья в когорты.

– Алексей! Я рассчитывал, что у меня будет время, чтобы без спешки сформировать из вас боевое подразделение. Но времени нет. Твоя задача: во-первых, объяснить своим безбашенным, что дело очень серьезно. Фракиец, если ему не понравится «пополнение», вполне может снова сделать из вас придорожные вороньи кормушки. Так что дурацких вопросов не задавать, делать все, что скажет вот он (кивок на Трогуса), в данный момент – ваш непосредственный командир. Из твоих бойцов я намерен сформировать две кентурии – по римскому образцу. Ты будешь кентурионом первой, а твой Герул, тот, что уже служил Риму, возьмет вторую.

– Я бы хотел поставить Агилмунда... – заикнулся Коршунов.

– Меня не волнует, что ты хотел! – рявкнул Черепанов. И добавил помягче: – Агилмунда возьмешь к себе – опционом. Потом разберемся. Трогус! Составить списки рекрутов. Разобраться с медициной: кто – в строю, кто – на лечении. Но обмундирование получить на всех и всех записать. Открыть таблички-формуляры на каждого и представить мне.

Через два часа – построение на форуме. Тех, кто не может ходить, – доставить на носилках. Будем приносить присягу орлу легиона. Этим займусь я лично. Действуйте! Если будут проблемы – мой бенефектарий ²⁵ будет знать, где меня найти.

Алексей замешкался, намереваясь задать пару вопросов, но Тевд Трогус решительно потянул его наружу:

– Давай-давай, варвар! Тут у нас – не там. Тут – римская армия. Здесь работают ногами, а не языком!

Черепанов усмехнулся.

«Вот так, Леха, – подумал он. – Здесь у нас не тут. Рикс варваров – это, конечно, круто, но до хорошего кентуриона тебе еще служить и служить!»

– Клянусь Юпитером! И это – скифы? – Максимин Фракиец издал такой звук, что ему позавидовала бы любая буккина. ²⁶

Трогус – на правом фланге строя – ухмылялся во все двадцать шесть оставшихся зубов. Это была его идея: постричь и побрить варварское воинство. Многим, правда, это не понравилось, но новоиспеченный кентурион Алексей сказал: надо – и две дюжины цирюльников одиннадцатого легиона принялись за дело. Зато теперь эти brave ребята смотрелись как надо. Даже лучше настоящих легионеров, потому что были куда крупнее и осанистее.

– Виват милитари магистр Максимин Германик! – рявкнули полторы сотни глоток.

Максимин захохотал. Ему понравилось. Командующий данубийской армией любил, когда его называли «магистром». И еще больше ему нравилось, слышать прозвище «Германик», то бишь «победитель германцев». Особенно – из уст самих германцев, которые, впрочем, никогда не отождествляли себя ни с термином «германец», ни с прочими племенами, коих склонные к обобщениям римляне именовали этим словом.

Надо сказать, что не только новобранцы произвели впечатление на Максимиана, но и сам командующий просто-таки поразил и уцелевших воинов Коршунова, и его самого. Задирая голову, Алексей смотрел на шагающего вдоль строя человека-башню, и ему даже не верилось, что перед ним – живой человек. Верхушка легатского гребня на шлеме Максимиана возвышалась над поперечным кентурионовским гребнем Коршунова (Генка подарил ему свой старый шлем) почти на метр. Вдобавок, несмотря на свой гигантский рост и немалый возраст, римский командующий, в отличие от большинства действительно высоких людей, сложен был очень неплохо. Не хуже Коршунова. Но когда человек-башня, наклонившись, навис над Алексеем, тому вдруг стало страшно. Что-то божественно-неумолимое было в

²⁵ Бенефектарий – в данном случае – вестовой-адъютант.

²⁶ Буккина – боевая труба.

чертах этого крупного загорелого лица. Пронзительный живой взгляд из-под тяжелых каменных век монумента.

– Твое имя? – прогромыхал сверху бас командующего.

– Алексей Виктор!

– Ты знаешь латынь?

– Да, немного... – Коршунов заколебался, не зная, как обращаться к гиганту. – Немного понимаю и говорю, Август...

– Как ты меня назвал, варвар с неварварским именем? – прорычал командующий.

– Август!

«Главное, – напутствовал Коршунова Геннадий, – не выказывать сомнений и страха. Он этого не любит более всего».

– Август, величайший ²⁷ ... прости, я не очень хорошо знаю латынь.

– Да! Не очень хорошо. Больше так ко мне не обращайся. Разрешаю звать меня Максимин. Это почти то же самое, верно? – Командующий повернулся и поглядел на свою свиту. Свита безмолвствовала. Легат одиннадцатого Клавдиева Дидий Цейоний Метелл опустил глаза и поджал губы. Можно было не сомневаться: на первой же императорской аудиенции легат донесет об этом эпизоде Александру Северу и его соправительнице-матери.

– Этот дружок Черепа Алексей – под стать своему покровителю, – прошептал префекту Флору приехавший вместе с Максимин трибун-Латиклавий одиннадцатого Деменций Зима. – С ходу угодил в любимчики фракийца. Интересно, бороться он тоже умеет? Если так, фракиец наверняка утвердит его в звании кентуриона. Цейоний уже утвердил. Наш легат был в восторге от того, что Череп наконец перестал вешать варваров. Небось хотел доложить: я, мол, перевоспитал самого свирепого кентуриона по эту сторону Данубия.

– Ха-ха! И каково ему теперь? Когда поднятый им в кентурионы варвар нарек Максимина Августом? – развеселился трибун-Латиклавий. – готов заложиться на полсотни: месяца не пройдет, как Мамея узнает, что фракийца называли Августом и ему эта титулатура понравилась.

– Готов заложиться на две сотни, что через неделю половина легионеров армии будет знать, что варвар, который в прошлом году выпотрошил Питиунд, а в этом ограбил половину Нижней Мезии, нарек фракийца Августом, – сказал префект Флор.

– Я не настолько глуп, чтобы отдать тебе свои деньги, – усмехнулся Деменций Зима. – Хотя насчет половины Мезии ты преувеличил.

– Ничуть. Более того, он ограбил бы и вторую половину, если бы не Череп. И это наверняка стоило бы нашему Цейонию легатства. Наместник Туллий Менофил съел бы его с потрохами. Иногда я даже жалею, что поддержал весной идею Черепа. Избавиться от цейония – большое искушение.

– Половины Мезии это не стоит, – сказал трибун-Латиклавий. – Тем более что император может прислать нам еще большего идиота. Эх! Много бы я дал, чтобы слова варвара оказались пророческими!

– Пожалуй. Хотя думаю я: Максимин стал бы еще более жестоким, чем Каракалл. ²⁸

– Чем плох Каракалл? Он многое сделал для армии. И еще больше мог сделать для Рима, если бы его не зарезали.

– Вот именно! – многозначительно произнес префект Децим Флор.

Вечером Максимин вызвал Черепанова к себе.

– Мне понравился твой сородич, – сразу заявил командующий. – Он ведь твой сородич,

²⁷ Август – величавый, священный (лат). Имя первого из римских монархов. В описываемое время – обращение к императору.

²⁸ Юлий Бассиан Каракалла (правильнее – Каракалл) – правил с 211 по 217 год. До 212 года – совместно с младшим братом Гетой, а после того как (при приказу Каракаллы) брат был убит – единолично. Убит заговорщиками по приказу сопrefекта претория Макрина.

и только поэтому ты не вздернул его и остальных, как раньше?

Черепанов хмыкнул. Ну да, чему тут удивляться. Разумеется, у фракийца есть осведомители. В том числе и в Черепановском подразделении.

– Ты, как всегда, прав, мой легат, – согласился Геннадий. – А я?

– Ты тоже.

Максимин лежал на широком удобном ложе, опираясь на локоть и прихлебывал из кубка. Черепанову, сидевшему на складном стуле, выпить не предложил.

– Августы расположены к тебе, но их терпение могло закончиться в любой момент, – пробасил командующий. – А я сейчас не хочу ссориться с императором. Мне нужно его согласие на военные действия по ту сторону Данубия. Мне это важнее, чем кровожадность какого-то там принцепса, ты понял?

– Да, мой легат. Я понял: ты одобряешь мои действия.

– Одобряю. Но не понимаю, почему ты сформировал из них регулярные кентурии, а не отряд вспомогательных войск. Эти скифы воюют по-своему, но воюют совсем неплохо. Клянусь Марсом, если бы не ты – они бы ушли безнаказанными! На! – Он протянул Коршунову кубок. – Глотни, Череп! Ты будешь вознагражден!

Вино было густое и терпкое. Хорошее вино – Максимин понимал в этом толк.

– Я не собираюсь использовать их в качестве обычных солдат, – сказал Черепанов. – Ты прав: это неэффективно. И намерен сформировать из них... – Геннадий задумался: как сказать по-латыни «спецназ»? – Я намерен использовать их в тех боевых действиях, где требуются быстрота и скрытность. Эти парни совершили два значительных перехода по Мезийской земле – и сумели остаться незамеченными. Ты слышал об этом?

– Что-то такое слышал. Это важно?

– Безусловно. Провести тысячное войско по обжитой, к тому же неизвестной территории – и остаться незамеченными – это искусство. Представь, каковы они будут, если их забросить... то есть отправить на ту сторону, в леса, которые им более привычны. Что будет?

– Скорее всего, они перебегут к нашим врагам, – хмыкнул Максимин. – Вспомогательные войска следует использовать, но доверять им нельзя.

– Нельзя, – согласился Черепанов. – но в данном случае – можно. Потому что их вождю, Алексию Виктору, я доверяю полностью, а он умеет с ними управляться. Более того, я намерен попросить его нанять еще несколько сотен варваров – из числа тех же готов-гевтунгов.

– Дай сюда кубок! – потребовал Максимин. – Почему – несколько сотен? Несколько тысяч! Столько, сколько он сможет.

– А деньги?

– Деньги будут! – уверенно ответил командующий. – У наместника Туллия целый фонд – на подкуп варваров. Я его аннексирую – и этого хватит на содержание десяти тысяч наемников в течение года.

– Думаешь, Туллий Менофил согласится?

– А куда денется! – Максимин запрокинул голову и выплеснул в пасть оставшееся в кубе вино: эффектное зрелище. – Я еще четверть налоговой казны из него вытрясу! И пусть попробует не дать! Но все-таки зачем ты сделал из своих скифов легионеров? Надеюсь, не только для того, чтобы нацепить на палец своего дружка золотой перстень кентуриона?

– Не только! – Черепанов засмеялся. – Пусть поучатся *правильному* строю. Но главное: я хочу, чтобы эти дикие скифы поняли, что такое дисциплина. А усваивать это лучше всего именно в регулярном строю. Мой пил²⁹ Гай Ингенс лично займется ими. Ты одобряешь?

– Делай, что считаешь нужным. Это твои люди. А если к следующей весне ты и твой

²⁹ Пил – старший кентурион в когорте.

сородич дадите мне хотя бы тысячу готовых в бою скифов, ты узнаешь, что такое щедрость Гая Юлия Вера Максимины! – и, понизив голос: – Ты понял, *лев* ?

– Да, – ответил Черепанов, тоже вполголоса, чтобы снаружи не слышали, – да, *Бегущий По Солнцу* , я тебя понял.

Глава шестая Анастасия Фока. Возвращение на родину

Четвертое августа девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Провинция Нижняя Мезия. Город Томы ³⁰

С борта боспорского судна с греческим названием «Любимец Посейдона» Анастасия смотрела на гавань римского города Томы. Настоящую римскую гавань, с башней маяка, длинными пирсами, корабельными сараями и волнозащитными стенами, укрывающими суда от непогоды. Смотрела на две либурны, ³¹ охранявшие вход в гавань, на сторожевые башни из аккуратных каменных блоков, на аккуратные дома, разделенные аккуратными линиями улиц. Она видела термы, и форум, и храм Нептуна, а за ним – круглое строение цирка. И фигурки людей в знакомой одежде.

Небольшая гавань и небольшой город, если сравнить с ее родной Антиохией Сирийской. Но все же настоящий *римский* город, *свой* ...

Как же все хорошо закончилось, подумала Анастасия. Она снова дома. И больше не будет варваров. Никаких варваров, кроме одного. Ее собственного.

Оба больших паруса были спущены. Судно, теряя скорость, скользило по зеленой воде. Опытный кормчий с идеальной точностью вывел корабль к самому началу пирса. Палубные перебросили через борт мешки с шерстью. Мягкий удар – и там, на причале, уже ловят концы, просмоленные канаты, подтягивают судно в пирсу.

Широкий крутой трап с веревочными перильцами соскользнул вниз.

Там, на пирсе, уже толпились портовые: носильщики, перекупщики, пара таможенных чиновников...

Анастасия знала, что ее Алексия здесь нет. Он ведь даже не знает, на каком корабле она приплывает. И все-таки искала его в толпе...

Капитан, боспорский грек из Феодосии, самолично помог ей сойти на берег. Затем двое палубных снесли ее сундуки и очень аккуратно поставили на каменный пирс.

Анастасия привлекла внимание многих. Не только потому, что красива. Она была одета как римлянка, причем богатая римлянка, даже ее прическа была безукоризненна. Но приплыла на варварском корабле. Одна.

Таможенники тоже глазели на нее. А капитан замешкался.

– Может, домна пожелает нанять носилки? Я могу послать... – предложил он, впервые назвав Анастасию *домной* , госпожой – на римский лад. – И поискать подходящее жилье: инсулу или дом?

– Нет. Носилок не нужно. Я хочу прогуляться пешком. И жилье искать тоже не нужно. Тут наверняка есть гостиница. Поручи своим людям доставить мои вещи туда. Я им заплачу.

– Нет нужды, – улыбнулся капитан. – Сам Фарсанз поручил мне позаботиться о тебе. Не нужно денег. Ты, ты и ты, берите вещи домны и проводите ее в «Морской Конек».

«Морской Конек» – небольшая, типично римская гостиница, состоящая из двух соединенных под прямым углом двухэтажных зданий, с квадратным двором, окруженным высокой кирпичной оградой. Посреди двора – чистого, вымощенного цветной плиткой, – маленький фонтан с бронзовыми нимфой и сатиром.

– Домне угодно взять комнату? – угодливый хозяин спешил Анастасии навстречу, с

³⁰ Томы – город на побережье Черного моря, ныне – Констанца.

³¹ Либурна – тип римского военного корабля.

безошибочностью истинного трактирщика распознав богатую гостью.

– Две. – Анастасия шагнула в тень портика. Ей, от природы смуглой, придется особо беречь лицо от солнца, чтобы обрести бледность, подобающую *госпоже*. – И пришли мне рабыню, умеющую укладывать волосы, делать массаж и умащивать благовониями. Мне нужна спутница в термах. Есть у тебя такая?

– Найдется. Домна желает посмотреть комнаты?

– Полагаюсь на тебя, – ответила Анастасия.

– Трапеза?

– Не сейчас. Пусть мне соберут легкий завтрак: хлеб, фрукты, фаршированные финики, кувшин мультсума. ³² Всё – в корзинку. Это я возьму с собой. Пусть мои вещи поднимут вверх... надеюсь, у тебя не воруют?

– Как можно, домна!

– Как тебя зовут?

– Публий, благородная госпожа. Позволено ли мне узнать, как к тебе обращаться?

– Домна Анастасия Фока.

Трактирщик наверняка осведомитель, но это, полагала Анастасия, не имеет значения. Алексей теперь – кентурион римской армии. Следовательно, Анастасия теперь – жена офицера-всадника. ³³ Так что ее прежнее положение и все, что она делала до сих пор, – в прошлом.

Анастасия улыбнулась и достала из кошелька золотой боспорской чеканки:

– Возьми. И займись делом. Я полчаса назад сошла с корабля и желаю поскорее смыть с себя соль.

– Бегу, домна.

Он махнул рукой сопровождающим Анастасию морякам: следуйте за мной – и исчез в доме.

А минутой позже рядом с Анастасией появился мальчик-раб с зонтом и самосской ³⁴ чашей, наполненной виноградными кистями.

– Хозяин прислал домне, – объявил он.

Анастасия улыбнулась. Да, это Рим. Здесь умеют проявить внимание. Не то что в варварских землях. Даже в романизированном Боспоре не могут сделать жизнь человека столь приятной и утонченной.

Сопровождавшие ее моряки спустились вниз, получили по сестерцию ³⁵ и вежливо попрощались.

Она присела на край фонтана. Мальчик встал у нее за спиной, прикрыл зонтом от солнца. В воде плавали толстенькие красные рыбки. Со стороны кухни пахло дымом и пряным гарумом. ³⁶

³² Мультсум – разбавленное вино с добавлением меда.

³³ Золотое кольцо кентуриона римской армии соответствовало всадническому и автоматически присоединяло его носителя к этому сословию.

³⁴ Самосской называли украшенную изображениями керамическую посуду красного цвета.

³⁵ Сестерций – в эту эпоху уже не серебряная, а бронзовая монета. Для удобства читателя: в Римской империи этого времени имели хождение следующие монеты: квадрант (медь), семис (медь, равен двум квадрантам), асс (медь, равен четырем квадрантам), дупоний (бронза, два асса, полсестерция), сестерций (бронза, четыре асса), денарий (серебро, по номиналу – около четырех граммов, равен четырем сестерциям), ауреи (золото, по номиналу – около восьми граммов, равен двадцати пяти денариям). Следует отметить, что в указанное время содержание серебра в денарии и золота в ауреи было существенно меньше номинала – инфляция.

³⁶ Гарум (ликвамен) – самый популярный римский соус, приготовлявшийся из рыбы, соли, пряностей и трав.

Ждать пришлось несколько дольше, чем предполагала Анастасия.

Трактирщик появился с корзинкой, но без служанки.

– Увы, домна! Не сумел найти потребную тебе женщину! Не сердись! И не сомневайся: в термах найдется кому тебе прислуживать. Вот он, – кивок на мальчишку-раба, – проводит тебя, а когда ты возвратишься, служанка уже будет тебя ожидать.

– Хорошо. – Анастасия поставила чашу на край фонтана и поднялась.

Мальчишка последовал за ней: в одной руке – корзина, в другой, вытянутой вверх, – зонт.

Термы! Анастасия уже предвкушала, как погрузится в сладкую прохладную воду бассейна, как будут скользить по спине ловкие руки рабыни, умащивая кожу...

– Анастасия Фока?

Вегилы! На один краткий миг сердце Анастасии упало. Она вновь ощутила себя шпионкой Империи, сознательно передававшей посланному ее легату лживые сведения... Анастасия знала, что за это полагается. Вот почему проклятый трактирщик так долго возился. Спешил донести. Возможно, ее имя было внесено в списки тех, о ком следовало немедленно доносить властям. Шпионка и предательница...

Анастасия поборола страх, выпрямилась гордо.

Она была шпионкой легата, но теперь она – жена кентуриона. Никто не посмеет...

– Да, это я!

– Ты последуешь с нами. Велено доставить тебя к эдилу.

«Чего я боюсь? – сказала себе женщина. – Поговорю с эдилом – и меня отпустят. Не те сейчас времена, чтобы гражданский чиновник посмел арестовать жену кентуриона».

Анастасия жестоко ошибалась. Для легата Марка, отправившего ее к варварам, для наместника Нижней Мезии Туллия Менофила она не была женой кентуриона. Она была и осталась шпионкой. И предательницей.

Мальчишка-раб стоял посреди улицы, пока матрона и уводившие ее вегилы не скрылись за поворотом, затем сложил ненужный более зонт, присел на обочину, поставил между колен корзинку и принялся с невероятной скоростью поглощать фаршированные финики, запивая их медовым вином. Через полчаса он уснул здесь же, на обочине. Перевернутая корзинка валялась рядом, а бронзовый кувшин из-под вина уже успели украсть. За кувшин мальчишку выдерут так, что он до следующего утра будет отлеживаться в конюшне, и, когда на постоялом дворе появится кентурион-Гастат, разыскивающий приплывшую вчера в город Томы домну Анастасию, мальчишка об этом не узнает и не сможет обменять на пару бронзовых монет информацию, которая стоит золота.

Что дела обстоят скверно, Анастасия поняла, когда в тюрьме у нее отняли деньги и золотые украшения. Она потребовала объяснить, за что ее арестовали, и ей показали табличку с оттиском печати эдила города Томы. Она потребовала юриста... и вегилов, и тюремщиков это очень развеселило. А когда Анастасия объявила, что является женой кентуриона... они развеселились еще больше, а декурион вегилов посоветовал ей не фантазировать. Им прекрасно известно, что прибыла она в одиночестве из города Херсона. А в Херсоне вот уже тридцать лет нет ни одного римского кентуриона. Это декурион знал точно, потому что его дед служил в шестой когорте первого италийского легиона, которая стояла в Херсоне во времена императора Коммода.³⁷ Еще при Септимии Севере³⁸ когорта эта была переведена в крепость Харакс, и с тех пор в Херсоне римского гарнизона нет.

Более Анастасию слушать не стали: заперли в одиночной камере, а ближе к полудню

³⁷ Коммод – римский император, правил с 180 по 192 год нашей эры.

³⁸ Септимий Север – римский император, правил с 193 по 211 год.

принесли плошку каши с рыбой, кувшин воды и восковую табличку со стилем.

– Приказ эдила, – сказал ей старший тюремщик, здоровенный волосатый фракиец с бородавкой на носу. – Опиши свою вину и назови тех, кто толкнул тебя на преступление. Советую тебе покаяться – или будет плохо.

Анастасия совету не последовала. Она была храброй женщиной. Возможно, слишком храброй, поэтому написала, что вины за собой не чувствует, законов империи не нарушала и непременно пожалуется мужу на произвол городских властей.

Таблички у нее забрали, и результат не заставил себя ждать.

Еще не успело стемнеть, как в ее камеру опять появился старший тюремщик. Кивнул своему помощнику, чтобы запер решетку снаружи, молча набросился на женщину и принялся рвать на ней столу. ³⁹

Анастасия не боялась мужчин, даже варваров, которые были намного страшнее тюремщика-фракийца. Анастасия была гетерой и понимала, что женщина должна принадлежать мужчине. Но она была гетерой, а не портовой шлюхой, потому всегда сама решала, достоин ли мужчина того, чтобы ему принадлежать. Да, она была даже наложницей варварского рикса Стайны, который был не более приятен, чем этот фракиец. Но Стайна все-таки был риксом, а не похотливой свиньей. Кроме того, сейчас Анастасия уже принадлежала мужчине. Мужчине, которого она выбрала сама и которому вряд ли понравилось бы, если бы Анастасия сейчас покорно раздвинула ноги. Тюремщик был намного сильнее ее, но охвачен похотью и уверен в том, что заключенная не посмеет сопротивляться...

Его вопль услышали даже снаружи, за толстыми стенами.

Когда в камеру ворвались стражники, старший тюремщик скрючился на полу, прикрыв руками гениталии, а Анастасия стояла у дальней стены, держа у своего горла нож фракийца.

– Только подойдите – и я себя убью, – пообещала она.

– Нет-нет, не трогать! – провыл с пола фракиец. – Ты, сучка, брось нож, хуже будет!

– Не будет! – Лицо ее покраснелось, глаза сверкали, длинные черные волосы – словно львиная грива. В этот миг она была прекрасна, как Минерва. ⁴⁰

Может быть, именно ее красота, а не угроза самоубийства остановила тюремщиков. В Империи умели ценить красоту. Даже чернь. Переняли у эллинов. Это варвары лепили безликие одинаковые горшки. Римский ремесленник непременно украшал свои изделия узором.

– Мы тебя не тронем, – прохрипел старший тюремщик. Помощник помог ему подняться и сесть на узкий лежак. – Клянусь гневом Нептуна!

– Пусть все поклонятся! – потребовала Анастасия. – Нептуном и Венерой!

Томы – портовый город. Здесь многие кормятся морем. Если не сами, то родственники. Здесь с гневом потрясателя морей не шутят. Да и с Венерой тоже. Особенно если дело касается именно Венериных радостей. Венера – богиня мстительная.

– Клянусь... клянусь... – пробормотали стражники.

Анастасия бросила нож, который тут же прибрали.

– Возьмите ее! – скомандовал толстый фракиец. – И бросьте в четвертую!

– Мы тебя не тронем, сучка, – морщась, прошипел он, когда женщину выводили из камеры. – Мы-то не тронем...

Смазанная маслом – от ржавчины – решетка-дверь закрылась за спиной Анастасии. С лязгом защелкнулся замок.

В этой камере воняло. Но в противоположной стене было прорезано узкое горизонтальное окно, сквозь которое сочился красноватый свет. Но толку от этого света

³⁹ Стола – римское женское платье, длинное, до лодыжек; надевалось поверх туники.

⁴⁰ Минерва (греч. Афина) – дочь Юпитера (Зевса), богиня-воительница.

было немного. Куча тряпья в углу. Лежаков нет, каменный пол присыпан подгнившей соломой.

«Могли и в яму бросить, – подумала Анастасия. – И в колодки заковать».

Она шагнула вперед – и тут куча тряпья в углу зашевелилась...

Куча в углу зашевелилась. Это оказалось не тряпье – человек. Два человека. Один приподнялся.

– О-о-о! – прогнусавил мужской голос. – Никак баба? Слышь, шишка, баба! – В голосе прорезались ликующие нотки.

Тут и второй сел. В полумраке Анастасия не могла их толком разглядеть, но ничего хорошего ожидать не приходилось.

Она быстро оглянулась. Старший тюремщик стоял в коридоре, опираясь на плечо помощника. Наблюдал, ухмыляясь. Поймав взгляд Анастасии, подмигнул:

– Честный человек слишком хорош для тебя, сучка? Ну так иди к дерьму! Дерьмо к дерьму!

Он хохотнул и вместе с помощником заковылял по коридору прочь.

Оба оборванца тут же встали и двинулись к женщине.

Анастасия прижала руку к груди, ощутила ладонью крестик, не золотой – медный и потому не отнятый тюремщиками.

«Иисус Христос, Отец Небесный, сохрани меня», – прошептала она умоляюще. И совсем другим голосом, громко, предупредила:

– Не подходить! Глаза выцарапаю!

Оборванцы остановились. Один – повыше, тощий, весь заросший черным диким волосом, другой – желтобородый. Галл?

– Дура! – сказал черный. – Не артачься. Хорошо будет. Глянь, какой у меня припище! – и задрал тунику. Набедренной повязки на оборванце не было. И воняло от него, как от старого козла.

– Оторву вместе с тестикулами! – посулила Анастасия.

– Ох напугала! – фыркнул черный. В его голосе слышался слабый сирийский акцент. Этим можно было воспользоваться.

«Прости меня, Господи», – мысленно покаялась Анастасия.

– Посмейте дотронуться до меня – и проклятие Кибелы-матери ⁴¹ и атаргаты всемогущей обрушится на вас! ⁴² – воскликнула она.

Черный остановился. Его приятель – тоже.

– Так нельзя, женщина! – не слишком уверенно проговорил желтобородый. – Давай по-хорошему, не то хуже будет. Кибела совсем не против, чтобы побаловаться...

– Рискни! – Анастасия выставила перед собой руки с согнутыми пальцами. – Глаза выцарапаю!

Она видела, что желтобородый трусит. Будь он один... но с двумя мужчинами ей не справиться.

Черный, впрочем, тоже колебался. Похоть боролась в нем с мистическим страхом. Он чувствовал, что перед ним – не простая женщина.

– Ладно, – сказал он. – Силой брать тебя не станем.

– Да ты что, шишка! – возмутился желтобородый.

– Заткнись! – Черный ухватил приятеля за руку, уволок в угол и что-то зашептал ему в ухо.

Анастасия медленно опустилась на пол. Но по-прежнему оставалась начеку.

⁴¹ Кибела «Великая мать богов» – фригийская богиня, весьма «суровая».

⁴² Атаргата – сирийская богиня. В Риме ее так и называли: Деа Сириа. В описываемое время была в Римской империи довольно популярна, как, впрочем, и многие другие «восточные» боги и богини.

Прошел час, еще один. Стемнело. Шишка встал. Помочился в желоб у стены, поглядел на Анастасию:

– Не передумала?

Она промолчала, и Шишка вернулся в угол.

Снаружи сменился караул: по коридору, с факелами, протопала стража.

Оборванцы невнятно шептались в темноте. Анастасия сидела, опираясь спиной на решетку. Здесь было не так темно, как в самой камере: в конце коридора была открыта дверь в караулку. Оттуда падал свет и доносились голоса двух тюремщиков.

Прошло еще два часа. Снова сменился караул...

Анастасия даже не заметила, как задремала.

...Очнулась она от воню. И тут же увидела над собой бородатое лицо Шишки. Анастасия не успела даже закричать. Ее мгновенно опрокинули на пол, зажали рот, разорвали ворот, полезли под тунику.

– Во, глянь! – желтобородый нашарил ее крестик.

– Так ты – христианка! – обрадовался он. – Глянь, Шишка! Она ж христианка! А проклятием Кибелы пугала, дурила нас!

– А? – Шишка, сдравший с женщины набедренную повязку, отвлекся, Анастасия дернула головой и изо всех сил вцепилась зубами в корявый палец.

Шишка взвыл, отдернул руку. Анастасия пронзительно закричала.

По коридору зацокали подкованные сандалии стражника. Свет факела упал на насильников и распластанную на полу женщину.

– А ну кыш! – гаркнул зычный голос.

Желтобородый отпрыгнул, а вот Шишка замешкался, и стражник не долго думая сунул горящий факел прямо ему в бороду.

Затрещали горящие волосы, Шишка заорал и откатился от решетки.

Факел приблизился к Анастасии, освещая ее. Сквозь пламя она разглядела тюремщика, вернее, не тюремщика – солдата. Легионера, судя по форме. Обычное дело: легионеры довольно часто несли службу в городах. Но для Анастасии это был еще один шанс.

– Помоги мне, воин, – негромко попросила она. – Мой муж отблагодарит тебя.

Факел отодвинулся.

– А кто твой муж? – спросил легионер.

– Кентурион-гастат в одиннадцатом Клавдиевом. Зовут Алексием, – сказала Анастасия, поднимаясь с пола.

– А не врешь? – усомнился легионер. – Я сам служил в первом фракийском, но мы с одиннадцатым два года в одном лагере стояли. И что-то не припоминаю кентуриона с таким именем.

– Он недавно стал кентурионом. Он – варвар.

– Ну допустим. – Сомнения в голосе легионера не убавилось. – кентурион-гастат, говоришь? Какой когорты?

– Второй.

– м-м-м... может быть. Слыхал, она понесла большие потери в прошлом году. Но как ты тут оказалась, если у тебя муж – кентурион?

– А я – из Боспора, эллинка. – Анастасия попыталась соединить разорванные Шишкой края туники. – Меня здесь не знают. И его – тоже. Я сняла комнату в гостинице и пошла в термы. По дороге меня схватили, отняли у меня деньги и бросили сюда.

К легионеру подошел второй стражник, в обычной форме.

– Врет! – заявил он. – Ее по личному приказу эдила взяли. Враки про мужа-кентуриона я уже слыхал.

Легионер еще раз посмотрел на Анастасию: видно было, что она ему нравится.

– А что – правда? – спросил он у своего напарника.

– А правда то, что она нашему старшему чуть тестикулы не оторвала! – засмеялся тюремщик. – Вот он ее к этим и сунул. Для науки.

– Мой муж – кентурион! – твердо произнесла Анастасия, хотя сердце ее сжималось от страха.

– Ну не знаю... – проворчал легионер. – Пусть эдил с тобой разбирается. Но ты пока не бойся. Они, – жест в сторону забившихся в угол оборванцев, – тебя больше не тронут. Или я их лично оскоплю. Вот этим самым! – Он похлопал по рукояти гладия. – Слышали меня? – Он повысил голос.

– Слышали, – буркнул из своего угла шишка. И желтобородый тоже что-то пробормотал.

– Вот так вот, – удовлетворенно изрек легионер и хлопнул своего напарника по плечу: – Пошли доиграем. Мой ход, не забыл?

– Ну сучка, – тут же злобно прошипел желтобородый. – Теперь – все. Как только этого сменят, мы тебя...

– погоди! – крикнула вслед легионеру Анастасия. – погоди, воин! Моего мужа ты можешь не знать, но может знаешь его командира – кентуриона Геннадия? Он – тоже из варваров! Его еще Черепом зовут!

Легионер, уже шагнувший через порог караулки, быстро обернулся.

– Ну-ка повтори! – произнес он. – Кто его командир?

– Кентурион Геннадий Павел. По прозвищу Череп. – И добавила на всякий случай: – Они с моим мужем родичи.

– Эй, Хрис! – крикнул его напарник. – Хватит всякую болтовню слушать. Ты играешь или нет?

Но легионер окрик проигнорировал.

– Черепа я знаю, – сказал воин. – Значит, он теперь – в одиннадцатом?

– Да. Принцепс.

– Славно! – Легионер явно обрадовался. – Мы все знали, что Череп далеко пойдет! Ну ежели твой муж у Черепа кентурион, так это другое дело! Эй, мешалка, давай сюда ключи!

– Да ты никак спятил? – изумился второй тюремщик, выглянувший из дверей. – Ничего я тебе не дам!

– Да ну? – Тон легионера мгновенно изменился, в нем отчетливо звякнула сталь. – Неужто не дашь? Ну-ка, ну-ка...

– Хрис, ты чего... – Тюремщик, похоже, испугался. – Ты чего это...

– Ключи! – Легионер перебросил копье в левую руку, а правую протянул напарнику. – Живо! Где это видано, чтобы жена кентуриона вместе с ворьем ночевала! Ключи! Ну!

Тюремщик с большой неохотой отстегнул от пояса ключи и протянул легионеру.

– Перед старшим сам оправдываться будешь, – буркнул он.

– Оправдаюсь, можешь не сомневаться!

Лязгнул отпираемый замок, гнусно закрипело железо.

– Выходи, женщина. До утра с нами посидишь. Не против?

– Ну ты и дурень, Хрис, – пробубнил второй тюремщик.

– Не нравится – проваливай во двор! – бросил легионер.

– Я? Во двор?..

На физиономии тюремщика выразилось мгновенное озарение.

– А-а-а, Хрис! Ах ты...

– Бери ключи и заткнись! – рявкнул легионер.

– Думает, я тебя вывел, чтобы помиловаться, – сказал воин Анастасии, когда его напарник ушел.

– Он ошибается? – осторожно спросила женщина.

– Сдается мне, ты сейчас более Морфею склонна послужить, чем Венере, – сказал легионер. – Мульсуму хочешь?

– Хочу. Но сначала... мне бы нужду справить. А то при этих... – Анастасия кивнула в сторону коридора.

– Понимаю. Это во дворе, увидишь. Иди, а я пока на стол собираю...

Ночь была темная, беззвездная. Тускло светились окошки караулки и будочки у ворот. Слышно было, как в будочке недовольно бубнит изгнанный Хрисом тюремщик. Стены у тюремного двора высокие, а вот ворота – железные, с поперечинами. Анастасия их хорошо рассмотрела, когда ее сюда привели. Перелезть через ворота (ленивые стражники ее не услышат) – и темнота города спрячет ее. Останется только найти своих, христиан... братья не выдадут, укроют...

Анастасия вздохнула. Нет, она так не поступит. Ради поверившего ей Хриса. Ради Алексия, которого могут призвать к ответу вместо нее. Нет, Анастасия знала, на что шла, когда писала лживые письма легату. Просто она надеялась, что ее простили. Амнистировали вместе с мужем и остальными варварами. Она ошиблась, и теперь придется отвечать.

Анастасия еще раз вздохнула и открыла дверь в караулку...

– ...А я вместе с Черепом в тюрьме сидел, – рассказывал Хрис. – Его Латиклавий заточил – за подстрекательство к бунту, а я кентуриона своего ударил. Только это все вранье было.

– Про кентуриона? – спросила Анастасия.

– Нет, про кентуриона – правда. Врезал я ему по морде, это верно. Про бунт – вранье. Вот Череп на другой день и выпустили. А меня – еще через день. Это, мне сказали, Череп постарался. Денег дал моему пилу⁴³ и попросил, чтобы перевели меня. Выручил меня Череп. А не то плохо бы мне пришлось. Так что я теперь не в легионе служу, а здесь, в гарнизонных. Жалованье, конечно, меньше, но жить можно.

– А я думала: ты легионер... – сказала Анастасия. От сытости и вина ее неудержимо клонило в сон. Глаза сами слипались.

– Нет. Только форма старая осталась. Хорошая форма...

Глава седьмая Алексей Коршунов, кентурион-гастат XI легиона

Двадцать седьмое июля (восемью днями ранее) девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Летний лагерь XI легиона

Месяц с хвостиком армейской муштры не доставили большого удовольствия бойцам Коршуновской кентурии. При том что Гай Ингенс, который лично занимался подготовкой обоих кентурий, не особо и гонял новобранцев: делал скидку на то, что половина германцев еще не восстановились от ранений, а десятка полтора только-только покинули лазарет. В числе последних был и Ахвизра, который пока не мог занять место в строю, но едва силы позволили, непременно присутствовал на всех занятиях и смотрел очень внимательно. Вообще после ранения лучший друг Агилмунда здорово изменился. Все они, недавние пленники римлян, побывали между жизнью и смертью, но Ахвизра задержался в «промежутке» несколько дольше остальных. Наверное, поэтому он стал смотреть на жизнь значительно серьезнее. А может, время пришло – сменить молодую бесшабашность на традиционную готскую рассудительность.

– Теперь я понимаю, почему ромляне нас бьют, – сказал он как-то Коршунову, когда они вчетвером: сам Коршунов, Ахвизра, Агилмунд и Сигисбарн – сидели у Коршуновской кентурионовской палатки. – Они – как муравьи. Каждый занимается своим делом: кто-то строит, кто-то охотится, кто-то дом защищает. А понадобится – охотник превратится в солдата, а солдат – в строителя.

– А разве у вас – не так? – Алексей был уверен, что именно у варваров каждый человек одновременно и воин, и землепашец, а в империи как раз наоборот.

Ахвизра покачал головой:

– У них нет разницы между войной и строительством. Они и воюют, как свои дороги строят. Кто камни тащит, кто землю копает, кто плитки подгоняет. И только главный знает,

⁴³ Пил – старший кентурион когорты.

как все вместе делать надо. Их главный большую мудрость накопить должен. Зато таких главных немного надо, а землю копать научиться просто. У нас же каждый может сам дорогу проложить, да что толку. Все равно римская дорога намного лучше получается. Потому римский порядок сильнее нашего, и бьют они нас.

– Мы их тоже били, – заметил Коршунов.

– Это потому, что ты, Аласейя, нас на римский лад перестроить пытался, – сказал Ахвизра. – Я это теперь понимаю, а раньше не понимал. Первый раз задумался, когда по твоему слову Диникея убил, а сейчас понял.

– Прав Ахвизра, – поддержал друга Агилмунд. – Римский закон сильнее нашего. Одно плохо: от вождя слишком много зависит. Хороший вождь – хорошая дорога будет. Плохой – плохая. А сами они вождя выбрать не могут, потому что не знают, каким должен быть вождь. А у нас любой знает.

– А Гай Ингенс – хороший вождь? – спросил Сигисбарн. – Он меня два раза палкой ударил. Хорошо ли – когда воина палкой бьют? Многим нашим это не нравится.

– Агилмунд, когда тебя учил, тоже палкой охаживал, – напомнил Коршунов. – Или у Агилмунда рука легче?

– Потяжелее, конечно (Ахвизра засмеялся), да Агилмунд – брат мне старший. Ему можно.

– А мне? – осведомился Коршунов.

– И тебе можно, – разрешил Сигисбарн, но при этом опасливо покосился на Коршуновский витис, словно опасался, что Алексей тут же опробует на нем свой «кентурионов жезл».

– Старший кентурион – хороший солдат, – сказал Агилмунд. – Зря бить не станет, так что ты, Сигисбарн, терпи. Это я тебе как старший брат велю. А что мне не нравится у ромлян, так это оружие ихнее. Щиты – еще ничего, а мечи и копья никуда не годятся. Железо совсем плохое.

– И обувь у них никудышная, – сказал Агилмунд. – В такой по дорогам ровным ходить можно, а все остальное – еще хуже. И Скулди то же говорит. Еще он говорит: надо к Гееннаху, то есть к принцепсу, – поправился он, – пойти: просить, чтобы наше оружие нам вернули. Что скажешь, Аласейя?

– Попросить можно, – ответил Коршунов. – А вот вернет ли – не знаю.

– Принцепс Гееннах, он всегда знает, чего хочет, – сказал Агилмунд. – Но мало кто знает, чего хочет принцепс Гееннах. Вы с ним, Аласейя, – одного племени, а совсем разные. Хотя ты сейчас на него похож становишься...

– Хочешь узнать, чего я хочу? – улыбнулся Коршунов. – Могу ответить. Я хочу, чтобы сюда скорее приехала моя тиви Анастасия. Но хотеть мне осталось недолго, потому что сегодня пришла мне весточка из Херсона: скоро уж моя Анастасия будет здесь. А вам всем – привет.

– От тиви твоей? – спросил Ахвизра.

– И от нее. И от Книвы.

Трое гревтунгов невероятно оживились.

– От Книвы? – Агилмунд даже привстал. – Значит, дошел Книва до Херсона!

– Дошел. И добычу нашу довез. И долги наши отдал: Крикше и Фарсанзу. Но добра еще много осталось. Очень рад Книва, что мы живы. Пришла им весть, что перебили нас всех римляне, только Книва в это и раньше не верил, так в письме написано.

Лица гревтунгов просветели. Добыча...

– Эх, – вздохнул Сигисбарн. – А если бы Гееннах нас не перехватил, сколько бы тогда у нас добра было!

– Это да, – поддержал младшего брата Агилмунд. – В Цекуле мы много взяли. Больше, чем раньше.

– Аласейе спасибо, – заметил Ахвизра. – Без него не взяли бы мы Цекулу. А ушли бы из Цекулы, когда Аласейя сказал, не догнал бы нас Гееннах. Надо было мне Диникея раньше

убить...

– Ничего, – сказал Коршунов. – Не горюйте. Будет у нас еще добыча. И золото. Много. Будьте уверены!

– Мы верим, – серьезно ответил Агилмунд. – А что Книва? Долго он в Херсоне будет? Надо бы ему добычу нашу в Бург свезти. Так надежнее.

– Уже везет, – сказал Коршунов. – Он письмо мое получил, когда уж отправляться собирался. Так что теперь его уже в Херсоне нет. Повез Книва добычу нашу в Бург. Только не в старый, а в новый: в тот, который этим летом Одохар строить начал.

– Это правильно, – сказал Агилмунд. – Там земля побогаче. И к морю ближе. Комозик два года назад тоже хотел поближе к морю сесть, да с боспорским царем не поладил.

– Ничего! Если все хорошо пойдет, скоро у нас будет в Боспоре свой царь! – сказал Коршунов.

«Только мне это уже не очень нужно, – подумал он. – Что такое боспорское царство? Мелкий сателлит Рима...»

– Из Боспора и к ромлянам поближе... – мечтательно протянул Ахвизра и подмигнул Агилмунду.

– На что это ты намекаешь? – возмутился Алексей. – Мы же теперь Риму служим!

– Теперь служим, а потом перестанем, – рассудительно произнес Агилмунд. – Вон Скулди тоже раньше ромлянам служил. Ты, Аласейя, не сердись, да только любому ясно: богаче ромлян никого нет, значит, и грабить их – лучше всего.

Трое гревтунгов переглянулись с полным пониманием.

«Сколько волка ни корми... – подумал Коршунов. – Только ничего у вас, ребята, не выйдет. Потому что теперь вы больше не свободные звери, а личные волки Генки Черепанова. И мои, конечно...»

Через три дня, после занятий, они со Скулди явились к палатке принцепса.

– Там? – спросил Коршунов у бенефектария, полировавшего толченым мелом Черепановские поножи.

– Там. Позвать?

Но Черепанов уже услышал.

– Давай заходи! – по-русски позвали из палатки.

Оба кентуриона вошли.

На столе перед принцепсом лежала куча исписанных глиняных пластин и восковых табличек. Местные документы. Алексей уже знал, что бюрократия в римской армии – почище, чем в российской. А дотошный Генка взял за правило все проверять лично...

– Садитесь, – сказал Черепанов и чиркнул что-то стилем на зеленом воске. – Говорите, чего надо.

– У нас тебе просьба, принцепс, – с каменным лицом произнес Скулди. – Нельзя ли, чтоб нам наше старое оружие вернули? А то эти ваши ромлянские железки, – он похлопал по ножнам гладия, – ими только хлеб резать.

Черепанов оторвался от таблички и посмотрел на Герула... и смотрел на него до тех пор, пока тот не опустил глаза, а тогда уж произнес ровным голосом:

– Ваше старое оружие вы получите. И сложите в свои сундуки. Потому что я хочу, чтобы вы все прошли полный курс римской военной науки. Старший кентурион Гай Ингенс лично вами занимается. Но не думайте, что это – честь. Просто вы сами: и ты, Скулди, хотя и служил раньше в ауксилариях, и тем более он, – кивок в сторону Коршунова, – такие же новобранцы. А я хочу, чтобы через два месяца вы все умели сражаться оружием легионера как подобает легионерам. Но свое оружие вы тоже получите, потому что я не намерен использовать вас как обычных легионеров. И как вспомогательные войска – тоже. Поэтому я забрал вас у префекта Трогуса и поставил под начало вашего собственного вождя.

– И как же ты намерен использовать нас, мой принцепс? – сразу оживился Герул.

– Узнаешь в свое время, гастат. А сейчас можешь идти. Алексей, останься.

– И как же ты намерен использовать нас, *мой* принцепс? – осведомился Коршунов,

когда они остались вдвоем.

Черепанов усмехнулся. Едва Скулди вышел, он сбросил маску высшего римского офицера, снова превратившись в старого Лехиного друга Генку.

– Использу, можешь не сомневаться! Грешно держать в обычных войсках ребят, которые способны скрытно пройти почти сотню миль по чужой густонаселенной земле.

– Разведка?

– Именно! Но две сотни парней мне мало. Я хотел бы, чтобы к следующей весне их у меня было не меньше полутысячи. Сумеешь организовать?

– Да хоть пять тысяч! – уверенно ответил Коршунов. – Правда, мне придется сплавать в Боспор и самому заняться вербовкой. Отпустишь?

– Без проблем. Тем более идея не моя – Максимиана. У него большие планы на будущее. Так что – чем больше людей ты приведешь, тем лучше... И тем выше будет твой собственный чин. Только мне нужны *качественные* бойцы, такие как твой Скулди, а не всякий сброд, учти это.

– Надо – значит, будут, – уверенно ответил Алексей. – Правда, пять тысяч таких, как Скулди, я тебе не приведу. Это товар штучный. Но качество – обещаю. Там, – он махнул рукой в сторону северо-запада, – я, Гена, в большом авторитете. А сейчас у меня к тебе просьба...

– Да?

– Мне надо уехать...

– В Боспор?

– Ближе. В Томы. На днях Настя моя туда приплывет, если все будет путем... – Коршунов постучал по деревянной раме кровати, на которой сидел. – Хочу ее сам встретить, а то мало ли... отпустишь?

– В Томы? Без вопросов. Недели тебе хватит?

– Пяти дней. Это же в шестидесяти милях.

– Я тебе даю неделю, – сказал Черепанов. – Если не уложишься – здешние суда – это не электрички, у них расписания нет, – разрешаю тебе ждать до дня Дианы. Это тринадцатое августа по-здешнему. Но дай мне знать. Годится?

– Замечательно.

– Когда отправляешься?

– Хотелось бы – послезавтра. Нормально?

– Да хоть завтра. Я тебе прямо сейчас пропуск выпишу...

Глава восьмая Закон и порядок в городе Томы

Ночь с четвертого на пятое августа девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Город Томы

– ...Так что я теперь не в легионе, – сказал Хрис и приложился к чаше. – Но и тут служить можно, так что я кентуриону Черепу – должен. Его здоровье! – Хрис приложился к чаше еще раз. – Эй, женщина, ты чего не пьешь? Или вино не сладкое... э-э-э... Да ты спишь!

Анастасия и впрямь спала, сидя, привалившись спиной к стене.

– Умаялась, – пробормотал солдат. – Сейчас мы тебя получше устроим...

Хрис осторожно поднял женщину, уложил на собственную постель.

– А ты красавица... – проговорил он, глядя на спящую. – Грудка – как у Наяды...

Некоторое время он смотрел на нее, потом отвернулся и пробормотал с ожесточением:

– Нет уж! Хрис не таков, чтобы на женщину соратника покуситься... Хрис – не то что некоторые... – Он снова приложился к вину и подумал: «Завтра на заре пошлю с почтарем весточку в лагерь одиннадцатого. Прямо Черепу и пошлю. Пусть знает, что Хрис добро помнит. А если соврала женщина? – Он покосился на спящую. – Ну, если соврала, значит, будет старине Хрису добрая порка». Что ж, не привыкать. И старый солдат снова

приложился к чаше.

* * *

Четвертое августа девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Город Томы

До Том Алексей добирался три дня. Он не очень спешил: даже если Настя приедет раньше, ничего страшного. Деньги у нее есть, Римская империя – ее родина. Отдохнет, пообщается с единоверцами... без него. Не то чтобы Коршунов недолюбливал здешних христиан, но какие-то они были не такие. Зашуганные, что ли... Не привык Коршунов к такому христианству. Ни соборов с куполами, ни икон в окладах, ни батюшек осанистых с кадилами, ни службы богатой, многоголосой... Как-то мелко все это было, как-то по-сектантски... Хотя в отличие от сектантов, с которыми Коршунов сталкивался *там*, глаза у этих христиан были вовсе не оловянные. Хорошие, живые глаза... и все равно – не то. Не церковь вселенская, а какая-то частная лавочка. Вдобавок на треть состоящая евреев (а может, и сирийцев, поди отличи), на треть – из высокомерных эллинов да на треть – из всякой непонятной шушеры. И все они постоянно между собой пререкались, вечно спорили, то бишь – дискутировали... а иной раз и дрались – некрасиво, неумело, с драньем бород, царапаньем и плеванием. В суть споров Коршунов не въезжал: знание языка не позволяло. Понимал только: вопросы муссировались исключительно теологические. Хотя, надо признать, и греческие-римские философы-язычники вели себя «чисто по жизни» во время диспутов не лучше. Но зато в здешнем язычестве чувствовалась основательность. Государственность. Гадания. Предсказания. Праздники опять-таки. Жрецы разукрашенные, шествия...

Вот и сейчас ехал Коршунов по хорошей римской дороге на спокойном гнедом мерине (весной надо будет сарматских скакунов привезти – и одного Генке подарить), думал о приятном, по сторонам глядел – и взгляд то и дело натывался на языческое зодчество. А ближе к городу, когда придорожное кладбище началось, что ни шаг, то какой-нибудь языческий божок. Скульптуры каменные и деревянные, барельефы. Все раскрашено ярко. Ничего общего с безликими серыми статуями в античных залах эрмитажа. Там – мертвые мрачные боги, здесь – живые, веселые... любят здесь красоту. Но ведь и места какие красивые: горы, море, солнце... и боги у них такие же. Тут мысли Коршунова снова вернулись к христианам. Вопросы вероисповедания его весьма беспокоили. Поскольку всякие эзотерические материи были для него не пустым вымыслом. Еще бы! После того как их с Генкой нечто сверхъестественное переметнуло через семнадцать с лишком веков. После таких пертурбаций начинаешь понимать, что Бог – это серьезно. М-да...

Нет, были у здешних христиан и очень неплохие обычаи. В Бога они верили неформально и заповеди воспринимали практически. Не крали, не убивали, жили скромно, а уж своих всегда привечали. Помогали при нужде и деньгами, и участием, невзирая на собственный скромный достаток. Хотя здесь, в Империи, может, и христиане другие. Коршунов был близко знаком только с херсонской общиной. Может быть, здесь иначе? Вот и Настя говорила, что у них в Антиохии христиане авторитетнее...

У ворот города Томы бдили стражники. Досматривали товары, взымали мыто... Коршунова это не касалось. Форма кентуриона была универсальным пропуском. Небрежно ответив на приветственный салют стражи, он миновал тень привратных башен и по узкой улочке спустился к гавани. Предстояло выяснить, пришел ли уже корабль из Боспора. И приплыла ли на нем женщина по имени Анастасия Фока. Если – да, то ему сообщат. Появление такой женщины, как его Настя, наверняка не прошло незамеченным. А если она уже здесь, то найти ее будет несложно. Обойти десяток местных гостиниц поприличнее, на крайний случай наведаться в ту же христианскую общину... Это по здешним канонам Томы – значительный город. А фактически – поселок с портом, окруженный крепостными стенами. Тысяч десять населения – и все всех знают.

Поначалу все шло прекрасно. Корабль уже пришел. Причем пришел как раз сегодня утром. Если бы Алексей немного поторопился, то встретил бы Настю прямо у трапа. Вот славно бы было! (Коршунов еще не знал, насколько это было бы славно.) Впрочем, и так все путем. Капитан судна был на борту и с большой охотой сообщил, что *домна* Анастасия доставлена в добром здравии и не далее как три часа назад по местному времени (то есть порядка пяти часов по времени астрономическому, прикинул Коршунов) вместе с багажом переправлена в гостиницу «Морской Конек». Сейчас капитан кликнет матроса, и тот проводит Коршунова туда...

Гостиница «Морской Конек» с первого взгляда произвела на Коршунова хорошее впечатление. Он уже достаточно насмотрелся на римские постоялые дворы, чтобы понять, что данное заведение по здешним меркам тянет минимум на четыре звезды.

Появление во дворе кентуриона не могло остаться незамеченным. Хозяин появился лично и немедленно:

– Чем могу служить?

– Анастасия Фока, моя жена... здесь? – Латынь Коршунова была еще далека от совершенства. Греческий – получше, но ненамного.

– О-о-о!... – щекастая физиономия трактирщика выразила смесь беспокойства и хитрости.

– В чем дело? – нахмурился Коршунов.

Трактирщик проблеял что-то невыразительное, изобразив лицом полное смятение чувств.

«Ах ты козел потный! – подумал Коршунов. – Рожи мне тут будет строить!»

– Я задал вопрос! – отчеканил он. – Где она? Здесь?

– Я-а-а... м-м-н-н-е-е... – проблеял хозяин «морского конька», напряженно размышляя, что делать.

Вид у кентуриона был весьма грозный, а выговор типично германский. И меч у пояса длинный, германский, а не обычный гладий. Варвар на службе Империи. Хуже не бывает.

Поначалу у трактирщика была мысль – соврать. Сказать, что не было здесь никакой Анастасии Фока. Но он вовремя вспомнил, что кентуриона привел моряк из тех, что сопровождали эту женщину. Сказать, что она переехала в другое место? М-м-м... страшно! А щеки варвара уже начали розоветь от гнева. Сейчас как рубанет...

– Где она?!

– Она была... была здесь. Имущество...

Собственно, из-за этого имущества трактирщик и колебался. Он уже успел заглянуть в тюки и сундуки, но еще не уполовинил их содержимого. Собственно, он надеялся присвоить кое-что ценное. А ценного было мно-ого! Если женщину осудят, все равно ее имущество достанется государству. То есть вегилам и чиновникам. А ее наверняка осудят...

Но этот кентурион! Такому не составит труда отволочь преступника к судье, ⁴⁴ а там... ничего хорошего. А такой, может, и к судье не потащит – зарубит на месте и уедет к себе в лагерь...

– Говори! – зарычал кентурион, сгребая в кулак тунику на груди трактирщика.

Тот, скосив глаза, увидел на золотом кольце кентуриона оттиск: воин со щитом, а вокруг надпись: «XI cl leg – II cog»...

– Ушла она, ушла. В термы! – поспешно проговорил трактирщик. – А имущество ее здесь! Здесь! Могу показать, если хочешь!

Пальцы кентуриона разжались.

– В термы? – Коршунов отпустил трактирщика. Что ж, это похоже на правду. В любом случае, это нетрудно проверить. Да и самому помыться с дороги не помешает. Алексей ухватился за «рога» седла и махнул прямо на коня. Без подпорок и стремян. Наловчился уже.

⁴⁴ По римским законам доставка ответчика в суд обеспечивалась истцом.

Чтобы найти здешние бани, Коршунову проводник не требовался. Бани в любом римском городке – это как большой клуб для всех сословий. Вход – медный грошик, пол-асса. Это в «общий класс». Там тоже неплохо: бассейны непременно не менее двух видов: горячий и холодный. Парная типа сауны... короче, Коршунов в здешних термах побывал и нашел их вполне приличными. Тем более что за отдельную плату можно получить и индивидуальные развлечения. Массаж там или выпить-закусить, девочку-мальчика – тоже без проблем. Но – дороже, чем в соседнем трактире. Забавно, что здесь тоже бывали «женские» и «мужские» дни. Точнее, не дни, а часы. Обычно первая половина дня – мужская, вторая – женская. Правда, опять-таки в «общем классе».

«Хм... А ведь уже за полдень, – подумал Коршунов. – Следовательно, женская часть дня – миновала. Значит, Насти в термах уже нет. Дорога в „Морской Конек“ одна. Значит, сейчас я ее встречу...»

Так, предвкушая, он не спеша ехал вверх по узкой улочке... и выехал к термам. Никого не встретив. Может, здесь вторая половина – женская?

Нет. У Коршунова было достаточно хорошее зрение, чтобы, несмотря на здешнюю платьеобразную одежду, разглядеть, что входят в здание исключительно мужики.

Он спешился, поручил мерина заботам мальчишки-раба и отправился внутрь, решив, что предстать перед любимой женщиной в поту и пыли – дурной тон. Настя – девушка взрослая. Не пропадет...

Алексей нанял еще двух рабов: одного – присматривать за вещами, второго – скрести спину. Мочалок здесь не признавали, равно как и мыла. Техника была такая: сначала тебя умащивали маслом, затем специальными скребками и щетками соскребали это масло вместе с грязью. Ну разумеется, для желающих массаж, маникюр и прочие удовольствия. Коршунов с толком вымылся, попарился и поплавал. Затем заказал легкого винца и порасспросил персонал: не видели ли они женщины, черноволосой, нездешней, только сегодня приплывшей в Томи. Определенного ответа Алексей не получил. Вроде были какие-то черноволосые иногородние... в целом соответствующие описанию. А может, и нет.

Короче, закончив с гигиеническими процедурами, Коршунов оделся, пообедал в харчевне напротив, не забыв и здесь поинтересоваться: не видели ли тут Насти? Нет, не видели. А здешние последователи Христа где обитают? А вот там и там. А зачем господину офицеру христиане? А это не ваше собачье дело. Ну да, ну да, не надо сердиться! Больше никаких вопросов, вакхом клянусь...

У христиан Анастасии не обнаружилось. И не было. Все еще не слишком обеспокоенный Коршунов вернулся в гостиницу... и забеспокоился всерьез.

Угодливый до отвращения трактирщик проводил его в снятую Настей комнату. Да, все верно. Вещи здесь. А ее самой – нет.

Что за черт?

Нервничающий и растерянный Коршунов отправился в здешнюю «полицию». Старший «дежурной смены» вегилов, только что принявший пост, ничего не знал. Но заверил, что порядок в городе – есть. И если бы с женой достойного кентуриона случилось что-то нехорошее, то об этом непременно стало бы известно. Или станет...

Тем временем стемнело. Коря себя за время, потерянное в термах, Коршунов вернулся в «Морской Конек». Искать что-либо в незнакомом ночном городе – бессмысленно.

Этой ночью Алексею спалось скверно, потому проснулся он поутру с тяжелой головой и мрачными мыслями. И совершенно не знал, что делать дальше.

Позавтракав, он хотел поговорить с хозяином «Конька»: может, подскажет что-нибудь, но хозяин куда-то пропал. Оставив коня в гостинице, Алексей отправился к вегилам. Там с ним разговаривали любезно, но ничего не знали и ничего предпринимать не собирались. Наверняка существовала какая-то специальная процедура вроде подачи заявления или жалобы. Но Коршунов этой процедуры не знал, а подсказывать ему никто не собирался. Также понятно. Из своего сравнительно небольшого опыта общения с правоохранительными органами в России Алексей вынес знание о том, что органы эти во главу угла ставят не

раскрытие преступлений, а минимализацию работы. Легко представить какого-нибудь инородного старлея, скверно говорящего по-русски, заявившегося в отдел милиции с заявлением, что пропала женщина, которую он намеревался встретить, но не встретил, а теперь вот не может найти. Тысяча против одного, что такому старлею даже не предложат написать заявление (сам-то он об этом не знает), а посоветуют подождать недельку. Глядишь, сама найдется... Но даже оформи он все по правилам, все равно никто палец о палец не ударит...

Может, денег им дать? Бли-ин... С этим тоже попасть можно. Взятка должностному лицу при исполнении...

Потеряв два часа впустую, раздосадованный и растерянный (давненько с ним такого не было) Коршунов отправился в местную мерию-курию, увидел какого-то клерка за столом:

– Salve, domine. Velum...da mihi veniam... ⁴⁵ qua via venio ad... ⁴⁶ cvestor... pretor...
47

Клерк пошевелил что-то под столом. Булькнуло.

– Non scio, domine. ⁴⁸

Упитанный чиновник, вдобавок завернутый в тогу, изнывал от жары. Въезжать в зубодробительную латынь Алексея у него не было никакого желания.

– Dic mihi... ⁴⁹ А, хрен с тобой, козел нерусский! – выругался Коршунов и вышел вон.

Впервые с тех пор, как его провозгласили вождем, он чувствовал себя таким беспомощным. Словно пацан какой-то.

«Дурак я, дурак! – корил он себя. – Надо было взять кого-нибудь с собой. Кого-нибудь, знакомого с местными порядками. Попросить у Генки сопровождающего...»

Но кто же знал?

«Я! Я должен был знать! – ругал себя Алексей. – На мундир, блин, понадеялся...»

И тут ему пришла в голову неглупая мысль. Христиане! Во, точно! Местная община! Они же, блин, своим всегда помогают! А все, что надо Коршунову, – это разобраться в ситуации. Деньги у него есть. И права наверняка есть. Так пусть ему подскажут, кого взять за кадык, а уж возьмет он сам!

Через полчаса Коршунов уже шел по знакомой улочке. Пастырь (здесь его называли старшиной) здешней христианской общины обитал в маленьком домике на окраине города. Вчера он разговаривал с Коршуновым весьма любезно и сам предложил помочь, если что. Вот пусть и поможет.

Старшину звали Еремой. Или что-то вроде того. Был он низенький, лысый, плотный. По специальности – плотник, что характерно. Жил бедновато, но гостя-единоверца встретил по-доброму. За стол усадил с домочадцами (как раз время обеда подоспело) и тем, что гость в ритуале ни ухом ни рылом, – тоже не смутился. Ясно же: кентурион. Тем более – из варваров. Прежде чем за стол усадить, руки гостю помыли. И ноги. Дочка хозяйская. А хозяин душу успокоил: объяснил кое-как, что есть у него знакомый юрист, а у того юриста – знакомый в курии. Узнают, что смогут. А затем уж вместе подумают, что можно для поиска сестры во Христе сделать.

⁴⁵ Здравствуйте, господин. Я хотел бы... Извините... (лат.).

⁴⁶ Как мне добраться (точнее, «как мне пройти»)... (лат.).

⁴⁷ Квестор – римское должностное лицо, занимался финансами. Претор – римское должностное лицо, верховный судья. Для провинциального городка – слишком крупные должности. Все равно что спросить где-нибудь в Томске, как пройти к генпрокурору.

⁴⁸ Не знаю, господин (лат.).

⁴⁹ Скажите мне... (лат.).

Спокойно было в этом доме. Приятно. Сам хозяин как бы немного не от мира сего, зато супруга, сразу видно, женщина основательная. Все хозяйство на ней. Детей четверо, еще бабулька лет семидесяти. Небольшая семья, домик хоть и маленький, но уютный. Давно уж Алексей таких не видел. У готов семья – целый табор. А дом... последним его домом было поместье под Херсоном. Не дом – *здание*. Напомнило Коршунову Еремино семейство мир, в котором Алексей родился, мир его детства, когда семья – маленькая уютная ячейка общества.

И Коршунов, впервые за сутки, тоже успокоился. Расслабился немного. И впрямь все в руках Божьих. Помолиться надо – и все будет хорошо.

Пообедали. Хозяин ушел – заниматься Коршуновскими делами. Южное солнце ползло вверх по небу, а кентурион Алексей Виктор сидел в тени, на скамеечке, глазел на бродящих по двору гусей и размышлял о душе. Даже о Насте думать перестал. Все наладится, образуется...

Наладилось.

В калитку шмыгнул некто в фиолетовой тунике, зыркнул на Коршунова и исчез в доме. Алексей прислушался. Некто что-то тататорил, ничего не понять. Жена Еремы отвечала междометиями и невнятными возгласами. Коршунов слышал их через окошко, понимал только отдельные слова... но общий тон разговора ему не понравился. И не зря. Пяти минут не прошло, как супруга Еремы-плотника появилась во дворе. И сразу принялась выпихивать Коршунова за ворота.

Алексей так вот запросто выпихнуть себя не дал.

– В чем дело? Ну-ка объясни толком! – потребовал он.

Женщина попыталась объяснить. На жуткой смеси греческого и латыни, все более волнуясь...

Алексей понимал с пятого на десятое, но суть уловил. Не хочет семейство Еремы больше с Коршуновым дела иметь. Потому что будут у них и у всей общины из-за Коршунова и женщины его большие неприятности. Всех их могут наказать, даже казнить могут. Здесь, в Томах, и так христиан очень сильно обижают... бедняжка чуть не плакала: «Уходи, добрый человек! Уходи скоро! И из города уходи тоже! И женщину свою не ищи! Плохо будет! *Pessime!*.. 50 »

И Алексей ушел. Решил: помощи ему тут не получить. Маленькие люди, вдобавок зашуганные. И понятно почему. Наслушался от Насти, как тут с христианами обращаются. Чуть где засуха, пожар, знамение недоброе или иной непорядок, христиане всегда в крайних. Рим, который охотно принимал всех богов – что добрых, что ужасных, – всепрощающего Христа принимать отказывался. Слишком далек от вещного мира. Непонятен. Чужд. И властям, и народу. Меньше века пройдет – и пошатнется языческая империя. И тогда поднимется из скромных первохристианских общин церковь. И укрепит великий Рим. Ненадолго, если смотреть в историческом масштабе. Империя все равно развалится. И церковь единая тоже распадется. Но и разделившись, останется крепка и победительна. Падут языческие храмы, а на фундаментах их встанут церкви и соборы, рождая основу новой, священной Римской империи. И будут наследники престола Святого Петра из роскошного Ватикана править этой Империей, коронуя светских властителей и по-светски воюя с ними за блага мира сего. Только это будут совсем другие христиане...

Алексей ушел, не дождавшись хозяина. И впрямь – не драться же ему с женщиной, матерью, оберегающей своих детей от гнева власть предержащих.

А хозяин, вернувшись домой и узнав, как и почему выставили единоверца, сначала рассердился немного на жену, но быстро успокоился, решив: на все воля Божия. Коль захочет Бог, чтобы Ерема, рискуя собой и близкими, помог хоть и чужим, но единоверцам, – вернется странный кентурион.

Глава девятая Закон и порядок (продолжение)

Пятое августа девятьсот восемьдесят седьмого года от основания Рима. Город Томы

Старший тюремщик появился сразу после рассвета. Жил он поблизости, и узнать ему не терпелось, как «приласкали» строптивую заключенную.

Каково же было его удивление, когда он обнаружил преступницу спокойно спящей в караулке.

От удивления он даже дар речи потерял.

Хриса к этому времени в караулке уже не было. Сменился. Но строго предупредил «сменщика» – бабу не трогать. Если что – будут иметь дело с ним. Репутация у Хриса была серьезная. Настоящий опытный легионер выделялся среди прочих городских стражников, как боевой пес – среди дворовых шавок. Такой, выслужив он полную отставку, с легкостью мог бы стать даже не опционом, а повыше. Но все, включая гарнизонное начальство, знали, что из легиона Хрису пришлось уйти вследствие буйного нрава. Поэтому не поставили его опционом, взяли рядовым стражником.

Когда у старшего тюремщика восстановилась способность говорить, он потребовал объяснений. И выслушав, уверился, что бывший легионер получил от заключенной то, в чем ему самому было отказано. Старший тюремщик немного обиделся. Но подумал, что свое он еще возьмет.

Анастасия, скромно сидевшая в уголке, в беседу не вмешивалась и оспаривать ничего не стала. Ее препроводили в камеру, снова – в одиночную, принесли скудный завтрак и оставили в покое. Анастасия ждала, что ее вызовут к эдилу и предъявят официальное обвинение, но этого не произошло. Тем не менее женщина понимала, что положение ее – скверное. Ее будут судить и, скорее всего, казнят. Состоится ли суд здесь, в Томах, или ее повезут в Маркионополь – результат один. В столицу провинции ее отвезут, если легат Марк Аврелий захочет с ней поговорить. Возможно, в этом случае у Анастасии появится какой-то шанс... нет, не появится. Марк Аврелий не из тех, кто прощает. И Алексей ей не поможет. Легат провинции даже слушать не станет какого-то младшего кентуриона. Более того, заступничество Алексея может дорого обойтись ему самому. Император принял на службу варвара, забыв о его прошлом. Но римский закон иногда выше императора... нет, решила Анастасия, она не должна более вспоминать об Алексии. И говорить о том, что она – жена кентуриона. Отныне только Бог – ее заступник...

Поэтому, когда ей вторично принесли стило и таблички, Анастасия уператься не стала: призналась в том, что сочиняла фальшивые донесения. Но Алексия упоминать не стала: всю вину взяла на себя. Обосновала тем, что боялась мести варваров.

Таблички с признаниями унесли... и ничего не произошло. Анастасию как будто забыли...

Нет, ее не забыли. Старший тюремщик, очень довольный тем, что заключенная «сломалась», немедленно понес таблички эдилу. Но эдила в курии не было. Он отличался не слишком хорошим здоровьем, а вчера позволил себе некоторые излишества. Потому вследствие серьезного недомогания эдил вынужден был пренебречь служебными обязанностями. Тюремщик мог бы отдать таблички замещавшему эдила чиновнику, но не отдал. Потому что в этом случае и заслуга бы досталась не ему, а чиновнику. Так что тюремщик ушел, унеся с собой признание Анастасии и размышляя о том, что отсутствие эдила – к лучшему. Теперь заключенная останется на его попечении еще одну ночь, и у него появился еще один шанс с ней позабавиться. Не посмеет сучка снова отказать ему, старшему тюремщику, после того, как уступила простому солдату...

А простой солдат Хрис с рассвета безмятежно спал в своей инсуле. Правда, обещание, данное самому себе, он исполнил еще до рассвета: на куске папируса написал письмо принцепсу одиннадцатого легиона и отнес его декуриону императорской почты. А чтобы тот отправил письмо экстренно, а не с оказией, Хрис с другого документа аккуратно срезал

восковую печать начальника гарнизона Том. За такую подделку полагалось очень серьезное наказание, но Хрис был уверен: даже если заключенная все наврала, кентурион Череп все равно его не выдаст.

Бывший легионер был прав. Принцепс Геннадий не выдал бы его в любом случае. Прицепс Геннадий никогда не сдавал тех, кто ему доверился. А если считал, что кого-то следует наказать, то наказывал сам. Быстро и решительно. Летчик-космонавт Геннадий всегда действовал быстро и решительно. Работа такая. И, став принцепсом Геннадием, натуре своей он не изменил.

Глава десятая Преступление и наказание с точки зрения римского права

Коршунов вернулся в гостиницу. Настроение было препохабнейшее. Очень хотелось кого-нибудь убить. Или завывать волком. Час назад он, в совершенно расстроенных чувствах, написал письмо Черепанову. С просьбой прислать кого-нибудь, разбирающегося в местных порядках. Римская почта работала исправно – его заверили, что не позднее завтрашнего вечера письмо будет доставлено адресату. Следовательно... следовательно, пройдет минимум четыре дня, прежде чем здесь появится человек, способный сориентировать Алексея.

Четыре дня... надо что-то делать... но делать ничего не хотелось. Разве что – напиться. Но здешним компотом разве напьешься?

Коршунов начал было разбирать Настины вещи: может, хоть какая-то подсказка... бросил. Бесплезно.

Не раздеваясь, он упал на постель, уткнулся лицом в покрывало и замычал от ощущения бессилия...

Старший тюремщик послал подчиненного: узнать, не появился ли эдил? Нет, не появился. Но – ждут. Может, после шестого часа...

Старший тюремщик велел узнать, чем занимается заключенная.

Спит, доложили ему. Пускай спит. Нынче у нее будет трудная ночь. Старший тюремщик пощупал гениталии: вроде не болит ничего... Ах сучка! «Отдеру ее сам, потом ребятам отдам, – мстительно подумал тюремщик. – Запомнит, сучка, как на государственного человека руку поднимать!»

Анастасия не спала. Ее измучило ожидание. Скорее бы уж все кончилось. Скорее бы...

За обширным столом, заваленным пергаменами и табличками, в дорогом просторном кресле с высокой резной спинкой восседал эдил города Тома. Будучи не слишком крупным мужчиной, хотя и из хорошего всаднического рода, эдил тем не менее изрядно возвышался над поверхностью стола, так как под ягодицы его была подложена специальная подушка. Эдил страдал геморроем.

Кроме эдила в помещении находились положенные ему по рангу шестеро ликторов, два чиновника, коих он инструктировал на предмет изъятия ценностей у уличенного в жульничестве ювелира, и два вегила, которым было приказано обеспечить безопасность чиновников в этом деле. Ювелир был родом из Дакии, а от этих потомков варваров всего можно ожидать.

Эдил предпочел бы в этот послеполуденный час отдыхать у бассейна в прохладном атриуме, но дела, дела... дело ювелира, которое нельзя вот так запросто доверить подчиненным. Так же как дело этой бабы из парфии, за которую вполне можно получить личную благодарность наместника провинции. Эдилу доложили, что старший тюремщик уже был здесь, но ничего не передавал. Значит, добился каких-то результатов и желает сам доложить. Эдил подумал: не послать ли за ним? Не послал. Чтоб не возомнил лишнее. Сам прибежит.

Эдил поморщился, пытаясь удобнее уместить многострадальную задницу. Ничуть не

помогает эта сирийская мазь. И жертва эскулапу ⁵¹ тоже не помогла... а с этой, из Боспора, все не так просто. Если и впрямь она замужем за кентурионом, то тут открываются большие возможности. В послании наместника сказано: «Преступление против Рима и августов». И указание: арестовать и немедленно препроводить в столицу. А про кентуриона и словом не упомянуто. А если в преступлении замешан муж этой бабы? Как говорится, где вагина, ⁵² там и гладий... а в армии сейчас неспокойно. Особенно в Данубийских легионах. Не любят здесь Августа и особенно Августу (да живут они вечно!) После парфянской войны... если в преступлении замешан армейский офицер, то это уже смахивает на заговор... от сладкого предчувствия даже боль как-то уменьшилась. Если ему удастся раскрыть заговор против императора...

Эдил молчал. Подчиненные смиренно ждали. А за высокими двустворчатыми дверями, в приемной, еще более покорно ожидали желающие подать жалобу или прошение. Их примут в порядке очереди... если у эдила найдется свободное время. В любом случае просителям и жалобщикам полагалось смиренно ждать, пока высокопоставленный чиновник занят делами государственного значения...

Внизу, во дворе, раздался шум: зацокали копыта, заржала лошадь, чей-то начальственный голос потребовал хозяина...

«Новые постояльцы приехали...» – подумал Коршунов, но так и остался лежать. Какая разница...

Новый рык, звук оплеухи...

«Шумные, однако, гости...» – возникла отстраненная мысль, ничуть не изменившая общего настроения Алексея.

Застучали по лестнице, потом – по деревянному полу галереи подкованные подошвы...

«Человека три-четыре, – чисто механически, на слух определил Коршунов. – В калигах». Легионеры или вегины... вегины!!!

В следующий миг Коршунов вскочил с кровати... но незапертая дверь уже распахнулась, и в комнату ввалился...

– Ёш твою мать! – по-русски выругался принцепс Геннадий Павел, останавливаясь на пороге. – Мы, блядь, летим сюда, хренову тучу коней загнали! А ты, разтак-разэта, едри тебя поперек и вдоль, харю давишь!

Алексей так и застыл, с открытым ртом, с рукой, не дотянувшейся до меча, с красными полосками от складок покрывала, отпечатавшимися на щеке.

– Что челюсть отвесил, ёш твою двадцать! – прорычал Черепанов, шагнув внутрь. – Рикс, бля! Как ты своими скифами командовал, ума не приложу! Подобрал слюни, встал и доложил обстановку!

– Генка-а... – проговорил Коршунов, улыбаясь во все тридцать два зуба. – Ты... как ты успел... я ж тебе только три часа назад письмо отправил... сказали, ты его только завтра получишь...

– Жопа ты с ручкой! – прорычал Черепанов. – без тебя нашлись... проворнее и толковее... Луций! Квинт! Вышли и закрыли дверь! – гаркнул он по-латыни. – Никого не пускать!

Младший кентурион Луций Ингенс, сунувшийся было за командиром, тут же отыграл назад. Дверь захлопнулась, и можно было не сомневаться: теперь без приглашения в эту дверь не войдет никто.

– Ты что ж, муило, сразу мне не сообщил? – Черепанов грозно глянул на Алексея.

– Ну я... – промямлил Коршунов. – Я же не знал...

– Что ты не знал? Здесь тебе не твоя Скифия! Здесь, мать твою, баб просто так не

⁵¹ Эскулап – бог-покровитель медицины.

⁵² Вагина – в данном случае – ножны.

воруют! Письмо небось обычной почтой отправил?

– А как надо было?

– Срочной! Императорской! Ты, бля, офицер армии Рима! Все, что тебя касается, касается армии Рима! Ясно?

– Ну откуда ж я знал...

– Думать надо, бля! Мозги, бля, подключать!

– Ну-у...

Несмотря на то что командир был нешуточно сердит, Алексей испытывал невероятное облегчение. Генка здесь. Теперь все будет в порядке. Найдется Настенька...

– Хорош лыбиться, космонавт-исследователь! – рявкнул Черепанов, совершенно правильно угадав его настроение. – Ты – в жопе, понял! А баба твоя – под арестом. Ну-ка выкладывай, что вы тут успели накуролесить?

– Мы?! – возмутился Коршунов.

– Ну не я же! Выкладывай!

Рассказ занял не больше пятнадцати минут. Но еще в самом начале Черепанов Алексея прервал.

– Луций! Найди мне здешнего хозяина и за яйца тащи сюда! – велел принцепс Ингенсу-младшему. – Ждать за дверью, пока не позову.

Особенно подробно Черепанов слушал про то, как Коршунов общался с Ереминой женой. Было заметно, что данный эпизод ему совсем не понравился.

– Ладно, – сказал он, когда Алексей закончил. – Ясно, что дело не в тебе, а в Анастасии твоей. Что мы знаем? Арестовали ее по приказу эдила. Эдил здесь – большущая шишка. Типа начальника РУВД и главного прокурора в одном лице. И повод для ареста, как можно догадаться, явно нешуточный. Да ты не ссы, рикс! – усмехнулся он, заметил, как сразу потемнел лицом Коршунов. – Мы – тоже не последние люди в этом мире! Прорвемся! Луций! – гаркнул он, повысив голос. – Давай сюда хозяина!

Младший кентурион втолкнул в комнату порядком перепуганного владельца «Морского Конька»... И Черепанов с ходу вмазал ему по морде. А следующим движением вытянул из ножен меч и приблизил к носу ошеломленного домовладельца.

– У тебя ровно минута, чтобы рассказать мне все, что ты знаешь о жене этого воина, – процедил принцепс, кивнув в сторону Коршунова. – Говори!

Они ехали цепочкой по узкой улочке. Прохожие жались к стенам. Какой-то зеленщик не успел вовремя прибрать свою тележку – ехавший впереди Луций Ингенс спихнул ее в сточную канаву, а самого зеленщика перетянул хлыстом. Зеленщик пожелал обидчику нырнуть в нужник. Легионер, ехавший за Коршуновым, легонько пихнул зеленщика ногой в лоб – и тот кувыркнулся в канаву вслед за своим имуществом. Остальные солдаты контуберния ⁵³ засмеялись.

– Тихо! – рыкнул Черепанов. – Не в лупанарии!

У знакомых ворот остановились. Коршунов заглянул поверх забора. По двору так же бродили гуси. Младший сынок Еремы, чистивший котелок, прервал свое занятие. При виде аж трех кентурионовских гребней выпучил глаза и уронил котелок.

– Эй, хозяин! – крикнул Коршунов.

Ерема тут же, словно ждал за дверью, выкатился во двор, замельтешил, отпирая ворота.

Черепанов скомандовал: легионеры тут же распределились, замыкая оба конца улочки. Во двор въехали только Черепанов с Коршуновым.

– Ну, брат во Христе, – произнес Черепанов, спешиваясь, – выкладывай!

Спустя полчаса они уже подъезжали к форуму: Тома – небольшой город, а рассказ Еремы оказался довольно лаконичен. Знакомый юрист (не христианин, но сочувствующий)

⁵³ Контуберний – минимальное подразделение римской армии, жившее в одной палатке и питавшееся из одного котла. Обычно в контубернии восемь человек.

сумел выяснить, что Анастасию задержали не просто так, а по особому распоряжению аж наместника провинции Нижняя Мезия. С формулировкой: «За преступление против Рима и августов». Так что испуг Ереминой супруги можно было понять. Хотя Александр Север и считался «добрым» августом, но в Империи казнили и за меньшее.

– Скверно, очень скверно! – резюмировал Черепанов. – Если эдил упрется, а он упрется наверняка, добром нам твою Настю не вытащить.

– А если силой? – предложил Коршунов. – Нас здесь одиннадцать бойцов...

– Уймись! – осадил его Черепанов. – Ты не в лесу со своими варварами. Это государство! И все, что ты делаешь, должно быть продумано. Иначе и жену свою не спасешь, и себя подведешь под монастырь. Да и меня заодно. Не говоря уже о том, что в здешнем гарнизоне не менее пятисот человек. Не считая вегилов и ополчения. Так что для захвата города нас маловато.

– Но нам же не город захватывать – только местную тюрьму! – возразил Коршунов.

– Все-таки я вовремя приехал, – сказал Геннадий. – Не то, я чувствую, ты отправился бы штурмовать тюрьму в одиночку. И сидел бы сейчас по соседству со своей дамой. Ты, Леха, недопонимаешь. Здесь все повязаны. Окажись ты втянут в грязную историю, и пиши пропало. Даже фракиец тебя не отмажет. Да он и сам окажется под ударом. Ты, его офицер, выступил против наместника провинции. Здешние интриганы из этого мигом дело о заговоре состряпают. Даже если ты захватишь тюрьму и освободишь свою женщину, что дальше? Увезешь ее в лагерь? Чтобы там вас повязали по новой, и уже навсегда?

– Я могу уплыть с ней обратно в Херсон, – буркнул Коршунов.

– Тогда повяжут меня, – сказал Черепанов.

– И что теперь делать? Лапки кверху?

Блин! Он так надеялся на Генкину помощь!..

– Не дуйся! – сказал подполковник, в очередной раз угадав его мысли. – Вытащим твою Настю. Обязательно вытащим, хотя бы потому, что от нее ниточка к тебе потянется. А что она наговорит, это даже здешним Богам неизвестно. Вернее, ведомо. Что ей скажут, то и наговорит.

– Анастасия меня не предаст! – заявил Коршунов.

– Дурак! – Черепанов рассердился. – В умелых руках даже я соловьем запою! Язык развязать кому угодно можно. Это только вопрос времени и профессионализма палача. Здесь о правах человека слухом не слыхали. Неужели ты с этим аспектом местной жизни еще не сталкивался, рикс варваров Аласея?

– Сталкивался, – мрачно кивнул Коршунов. – Но ты же сам сказал: здесь не варварский лес, а правовое государство!

– Угу. Только права у всех разные. И у нас с тобой они тоже не маленькие. Поэтому тюрьму штурмом брать мы не будем. Программа такая: взять штурмом местного эдила.

Глава одиннадцатая Римское право: понятия и авторитеты

Если высокопоставленный государственный чиновник ⁵⁴ занят делами, то простым гражданам, тем более – рассчитывающим на содействие этого самого чиновника, следует вести себя скромно и подобострастно. Поэтому когда снаружи, у входа в курию, раздался шум и кто-то даже закричал, эдил покосился на дверь, нахмурился и уже открыл рот, чтобы дать указание вегилам выкинуть нарушителей спокойствия из здания...

Но тут дверь с треском распахнулась – и пухлая физиономия эдила сморщилась в болезненной гримасе. На пороге, во всей своей красе, в жезлом в руках, в золоченых доспехах, увенчанных роскошным алым гребнем, стоял принцепс одиннадцатого легиона

⁵⁴ Вообще-то должность эдила была выборной, но выборы, как всем нам известно, в империях определяются исключительно финансовыми возможностями избираемого и его связями с вышестоящими лидерами.

Геннадий Павел по прозвищу Череп. Эдил видел его только однажды на приеме в Маркионополе, но сразу узнал. Этот принцепс в Мезии был известен поболее иного легата. Особенно после весенних событий. За спиной принцепса теснились легионеры в по-боевому надвинутых шлемах и с обнаженными гладиями, которыми (работая, впрочем, исключительно плашмя) легионеры только что расчищали дорогу своему командиру. Принцепс окинул грозным взглядом просторное помещение, ликторов, самого эдила, двух чиновников рангом помельче, шестерых вегилов... Принцепс поднял руку с зажатым в ней витисом, направил его на эдила и рывкнул:

– Ты! Останься! Остальные – вон!

Легионеры потеснились, пропуская перепуганных чиновников, «полицейских»-вегилов, ликторов с фашинами и топориками...

Выражение лица принцепса было таково, что никто, включая ошарашенного эдила, даже рта открыть не посмел.

– Двери закрыть! Никого не пускать! – рыкнул принцепс.

Створки с грохотом затворились, принцепс десятью стремительными шагами покрыл расстояние между дверью и широченным столом, за которым восседал эдил, смахнул виноградной тростью «мусор» со стола, затем упер ее конец в грудь эдила.

– Ты! – рывкнул принцепс так, что эхо прокатилось по углам. – Ты! Козье вымя! Что ты сделал?!

– А что я сделал? – пискнул важный чиновник, в этот момент забывший о том, что он – важный чиновник, римский всадник и так далее, а помнивший только то, что принцепс, стоящий перед ним, не просто принцепс, а сам свирепый Череп, гроза варваров, «спаситель провинции», любимчик еще более свирепого Максимиана...

– Что я сделал? – Чиновник скорчился в кресле, вдруг ставшем невероятно просторным, вжался в спинку...

– Ты уничтожил свой город, идиот! – прорычал первый кентурион. – Тебя распять мало! Завтра здесь будет пять тысяч варваров, ты, ослиное дерьмо! Они придут за тобой, мерзавец! И поделом тебе! Но знаешь ли ты, что такое пять тысяч варваров – в городе? Ты знаешь?!

– Я? Нет... – промямлил в полном замешательстве эдил. – Я ничего такого не сделал!

– Ты сделал! – Рык принцепса вновь сотряс стены и потолок. – Ты! Оскорбил их рикса!

– Но я... ничего такого... я, Юпитером клянусь, матерью Юноной, никогда... никогда даже не видел... в глаза не видел никакого рикса варваров... ты ошибся, достойный принцепс!

– Я никогда не ошибаюсь! – Виноградная трость уткнулась в подбородок эдила, отбросив его голову к спинке кресла. Затылок эдила с глухим стуком ударился о дерево.

– Ты – ничтожество! Позор своей семьи!..

Перед глазами эдила плыло и двоилось. Страшное оскалившееся лицо кентуриона нависало над ним, словно разгневанный лик самого Марса.

Измученный анус эдила ослабел, и по комнате поплыл нехороший запах.

– Ты виноват! – прорычал принцепс. – Ты! Вчера! Арестовал! Жену! Самого рикса Аласеи!

– Я-а-а... не-ет... – заблеял эдил. – Ка-акую жену...

– Анастасия Фока! – рывкнул страшный принцепс. – Ты арестовал ее!

– Эта?! – воскликнул эдил. От удивления он даже бояться почти перестал. – Я тут ни при чем! Указ наместника Туллия!

– Покажи! – потребовал принцепс.

– Сейчас, сейчас... – Эдил закопошился в ящике, вытянул нужный документ: – Вот!

Принцепс выхватил папирус с красным оттиском, прочитал...

– Да, – произнес он, несколько смягчившись. – Но тебя это не спасет.

– Почему? – воскликнул эдил.

– Посмотри на дату: пятое мая. Пятого мая муж Анастасии Фока, рикс варваров

Аласейя, грабил твою провинцию. Я разбил его... Ты, верно, слышал об этом? (Эдил быстро-быстро закивал.) Разбил и, согласно воле нашего августа, принял на имперскую службу. И теперь рикс Аласейя – кентурион римской армии. И он пожелал, чтобы его жена была с ним. А ты ее арестовал!

– Но приказ наместника... – попытался возразить эдил.

– Рикс Аласейя узнал об этом, – проигнорировал жалкую попытку Геннадий Павел. – И очень разгневался. Он заявил, что не желает служить императору, который пытается отнять у него жену. Поэтому он более не кентурион, а его воины – не солдаты Рима. Аласейя уже послал гонца за своими людьми. Завтра они будут здесь: тысячи разгневанных варваров! Они уничтожат Томы и снова начнут грабить провинцию. Ты понимаешь, что ты наделал?

– Я действовал по распоряжению наместника, – сказал эдил несколько более уверенно. – Да, оно устарело, но ведь его никто не отменял.

«Варвары будут здесь только завтра, – подумал он. – значит, если я потороплюсь, то успею уехать...»

– Надеешься удрать? – угадал его мысли принцепс. – Зря. Из-за тебя варвары, которые должны служить Риму, будут снова жечь римские города. Думаешь, наш добрый император божественный Александр Север простит тебе такое? – последние слова принцепса прозвучали совсем мягко, даже сочувственно.

– А что мне делать? – жалобно спросил эдил.

– Я бы на твоём месте отдался риксу Аласейе, – строго проговорил принцепс. – Ты сам передашь риксу Аласейе жену и скажешь, что ее арест – твоих рук дело. Ни Рим, ни император, ни наместник провинции тут ни при чем. Тогда Аласейя, может быть, не тронет твой город и согласится вернуться на службу. Варвары отходчивы. Хотя, скорее всего, тебя он убьет, – задумчиво добавил принцепс.

Эдил, и без того бледный, просто позеленел:

– Я-а-а не могу... Я бо-о-лен...

– Надо! – строго произнес принцепс. – Город погибнет!

– А может, не обязательно я? – пришла в голову эдила спасительная мысль. – Может быть, ты это сделаешь, храбрый Геннадий? Тебя-то он наверняка пощадит...

Принцепс подумал немного... Эдил взирал на него с отчаянной надеждой...

– Хорошо! Где она?

– В тюрьме, конечно! – воскликнул обрадованный чиновник. – Я тебе сейчас напишу... – Он потянулся к стилу, но тут бюрократическая записка взяла свое. – Э-э-э... Я не могу ее просто так отпустить! – жалобно проговорил эдил. – У меня же приказ наместника!

– Ладно, – смиловился принцепс. – Ты не отпускаешь ее, а передаешь мне, представителю армии, для дальнейшего сопровождения. Для того, чтобы...

– ...В связи с возникшими трудностями содержания под стражей! – мгновенно выдал формулировку счастливый чиновник.

– Годится. Пиши.

Эдил в считанные мгновения нацарапал текст, оттиснул на воске свою печать. Принцепс принял табличку, кивнул безмолвным легионерам: пошли. Но в последний момент повернулся, упер свой кентурионов жезл в грудь эдила, процедил грозно:

– Запомни! Ты мне *должен* !

И вышел, оставив обессиленного чиновника в полном расстройстве чувств и кишечника.

Коршунов и Луций ждали на форуме, прячась от солнца в тени портика. На них поглядывали с интересом. Еще бы: аж два кентуриона в полном боевом!

Черепанов выбежал из курии, перепрыгивая через две ступеньки. Легионеры не отставали.

– Ты и ты! – ткнул пальцем принцепс. – В гостиницу. Забрать вещи и запасных лошадей. Ждать у восточных ворот! Марш, марш! – и с места взлетел в седло.

Форумные лоточники приветствовали прыжок одобрительными возгласами... которые через полминуты сменились воплями негодования, когда торговцы бросились собирать рассыпавшиеся товары. Небольшой отряд вылетел из форума, не разбирая дороги, сшибая все, что попадалось на пути.

– Ну?! – воскликнул Коршунов, бросая коня в карьер и догнав Геннадия. – Что?!

– Есть! – подполковник махнул зажатой в левой руке табличкой. – Поедем, пока эта трусливая жаба не передумала!

Черепанов хлестнул коня, снова вырвался вперед, но у выезда с площади придержал, пропуская вперед декуриона, лучше знавшего город.

– Жаба не передумает! – бросил Алексею поравнявшийся с ним легионер. – Это же наш Череп! Чинуша полные штаны наложил, ха-ха! Вонючка на всю курию! – И, обойдя Коршунова, третьим влетел в узкий проем улочки.

Через десять минут они были у ворот тюрьмы.

Снаружи их уже ждали: стражник Хрис и легионер, которому Черепанов поручил найти посланного письмо.

– Сальве! – крикнул Хрису Черепанов. – Ут валес?

– Сальве, принцепс! Нон ита бене... 55

– В чем дело? – быстро спросил Коршунов.

– Ты ее муж? – угадал бывший легионер.

Угадать, впрочем, было нетрудно. Выбор был невелик, а у Луция Ингенса была физиономия типичного римского крестьянина, ну, может, самую малость «подправленная» ареной.

– Наш толстяк начесал приап на твою жену, – сказал Хрис. – Я не мог его придержать. Меня вообще отстранили за то, что...

– Потом! – перебил его Черепанов. – Луций! Чего ждешь?

– Открывай! – заревел Ингенс-младший и заколотил витисом в запертые ворота.

– Ну кого там орк принес? – раздался голос по ту сторону.

– Шевелись, собачий сын! – заорал Луций поставленным голосом полевого командира. – Палок захотел?

Лязгнул замок, скрипнул засов...

Не дожидаясь, пока стражник отперет ворота, Черепанов послал коня вперед. Коршунов – тоже. Стражник еле успел отскочить.

– Ты! – Черепанов ухватил его за вихор (бездельник даже шлема не надел). – Читать умеешь? – и сунул ему под нос табличку.

Стражник захлопал глазами. Читать он не умел, но печать эдила, конечно узнал.

– Анастасия Фока! – гаркнул Черепанов. – Сюда ее!

– Я... это...

Из караулки вылез еще один стражник, такой же сонный.

– Ключи давай! – вмешался Хрис. – Я сам ее приведу!

Раньше чем тюремщик успел что-то сообразить, спешившийся Луций уже отобрал у него связку.

– Пошли!

Вдвоем они устремились внутрь.

Из караульного помещения внутри здания выбрались несколько стражников: поглазеть. Еще один, порасторопнее, побежал за начальством.

Прошла пара минут...

Коршунов, не выдержав, прыгнул с лошади, намереваясь последовать за Луцием и Хрисом.

– Подожди, – бросил ему Черепанов по-русски. – Пацаны сами справятся.

55 Salve! Ut vales? – Здравствуй! Как дела? (лат). Non ita bene... – Не очень хорошо... (лат).

И точно: на пороге, щурясь от яркого солнца, появилась Анастасия. Увидела Коршунова, просияла...

Алексей тоже расцвел улыбкой...

– Это что такое?! Куда?! Кто разрешил?!

Старший тюремщик, в одной тунике и наспех завязанных сандалиях, бежал через двор. – Куда? Не пускать!

Толстяк бросился к Анастасии, Коршунов – наперерез, но Луций успел раньше и встал между женщиной и тюремщиком.

– Ты! – начальственно бросил Черепанов. – Подойди сюда!

Старший тюремщик при виде принцепса несколько поостыл.

– Читай! – велел Черепанов, поднеся табличку к заплывшим жиром глазкам.

Старший тюремщик читать умел. Но содержание таблички ему не понравилось. И легионеров он не испугался. Это его тюрьма! Он здесь хозяин!

Толстяк бросил алчный взгляд на Анастасию. Он не любил, когда его желания не удовлетворяются. С другой стороны, печать эдила – настоящая и приказ недвусмысленный. Но эдил еще не видел ее признания.

– Приходите завтра, – сказал тюремщик. – С утра. Я оформлю все документы...

– Какие еще документы? – процедил Черепанов.

– Признание преступницы! – старший тюремщик самодовольно усмехнулся. – Мы тут тоже, принцепс, не зря жалованье получаем...

– Признание? Хм-м-м... не верю! Покажи!

Через несколько минут ему были вручены исписанные каллиграфическим почерком Анастасии восковые таблички.

За это время в тюремном дворе собралось уже дюжины полторы стражников: поглазеть на скандал.

Черепанов прочитал первую табличку...

– Я это забираю, – сказал он, пряча таблички в седельную сумку. – И заключенную – тоже.

– Нет!

Тюремщик покраснел от возмущения. Что он себе позволяет, этот вояка?

– Вернуть преступницу в камеру! – скомандовал он своим.

Анастасия спряталась за спиной Коршунова. Алексей выхватил меч.

– Ты что же, кентурион, биться с нами будешь? – искренне изумился старший тюремщик.

В следующее мгновение глаза тюремщика вылезли из орбит, а из его спины выглянула заостренная стальная полоска сантиметров пять длиной.

– Никто не смеет протянуть лапы к моей жене – и остаться в живых! – процедил Коршунов.

Привычным движением он провернул меч и выдернул клинок наружу.

Стражники оцепенели. Наступила тишина, которую нарушил лишь звук падения грузного тела, а затем спокойная реплика Луция.

– И впрямь у вас в готии куют отличную сталь, – заметил Ингенс-младший.

– Это не готская работа, – сказал Коршунов, вытирая клинок и возвращая его в ножны. – Боспорская. Хочешь такой же?

– Лучше – покороче.

– Будет. Весной привезу.

– Заранее благодарен.

– Доложите эдилу, – сказал Черепанов ошеломленным стражникам. – Аласейя, великий германский рикс на службе Рима, убил вашего старшего за то, что тот покушался на его жену. О сумме выкупа, которую рикс потребует с курии города за покушение на свою честь, будет сообщено позже. Так, рикс?

Коршунов величественно кивнул, подхватил Анастасию, усадил на коня, оттолкнулся

от земли и, мягко спружинив, опустился в седло.

– Хрис, – сказал Черепанов бывшему легионеру. – Не хочешь вернуться в легион? У меня есть право вербовать пополнение...

– Прямо сейчас?

– Не обязательно. Собирай вещи и приезжай в лагерь, скажем, недели через две. К этому времени я все оформлю. Не возражаешь?

– Еще бы! Служить у тебя, принцепс, – это честь!

– У него. – Геннадий кивнул на Коршунова, выезжающего из ворот.

– Годится!

– Вале, ⁵⁶ легионер!

– Вале, принцепс!

– Марш!

Посланные в гостиницу легионеры встретили их за воротами: с запасными лошадьми и вещами.

– Слушай, Генка, мне что, и впрямь потребовать у них выкуп? – спросил Коршунов по-русски.

– С ума сошел! Какой еще выкуп?

– Ну ты же сам сказал...

– Надо же мне было чем-то загрузить стражников! Еще чуть-чуть – и они полезли бы в драку. Не хотелось устраивать мясорубку.

– Понял. И куда мы теперь, в лагерь?

– Нет. В Маркионополь.

– Это еще зачем?

– Разве ты забыл? – Черепанов усмехнулся. – У меня же поручение эдила Том: доставить Анастасию Фока в столицу. Наместнику Мезии...

Глава двенадцатая Наместник Нижней Мезии сенатор Туллий Менофил

– Геннадий Павел, принцепс одиннадцатого легиона? Немедленно веди сюда!

Наместник Нижней Мезии Туллий Менофил поднялся навстречу гостю:

– Приветствую тебя, победитель скифов!

– Приветствие и тебе, благородный Туллий! – Черепанов снял с головы шлем и приложил кулак к груди. – Благодарю, что согласился меня принять!

– Всегда рад видеть тебя, славный принцепс! – наместник хлопнул в ладоши. – Накройте стол в красном триклинии. ⁵⁷ Мой скромный дом всегда открыт для тебя.

«Скромным домом» наместника был четырехэтажный дворец, вместе с зимним садом и внутренним двором занимавший полгектара.

– Что привело тебя в Маркионополь? Дело или развлечения? Надеюсь, ты не покинешь нас до послезавтрашнего дня и украсишь своим присутствием мой пир, который я дам в честь дня Меркурия? ⁵⁸

– Благодарю за честь! – еще раз поклонился Черепанов.

Тут в дверях появился слуга и дал знать, что в триклинии все готово.

⁵⁶ Vale – до свидания (лат.).

⁵⁷ Триклиний – столовая.

⁵⁸ День Меркурия – 12 августа. Бог Меркурий – покровитель путешественников и торговцев – весьма почитался в Риме. В хорошие времена римские коммерсанты в этот день отстегивали десятину от своих доходов святилищу хитрого бога и на эти средства в день праздника устраивалась официальная всенародная пирушка.

– Пойдем, доблестный Павел! – ухоженная ладонь наместника, консуляра и сенатора в шестом поколении опустилась на прикрытое золоченой кирасой плечо принцепса. – Время прандия: ⁵⁹ пора и нам немного подкрепиться...

«Немного подкрепиться», по понятиям благородного Туллия, – это стол размером с двуспальную кровать, плотно уставленный дорожными яствами и напитками. И меняли ⁶⁰ этот стол четырежды. При том, что за трапезой они с Черепановым возлежали вдвоем. Слуги и музыканты в расчет, разумеется, не шли.

Правда, большая часть кушаний и напитков так и была унесена неопробованной. Нужно было обладать прожорливостью Максимиана, чтобы съесть хотя бы двадцатую часть предложенного.

– Как чувствует себя командующий Гай Юлий Вер Максимин? – поинтересовался наместник. – Не по его ли делам ты приехал, славный Павел?

– Нет, благородный Туллий, – сказал Черепанов. – Чувствует он себя превосходно. Недавно отправился инспектировать наши прирейнские заставы. Он удовлетворен состоянием войск и уверен, что в ближайшие месяцы, по крайней мере до осени, может быть спокоен за твою провинцию.

Это следовало понимать так: «Можешь не беспокоиться. Страшный фракиец к тебе не нагрянет. Ты ему в июне достаточно отстегнул. Но в конце осени придется снова раскошелиться».

– Пока Риму служат такие, как ты, славный Геннадий, за его границы можно не волноваться!

«Я бы с большим удовольствием платил тебе, принцепс, лишь бы никогда не видеть твоего командующего!»

– Я всего лишь принцепс, благородный Туллий! – напомнил Черепанов.

– Твои деяния многократно превышают твои регалии. В моей провинции твое имя у всех на устах, и полагаю, в Риме тоже кое-что услышат...

«Если будешь хорошо себя вести, принцепс, я замолвлю за тебя словечко перед августиами».

– Благодарю тебя!

– Попробуй фазана, он превосходен! Особенно с этим вином!

– Да, у тебя прекрасный повар, благородный Туллий. Даже в Риме я не пробовал лучшего угощения.

«Спасибо, дорогой! Но у меня есть и свои связи».

– Я заметил: твоя латынь стала почти безукоризненной!

«Но ты все же всего лишь варвар...»

– Мой друг консуляр Антоний Антонин Гордиан подарил мне своего ритора.

«Зато у меня такие друзья-аристократы, рядом с которыми ты, уважаемый, просто плебей из Сирии».

– Однако ж мне никогда не сравниться в благородстве речи с такими, как ты и он, – тут же дипломатично добавил Черепанов. – И мне не хватает слов, чтобы выразить, насколько приятно мне твое общество. Однако ж ты вовремя напомнил мне о моем варварском происхождении...

– Что ты, что ты!.. – махнул наманикюренными пальцами наместник. – Твое прошлое...

– Не совсем, благородный Туллий. Как ты знаешь, не столь давно я принял на службу некоторое количество варваров. Согласно указу наших преславных августов – да живут они

⁵⁹ Прандий – второй завтрак.

⁶⁰ По римским застольным правилам (для богатых) смена блюд проводилась не как у нас, поштучно, а оптом: то есть стол с опробованными кушаньями уносили, а на его место ставили другой, со следующим набором яств.

вечно! А мой легат сенатор Дидий Цейоний Метелл («обрати внимание: не Максимин, а именно твой собрат-сенатор!») назначил двух самых выдающихся риксов кентурионами в моей когорте. Один из них, наиболее славный, в прошлом причинивший немало проблем Риму, а теперь, наоборот, способный, как полагает мудрость наших августов, в силу своих талантов оказать Империи немалые услуги, прибыл в Маркионополь вместе со мной.

– Вот как? – наместник искренне заинтересовался. – Уж не тот ли это варвар, что едва не опустошил мою провинцию?

– Он самый, – улыбнулся Черепанов. – И Питиунд Понтийский ограбил тоже он.

– У наместника Понта не было столь храброго защитника, как ты, принцепс Павел! – отвесил комплимент наместник. – Пью эту чашу во здравие августов, благодаря которым наши самые опасные враги становятся друзьями Рима!

– Виват! – поддержал Черепанов.

Они осушили кубки.

– Буду рад, если ты придешь на мой послезавтрашний пир вместе с ним, – осушив губы полотенцем, произнес наместник. – Любопытно взглянуть на того, кто обрушил стены Цекулы и сумел перехитрить всех, кроме тебя, славный Павел!

– Благодарю тебя от его имени. Мы придем. И, если ты позволишь, мой кентурион-рикс возьмет с собой свою прекрасную жену, недавно прибывшую к нему из Боспора.

– Жену... – Лицо наместника выразило некоторое сомнение: не испортит ли пир дикая дочь Скифии.

– Жена скифского рикса – эллинка, – успокоил наместника Черепанов. – Более того, уроженка Сирии, так что манеры у нее наилучшие! – польстил сирийцу Менофилу Геннадий.

– В таком случае пусть приходят вдвоем, – кивнул наместник. – А теперь скажи мне, славный воин, почему ты игнорируешь этот замечательный пирог...

– Все в порядке, – сообщил Коршунову Геннадий, возвратившись в гостиницу, где они остановились. – Вы приглашены. Оба. Послезавтра я представлю тебя и ее этому индюку-сенатору – и о прошлых прегрешениях твоей Насти можно забыть. Но до сего времени лучше будет, если ее настоящее имя останется в тайне. Жена кентуриона Алексия – этого вполне достаточно.

В этот день произошло еще одно замечательное событие: Черепанова наконец догнало письмо от Корнелии.

«...Я по-прежнему живу на нашей вилле близ Лютеции ⁶¹ и, скорее всего, там и проведу остаток лета, – писала дочь консуляра Антония Гордиана. – Отец полагает, что ближе к границам сейчас небезопасно. Наверное, он прав, но я бы охотно поехала в одну из наших паннонийских латифундий. Тогда ты смог бы меня навещать... очень хочу тебя увидеть! Было бы замечательно, если бы ты нашел возможность приехать в Рим на Юпитеровы игры... ⁶² возможно, и отец мой сумеет приехать из Африки. Дед ⁶³ обещал отпустить его... В Риме опять беспорядки... убили префекта... в середине лета в городе совершенно невозможно: жара, миазмы, комары... Не понимаю, как люди могут там жить...

⁶¹ Ныне – Париж.

⁶² Юпитеровы игры, они же Римские игры – празднества и представления, устраиваемые в честь бога Юпитера. 13 сентября в храме Юпитера приносили жертву и устраивали ритуальные угощения. Но представления: игры, скачки, театральные действия – начинались на неделю раньше и продолжались в течение пятнадцати дней.

⁶³ Имеется в виду Марк Антоний Гордиан Семпрониан Роман, отец Антония Гордиана. Гордиан-старший, один из самых богатых людей своего времени, потомок императора Траяна и легендарных братьев Гракхов, бывший консул, наместник в нескольких провинциях, в описываемое время – наместник Африки. Впрочем, некоторые источники утверждают, что наместником Африки его назначил уже Максимин, в 237 году. Но я склонен думать, что Максимин всего лишь (на свою голову!) подтвердил назначение своего предшественника Александра Севера.

Отец пишет, что тоже хочет с тобой повидаться. Даже в Африке знают о твоих победах. В Лютетии... я иногда выезжаю туда, чтобы развлечься... там боятся усиления Максимиана. Говорят, он очень жесток и в гневе способен убить. Надеюсь, тебе ничто не угрожает? Говорят, скоро будет большая война с германцами. Но ты об этом, конечно, уже знаешь... береги себя, дом, Геннадий! Помни, что ты мне дорог!

Твоя Корнелия».

Геннадий коснулся губами розового папируса. Египетская бумага слабо пахла сандалом и розовым маслом. «Твоя Корнелия». Подполковник улыбнулся. На душе было тепло и сладостно. Он больше не завидовал Лехе. Конечно, его Настя – красавица и умница, но до дочери сенатора Гордиана ей далеко. Перед его мысленным взором встала Корнелия – чистая, утонченная, благородная, юная... да их даже сравнивать нельзя! Вот он, Черепанов, никогда не женился бы на *гетере*. Хотя по здешним понятиям это – не позор, даже почетно. Но как можно брать в жены женщину с *таким* прошлым?

«Вот черт! Куда это меня занесло! – отдернул себя Геннадий. – Не твое дело, кем была жена Лехи. Леха – твой друг, и она его устраивает. И не тебе, подполковник, брезгливо кривить морду, вспоминая кому-то прошлое. О своем, блин, лучше подумай...»

Но думать надо было не столько о прошлом, сколько о будущем. Следовало отмазать Коршуновскую Настю и его самого. Капитально отмазать. Так, чтобы потом никаких расследований и разборок. Реально это? Вполне. Менофил, лиса краснополосая, однозначно дал понять, что хочет со мной дружить. И с Лехой он тоже будет дружить, если вложить в него мысль, что дружба с таким авторитетным риксом – гарантия безопасности провинции. А так ли это? Хорошо бы на эту тему с Лехой перетереть...

Глава тринадцатая Наместник Нижней Мезии Туллий Менофил (продолжение)

Надо признать: выглядела Анастасия сногшибательно. Одета, накрашенная и завитая по последней римской моде, в дорогих шелках и украшениях, которыми не могла похвастаться ни одна знатная матрона Маркионополя. Даже у присутствовавших здесь дочерей самого наместника Туллия побрякушки были скромнее. Ничего удивительного. Наместник Туллий – очень богатый человек, но его богатства – это в основном вклады и недвижимость. Держать собственность в виде драгоценностей – типично разбойничий подход. Однако в данном случае эффект был достигнут. Более того, Леха Коршунов смотрелся ничуть не хуже своей жены (ее же стараниями) и намного респектабельнее своего командира. Черепанов, в своих парадных доспехах, выглядел рядом с расфранченным младшим кентурионом, как селезень рядом с павлином. Мысленно он сделал в памяти зарубку: использовать умения Лехиной подруги для повышения собственной респектабельности. Сразу видно: она понимает в этом толк. Было бы совсем неплохо предстать перед Корнелией (и прочей аристократией) не суровым солдатом, а изысканным вельможей.

– Благородный сенатор Туллий, позволь представить тебе, владыке важнейшей из римских провинций, моего друга и подчиненного, недавно повелевавшего дикими скифскими воинами, соревновавшимися в доблести с нашими легионами. Бывший рикс гревтунгов, а ныне кентурион моей когорты Алексей Виктор, прозванный Коршуном.

– Польщен столь высоким знакомством. – Коршунов приветствовал наместника, на римский лад прижав кулак к груди. – Но хочу уточнить: риксы, принцепсы, не бывают бывшими. Бывший рикс – мертвый рикс. А я жив!

Сказано было на вполне приличной латыни. Правда, фразу эту Коршунову пришлось довольно долго репетировать. Как и следующую...

– А вот, достойнейший Туллий, моя супруга Анастасия Фока!

– Будь моим гостем, кентурион Алексей... – улыбнулся наместник. («Анастасия Фока... где-то я уже слышал это имя», – подумал он). – Или ты предпочитаешь, чтобы тебя

именовали риксом?

– Кентурион – лучше, – сказал Коршунов. – Я служу Риму... – Его словарный запас стремительно иссякал.

– Замечу: у тебя очаровательная жена, кентурион, – продолжал наместник. – Где я мог слышать твоё имя, домна?

– Я родилась в Сирии, – ответила Анастасия. – Как и ты, благородный Туллий. Может, там?

– Анастасия Фока... – повторил наместник, будто пробуя имя на зуб.

Черепанов заметил, как напряглась женщина. Хотя на лице её по-прежнему сияла улыбка. Следовало вмешаться.

– Великолепные музыканты у тебя, владыка, ⁶⁴ – польстил наместнику Геннадий, хотя единственная здешняя музыка, в которой он разбирался, – это трубные звуки боевых флейт и буккин.

– О да!

Наместник посмотрел в сторону эстрады, где, возвышаясь над головами гостей, наяривал на лирах, барабанах и прочих инструментах праздничный оркестр. На первом плане изгибалась и перебирала стройными ножками темнокожая танцовщица в одежде из разноцветных лент. Вот её голосок Черепанов послушал бы с удовольствием. Наедине. Кстати, почему бы и нет? Надо только намекнуть об этом её хозяину...

Наместник удалился – приветствовать кого-то длинного и лохматого, в сенаторской тоге. Философа из благородных, вероятно. А спустя четверть часа гостей пригласили к трапезе.

Черепанову и его спутникам было отведено почетное место: за одним столом с хозяином. Геннадию – поближе, Коршунову с Анастасией – подальше. Всего же столов было не менее дюжины.

– Вероятно, такой праздник обходится недешево, – заметил Черепанов.

– Естественно, – ответил наместник. – Но этот праздник оплачивает не городская казна, а вот он. – Сенатор кивнул на возлежавшего напротив верховного жреца бога Меркурия. Жрец уже накушался и задремал – у него был сегодня трудный день. – Расскажи, доблестный Геннадий, что происходит в армии? Они более не ропщут?

– Не могу тебе сказать касательно всей армии, но моим legionарам роптать некогда. Мой принцип прост: солдат должен быть сыт, обмундирован и постоянно занят делом. Разумеется, и жалованье он должен получать в срок. А если у солдата остаются силы роптать, значит, кентурион мало его гоняет. В моей когорте таких кентурионов нет. Да и во всей армии Максимиана – тоже.

– Армии Максимиана? – нахмурился наместник.

– Он ею командует. Разумеется, верность легионов принадлежит богоравному императору Александру.

– Так ли это? Император, насколько я слышал, не сомневается в верности своих азиатских легионов, а здесь...

– Здесь, владыка, дела обстоят так же! – отчеканил Черепанов. – Легионы преданы командующему, а командующий верен августам! Как и все мы.

Черепанов положил правую руку так, чтобы был замечен профиль императора на золотом перстне, украшавшем его безымянный палец. Перстень этот был вручен ему год

⁶⁴ Обращение «владыка», *dominus*, весьма уважительное, использовалось как обращение к старшему: раба к господину, сына к отцу, клиента к патрону, ученика к учителю, подчиненного к вышестоящему, а также формой вежливого обращения к незнакомому лицу. Но слово становилось оскорбительным для гражданского сознания римлян в том случае, когда они чувствовали, что оно выступает в своем буквальном значении, и тогда оно характеризовало власть даже более одиозную, чем власть царя (*rex*), и приближалось к современному значению слова «тиран». «...Он превратился из царя во владыку (*dominus*) ...ибо владыка есть тот, кого греки называют тираном; а царем называют того, кто подобно отцу заботится о народе». Цицерон. «О государстве».

назад самим Августом – в знак особого доверия. Носитель такого перстня мог *лично* обращаться к повелителю Рима.

Если наместник и мог прежде не обратить внимания на этот перстень, то теперь он заметил его наверняка.

– Надеюсь, ты прав, принцепс, – сказал Туллий Менофил. – Ведь ты один из немногих армейских командиров, пользующихся расположением и фракийца, и Рима. И понимаешь, чье расположение важнее, не так ли?

– Я всего лишь принцепс, – дипломатично ответил подполковник. – И я понимаю (тут он понизил голос), что армия остается армией, даже если у нее вдруг появляется другой командующий.

Наместник положил в рот ломтик копченого угря, запил вином...

– Ты понимаешь меня, – сказал он. – В сенате многие считают: не дело ставить на важные должности неримлян. Но так считают не все. Империи нужна свежая кровь, чтобы вернулись времена Траяна и Юлия. Держись правильной стороны, принцепс, и мы обеспечим твою карьеру.

– Мы?

– Мы. – Наместник многозначительно коснулся алой полосы на своей тоге.

«Сенат», – сообразил Черепанов.

Свора заплывших жиром магнатов, отхвативших при нынешнем слабом императоре здоровенный кусок власти. Максимин у них – кость в горле. Они готовы на все, чтобы от него избавиться. Даже заигрывать с варваром-принцепсом. А избавившись от фракийца, они выкинут Черепанова на свалку. И на его место посадят какого-нибудь магна или метелла. Чужих в этом кругу используют, но внутрь не пускают.

– Ты так говоришь, – заметил Геннадий, вертя на пальце перстень с профилем императора. – А другие скажут: зачем покупать чужих лошадей, если у нас есть собственные! Я – новый человек...

– Иными словами – тебе нужны гарантии, – сказал наместник.

Черепанов не ожидал от него подобной прямоты.

– Ты читаешь мои мысли, благородный Туллий. Сейчас мое имя на слуху, но так будет не всегда. И недоброжелателей в Риме у меня предостаточно... особенно среди сенаторов.

– Я верю, что твоя слава будет только расти, принцепс, – возразил наместник. – Уже сейчас твоя известность конкурирует с известностью Капелиана... это имя тебе ничего не говорит, я вижу?

Черепанов кивнул.

– Капелиан командует мавританской конницей в Африке. И показал себя отличным военачальником. Кстати, когда Максимин был префектом лагерей в Сирии, Капелиан командовал там же вспомогательными войсками. Говорят, они с фракийцем до сих пор переписываются. Если хочешь узнать о Капелиане подробнее, можешь расспросить о нем своего *друга* Антония Антонина, – усмехнулся Туллий Менофил. – Оба Гордиана, и старший и младший, Капелиана терпеть не могут. Капелиану очень не повезло, что отец и сын теперь правят в Карфагене. ⁶⁵ Готов биться о заклад: стоит Капелиану разок ошибиться – и у мавров появится новый командир.

– Думаю, ты прав, – согласился Черепанов. – И слова твои очень поучительны: ведь и я не застрахован от ошибок, а мы говорили о гарантиях...

– Брак, – сказал наместник. – Вот средство для честолюбивого и талантливое человека войти в круг избранных. Хорошая партия – и твои сыновья тоже будут заседать в сенате. Но это должна быть римлянка, настоящая римлянка из хорошей семьи... возможно, мы еще вернемся к этому разговору, – добавил он многозначительно.

«А ведь у благородного Туллия целых три дочери, – подумал Черепанов. – Неужели он

⁶⁵ В описываемое время Карфаген – столица провинции Африка.

рассчитывает заполучить меня в зятя?»

Что ж, это хороший признак. Значит, рейтинг принцепса Черепанова достаточно высок. С другой стороны, стань он зятем наместника провинции, сенатора и т. д. – и карьера гарантирована. Правда, еще неизвестно, как к этому отнесется Максимин, а с мнением командующего Черепанову стоит считаться. Хотя Геннадий отдавал себе отчет: если предложение породниться поступит от *другого* сенатора, плевать тогда на то, понравится ли это Максимиனு.

– Мы еще поговорим об этом, Геннадий, – повторил наместник. – Ты ведь не женат, в отличие от рикса Алексия? Где же я все-таки мог слышать имя его жены... – задумчиво проговорил Менофил. – Не связана ли с ней какая-то история, ты не знаешь?

– Была одна история, – решился Черепанов. – Только ты вряд ли о ней слышал, ведь это произошло совсем недавно. В Томах. Не слышал?

Наместник покачал головой.

– У тамошнего эдила был приказ о ее задержании. Из твоей собственной канцелярии. Вероятно, кто-то из твоих шпионов проведал, что у рикса Аласеи жена – гражданка Рима, донес об этом – и там решили на всякий случай разослать приказ о ее аресте. Ты об этом ничего не знаешь?

Наместник еще раз покачал головой.

– Этим занимается мой легат.

– Я так и предполагал. В общем, приказ пришел, и, когда жена рикса Алексия прибыла, эдил ее арестовал. Представь, – с улыбкой продолжал Черепанов, доверительно наклонившись к наместнику. – Этот честный служака понятия не имел, что рикс Аласея стал кентурионом Алексием. Выполняя твой эдикт, он велит арестовать Анастасию и препроводить в тюрьму, словно воровку. А один из тамошних тюремщиков, какой-то сластолюбивый вольноотпущенник, позволил себе покуситься на ее честь. К счастью, рядом оказался один из моих бывших легионеров – и не позволил свершиться беззаконию. Иначе, боюсь, кентурион Алексей снова стал бы риксом Аласеей, а этой осенью город Тома превратился бы в руины.

– А такое возможно? – обеспокоился наместник.

– Вполне. Друг мой Алексей! – Черепанов повысил голос. – Сколько у тебя людей по ту сторону Данубия?

– Шесть тысяч воинов под моей рукой! – выдал Коршунов заготовленную фразу. – Это не считая союзных мне сарматов. И еще пять тысяч – по ту сторону Понта. Думаю, многие из них готовы послужить Риму, – с важностью добавил он.

– Вот видишь, благородный Туллий. Из-за старательности чиновника и похоти какого-то глупого тюремщика могла случиться большая беда. Представляю, как опечалило бы такое известие нашего богоравного августа Александра, да продлятся дни его правления!

– Да уж! – буркнул наместник. – Этого тюремщика следует примерно наказать!

– Уже не нужно, – успокоил Черепанов. – Рикс собственноручно проткнул подлеца мечом.

– Как это? – оторопел наместник. – Просто зарезал?

– Вот именно. *Просто* зарезал. Я пояснил ему, что он теперь на службе Рима и пытаться негодяя четыре дня, постепенно отрезая от него по кусочку, как следовало бы по их, варварским законам, у нас не положено.

– Убивать человека, даже последнего негодяя, без суда – тоже нехорошо, – заметил наместник. – Тем более служивого человека...

– Ты прав, благородный Туллий. Но я позволил ему это сделать еще и потому, что мне придется доложить об этом случае, а кентурион Алексей – на особом счету у Максимиана. Представь, что было бы, если бы сам Максимин пожелал прибыть в Тома искать виновных... Ты же помнишь, что было в Новах, ⁶⁶ когда там намеревались судить его

⁶⁶ Новы (Евсия) – город в провинции Нижняя Мезия, на правом берегу Дуная, современный Стыклен

кентуриона?

– Не будем портить праздник беседой на подобные темы, – холодно произнес Туллий. – Я выясню, что там произошло, и накажу виновных. Без моего ведома более никто не посмеет предъявить обвинение твоему кентуриону... и моему гостю. Закон есть закон, но богоравный август в Риме – выше закона. А здесь, в моей провинции, императора представляю я.

Глава четырнадцатая

– ...В общем, Леха, тебе надо отсюда валить, причем срочно! – заключил Черепанов.

– То есть как – валить? – возмутился Коршунов.

– Молча! Забирай Настю – и плыви в свой Херсон.

– Черт!

Коршунов вскочил со стула и, расстроенный, забежал по комнате. Анастасия вела себя намного сдержаннее: сидела тихонько, молча. Готовилась к самому худшему. Пыталась въехать, о чем речь. Разговор шел по-русски, и понимала она с пятого на десятое.

Черепанову она чем дальше, тем больше нравилась. Не в сексуальном смысле – по-человечески. Когда Леха рассказал подполковнику о своей жене, шпионке, подложенной империей под варварского вождя, у Черепанова сложилось весьма отрицательное мнение об этой женщине. Тем более у Лехи с бабами и в *той* жизни постоянные проблемы были: вечно какие-то подставы. То ли сам Коршунов склонность к красивым стервам питал, то ли они – к нему... подумалось: и здесь аналогичный случай. Мнение Черепанова переменялось, когда он прочитал Настино «признание». Прочитал и порадовался: во-первых, потому, что забрал таблички, по которым любой судья тут же без раздумий вынес бы Анастасии приговор, а во-вторых – потому, что ошибся в своем первоначальном и заочном мнении об этой женщине, которая сознательно перевела на себя все стрелки, полностью выгородив Алексея. Причем сделала это так аккуратно и умело, что сразу становилось ясно: ни ума, ни опыта гречанке не занимать. В общем, подполковник пришел к выводу, что его другу повезло. На этот раз ему досталась женщина не только умная и красивая, но и вдобавок готовая пожертвовать собой ради любимого оболтуса. Хотя, может, хватит смотреть на своего космонавта-исследователя сверху вниз? Как-никак доказал Алексей Коршунов, что *может*, если захочет. Как знать, вдруг он только в присутствии Черепанова ведет себя как мальчишка, а во всех остальных случаях – немереной крутизны мужик?

Но сейчас в немереную крутизну Лехи поверить было трудно. Великий германский рикс метался из угла в угол и распускал слюни:

– Ты же обещал мне!.. – восклицал он. – Нам всем обещал! Что же теперь...

– Сядь! – сказал Черепанов. – Не мельтеши. И успокойся. Уезжаете только ты и Анастасия. Твои люди остаются и продолжают обучение. С ними и без твоего высочайшего присутствия все будет в порядке. Тем более что от такого кентуриона, как ты, в тренинге толку никакого. Поставлю во главе кентурии Агилмунда – ты ведь этого хотел? – и все будет путем. А из тебя, один хрен, нормального легионера не получится. Нету в тебе армейской дисциплины, и никакой палкой ее в тебя не вколотишь. Тем более несолидно тебя витисом охаживать. Авторитет роняется. Так что не быть тебе пока римским офицером. Будешь ты по-прежнему риксом варваров. И сейчас твоя задача – убратся отсюда вместе с Настей как можно скорее, пока не начал раскручиваться *процесс*. Это не только тебе надо, но и мне. Этот Менофил, хитрожопая сволочь, имеет на меня виды. Поэтому наверняка начнет расследование того, что произошло в Томах. На меня он ни хрена повесить не сможет: ничего по-настоящему противоправного я не сделал. А вот ты – другое дело. Следовательно, Менофил повернет дело так, чтобы именно ты оказался максимально запачкан. И получит рычаг давления *на меня*. Или я пляшу под его флейту, или тебя – под суд. Звание кентуриона тебя в данном случае не защитит. Как поведет себя Максимин, тоже неизвестно.

Наш командующий – субъект непредсказуемый. Ты как-никак совершил убийство, а дезинформация, полученная от твоей жены, стоила Империи не одну сотню талантов золота. Да-да, я знаю, что это была твоя идея, а ты полностью амнистирован. Но она-то – нет. Все это можно было бы замять, оформить задним числом... Но не в том случае, если наместник провинции, чья власть – покруче губернаторской, заинтересован в обратном. Молчи! Я еще не закончил! Твои две сотни уцелевших варваров – это не сила ни с военной, ни с политической точки зрения. Разговоры о тысячах германцев, которые откликнутся на первый твой зов, – тоже пустой звук. Убрать тебя – и никакого зова не будет. Другое дело, если эти твои воины уже будут здесь. Две-три тысячи ауксилариев, преданных только тебе и благодаря тебе пришедших на службу империи, – это уже нечто конкретное. С таким «приданным» ты можешь резать по три тюремщика в месяц – никто не вякнет. Я намеревался отправить тебя на вербовку весной, но даже лучше, если ты поедешь прямо сейчас. Максимин намерен начать широкомасштабную операцию против германцев в апреле-мае. Формальное одобрение императора уже получено, и, если твое войско прибудет сюда к началу боевых действий, это будет очень кстати.

– Все равно раньше мая мы тут не появимся, – сказал Коршунов. – Посевная...

– Пусть будет май. Скажи куда и когда – и я договорюсь насчет кораблей. Ты получишь все необходимые грамоты и полномочия. Ты получишь деньги на расходы и для выплаты авансов. Я отправлю с тобой десяток настоящих легионеров: для повышения твоего престижа и чтобы все видели: ты действительно представитель Рима. И доставит тебя не какой-нибудь купец, а целая флотилия. Как раз через неделю из нов в провинцию Понт отправляется эскадра из шестнадцати боевых кораблей. Они поплывут мимо Херсона – им по пути – и высадят тебя с максимальным почетом. С их префектом я знаком – он мне не откажет. Всё! Теперь можешь высказываться.

– Да что я могу сказать, – вздохнул Коршунов (он уже успокоился). – Ты сам все сказал. Значит, Рима мне не видать...

– Потерпи. – Черепанов усмехнулся. – Какие твои годы... я и сам сомневаюсь, удастся ли мне этой зимой побывать в столице.

Тут он как в воду глядел. Не удалось. Ни в Сатурналии, ⁶⁷ ни в январе, когда в Рим приезжал из карфагена отец Корнелии, с которым Черепанову очень хотелось пообщаться. Не получилось. Служба. Он намеревался взять отпуск в марте – на несколько недель – до начала военной кампании. Но в марте случилось нечто, перевернувшее не только планы Черепанова, но и судьбу всей великой Римской империи...

Часть четвертая Император Максимин

Tertium non datur ⁶⁸

«В короткий срок, отцы сенаторы, я провел столько войн, сколько ни один из прежних императоров. Я доставил на римскую землю столько добычи, сколько нельзя было даже надеяться получить. Я привел столько пленных, что на них едва хватило римской земли...»

Из послания императора Гая Юлия Вера Максимины Сенату Рима

«Он был огромен; непросто отыскать равного ему среди

⁶⁷ Сатурналии – праздники в честь бога Сатурна. Начинались 17 декабря и продолжались в течение недели.

⁶⁸ *Tertium non datur* (Третьего не дано) (лат.).

известных греческих атлетов или лучших натренированных воинов варварских племен... При его вспыльчивости такая сила наводила на всех страх. Терпеливое и сдержанное управление Максимин заменил по-варварски жесткой автократией, хорошо зная о враждебном к себе отношении, причиной которому было то, что он стал первым императором, поднявшимся до высочайшего положения из самых низов. Максимин был варваром как по происхождению, так и по характеру, унаследовав от своих сородичей грубый и жестокий нрав... Его достижения обеспечили бы ему более высокую репутацию, не будь он слишком безжалостен даже к своим союзникам и подчиненным».

Геродиан, римский историк

Первое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима ⁶⁹.
Окрестности города Могонтиака ⁷⁰

Группа всадников с вершины холма смотрела на наведенную через реку понтонную переправу.

Один из всадников на добрый локоть возвышался над остальными: Гай Юлий Вер Максимин, командующий западными легионами.

– Он идет сюда со своими сирийскими легионами, – сказал Маний Митрил Скорпион, префект лагерей собравшейся у Могонтиака армии. – С мавританской конницей, осдроевскими лучниками, парфянскими ауксилариями. Мне это не нравится.

– А мне нравится! – заявил Максимин. – Легкая конница, стрелки, пращники – это то, что нам нужно. В германских лесах они нам очень пригодятся.

– Так-то оно так, но ведь у нас есть свои лучники и своя легкая конница, – сказал Гонорий Плавт, три дня назад назначенный *praefectus VIII augusta leg.* ⁷¹ – Александр же оголил восточные границы, забрал даже мавританскую конницу из ливии. Он ведет с собой слишком большое войско. Больше, чем требуется тебе. Я думаю, он намерен сместить тебя с должности командующего и командовать армией сам.

– Глупости, – высокомерно ответил Максимин. – после того как алеманнские племена объединились, есть только один человек, способный их разгромить.

Это я. Неужели ты думаешь, что этот мягкотелый мальчишка рискнет *сам* выступить против алеманнов?

– Я ничего не думаю, Гай, – сказал Плавт. – Я лишь передаю то, о чем говорят в Риме. – И уточнил на всякий случай: – Не на форумах – в палатине. Сенат тебя ненавидит за то, что ты отстраняешь их от командования армией...

– Все назначения утверждены императором! – возразил Максимин.

– Вот это меня тоже настораживает! Слишком легко утверждаются все твои проекты. Это не похоже ни на Александра, ни на его мамашу...

– Не беспокойся, – сказал Максимин. – У меня здесь тоже три легиона. А через месяц подтянутся еще два. И все они преданы мне и только мне! Все знают: из мальчишки никомушный командующий. Только и умеет, что откупаться после глупых потерь! ⁷²

⁶⁹ 235 год по Р. Х.

⁷⁰ Могонтиак (*Mogontiacum*), нын. Майнц, столица римской провинции Верхняя Германия. Располагался на левом берегу реки Рейн, против впадения в нее реки Майн.

⁷¹ Префектом Восьмого Августова легиона. В некоторых случаях командующий легионом назывался не легатом, а префектом. Как правило, в том случае, когда этот командующий не отличался высокородностью.

⁷² После проигранных битв Александр Север имел обыкновение задабривать воинов денежными премиями.

Трудно поверить, что это – потомок победоносного Септимия! Воистину измельчали наши августы!

– Вот прекрасный случай поправить положение, – усмехнулся Маний Митрил.

– Нет! – отрезал Максимин. – Я присягнул императору – и присяге не изменю! Я не макрин! ⁷³ Хватит об этом. Сейчас я намерен думать только об алеманнах...

Глава первая Примипил Геннадий Павел Череп

Зима девятьсот восемьдесят седьмого – восемьдесят восьмого года от основания Рима. Лагерь XI легиона. Провинция Нижняя Мезия, неподалеку от г. Номы

Эта зима прошла на удивление быстро. Наверное, потому, что работы было – невпроворот. Примипил Гонорий Плавт – в постоянных разъездах и легионом практически не занимался – крутил какие-то неизвестные дела. Черепанов подозревал: не военные, а политические. Его в известность не ставили. Да ему и не до того было: он фактически выполнял обязанности примипила. И большую часть обязанностей легата, который еще в середине декабря укатил в Рим. Дескать, ему как члену сената положено присутствовать при присяге новоизбранных консулов ⁷⁴ и жертвоприношении. Как будто без него бычков не прирежут или Юпитер обидится. Впрочем, без Метелла даже проще. Но обязанности легата и примипила, плюс свои собственные, плюс организация всей пограничной службы вдоль двухсоткилометрового участка побережья – это сурово. Однако Черепанов справлялся кое-как. С помощью префекта и трибунов. С помощью опытных кентурионов и отлично налаженной службы разведки. За три месяца на его участке границы не было ни одного серьезного инцидента, хотя зима была холодная, Данубий замерз, и западнее, в Паннонии Норике, варвары будто с цепи сорвались. Чуть метель или снегопад – перебирались по льду на римский берег, просачивались между заставами и грабили, грабили, грабили... лазутчики доносили: то ли у них там неурожай был, то ли падеж скота, то ли еще какая напасть. А Максимин со свойственной ему жесткостью еще осенью перекрыл германцам кислород: пресек их торговлю с Империей. Черепанов такой подход одобрял. Варварские купцы – они купцы только до тех пор, пока силу над собой чувствуют. И при малейшем послаблении моментально превращаются в разбойников. Но государственная политика императора Александра была принципиально другой. Не душить волков, а подкармливать. Определенный тактический смысл в этом был. Убытки от варварских налетов намного превышали размеры возможных дотаций. Однако со стратегической точки зрения такой подход был для Империи губителен, поскольку усиливал потенциального противника. И здесь, на германской границе, варварам приходилось платить кровью за каждую горсть сестерциев. Зато на востоке, в Сирии, никто не мешал Александру претворять в жизнь свои собственные планы, поэтому от персов откупились: землями и золотом. Дорого. Пришлось вводить новые налоги, хотя и прежние собрать было нелегко.

Из-за этих событий за всю зиму Черепанов видел Максимиана только однажды. И приехал главнокомандующий даже не в лагерь, а в Новы. ⁷⁵ Возникли какие-то проблемы с поставками продовольствия. Черепанов в эти дела не вникал. Полагал: на то есть квесторы и трибуны, и латиклавий Деменций. Зима способен организовать снабжение не хуже, а лучше

⁷³ Преторианский сопрефект Макрин. По его наущению был убит император Каракалла, после чего Макрин сам провозгласил себя императором (217–218 годы по Р. Х.), но пробыл в этом состоянии недолго, был разгромлен, пойман и казнен.

⁷⁴ 1 января консулы принимали присягу, приносили быков в жертву Юпитеру и торжественно обещали богу, что их преемники сделают то же самое в следующем году.

⁷⁵ См. сноску № 66

самого Черепанова. Тем не менее проблемы возникли. Потому что перебравшиеся через реку германцы ухитрились схитить зерно, предназначавшееся для одного из паннонийских лагерей, и Максимино потребовалась поставка провианта из Мезии.

О том, что Максимин – в Новах, Черепанов узнал через час после того, как фракиец въехал в городские ворота. Командующий западной армией передвигался стремительно и появлялся как снег на голову. И радости от его появления было еще меньше, хотя снег в эту зиму тоже всех достал.

Черепанова в Нову не вызывали. Он отправился сам. Вместе с фракийцем приехал и Плавт, посему Геннадий решил рискнуть и попроситься в отпуск.

Фракийца он нашел в курии. Там же были и все местные чиновники: горстка перепуганных штатских, глядевших на командующего, как овцы – на тигра. Фракиец был разъярен. Он вообще легко впадал в ярость, и в таких случаях окружающим следовало вести себя скромно, помалкивать и по возможности держаться вне пределов досягаемости огромных кулаков.

– Вот моя расписка! – Широкая ладонь припечатала к столу клочок папируса. – Вы ее забираете – и не позднее завтрашнего утра я должен увидеть тридцать подвод, нагруженных провиантом по моему перечню. Вы его получили?

Чиновники мялись...

– Квестор, ты получил перечень?

– Да-а...

– Завтра утром! Ясно?

– Но я не могу... – пробормотал чиновник.

– Почему? – наклонившись, свистящим шепотом спросил Максимин.

– Я не могу отгрузить тебе провиант, легат. Закон не разрешает мне принимать такие расписки. Все армейские квоты уже выбраны! – Чиновник трусил, но сознание собственной правоты придало ему уверенности. – Наместник Туллий...

Раздался треск – и несчастный, отброшенный страшным ударом, отлетел назад и упал между шарахнувшихся «лучших людей» города. Тога его задралась. По штанам из толстой серой шерсти расплзлось темное пятно. Квестор был мертв.

– Мне плевать на квоты! – проревел Максимин. – Мои солдаты не будут голодать! Утром! Завтра! Тридцать подвод! Или я сдеру с вас тряпки и выгоню на Данубийский лед!

Командующий развернулся и стремительно покинул комнату. Чтобы пройти в двери, ему пришлось наклонить голову. Легионеры и свита (на лицах у них читалось полное одобрение действий командующего) вышли следом. Задержался только Черепанов.

– Он что, был сумасшедшим? – спросил принцепс, кивнув на труп.

– Это твой легат – сумасшедший... – пробормотал кто-то.

– У него приказ наместника, – сказал седовласый патриций, глава местного совета. Геннадий пару раз был у него в гостях и относился к нему с уважением: честный человек, философ-стоик.⁷⁶ – Не отпускать армии зерно из городских хранилищ без финансового обеспечения.

– У него *был* приказ наместника, – сказал Черепанов. – Что вы намерены делать?

– Жаловаться наместнику. Пусть император узнает...

– Император знает, – сказал Черепанов, – как Максимин обошелся с вашим судьей, который посягнул на армейские привилегии.

– Но это же другое...

– То же самое. Главная привилегия солдата – быть сытым. Совет: дайте Максимино то, что он требует. Довольно одного мертвеца...

– О чем ты с ними толковал? – недовольно спросил Черепанова Гонорий Плавт.

⁷⁶ Идею стоицизма можно вкратце охарактеризовать так: внутренняя свобода человека не зависит от внешних, в том числе и политических, условий.

– Уговаривал дать провиант.
– Куда они денутся! Фракиец всегда получает то, что хочет.
– Только методы его мне не очень нравятся, – проворчал Черепанов.
– Скажи спасибо, что не ты испробовал его кулака! – усмехнулся примипил. – Да, он грубоват, зато всегда поддержит своих.
– Ну, если *это* называется – грубоват... – протянул Геннадий.
Плавт засмеялся.
– Ладно, – сказал он. – Говори, чего хотел. Ты же не любоваться, как Максимин зерно выколачивает, в город прискакал?
– В отпуск хочу, – сказал Черепанов. – Недели на три. В Рим.
– Небось, к патрицианке своей? – усмехнулся Плавт. – Ой смотри! Фракиец с ее папашей сейчас не в ладах.
– Это их интимные проблемы, – ответил Геннадий. – Меня не касается. Отпустишь?
– Не уверен. Если фракиец отпустит меня. В мой легион. Я узнаю...
Максимин Гонория не отпустил.
– Может быть, на мистерии... – понизив голос, пообещал Аптус. – Надейся, *лев* ...
– А что мне еще остается... – проворчал Черепанов.

Он очень скучал по Корнелии. И по Лехе. Но пришлось удовольствоваться письмами. Из Рима они приходили намного чаще, опечатанные и пахнущие благовониями. Письма от Коршунова пахли менее возвышенно, и запечатывать их не требовалось. Читать по-русски здесь никто не умел. Дела у Лехи шли хорошо. Он уже получил добро и от готов, и от герулов. Сейчас вел переговоры с сарматами. Если получится, будет замечательно. Тяжелая конница очень нужна...

Обещание Аптуса не реализовалось: февральские митраистские мистерии, так же как и декабрьские, Геннадий отпраздновал не в Риме, а здесь, в Мезии. К своим обязанностям примипил одиннадцатого так и не приступил. Потому что пошел на повышение: в префекты восьмого. А место примипила одиннадцатого Клавдиева занял Черепанов: Геннадий уверенно шел вверх по карьерной лестнице. Интересно, куда она его заведет? Не свалиться бы...

Глава вторая Война, власть и политика

Девятнадцатое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. Окрестности города Могонтиака

Повелитель великой Римской империи Марк Аврелий Александр Север «Великий Персидский» прибыл в лагерь западной армии вместе со своей матерью-соправительницей Юлией Авитой Мамеей, официально титулуемой Августой и «матерью императора, солдат, Сената и страны». С ними пришел громадный обоз и два сирийских легиона – шестой железный и шестнадцатый Флавиев крепкий. Вместе с теми войсками, что уже собрались под Могонтиаком, получалась почти сорокатысячная армия. Такими силами можно было не только запугать, но и сокрушить межплеменной союз алеманнов. Так считал Черепанов, чей легион (правда, без легата, который по *общественным делам* задержался в столице) также расположился у стен Могонтиака. Так считал префект восьмого легиона Плавт. Так считал командующий западной армией Максимин.

Император считал иначе. Окинув ничего не выражающим взглядом наведенную понтонную переправу и занятый легионерами плацдарм по ту сторону реки, Александр Север в сопровождении когорты преторианцев вошел в Могонтиак и провел там ночь. Командующему Максимино, рассчитывавшему на немедленную аудиенцию, пришлось отказаться от надежды увидеть императора. Ему сообщили, что август утомлен дорогой и видеть его не желает.

Прошло два дня. Император переселился из города в лагерь, устроенный сирийцами. Максимино он по-прежнему видеть не желал. Зато по построенному фракийцем мосту на ту

сторону переправился отряд в двести всадников. Отряд возглавлял недавно назначенный легатом консуляр Гай Пактумей Магн, дядюшка хорошо известного Черепанову латиклавия одиннадцатого легиона Петрония Магна.

Два дня войско бездействовало в ожидании. На третий день Максимин возобновил обычные занятия. На пятый слухи о том, что консуляр Магн отправлен послом к алеманнскому царю, подтвердились полностью. Магн вернулся, и с ним явились представители алеманнского союза. Император, вот уже пять дней отказывавший в аудиенции своему командующему, принял их незамедлительно.

На следующий день послы отбыли. По слухам, мощь римской армии произвела на них впечатление. Но еще большее впечатление произвело золото, которое, как выяснилось, привез с собой император. Именно с его помощью потомок воинственного Септимия Севера собирался «воевать» с алеманнами.

Максимин не выходил из своей палатки. Он был в ярости. Войско волновалось. Черепановские легионеры не были исключением, но пока кое-как их удавалось удерживать в повиновении. Наконец на седьмой день до императора дошло, что он играет с огнем. Ведь даже его сирийцам не нравилось, что римское золото утекает к варварам. Это было глупо: имея готовую в войне армию, откупаться от врага... но Александр Север был верен себе. Чувствуя, чем может обернуться его политика, он решил откупиться и от собственных солдат: каждому легионеру была выплачена премия в размере трехмесячного жалования. Офицеры получили полугодовое.

– Он спятил! – сказал Сервий Феррат.

Они собрались в командирской палатке Гонория Плавта впятером: сам Аптус, Деменций Зима, Маний Митрил Скорпион, которого Максимин еще в январе поставил во главе седьмого Клавдиева легиона, Сервий Феррат, фактически командовавший первым фракийским, и Черепанов. Пятеро старших офицеров, которым реально повиновались четыре западных легиона.

– Он – идиот! Они сожрали подачку, но пройдет максимум неделя – и все начнется сызнова!

– Точно так! – поддержал примипила Феррата Деменций Зима. – Кто-нибудь задумается, какой куш может отломиться алеманнам, скажет приятелю, тот – следующему... Недели не пройдет – и эта премия покажется им ничтожной.

Собравшиеся одобрительно закивали. Все они знали: в бездействующей армии слухи распространяются мгновенно и так же мгновенно обрастают фантастическими подробностями.

– Если армия собрана, она должна воевать! – изрек Феррат. – Чем он думает, этот мамочкин недоносок? И чем думает сама мамаша? Мои люди и так на пределе. Еще чуть-чуть – и они порвут обоих в куски. Вместе с сирийцами!

– Ну это вряд ли, – заметил рассудительный Маний Митрил. – Если твои взбунтуются, азиаты им накидают. Шестой железный и шестнадцатый Флавиев – отличные легионы. Сплошь ветераны Парфянской войны...

– А я не уверен, – сказал Аптус. – Если первый фракийский поднимется, мои тоже встанут. И не факт, что сирийцы будут драться. Как ты верно заметил, Маний, они – ветераны парфянской войны, в которой наш маменькин сынок полностью опозорился! «Великий персидский» ублюдок! – Гонорий сплюнул на земляной пол.

– Бунта допустить нельзя! – твердо произнес Маний Митрил. – Если начнется бунт, мы потеряем вожжи и вместо своих легионов получим неуправляемую толпу, с которой даже Максимин не совладает. И что тогда?

– Кстати! – вспомнил Зима. – А что наш фракиец?

– Бесится, – ответил Феррат. – Заходил к нему сегодня – он меня чуть не пришиб. Что-то будет...

– Я вам скажу, что будет! – внезапно произнес Черепанов, который до этого не проронил ни слова. – Император у нас пацифист, но голова у него в норме.

Трое префектов и один примипил развернулись к нему с нескрываемым интересом.

– К чему ты клонишь, Череп? – спросил Плавт.

– Все к тому же. Вы недооцениваете противника.

– Алеманны... – начал было Феррат, но Геннадий прервал его:

– При чем тут алеманны! Я говорю о Мамее и ее сыне. В первую очередь о Мамее, которой хватило хитрости вывести своего сына в августы. Будем называть вещи своими именами: наши настоящие враги не варвары, а эти двое. Не варвары угрожают Империи, а такие вот трусоватые политики на троне. Вы все родились римскими гражданами, и вам кажется, что все в Империи – ваше, а все, что снаружи, – чужое. Но чужое есть не только снаружи, оно – и внутри. Это черви, которые подтачивают дерево. Я уже видел однажды, как падает такое дерево. Как рассыпается на куски государство, подточенное изнутри ничтожными правителями. Слабый император сейчас страшнее для Рима, чем персы, алеманны и все варвары вместе взятые. Слабый император думает не о том, как победить врагов империи. Он думает о том, как удержать власть. И его враг – не алеманны. От алеманнов он откупится. Его враг – наш фракиец!

– Что ты говоришь, череп! – воскликнул Аптус. – Максимин никогда не пойдет...

– Зато Мамея пойдет! – перебил друга Черепанов. – И ее сын! Я вам скажу, что будет. Александр не распускает армию, потому что рассчитывает припугнуть алеманнов и уменьшить сумму откупных. Еще я думаю, что он постарается натравить алеманнов на франков, но не думаю, что это у него получится. Но одно я могу предсказать точно, братья мои, – Черепанов поднял руку в традиционном митраистском жесте клятвы: – Фракийцу больше нами не командовать. Его уберут от границы. Направят куда-нибудь под Капую обучать новобранцев.

– Ты что-то знаешь? – спросил Маний Митрил.

– Да. В сенате уже обсуждается кандидатура его преемника.

– Откуда сведения? – быстро спросил Аптус.

– От наместника Туллия...

– А-а-а... – презрительно протянул Гонорий.

– ...И консуляра Антонина Антония Гордиана. Я очень надеюсь, братья, что мои слова останутся внутри стен этой палатки. И их не услышит никто, кроме вас. Никто! – подчеркнул он.

– Ну ясное дело, – проворчал Феррат. – Максимин тебе голову оторвет за то, что якшаешься с сенатской сволочью.

– Как знать, – заметил Маний. – Геннадий ведь не ради карьеры с сенаторами общается. И не зря он своим внешним покровителем двуликого Януса избрал. Кстати, *лев*, коли уж речь о Янусе зашла... люди *видеть* должны, что ты ему служишь. И иным богам тоже. Когда ты последний раз в храм заходил? Когда жертву приносил хоть Марсу, хоть Юпитеру?

– Делать мне больше нечего, как по храмам ходить, – буркнул Черепанов. – На нас с Деменцием целый легион висит...

– Деменций-то в храмы ходит, а ты нет, – строго произнес Скорпион. – Люди уж на тебя коситься начинают... Так недолго и догадаться, *кому* ты истинно служишь...

«Да мне и митра ваш – по барабану», – подумал Геннадий, а вслух сказал:

– Давай о богах сейчас не будем, Маний. Давай о деле. Думаешь, фракиец мои контакты с сенаторами не одобрит?

– Да кто его знает, – проворчал Скорпион. – Фракиец – не дурак. Знает, что ты ему верен. Но нынче подозрителен стал...

– Станешь подозрителен, когда тебя сместить хотят! – вступился за Максимиана Аптус. – Скажи, Череп, а в преемники его кто метит, не знаешь?

– Мне говорили: самый вероятный – консуляр Магн.

Плавт издал такой звук, будто выпустил газы. Лица остальных вытянулись.

– Тогда нам конец, – выразил общее мнение Митрил.

– Что будем делать? – спросил Деменций Зима.

Пятеро военачальников переглянулись.

– Сдается мне, мы думаем об одном и том же, – предположил Маний Митрил по прозвищу Скорпион.

Четверо остальных кивнули, подтверждая.

– У нас есть братья среди сирийцев? – спросил Черепанов.

– Наверняка, – уверенно ответил **перс** Маний Митрил, стоявший в митраистской иерархии ступенью выше остальных, **львов** .

– Может быть...

– Нет, – отрезал Митрил. – Это наше дело.

– Ты хочешь сделать *это* лично? – спросил Аптус. Митрил покачал головой.

– Мы слишком известны, – сказал он. – Нужны исполнители.

– Я никому не стану поручать *такое* , – сразу отказался Феррат. – Все, кому я доверяю, присягали августу. Лишить их покровительства богов... такое надо делать самим. Или мы рискуем кончить, как кончил Макрин.⁷⁷ Я согласен с Железным, – сказал Деменций Зима.

– Я бы взялся, – произнес Аптус. – Но у меня нет никого, кому я мог бы поручить такое. Разве вот Черепу...

Это была шутка, но Геннадий кивнул.

– Я возьмусь, – сказал он.

– Ты сам?! – воскликнули в один голос Зима и Плавт.

– Не лично. У меня есть люди, которым я могу это доверить и которые не испугаются богов Империи. Но мне понадобится помощь...

– Все, что в наших силах, – сказал Митрил. – Говори, Геннадий.

– Позже, – покачал головой Черепанов. – Такое дело следует сначала обдумать. И подготовить как следует. К сожалению, у нас мало времени.

– Значит, не будем его терять, – произнес Маний Митрил. – До встречи, братья...

– Знаешь, что меня тревожит, Геннадий... – сказал Деменций Зима, когда они вместе возвращались в расположение своего легиона.

– Что?

– Максимин.

– Думаешь, он откажется?

– Нет. Я думаю: как бы наш фракиец не стал еще более жестоким повелителем, чем Каракалл...

– М-м-м... Очень может быть, – пробормотал Черепанов, к этому времени достаточно изучивший римскую историю. – Но еще десяток лет правления такого императора, как Александр, – и эта провинция станет варварской. Разве у нас есть выбор?

– То-то и оно, – пробормотал префект. – И все-таки мне страшно. В жилах Александра хотя бы течет кровь великих августов, а в жилах Максимиана – кровь фракийского пастуха.

– Зато он сам поднялся на вершину, – заметил Черепанов.

– Сам. Но понравится ли гению Рима, если ему придется нашептывать в ухо безродного пастуха?

– Разве у него есть выбор? – усмехнулся Черепанов. – Не думаю, что он захочет остаться *бездомным* гением Рима.

Соправительница Мамея принимала сына в своем шатре. Его собственный был, по мнению соправительницы, слишком убог. Ее же шатер был даже изнутри выстелен пурпурной тканью, под цвет императорским одеяниям сына. Но сама Августа была одета

⁷⁷ Напомню читателю: преторианский сопрефект Макрин. По его наущению был убит император Каракалл, после чего Макрин сам провозгласил себя императором (217–218 годы по Р. Х.), но пробыл в этом состоянии недолго, был разгромлен, пойман и казнен.

по-домашнему, в просторную тунику из далматского шелка. 78

– Мало разослать их по провинциям, – говорила сыну Мамея. – Это бунтари, вечные бунтари. Я хочу, чтобы ты распустил эти легионы. Распусти их – и пусть верные нам легаты сформируют их снова. Сделай это, пока боги к нам благосклонны, и прекрати транжирить золото. Я же говорила тебе: раздача ничего не даст.

– Они бы взбунтовались! – возразил ее сын. – Как это было в Месопотамии. Там их утихомирил Максимин. А сейчас?

– Тогда было другое. Ты помнишь, какие тогда были знамения? И гадатели в один голос пророчили беды. А сейчас? Даже твой любимый астролог Тразибул, который вечно предсказывает неведомые опасности, на этот раз высказался определенно.

– Ну да! – фыркнул император. – Нагадал мне смерть от меча!

– Вот именно! – воскликнула его мать. – Меч – символ войны, но ведь мы не собираемся воевать! Это твой Максимин, дай ему волю, тут же начал бы войну. А мы собираемся расформировать все эти проклятые легионы!

В голосе сопровительницы прорезались визгливые нотки.

– Не кричи так, – поморщился ее сын. – Охрана услышит.

– Пускай слышит, – отмахнулась Мамея. – Все равно ничего не поймут. Эти здоровенные галлы-преторианцы даже латыни не знают!

Между собой мать и сын всегда говорили на том диалекте греческого, которым пользовались на их родном Востоке, так что в ее словах был резон. Вот только из шести гвардейцев, охранявших в эту ночь шатер мамеи, четверо были галлами, один – германцем из франков, а последний – как раз сирийцем, так что фраза о расформировании легионов была ему вполне понятна.

Глава третья, в которой грязными методами: хитростью, подлостью и обманом (как это обычно и бывает) – творится история

Ночь с девятнадцатого на двадцатое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. Окрестности города Могонтиака. Лагерь XI легиона

– Вы вправе отказаться, – произнес Черепанов. – И сейчас я буду говорить не как ваш командир, а как... хм-м... ваш родич. Приказать не могу. Дело это крайне опасное. И тайное. Если об этом узнают, ни мне, ни вам головы не сносить.

– Говори прямо, примипил, нечего нас интриговать, – усмехнулся Скулди. – Чего надо?

– Прямо, говоришь? – Черепанов тоже усмехнулся, оглядел всех четверых: Агилмунда, Ахвизру, Скулди и его родича Берегада, молодого, но крайне перспективного разведчика. – Можно и прямо: я хочу, чтобы вы тайно проникли в сирийский лагерь и убили императора Александра и его мать. Я достаточно прямо говорю, Скулди?

Герул-кентурион крикнул. У Берегада даже глаза округлились. А вот готы никакого удивления не выказали. Нервы у них были из титановой проволоки.

– Действительно рискованное дело, – сказал Ахвизра. Глаза его азартно блеснули – многие здесь хотели бы смерти императору...

– Многие здесь кричали о том, что хотят другого императора, – уточнил Агилмунд. – Но никто не кричал, что хочет его убить.

– Агилмунд верно говорит, – присоединился Скулди. – Смерти хотят многие. Почему ты говоришь, что именно нам придется его убить?

– Почему он говорит это нам – как раз понятно, – вмешался быстро соображавший Ахвизра. – Потому что во всем легионе только мы способны это сделать! – В голосе гота

78 Просторные длинные туники из белого далматского шелка с широкими рукавами до запястий и с пурпурными полосами спереди назывались далматиками, и их ношение считалось римлянами признаком изнеженности. Позднее христиане позаимствовали далматик для литургии.

прозвучало откровенное самодовольство. – Зачем это *тебе* , примипил? Тебя попросил фракиец?

Черепанов покачал головой:

– Если бы Максимин решил убить императора, он сделал бы это собственноручно. Но он не станет. Вы не клялись в верности императору. Вы присягали только орлу легиона. Я позаботился об этом. А Максимин клялся Августу в верности и останется верен клятве. Боги не любят тех, кто нарушает клятвы.

Трое варваров одобрительно кивнули, а Скулди, напротив, покачал головой:

– Ты не ответил мне, *Гееннах* .

Этим обращением он давал понять Черепанову, что говорит сейчас не как младший кентурион со старшим, а как *родич* . Что, собственно, и предлагал Черепанов.

– Зачем это мне... – медленно повторил Геннадий.

– И зачем это нам, – добавил практичный Агилмунд.

– Скажи мне, Агилмунд, ты хочешь воевать с алеманнами? – спросил Черепанов.

– Да. Война – это неплохо. Добыча, развлечение...

– Александр не будет воевать. Он даст алеманнам золото... которое могло бы достаться вам.

– ...И еще шестидесяти тысячам. Если его разделить на всех – совсем мало получится, – заметил Агилмунд. – Это общее дело. Зачем нам стараться для шестидесяти тысяч римлян? Чужаков...

– А для своего родича ты готов постараться? – прищурился Черепанов.

– Ты – хороший вождь, *Гееннах*, – сказал Агилмунд. – Но все-таки ты нам – не родич.

– А Аласейя?

– Аласейя – далеко...

– Да. Он далеко. И он, наверное, рассказывал тебе, что убил в Томах одного тюремщика?

– Не он, Луций рассказывал. Он слишком мягкий, мой родич Аласейя. Я бы за такое убил многих...

– Аласейя убил одного. Но в Империи за такое убийство могут строго наказать. И здесь не принято платить виру за убийство. Здесь за такое убийство могут даже казнить. Поэтому я попросил Аласейю уехать, надеясь, что без него мне удастся договориться с судьями. Но судьи упрямы, а верховный судья, скорее всего, не станет на сторону Аласейи.

– Надо дать ему золота, – тут же сказал Агилмунд. – Кто он, верховный судья? Много он возьмет?

– Боюсь, что у всех нас не найдется достаточно золота, Агилмунд. Верховный судья здесь – император. И он очень не любит, когда убивают без суда и закона.

– Я так и думал, – заявил Скулди. – Скажи, *Гееннах*, если мы убьем Александра, кто тогда станет императором?

– Я сделаю все, чтобы императором стал Максимин.

– Ха! – воскликнул Ахвизра. – Вот этот не станет наказывать Аласейю. Он сам убивает без суда и закона!

– Август Максимин – это неплохо, – сказал Агилмунд. – он храбр и любит драться. И воины его любят. Я думаю: если Александр умрет, Максимин станет императором. Но когда он станет императором, не захочет ли он наказать *нас* ? За то, что мы убили *императора* .

– Он не должен узнать, кто это сделал, – сказал Черепанов. – Завтра Александра Севера и Мамею найдут мертвыми. И никто не узнает, кто их убил. Я сообщу вам все пароли и дам каждому доспехи преторианцев из сирийской когорты: десятников и субпрефекта. Никто не посмеет вас остановить. Даже если вам не удастся остаться совсем незамеченными, свидетели скажут: августов убили сирийцы. А если вам не удастся...

– Удастся! – самоуверенно заявил Скулди. – Мы убьем их обоих. Но за смерть Мамеи ты должен нам заплатить. Аласейя сказал: все, кого мы убили, предстанут вместе с нами перед вотаном, когда мы умрем, и в Валхалле мне придется повозиться, чтобы заставить ее

себе прислуживать. Справлюсь, но это нелегкая работа. Поэтому в этом мире я должен получить за нее золотом.

– Получишь, – усмехнулся Черепанов. – Но отправить ее в Валхаллу вы должны сегодня. Согласны?

– Ну да, – за всех ответил Агилмунд. – Такие дела лучше не откладывать.

– И золото лучше получить сегодня, – тут же добавил Скулди. – Сколько, Гееннах?

– Не беспокойся, Герул, – сказал Черепанов. – В обиде не будешь.

Что Черепанову всегда нравилось в Коршуновских головорезах – абсолютная уверенность в собственных силах. Вот он сейчас отправил их, четверых, на операцию, цель которой – завалить главу крупнейшего государства, находящегося в укрепленном охраняемом лагере двух преданных легионов, под личной охраной отлично подготовленной преторианской когорты... и ни один из них, даже педантичный Агилмунд, ни на миг не усомнился, что акция может закончиться провалом. А вот сам Черепанов такой абсолютной уверенности не испытывал. Ну да, Геннадий выдал им «облегченную» (без кирас, поножей и тому подобного железа) преторианскую форму, добытую, уж неизвестно как, Аптусом, и сообщил пароли, выведенные Манием Митрилом. Но то, что операция такого масштаба разрабатывалась неполные сутки и реализовывалась четверкой в сущности случайных людей, плохо укладывалось в Черепановском сознании. Ведь противостоять четверке германцев будут не салабоны, а тоже крутые парни. Понимают ли они это? Вспомнилось, как они с Плавтом удрали от вандалов. Неужели бойцы рыжебородого рикса Дидогала были хуже готов? Вряд ли. Да и Аптус, конечно, лучший из лучших, но ведь и преторианская гвардия набирается тоже из лучших...

Словом, беспокойно было примипилу Геннадию. И на душе и в мыслях. Провалится операция – беда. А зарежут Коршуновские «спецназы» императора... тоже нехорошо как-то. Дело в том, что нравился Черепанову Марк Аврелий Александр Север, повелитель великой Римской империи. По-человечески нравился. И как правитель – тоже: разумный... Одно его высказывание о том, что на государственные должности нужно ставить тех, кто избегает их, а не тех, кто их домогается, многого стоит.⁷⁹ Не кровожадный, простой в быту и в обращении (простой для императора, конечно), способный прислушиваться к чужому мнению... К сожалению, в первую очередь – к мнению своей мамы, которая вертит сыном как хочет. Даже жену его, собственноручно выбранную, из палатина изгнала, как только та начала кое-какое влияние на мужа приобретать.⁸⁰

«Так надо, – убеждал себя Черепанов. – Если такова цена сохранения Империи, значит, надо ее заплатить. Мягкий, терпеливый, уравновешенный, ценящий человеческую жизнь Александр ее погубит, а агрессивный, яростный, не терпящий возражений Максимин – спасет».

Впрочем, от Черепанова уже ничего не зависело. Справятся Коршуновские варвары с задачей – быть Максимиனு императором. Не справятся... все равно Александру императором не быть. Легионы – на грани бунта, внешние враги подступают, народ пищит от новых налогов... Александр добр, но Империю не сохранит. Максимин свиреп, но, черт возьми, страж границ и должен быть свирепым!

Эта мысль напомнила Черепанову о другом «страже», о его «внешнем покровителе» –

⁷⁹ Элий Лампридий. Александр Север.

⁸⁰ Мамея, неустанно опекавшая сына, выбрала ему невесту из патрицианской семьи, Кнею Сею Гереннию Саллюстию Барбию Орбиану, которая была удостоена титула Августы. Ее отец, Сей Саллюстий Макрин, по-видимому, получил титул Цезаря. Однако прошло немного времени, и он вместе с дочерью лишился симпатий ревливой и подозрительной Мамеи, которая вынудила Александра – против его воли, как утверждают источники, – изгнать Орбиану в Африку. Тесть императора пытался укрыться в лагере преторианцев, но его схватили и казнили как мятежника в 227 или 228 году.

боге Янусе.⁸¹ И слова Скорпиона о том, что Геннадию следует более демонстративно почитать своего Бога.

Повинуясь скорее импульсу, чем разуму, Геннадий отправился в легионному татуировщику, разбудил его и потребовал начертать на своем правом запястье «ССС», а на левом – «LXV».⁸² Что и было сделано.

Выйдя от татуировщика, Черепанов снял с пальца золотой перстень с изображением Александра Севера, подаренный ему самим императором в знак особого доверия, размахнулся и зашвырнул перстень в темноту.

* * *

Ночь с девятнадцатого на двадцатое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. Окрестности города Могонтиака. Лагерь VI и XVI легионов

– Проклятие... – прошептал Ахвизра, опуская нож. – Он же мертвый.

– И второй – тоже, – шепнул Агилмунд. Сирийский лагерь спал. Кроме охраны у ворот, которой было достаточно пароля и формы преторианцев, чтобы пропустить «диверсантов» в расположение легиона, часовых – в положенных местах, охранявших конкретные объекты, и настоящих преторианцев императора, коим тоже полагалось охранять конкретный объект – своего императора. Но это только издали казалось, что охрана у палатки Августа начеку и в боеготовности. На самом деле охранники-преторианцы были мертвы. Убийцы так искусно привязали их к воткнутым в почву копьям, что даже Ахвизра едва не обманулся и сообразил недоброе, только учуяв нехороший запах. Знай Ахвизра, что охранять палатку должны не двое, а шестеро и у входа в нее должен гореть костер, он насторожился бы значительно раньше.

– Оба готовы, – резюмировал Скулди. – Задушены. Ахвизра, глянь внутри.

Гревтунг нырнул под полог, а трое остальных тем временем настороженно всматривались и вслушивались. Но огромный лагерь безмолвствовал. Вернее, издавал лишь естественные для многотысячного скопления спящих людей звуки.

Ахвизра вынырнул наружу, обтер краем полога руки и небольшую статуэтку размером с ладонь, которую, обтерев, заткнул за пояс.

– Мертв, – сказал он. – Нас опередили.

– Он точно убит? – спросил дотошный Агилмунд.

– Горло перерезано, я щупал, – аж до позвоночника.

– Уходим? – спросил племянник Скулди Берегед.

– Надо бы еще туда заглянуть. – Агилмунд кивнул в направлении обиталища Мамеи. Высокий шатер (а не скромная армейская палатка, как у ее сына) конусом темнел рядом, шагах в двадцати.

Четверо варваров бесшумно пересекли разделенное тенями пространство... У шатра Мамеи охраны не было вовсе.

Ахвизра коснулся запястья Агилмунда, начертал пальцем знак: «Войти?»

Его друг покачал головой. И так все ясно.

– Уходим, – чуть слышно шепнул он, и четверка растворилась в темноте.

⁸¹ Напомню читателю, что двуликий Янус считался богом порога (границы), дверей, входа-выхода и всякого начала.

⁸² Как бог, знавший прошлое и будущее, Янус был всеведущ. Его атрибуты: две короны, посох и ключ – означали, что он: а) управляет двумя царствами (видеть два пути одновременно), б) является покровителем дорог и мер (расстояний и чисел), в) является создателем и хранителем дверей и запоров (включая небесные врата). Будучи богом времени, он имел на правой руке начертание «ССС» (римское «300»), а на левой – «LXV» (римское «65»), что соответствовало количеству дней в году.

Глава четвертая «Аве, Август!»

Двадцатое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. Третий час дня по римскому времени. Могонтиак

– Кто это сделал? – прорычал Максимин. – Кто?!

– Поищи среди своих принципалов, легат! – процедил префект преторианцев.

– А почему не среди никчемных преторианцев? – осведомился присутствовавший на собрании наместник Верхней Германии консуляр и сенатор Дион Кассий, у которого была давняя вражда с преторианцами. Настолько серьезная, что во время своего консульства Кассию пришлось два месяца провести вне стен Рима. ⁸³

– Ты!!! – Префект в ярости вскочил со своего места...

...И увидел прямо перед собой разъяренную Горгону Медузу на золоченом нагруднике Максимиана. Фракиец, несмотря на свои габариты и возраст, мог двигаться очень быстро.

– Сядь!

Небрежное движение руки – и префекта швырнуло обратно на скамью. Краска сбежала со щек префекта. Он вдруг осознал, что был на волосок от смерти.

– Ты! – толстый палец Максимиана указал на легата XVI flavia firma. – Говори!

– Их нашли утром, – сказал командующий шестнадцатым флавиевым. – Убийцы неизвестны. Двое стражников были убиты. Задушены. Остальные утверждают, что ничего не видели и не слышали...

– Вырвать у них правду! – прорычал Максимин.

– Я бы не советовал этого делать, – подал голос Маний Митрил Скорпион.

– Присоединяюсь, – поддержал его Гонорий Плавт.

– Он прав, – выступил легат второго сирийского легиона. – Нельзя никого трогать, Доминус! Будет бунт! В легионах неспокойно! Смерть Августов...

– Молчать! – взревел Максимин. – Я хочу, чтобы убийцы были найдены! Я не хочу, чтобы в смерти императора обвиняли *меня* !

В просторном зале, где обычно собирался городской совет Могонтиака, а сейчас расположились старшие командиры шести легионов, повисла напряженная тишина. Присутствующие знали фракийца. Никто не осмеливался высказаться. Никто не хотел стать жертвой безудержного гнева гиганта командующего. В зале наступила тишина, зато снаружи, с форума, донесся изрядный шум.

– Что там такое? – рявкнул Максимин. – Декурион! Что там происходит?

– Там легионеры! – Декурион охраны уже минут десять топтался у дверей, не решаясь обратиться к разгневанному командующему. – Они хотят тебя видеть, Доминус!

– Митрил! Выйди и разберись! – скомандовал Максимин. – Итак, вы все меня поняли? – Он мрачно оглядел присутствующих. – Я хочу, чтобы даже тень подозрения не пала на меня, ясно? Я хочу, чтобы убийцы Августов были найдены. Я хочу, чтобы все виновные в убийстве были найдены! Я сам...

– Гай! – В дверях стоял вернувшийся Митрил. – Там выборные от всех легионов. Они

⁸³ Император Александр был слишком мягок для того, чтобы призвать к порядку даже собственных гвардейцев. Поэтому именно он посоветовал Кассию, в целях его безопасности, выехать за пределы Рима, подальше от ненавидевших консула преторианцев. Вообще же ситуация в гвардии при Александре Севере как нельзя лучше иллюстрирует его «качества руководителя». Началось все еще в 223 году, когда Августам (вернее, Мамее, потому что Александр был тогда еще слишком молод) пришлось уступить во время трехдневных уличных боев преторианцев, не поладивших с собственным командиром, знаменитым судьей Ульпианом, земляком Мамеи и ее главным советником. Когда Ульпиан стал главным префектом, в его подчинении оказались два других префекта (Флавиан и Крест) – два старших офицера претория. Однако вскоре оба умерли, и стражники, недовольные суровостью Ульпиана в отношении дисциплины, подняли бунт, заподозрив пришедшего начальника в причастности к смерти своих командиров. Ульпиан был убит. Мамея и Александр не смогли спасти своего земляка и даже вынуждены были назначить его убийцу, Марка Аврелия Эпагата, наместником Египта – правда, позже они нашли возможность с ним расправиться.

желают тебя видеть!

– Подождут!

– Гай, они желают тебя видеть *немедленно* !

* * *

Ночь с девятнадцатого на двадцатое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. За час до рассвета. Окрестности Могонтиака. Лагерь XI легиона

– Они мертвы, – сказал Агилмунд. – Оба. Нас опередили.

– Кто это сделал? – спросил Черепанов.

Агилмунд пожал плечами:

– Тебе нужны доказательства?

– Твоего слова довольно.

– Похоже, ты рад? – спросил наблюдательный Скулди.

– Рад, – не стал скрывать Геннадий.

– Мы – тоже, – сказал Герул. – Не очень приятно убивать женщину... за деньги.

– Ну да, – сказал Черепанов. – Хорошо, что ты напомнил...

Он открыл сундук в котором лежали четыре туго набитых кошелька, взял два и протянул Агилмунду.

Гревтунг качнул головой.

– Бери! – сказал ему примипил. – Это половина. Свою часть вы сделали хорошо, и не ваша вина, что главное кто-то проделал вместо вас. Когда Аласейя вернется, я расскажу ему о вашей храбрости. Только ему – больше никто об этом знать не должен. Ни о том, что вы намеревались убить императора, ни о том, что вы его *не убили* .

Агилмунд кивнул. Он был сообразительный мужик и все понял.

– А теперь идите. Завтра будет трудный день.

Воины покинули его палатку, но в последний момент Ахвизра остановился...

– Тебе не нужны доказательства, Гееннах, и мы это ценим, но все же возьми! – протянул он Черепанову завернутый в тряпку предмет и вышел.

Геннадий развернул тряпку. Статуэтка. Черепанов поднес ее ближе к светильнику... Да, статуэтка... Иисуса Христа. Тяжесть, свалившаяся с души Геннадия, когда он узнал, что его парни опоздали, навалилась вновь. Непонятно почему. А секундой позже взгляд подполковника упал на собственные запястья. На красные отметины свежих саднящих татуировок.

«Число зверя...» – подумал он. Откуда-то изнутри выплыл страх...

«А вот уж хрен! – сказал сам себе подполковник. – Число зверя вовсе не триста плюс шестьдесят пять. Числа, они точность любят».

И сразу опять полегчало.

«Интересно, – подумал он. – Написано ли уже Откровение Иоанна? Или еще нет? А может, и сам автор его сейчас живет и здравствует. А что, было бы круто потолковать по душам с самим автором Апокалипсиса. И попросить прокомментировать *мое* число...» – Он посмотрел на татуировки, а потом, повнимательнее, на статуэтку, которую все еще держал в руках. Искусно вырезанная из дерева, она очень походила на изображения господ, виденные Геннадием в католических храмах, и была явно не просто поделкой, а настоящим произведением искусства. Но в данный момент Черепанов больше думал не о ее художественной ценности, а о том, что она является уликой. И как с ней поступить? Сжечь? Очень не хотелось. Оставить себе... слишком большой риск.

«Скорпиону отдам, – решил Черепанов. – Без комментариев. Пусть Митрич толкует по собственному усмотрению».

Однако ж Манию Митрилу статуэтку он так и не отдал. Оказалось, что «Митрич» христиан на дух не переносит. Две его престарелые тетки приняли крещение и пожертвовали имущество то ли общине, то ли каким-то нищим. Короче, лишили префекта законного

наследства, посему он относился к последователям Христа примерно как истовый православный – к «совратившим» его жену сектантам: «Мочить гадов». Так что отдавать ему на поругание статуэтку Черепанов не стал, а позже подарил ее Лехиной жене. Чем очень ее порадовал.

* * *

Двадцатое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. Третий час дня по римскому времени. Могонтиак

Форум – обширная площадь перед зданием – был под завязку заполнен легионерами. В этот день Могонтиакским рыночникам пришлось забыть о своем бизнесе. Их лоткам места не осталось. Солдаты стояли даже на бортиках фонтана.

«Выборные, ха! – подумал Черепанов, вместе с остальными офицерами вышедший вслед за фракийцем. – Тысяч десять, никак не меньше!»

Здесь были не только «данубийцы», но и сирийцы. Кое-где мелькали даже красные головные повязки африканских мавров.

Едва Максимин появился между колонн портика, над толпой поднялся и заплескался между стен форума невнятный рокот. Затем кто-то выкрикнул пронзительно:

– Аве, Максимин! Аве, Август Максимин!

– Аве, Август! – подхватили тысячи глоток. – А-ве! Ав-густ! Мак-си-мин Ав-густ!!! – И каждый выкрик сопровождался чудовищным грохотом тысяч кулаков, ударяющих в железо нагрудников. – А-ве!!! Ав-густ!!!

Максимин оглянулся... Черепанов впервые увидел на волевом лице фракийца выражение беспомощности... Губы его шевелились, и, хотя все слова проглатывал рев толпы, Черепанов понял, что он говорит. Максимин не хотел признать себя императором.

Гигант поднял руку – и ропот постепенно стих. Зато толпа прихлынула к самым ступеням. Черепанов на сотнях обращенных к портику лиц видел жадное ожидание: что скажет фракиец?

– Воины... – Голос Максимиана утратил свою обычную мощь. – Воины, я скорблю о том, что случилось. Я... клянусь найти... – Фракиец умолк.

Он был опытным командующим и оратором, следовательно, умел ловить настроение солдат. И сумел уловить зарождающееся на форуме смутное недовольство. Толпа желала услышать вовсе не это. А толпа – не войско, повинующееся воле командующего. Толпа – капризная и своевольная женщина, чье настроение меняется за считанные секунды: обмани ее доверие, и пылкая любовь тут же превратится в ненависть.

«Если он откажется, нас растопчут», – возникла у Геннадия отстраненная мысль.

Вероятно, все они, стоявшие на ступенях, включая самого Максимиана, почувствовали это. И сам Гай Юлий Вер – тоже. Сейчас не имело значения, что командующий на локоть выше любого из своих командиров. В сравнении с мощью толпы – он не более чем муравей...

Черепанов почувствовал, что его отодвигают в сторону.

Гонорий Плавт Аптус протиснулся вперед, оказался рядом с замолчавшим фракийцем – его уменьшенная копия, в таких же доспехах и таком же «легатском» шлеме. Еще шаг – ступенью ниже – и Аптус уже между командующим и толпой. Сорванный с головы шлем с длинным красным гребнем – прочертил дугу и звонко ударился о мрамор.

– Аве, Август Гай Юлий Вер Максимин! – яростно закричал префект восьмого легиона. – Аве, император Рима!

– Аве, император! – быком взревел за спиной Черепанова Маний Митрил Скорпион. – Аве, Август!

– Аве, Максимин! Барра! Август! Император! – боевой клич легионеров смешался с приветственными возгласами.

Маний Митрил отобрал skutum у воина стражника, швырнул под ноги Максимиана. Тот

посмотрел на легший под ноги щит. Большое лицо командующего сморщилось – словно от боли... но в следующий миг черты его обрели привычную твердость: Максимин фракиец принял решение. И шагнул на брошенный skutum. Еще секунда – и кинувшиеся в нему воины (Черепанов был в их числе) подхватили широкий, окованный сталью щит и, поднатужившись, взметнули вверх и его, и стоящего на нем двухсоткилограммового фракийца.

– Аве, Август! – не слыша себя, кричал Черепанов. Рядом разевал рот какой-то незнакомый легионер, а по ту сторону щита орал, надсаживаясь, Гонорий Плавт.

Откуда-то возник пурпурный плащ. Его, свернув комком, метнули на щит. Максимин наклонился, поднял плащ и набросил на плечи...

Глава пятая Гай Юлий Вер Максимин Август

Двадцать второе марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. Третий час дня по римскому времени. Могонтиак

– Я не поеду в Рим, – сказал Максимин. – Сейчас не поеду. Для этого мне потребуется откупиться от алеманнов, а тогда – чем я лучше Александра? Рим подождет. И Рим, и сенат. Мне плевать, признают ли меня сейчас Августом. Я вышибу дух из германцев. Я растопчу их и покажу, что такое сила Рима. Чтобы ни один варвар не смел даже приблизиться к нашей границе. Я сделаю это – и только тогда явлюсь римлянам. С возами добычи, с толпами пленных, во главе победоносных легионов, под эгидой великой славы. И пусть тогда Сенат посмеет отказать мне в пурпуре и триумфе! Тогда, клянусь Марсом и Юпитером, я растопчу их так же, как германцев!

– Аве, Август! – подобострастно воскликнул командир осдроевских лучников Македоний, которого Максимин назначил вместо их прежнего командира, Тита, распускавшего слухи о том, что это фракиец виновен в смерти Александра и Мамеи. Необычайная снисходительность для фракийца. Впрочем, облачившись в пурпур, Максимин, казалось, избавился от своей прежней жестокости. И ни одной вспышки ярости – с того дня. Те из друзей фракийца, кто опасался, что нрав его станет еще более бешеным от сознания абсолютной власти, с радостью отбросили свои сомнения.

– В Рим он не поедет, – сказал Гонорий, наклоняясь к Черепанову. – В Рим поедем мы с тобой. Как только одержим первые победы. Мы с тобой и с Максимин-младшим. Сенат должен признать фракийца. А мы должны позаботиться о том, чтобы префект Рима был нашим человеком. Этим займусь я, а ты, Череп, займешься сенаторами. У тебя это неплохо получается. Убедишь их, что фракиец – Сенату не враг. Назначил же он их ставленника консуляра Магна командовать сирийцами.

– Я Магну не верю, – покачал головой Черепанов. – Я бы ему даже кентурии не дал.

– Не нам решать, – заявил Аптус. – Вот женишься на дочке Гордиана, станешь патрицием и сенатором – и фракиец даст Магну пинка, а тебе доверит не то что сирийские легионы, а хоть всю Сирию.

– С чего ты взял, что я женюсь на дочери Гордиана? – нахмурился Черепанов.

– А как ты думаешь?

Черепанов пристально посмотрел на своего друга...

– Суки вы с Максимин-младшим, – буркнул он.

– Фракиец тут ни при чем, – обелил Максима Аптус. – Письма читал только я. Или ты предпочел бы, чтоб это был военный цензор?

– Когда-нибудь я тебя придушу, Аптус, – проворчал Геннадий. – Когда фракиец намеревается выступить против германцев?

– Послезавтра, сразу после Тубилустрия. 84

84 Тубилустрий – праздник в честь бога Марса. В этот день римляне совершали ритуальное очищение боевых труб. Считалось, что это принесет удачу в военных кампаниях в новом году.

– Мой Алексей не поспеет.

– Ничего страшного. Обойдемся пока без его скифов. У нас есть мавры и осдроны. А галлы умеют воевать в лесах ничуть не хуже германцев. И все-таки жаль, что Максимин не прикончил послов-алеманнов, как я ему советовал. Они с нашими послами не церемонятся. По своему опыту знаю.

– А я думаю, фракиец прав. Убей он послов, и оскорбленные германцы обрушились бы на нас всей кучей.

– Вот и отлично! Прикончили бы всех разом! Смотри-ка, твой дружок Магн так на нас и тарашится...

Черепанов посмотрел на скамью в противоположном конце зала, на которой восседал в окружении своих кентурионов, префектов и трибунов консуляр Гай Пактумей Магн.

– Он мне не дружок, – проворчал Черепанов. – Думай что хочешь, но я бы на твоём месте приставил к этому хлыщу пару надежных людей.

– За кого ты меня принимаешь, Череп? – Плавт даже обиделся немного. – Конечно, я приставил к нему надежных и глазастых парней. И не двух, а побольше. Ладно, давай послушаем, что наш Август говорит. Похоже, он перестал хвалиться будущими трофеями и перешел к делу.

Преданность Максиминому никогда не лишала Плавта критического взгляда на своего кумира.

«Остается надеяться, что со временем он научится держать язык за зубами», – подумал Черепанов.

Пусть даже характер фракийца смягчился после того, как легионы облачили его в пурпур, все равно он не из тех, кто способен долго терпеть критику. Даже от преданных друзей. Особенно когда все вокруг изощряются в лести...

Глава шестая Заговор

Двадцать четвертое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. Третий час. Окрестности Могонтиака

Наведенный через реку мост изогнулся дугой, но скрепленные цепями понтоны даже могучему Ренусу-Рейну не разорвать. Легионы переправлялись на варварский берег. Сейчас наступила очередь легионеров Аптуса. Первый фракийский Феррата уже укреплялся на том берегу. В принципе, на дружественной земле прикормленных Римом варваров. Но это – в принципе. Если бы сейчас нагрянули алеманны, переправившимся пришлось бы туго. Две римские биремы, стоявшие на якорях у противоположного берега, – не слишком серьезная поддержка. Но алеманнов не было. Переговоры, затеянные покойным Александром, сыграли на руку Максиминому, а уехавшие ни с чем послы, скорее всего, еще не добрались до своего главного рикса или как там его называют.

Переправлялась пехота аккуратно, чтобы не повредить мост, перетаскивали легкие орудия, переводили зашоренных обозных лошадок...

Переправить на тот берег такую армию – дело не быстрое. Два дня минимум. Черепановский легион, Девятый Клавдиев, теперь уже только его (благородный легат из рода метеллов так и не соизволил вернуться из Рима), должен был переправиться последним. После мавританской конницы. А вот Максимин с утра уже был той стороне. Правда, переправлялся он не пешком, а на биреме.

– Завтра к вечеру закончим, – сказал стоявший рядом с Черепановым Маний Митрил и вздохнул. Его самого Максимин оставлял здесь, в Могонтиаке. – Завтра – оба сирийских, осдроны, мавры и твои. Завтра мы все закончим.

– Угу, – кивнул Черепанов. – Завтра.

«Или сегодня ночью», – подумал он.

* * *

Двадцать четвертое марта девятьсот восемьдесят восьмого года от основания Рима. Могонтиак. Здание претория. Одиннадцатый час

– Проклятие, Ахвизра, ты всегда появляешься как призрак! – по-готски проворчал Черепанов, отрываясь от документов.

Гревтунг довольно ухмыльнулся.

– Ты слишком много читаешь, рикс, – тоже по-готски произнес он. – Скоро станешь слепым, неуклюжим и толстым, как наш либрарий.

– Не дождетесь! – буркнул Геннадий. – Что случилось?

– Магн пришел.

– Один?

– Почти. Не считая полусотни преторианцев.

«М-м-да... картина Репина „приплыли“», – подумал Черепанов.

– Ладно, зови. И позаботься, чтобы...

– Я понял, рикс. – Ахвизра стремительно развернулся и покинул комнату.

Черепанов отодвинул в сторону таблички. С этой проклятой бесконечной канцелярией и впрямь скоро ослепнешь. Может, как Аптус, скинуть всю эту бюрократию на Квестора и либрариев?

Геннадий оглядел просторную комнату, остановил взгляд на весьма фривольной фреске, на которой старина Юпитер в образе быка оплодотворял девушку Европу... м-да... сенатор Магн решил сработать на опережение. Лично... ну-ну... или он что-то пронюхал? Очень может быть. Наверняка у него тоже есть осведомители в Черепановском легионе. И эти осведомители донесли, что легионеры одиннадцатого в эту ночь спать не собираются. А сирийцы... хрен знает, на чью сторону станут сирийцы, если начнется заварушка, а вот на чьей стороне будут ветераны одиннадцатого Клавдиева – совершенно очевидно. Даже в отсутствие префекта легиона, потому что за старшего оставлен Деменций Зима, старый проверенный кореш фракийца.

Консуляр и сенатор Гай Пактумей Магн выглядел типичным римским патрицием. Щекастый, кудряво-лысоватый, нос крючком, брюхо – арбузом. Форма легата сидела на нем как седло на свинье. Вошел он не один, а в сопровождении двух преторианских трибунов, тоже патрицианских кровей, но намного моложе и молодцеватее.

– Привет тебе, префект Геннадий!

– Привет и тебе, дом Гай. Говори, что у тебя за дело, мне недосуг. – Черепанов кивнул на стопку табличек.

Это была грубость, намеренная грубость, но Магн ее проигнорировал. Подтянул кресло, уселся напротив Черепанова.

– Приличного вина здесь наверняка не сыщешь, – сказал он.

– Наверняка, – подтвердил Черепанов.

– Ничего, я принес с собой. Квинт, распорядись!

Один из трибунов приоткрыл дверь, что-то сказал.

В комнату вошел слуга, поставил на стол два серебряных кратера, скovyрнул печать с амфоры, наполнил емкости.

Прежде чем слуга затворил за собой дверь, Черепанов успел заметить, что в соседнем помещении, зале для посетителей, полно преторианцев.

Сенатор пригубил, затем выплеснул немного – богам. Черепанов пачкать пол не стал. Магн удивился, но ничего не сказал. Должно быть, наслышан уже о не вполне уважительном отношении командира Одиннадцатого легиона к богам.

– Давно хотел познакомиться с тобой поближе, префект, – сказал Магн. – В Риме уже год говорят о тебе.

– Возможно. – Черепанов пожал плечами, глотнул вина. – Испанское?

– Да. Сорокалетней выдержки. Из виноградников, которые вот уже триста лет принадлежат нашей семье.

– Виноградники в Испании – это неплохо, – сказал Черепанов. – Так что говорят обо мне в Риме?

– Разное. Но те, кому я доверяю, утверждают, что с тобой можно договориться.

– И о чем мы будем говорить, сенатор? О завтрашней переправе?

– Могу я говорить прямо? – спросил проконсул.

– Разумеется, – ответил Геннадий. – Здесь только твои люди. Или ты им не доверяешь?

– Есть тайны, которые лучше не доверять никому, – сказал Магн. – Разве что очень близким родственникам или особо преданным клиентам.⁸⁵ Но тебе я доверюсь.

– Почему? – спросил Черепанов. – Я не родственник тебе и не твой клиент.

– Зато от тебя сейчас зависит судьба Рима! – с пафосом произнес сенатор. – От тебя и от меня.

– Не знаю уж почему, но когда я слышу подобное, мне всегда кажется, что от меня хотят какой-нибудь подлости, – сухо произнес Черепанов. – Говори, сенатор, или убирайся. У меня много работы. Мой легион должен быть готов к завтрашней переправе. Да и твои тоже.

– В этом уже нет необходимости! – заявил Магн.

– Да ну? – произнес Черепанов. – Думаешь, погода испортится?

– Погода тут ни при чем. Как раз сейчас преданные мне люди распутывают цепи. Когда наступит утро, понтонный мост исчезнет.

– И что дальше?

– Дальше убийца Александра получит возможность драться с германцами: то, чего он так активно добивался. А войска получают возможность избрать нового Августа. Не кровожадного дикаря, а настоящего римлянина, чью кандидатуру с радостью примут и сенат, и народ.

– Уж не тебя ли? – осведомился Черепанов.

– Ты проницателен, – одобрительно произнес сенатор. – Ты можешь многого добиться, префект Геннадий. А сейчас отвечай: ты со мной?

Краем глаза Черепанов заметил, как напряглись оба трибуна.

«Интересно, что им приказано? – подумал Черепанов. – Рубить меня в капусту или только обезвредить?»

– Извини, сенатор Гай, ничего не могу с собой поделать... – Черепанов глотнул из чаши. – Вино твое мне нравится... А ты – нет. И еще я думаю: из тебя получился бы никудышный император, так что очень хорошо, что тебе им не быть.

– Это твое твердое слово? – осведомился Магн. – Ты его не изменишь?

– Нет у меня такой привычки: слову своему изменять, – сказал Геннадий.

– Ты понимаешь, что это будет стоить тебе жизни? – спросил сенатор.

Оба префекта одновременно обнажили спаты.

– Это ты так думаешь, – сказал Черепанов. – Смотри! – Он положил на стол руки, ладонями вниз. – Видишь, что написано?

Сенатор уставился на свежие татуировки «ССС» и «LXV». Трибуны – тоже.

– Знаешь, чьи это знаки? – спросил Черепанов.

– Разумеется, – с оттенком раздражения произнес сенатор. – Ну и что?

– А то, что я, как и *он*, могу кое-что предвидеть... Хоп! – Он подхватил со стола кратеры, свой и Магна, метнул их одновременно в физиономии трибунов (один из них успел увернуться, второй – нет), схватил сенатора за жидкие кудри, смачно приложил мордой о стол, выдернул из чехла на поясе нож.

– Стоять на месте! – рывкнул он, прижав лезвие к жирной шее Магна. – Зарежу его, как

⁸⁵ По римским законам клиент вправе отказаться давать показания против своего патрона.

свинью!

Оба трибуна, мокрый и сухой, застыли, не зная, что предпринять.

Черепанов свистнул. Обе створки двери – не той, что вела в зал для посетителей, а другой, за спиной у Геннадия, – распахнулись, и в комнату хлынули воины Агилмунда.

Ошарашенные трибуны даже не пытались сопротивляться.

Черепанов отпустил сенатора.

Там, в зале для посетителей, тоже все было путем: стрелки-мавры скалились из оконных проемов. Двери были перекрыты ветеранами из первой когорты Одиннадцатого.

– Солдаты! – обратился Геннадий к преторианцам. – Возвращайтесь в свой лагерь! Вам здесь делать нечего!

– А наши командиры? – спросил кто-то.

– А ваши командиры останутся, – сказал Черепанов. – И Сенатор Магн тоже останется. Дальнейшую судьбу предателей определит император Максимин. Будем считать, что вас с ними не было. А теперь – прочь отсюда! Пока я не передумал и не приказал забить вас в колодки! Пропустить их!

Его легионеры отступили от выходов, и преторианцы поспешно ретировались. Держать ответ перед свирепым фракийцем никому не хотелось.

Черепанов вышел следом. Во дворе, двумя длинными шеренгами, коридором, стояли его легионеры. «отступление» элитной гвардии они сопровождали соответствующими репликами и звуками.

– Ингенс! – рявкнул Черепанов. – Ко мне!

Мелентий Ингенс, в новенькой форме принцепса, подбежал к нему.

– Что у понтонов?

– Все в порядке, мой префект! Гонец от Гая уже прибыл. Взяли всех тепленькими, почти без сопротивления. Так, десятка полтора ихних положили. У нас потерь нет! Префект Маний Митрил велел передать, что он отправляется в лагерь сирийцев и помощи ему не требуется. Сам управится. Еще он велел передать, что вестника к императору Максиминому не посылал.

– Я понял, принцепс! Вестника я отправлю сам. Оставь здесь пару кентурий и отправляйтесь в лагерь. Завтра всем, кто участвовал в операции, подъем на два часа позже и освобождение от занятий. Награды тоже будут, но размеры их определит сам император. Действуй, принцепс! – сказал Геннадий и вернулся в дом.

Сенатор и оба трибуна «отдыхали» под присмотром гревтунгов.

– Связать их – и в подвал, – устало бросил Черепанов.

– Префект! – воскликнул Магн. – Что ты себе позволяешь? Ты понимаешь, что делаешь? Сегодня тебе повезло, но в будущем все может сложиться иначе – и тогда...

– При чем тут везение, сенатор? Я заранее знал все ваши планы.

– Как? – воскликнул Магн. – Кто нас выдал?

– Не выдал, а продал, – усмехнулся Геннадий. – Не знаю, как насчет твоих родичей, но клиентам своим тебе доверять не стоит. Впрочем, это ничего бы не изменило. Ты полагаешь, твоим легионам *случайно* назначили переправляться во вторую очередь? Чтобы выманить змею, надо дать ей возможность думать, что именно сейчас она может укусить.

– Не верю! – воскликнул Магн. – Максимин мне доверял, я видел!

– Максимин – возможно. Но не я. А порядок переправы определял не Максимин, а префект Маний Митрил. Императора мы даже не ставили в известность. Всякое бывает. Вдруг я ошибся, твой клиент солгал, а ты, сенатор, – лоялен к своему Августу.

– Сын грязного фракийского пастуха не может быть моим Августом! – с яростью выкрикнул сенатор.

– Тем не менее именно сын пастуха завтра решит твою судьбу. Молись богам, чтобы *император* Максимин был более снисходителен, чем *командующий* Максимин.

Позднее Черепанов много думал о том, прав ли он был в своих действиях. Может быть, лучше было самому прийти к Магну и попробовать отговорить его от мятежа. Или

попытаться скрыть сам факт бунта от Максимиана... потому что именно с этого бунта началось превращение Гая Юлия Вера Максимиана в свирепого и беспощадного диктатора, которого Сенат называл кровожадным чудовищем. Предательство Магна, потом бунт осдроевских стрелков... сотни римских граждан, осмелившихся выступить против императора, повисли на крестах, тысячи засекали розгами, бросали диким зверям. В Риме женщины и дети давали обеты, чтобы их император никогда не увидел своей столицы. Сенат боялся и ненавидел своего императора. Император презирал свой Сенат. Он убирал сенаторов с военных должностей и снимал их с должностей гражданских по всей Италии. Он правил жестокостью, потому что был уверен: только так и можно править. Он упразднял гражданские законы и насаждал военные порядки. Он ни с кем не делил власть, даже со своим сыном, которого назначил себе в соправители. Максимиан не доверял никому, кроме самых проверенных друзей, и не терпел рядом с собой людей знатного происхождения. Всех, заподозренных в измене, он убивал без суда и следствия. Беря пример с императора, ставленники его поступали так же. И все же сотни тысяч людей любили Максимиана и боготворили его власть. Первыми среди них были его солдаты. Потому что для своих легионов Максимиан фракиец был не только примером величайшей доблести, не только тем, кто всегда заботился о воинах и неизменно вел к победам и славе. Максимиан фракиец был *одним из них*. Самым лучшим, самым сильным, самым мудрым и храбрым. Он был воином-императором, тем, кто способен повергнуть в прах всех врагов Рима. Увы! Для того чтобы править Великой Империей, этого было недостаточно. Но Максимиан делал то, что мог, и все, что мог. Рисковал жизнью наравне со своими солдатами и по справедливости делил с ними славу, победы и добычу. Да, там, в Риме, посчитали, что платят слишком большую цену за его победы, тем более что Максимиан фракиец был первым из тех, кого позже назовут «солдатскими» императорами. Первым, но не последним из них. Позднее, в истории, написанной его врагами, Максимиан предстанет свирепым и кровожадным чудовищем. Но даже враги вынуждены будут признать его храбрость, талант полководца и славу, которую он снискал у своих воинов. Да, Максимиан фракиец был *суров* со своими подданными, но зато к врагам Империи он был *беспощаден*.

Часть пятая Цена Империи

«Sint ut sunt, aut non sint» ⁸⁶

«При нем (Максимине) было множество других войн, из которых он всегда возвращался первым победителем, с огромной добычей и пленными...» ⁸⁷

«Он привлекал к себе доносчиков, подсылал обвинителей, выдумывал преступления, убивал невинных, осуждал всех, кто только ни являлся на суд к нему, превращал богатейших людей в бедняков, добывал себе деньги только тем, что делал несчастными других, без всякой вины погубил многих консуляров и военачальников: некоторых он сажал в порожние повозки, других держал под стражей, в сущности – он не пропускал ни одного повода проявить

⁸⁶ Sint ut sunt, aut non sint – пусть будет так, как есть, или пусть вовсе не будет. Вообще-то эти слова принадлежат иезуиту, а не древнему римлянину. Но принцип сей древнее Римской империи и наверняка переживет любое из ныне существующих государств.

⁸⁷ Юлий Капитолин. Двое Максимианов.

«...Максимин I заслуженно стал первым в длинной череде данувийских императоров (из числа опиравшихся на силу воинов римского государства), спасавших в последующие полвека Рим от хаоса, хотя цена за это оказалась разорительной». 89

Глава первая Алеманны

Десятое мая девятьсот восемьдесят девятого года от основания Рима. Второй год правления императора Гая Юлия Вера Максимиана. Зарейнская Германия

– Трогус! Справа! Обходят! – надсаживаясь, кричал Черепанов. – Ах сын больной козы! Буккинатор! Труби: «Второй когорта! Вправо!»

– Черт! Мать вашу...! – выругался он по-русски. – Гребаное болото! – и снова по-латыни: – Бенефектарий! Кентуриона третьей когорты – ко мне! Живо!

Проклятые германские болота. Чертовы чащи! Ни строй развернуть, ни правильную атаку повести... не видно ни хрена!

Они уже вторую неделю продирались сквозь германские леса. Максимин пер вперед, словно одержимый. Алеманны отступали. Черт! Если бы они просто отступали! Они *рассеивались*! И снова возникали в самый неподходящий момент. Вот как сейчас.

Позавчера «инженеры» разобрали очередную засеку, пробили дорогу, Черепановский легион ушел вперед, а когда за ним последовал первый фракийский Феррата, из-за деревьев вдруг посыпались стрелы, и авангард первого тут же встал и ушел в глухую оборону. А затем этот недоделок Феррат, вместо того чтобы догонять своих, решил поиграть в кошки-мышки с германцами в их собственных лесах. При том, что у него в легионе было всего три алы легкой конницы, четыре сотни осдроевских стрелков и пять тысяч тяжеловооруженной пехоты, совершенно бесполезной.

Максимин, шедший вместе с двумя преторианскими когортами во главе армии, рвал и метал. Но поздно. Феррат уже завяз наглухо. Можно было поклясться, что, пока префект первого фракийского гоняется за одними варварами, другие уже валят деревья, отсекая Первый Фракийский от Одиннадцатого Клавдиева.

Командуй войском Черепанов, он бы немедленно сдал назад, но командовал не он, а бешеный Максимин фракиец, который знал только одну команду: «Вперед!»

Все, что мог сделать Черепанов, – это вызвать к себе Коршунова и на свой страх и риск дать ему команду, отделившись от основного войска, повести свои три тысячи готов-ауксилариев параллельным курсом, желательно скрытно и с опережением. Тоже – невероятный риск. Где-то неподалеку болтались остатки войска союзных алеманских племен совокупной численностью не меньше двадцати тысяч. Под рукой Максимиана, когда он отправился в погоню, было два полных легиона, две с половиной тысячи преторианцев и порядка пяти тысяч вспомогательных войск. Вполне достаточно, чтобы стереть в порошок не двадцать, а сто тысяч германцев. Но – на ровной открытой местности, а не в этих чертовых лесах и болотах.

Теперь боевая часть армии римлян уменьшилась вдвое. Тысячу тяжелой конницы пришлось оставить: в лесу они бесполезны. Легион Феррата застрял в тридцати милях позади и вместе с ним – шедшая в арьергарде преторианская когорта. И три тысячи ауксилариев, которых Черепанов сам отправил в обход...

– Леха, я на вас надеюсь! – сказал он, напутствуя друга. – Я жопой чую: алеманны

88 Там же.

89 М. Грант. Римские императоры (пер. с англ).

готовят ловушку! Фракиец не понимает. Он уверен, что нет такой сети, которую он не может порвать. Что еще ожидать от человека, который мнит себя бессмертным. Что бы ты сам сделал на месте алеманнов?

– Я? – Алексей ненадолго задумался.

Черепанов смотрел на своего друга и думал, что тот здорово возмужал за те три года, что они здесь, в этом мире. Непрерывные войны, политика, личная ответственность за тысячи людей... возмужал и вырос. Стал настоящим боевым командиром и единовластным повелителем своих германцев-«спецназовцев». В сложившейся ситуации Черепанов рассчитывал на них больше, чем на своих «кадровых» легионеров. Тех он никогда не рискнул бы послать в самостоятельный рейд по незнакомой местности. А гревтунги и герулы Коршунова в любом лесу – как дома. И болот они не боятся. Они вполне могут переиграть алеманнов, тоже германцев-«лесовиков», на их собственной территории... Теоретически.

– Что бы я сделал... – повторил Коршунов вопрос Геннадия. – Я бы, пожалуй, то же самое сделал: сначала постарался бы нас разделить. Потом втянул бы в какую-нибудь щель между болотами, поросшую молодым лесом, чтобы правильный строй не собрат... И еще сюрпризов накидал бы... Тебя, конечно, на такое не купишь, но фракийца – вполне. Они ведь знают, что Максимин всегда лезет как вепрь на рожон. Причем самолично. Затянуть передовые части поглубже, отрезать... Боевых машин у нас почти не осталось. Припасы... Кстати, как у нас с провиантом?

– Нормально, – заверил Черепанов. – Обоз я при себе держал. Вот у Феррата могут быть проблемы.

– Тогда велю своим взять семидневный паек – на всякий случай. Ты не против?

– Бери. Только учти, что семи дней у нас нет. Скорее всего, все решится в ближайшие два-три дня. Твоя задача – сделать вид, что ты идешь на выручку Феррату, затем, ночью, скрытно повернуть и выйти на параллельную дорогу – она поуже, но верхом проехать можно, пройти километров тридцать – и замкнуть петлю. Если я прав и алеманны действительно намерены зажать нас в клещи и дать бой, тогда ты выйдешь аккуратно к ним в тыл. А если я не прав и боя не будет, то ты просто соединишься с нами – и всё.

– Это «всё» здорово вымотает моих парней, – заметил Коршунов.

Черепанов пожал плечами.

– Когда отправляться? – спросил Алексей.

– Как только будете готовы. Думаю, ночь вам – не помеха.

– Наоборот.

– Ну, Леха, удачи! Я на тебя надеюсь!

Они обнялись, и Коршунов отбыл. Через час три тысячи ауксилариев ушли. Растворились в наступающих сумерках, а Черепанов отправился к Максиминому: получать свою порцию тренделей за самоуправство.

Это было шестьдесят часов назад. И еще через час станет ясно, прав был префект Черепанов или ошибся. Впрочем, отвечать за свою ошибку Черепанову вряд ли придется. Потому что, скорее всего, он так и останется в здешнем болоте. Или он, или Максимин. Или они оба... Черт! Ну куда он лезет, этот безбашенный фракиец!

– Трогус! – заорал он. – Трогус! Император! Помоги ему!

Кони преторианцев по брюхо утопали в грязи.

– Вперед! Вперед! – громовым голосом, перекрывая все трубы, ревел Максимин.

Он знал, куда прорывается. Впереди, в каких-то двухстах шагах, в болото узким мысом выдавалась твердая земля. Высокие мачтовые сосны бросали длинные тени на чахлую болотную поросль... Туда шла дорога, заваленная сейчас мертвыми телами римлян, пытавшихся растащить завал из перепутанных сосновых хлыстов. Максимин гнал преторианцев вперед, по самому краю топи, мимо завала...

Черепановская первая когорта застряла в полусотне метров. Впереди теснились пешие и конные преторианцы. Вокруг, прямо в болоте, прячась за растительностью, засели алеманнские лучники. Вреда от них было немного – больше беспокойства.

Десятка три передовых всадников ухитрились все-таки обойти завал и выбраться на дорогу. Максимины в их числе не было. Его могучий, элитных парфянских кровей конь прочно застрял в болоте. Громадный фракиец, плюс еще с полцентнера доспехов и прочего снаряжения, плюс метр жидкой грязи под копытами – тут самый крепкий скакун не выдержит. Черт! Засевшие на острове алеманны беспорядочной толпой вывалили на дорогу. Похоже, они наконец сообразили, кого подарила им судьба. До полевой формы здесь, естественно, не додумались, посему все офицеры – от последнего гастата до самого императора – шли в бой при полных регалиях.

Вторая когорта, которую Черепанов послал в обход болота, судя по воплям, лязгу и стонам рожков, напоролась на противника. Преторианцы, мать их так, элитные войска, не решались сунуться в болото, в котором уже завязли сотни две их товарищей. Построившись, они уперлись щитами, пытались сдвинуть перемешанные, ошетиленные белыми «клыками» заостренных сучьев обрубки стволов. А по ту сторону завала их коллеги отчаянно рубились с превосходящими силами варваров. Конные стрелки Трогуса били навесом, поверх голов, но вреда от их стрел было не больше, чем от алеманнских. Максимин ревел как бизон, отмахиваясь от копий нападавших алеманнов. Сверхчеловеческая сила и невероятная длина рук давали ему некоторое преимущество. Но надолго ли хватит его сил? Все-таки этому «сверхчеловеку» в прошлом году седьмой десяток пошел... Черт! Что же делать? Скомандовать «тестудо»,⁹⁰ сбросить тормозящих преторианцев в болото и по их телам, как по гати, двинуть свою первую когортку? Гать... А это идея!

– Примипил! – заорал он. – Ингенс! Разбирайте возы! Бросайте в грязь! Живо!

Черт! Как он раньше не сообразил?

Между тем, уже весь отрезок дороги – от завала до полуострова – был заполнен германцами. Их было тысячи две, не меньше. Прикрываясь щитами от летящих навесом стрел, они рубили и кололи преторианцев, пытавшихся выбраться на твердую почву, давили массой тех, кто уже выбрался. Несколько минут – и увязший император остался единственным центром сопротивления. Не один, конечно. Десятка полтора преторианцев сгрудилось вокруг него. Конь Максимины непрерывно ржал... но даже отмороженные варвары нападали на него без особого пыла: император собственноручно завалил уже не меньше дюжины врагов. Ни шлемы, ни щиты не были помехой его богатырским ударам...

Алеманнские стрелки, ловко прыгая с кочки на кочку, попытались подобраться поближе к Максиминому, но Трогус среагировал правильно – сосредоточенный огонь его конных лучников живо лишил «болотников» энтузиазма.

Легионеры Черепанова активно спихивали в грязь опустошенные повозки. Они действовали слаженно и быстро... недостаточно быстро. Рядом с Максиминим уже осталось только трое римлян... нет, уже двое. Третий словил копьё в горло и, булькнув, ушел в топь. Взмученная жижа вокруг императора была грязно-бурого цвета. Крови в ней было больше, чем воды...

И вдруг – все переменялось. Даже тусклое, прикрытое облачной ватой солнце, казалось, вспыхнуло ярче. Черепанов наконец услышал звук, которого ждал... ждал, не смея надеяться: ослабленный расстоянием, но все равно устрашающий вой, похожий на волчий... Впрочем, любой волк, услышав его, тут же удрал бы без оглядки.

«Ну слава Богу!» – с облегчением подумал Геннадий, понимая, конечно, что это еще не конец. Что жизнь его императора по-прежнему висит на волоске, что алеманнов наверняка намного больше, чем ударивших им в тыл ауксilarиев префекта Алексия Виктора Коршуна...

– Давай, давай, давай! – закричал Черепанов. – Всё – в воду!

Большая часть алеманнов бросилась обратно: на помощь своим, схватившимся с римскими ауксilarиями. Однако несколько сотен по-прежнему «держали» дорогу, а

⁹⁰ Тестудо – черепаха, военная команда.

дюжины полторы самых храбрых пытались достать Максимиана.

Но император был действительно крут. Черепанов увидел, как фракиец левой рукой поймал брошенное в него копье, метнул обратно – и еще один алеманн отправился в страну предков. А потом Черепанов увидел, как несколько его легионеров плывут, словно на плоту, на освобожденной повозке, отталкиваясь, словно шестами, древками копий. А за ними – еще одни и еще...

Минута – и первые уже «причалили» с той стороны завала – соединили щиты и схватились с врагами.

– Запомни их! – крикнул Черепанов своему знаменосцу. – Награды всем и венок тому, кто это придумал!

Нет, ну это уже не сухопутный бой, а просто морская битва... Еще один импровизированный плот уперся в насыпь дороги в нескольких метрах от завязшего жеребца императора. Максимиан прямо с седла прыгнул на платформу, едва ее не перевернув. Хорошо хоть к этому времени легионеры сумели немного оттеснить варваров. Фракиец явно вознамерился снова ринуться в бой... но ноги ему отказали. Если бы двое римлян не подхватили его, он рухнул бы прямо в болото.

«Скверно, если он серьезно ранен», – подумал Черепанов.

Впрочем, на исход боя это уже не повлияет. Похоже, ловушка, которую алеманны готовили римлянам, обернулась против них самих. Преторианцам наконец удалось сдвинуть завал, и теперь лучшие воины этого мира всей мощью обрушились на алеманнов, которые уже не могли применить свою обычную тактику: отступить и рассеяться. Путь отступления был отрезан воинами Коршунова. И всё, что оставалось германцам, – это побросать оружие и попытаться налегке уйти по болоту. Или остаться на месте, принять бой и погибнуть. Большинство, к их чести, предпочло второй вариант.

В этом бою алеманны потеряли почти две тысячи человек. Примерно столько же было взято в плен. Римляне убитыми и ранеными потеряли около тысячи. Много. Но это была последняя большая битва с алеманнами.

Еще через шесть дней войско римлян (Феррат наконец подтянулся и присоединился к основной группе) вышло к алеманнской крепости. Спустя еще шесть дней крепость сровняли с землей, защитников ее перебили, а прочее население обратили в рабов. Это была обычная практика римлян. В этом году, как позже узнал Черепанов, на итальянских рынках цены на «живой товар» упали в восемь раз. Но экономика империи все равно была в полной жопе.

Глава вторая Максимиан Август Германик

Десятое июня девятьсот девяностого года от основания Рима. Третий год правления Максимиана. Город Сирмий

Гай Юлий Вер Максимиан расхаживал по залу, вертя между пальцами золотую диадему, не так давно принадлежавшую главной жене алеманнского рикса. В огромных руках императора диадема казалась игрушечной. Жену рикса, вернее, к тому времени уже не жену, а вдову вместе с диадемой и прочими украшениями захватил присутствующий здесь же Гонорий Плавт. Вдову Аптус оставил себе, а диадему подарил императору.

Гай Юлий Вер нахмурился.

– ...Мы... волей богов... преславный... а, проклятие на головы всех краснополосных! Пиши, либрарий! «Отцы сенаторы! Мы, волей богов, ваш и всего народа Рима Август и повелитель Гай Юлий Вер Максимиан, не умеем говорить столько, сколько мы сделали. Мы прошли по землям варваров. Мы сожгли все германские поселки и крепости. Мы угнали их стада, убили всех, кто встречал нас с оружием, а прочих захватили в плен. Мы сражались в лесах и болотах. Мы прошли более ста миль и шли бы дальше, если бы глубина болот не помешала нам перейти их. Мы совершили несчетное количество подвигов, рассказать о которых невозможно, посему мы повелели запечатлеть их в живописи. Мы желаем, чтобы картины эти были установлены перед курией в Риме, чтобы видел римский народ нашу

славу!» Это всё. Перепиши как следует – и я поставлю печать. А сейчас пошел вон.

Писец поспешно выскользнул из зала, а император повернулся к Гонорию Плавту:

– Ты все понял насчет картин, Аптус?

– Да, доминус! – Плавт низко поклонился. В последнее время Максимин стал весьма требовательным к деталям церемониала, даже когда дело касалось его старых друзей.

– Ты возьмешь с собой трофеи, которые мой сын продемонстрирует Сенату, но проследишь, чтобы все они позже вернулись в мою казну.

– Да, доминус!

– Ты передашь эдилам десять миллионов сестерциев на проведение Апполоновых игр и праздничные пиры и позаботишься, чтобы вся чернь Рима об этом знала. Нет, лучше пусть распространят слухи, что я пожертвовал сто миллионов, но большую часть украли сенаторы и прочая патрицианская сволочь. Ты сделаешь это?

– Да, доминус!

– Если что, Сабин и Кассий тебе помогут.

– Да, доминус!

– С тобой поедут твой дружок Череп и префект Алексей вместе со своими скифами. Пусть поглядят на Рим, а Рим поглядит на них. Богам ведомо: они это заслужили.

– Да, доминус! – Гонорий Плавт не смог скрыть своей радости. – Ты прав, доминус!

– Пусть присматриваются, – повторил Максимин. – Когда я уничтожу всех врагов и обоснуюсь в Палатине, мне понадобится новая гвардия. Такая, которой я мог бы полностью доверять. Которая никогда не споется с Сенатом. Я сделаю этих скифов преторианцами, а их рикса, префекта Алексия, – префектом претория.

– Алексия? А почему не Черепа? – вырвалось у Аптуса.

– Потому! – рявкнул Максимин. Но чуть позже снизошел и пояснил: – Геннадию я доверяю, Аптус. Он храбро бился под моей рукой, и он отличный военачальник. Но он носит на руках знаки Януса и ведет личную переписку с несколькими сенаторами. Я доверяю ему, но опасаясь, что он не сможет быть достаточно решительным, когда потребуется. Ты понимаешь меня?

– Признаться, не очень, доминус, – сказал Плавт. – Если ты Черепа считаешь нерешительным, то кто же тогда достаточно решителен, по-твоему?

– Ты! – бросил император. – Череп жесток с врагами, но слишком мягок с теми, кого считает своими друзьями. Ты, Аптус, вполне можешь прикончить врага и взять его женщину. Ты можешь взять женщину, а потом выпустить кровь из ее родичей, если они окажутся врагами. Череп – другой, я это вижу. Если я говорю ему: убей, – он сначала думает, а потом поступает так, как считает лучшим. Поэтому я считаю его неплохим военачальником, но никудышным префектом претория. Мы с тобой знаем о его слабости, верно?

– Знаем, – кивнул Гонорий. – Хочешь, чтобы я помог Черепу от нее избавиться, доминус?

– Нет. Не будем отнимать у нашего префекта любимую игрушку. Пусть возьмет ее себе, а мы это используем. Гордианы нужны мне в Карфагене. Без них мой верный Капелиан станет слишком сильным и может решить, что Африка принадлежит ему одному. Но Гордианы нужны мне в узде, а не на свободе. Если внук и внучка старого Гордиана окажутся под моим контролем, это будет очень хорошая узда. Так что пусть наш храбрый Геннадий наденет эту узду на проконсула Африки и его сына.

Глава третья Рим

Четвертое июля девятьсот девяностого года от основания Рима. Третий год правления Максимиана. Рим

– Священная дорога, префект, – это главная дорога Рима! – Хрис расправил плечи и гордо выпятил подбородок. – Дорога триумфаторов!

Коршунов кивнул. Он старался вести себя с достоинством, не вертеть головой, не ронять авторитет перед своими воинами. Воины, впрочем, об авторитете не думали: всюю вертели головами, восхищаясь и величественным амфитеатром Флавия, и потрясающим храмом Венеры, и аркой Тита,⁹¹ под которой они как раз проезжали. Великий Рим не подавлял их своим великолепием. Рим восхищал. Белый и розовый мрамор, сверкающая бронза, гладкие мостовые, изящные арки портиков, мощные колонны; и лавр живой, зеленый, и лавр золотой, горящий на солнце... У простодушных варваров при виде таких богатств глаза горели еще ярче. Краем уха Коршунов слышал реплики, которыми перебрасывались Сигисбарн и Берегед, ехавшие за ним. И радовался, что римлянин Хрис не понимает по-готски. Практичные молодые люди обсуждали: из цельного ли золота солнечный диск, венчающий врата храма, и на сколько талантов этот диск потянет.

Дорога пошла вверх, мимо императорских форумов, поднимаясь на Капитолийский холм. Коршунов видел ехавших впереди Черепанова, Плавта и префекта Рима Сабина, который лично встречал их у ворот столицы. Большая честь. В отсутствие Августа Сабин был первым человеком в Риме. Многие в Сенате, правда, считали иначе, но плебс Рима сейчас симпатизировал Максимино Германику (народ любит победителей), а старший префект претория, равно как и верховный судья, были людьми Максимиана, так что сенаторы-оппозиционеры могли слить свое мнение в городскую клоаку.

Широкая лестница, украшенная лепкой и мозаикой, поднималась вверх параллельно дороге. На ней было полно народу: римляне пришли поглазеть на воинов своего Августа. Чем-то они были похожи на белых священных гусей, коих так любили жертвовать богам Империи или использовать для гаданий. Может, из-за преобладания белого в одежде? А может, из-за наглости? Иные зеваки свешивались с перил так низко, что, казалось, вот-вот свалятся на головы воинов. Красные, обвитые каменным плющом колонны тоже были увешаны зевками. Жители вечного города создавали изрядный шум, но крики их были в целом дружелюбными. Если не считать воплей придавленных или отведавших вегиловых дубинок. Простые римские квириды любили зрелища. Еще они любили пожрать, выпить и поорать.

Алексей привстал в седле, оглянулся... что ж, его парни тоже смотрелись неплохо. Захваченные в алеманнской войне трофеи плюс жалованье и щедрые премии сделали их богачами. Так что никто из готов и герулов, вставших под римские аквилы, не жалел о том, что присягнул риксу Аласейе. А в Рим Коршунов взял с собой самых лучших – это тоже была своего рода премия. Эх, жаль, Книвы с ними нет. Не пустил парня батька Фретила. Сказал: пусть хоть один сын на земле сидит. Хотя, по словам Агилмунда, его младший брат на земле сидеть не намеревался. Владеть – да. А вот возделывать – это вряд ли. Его землю нынче дюжина скалсов обрабатывает. А сам парень – в любимчиках у Одохара ходит, который (волчара еще тот) к Боспорскому царству очень плотно присматривается... ну ничего. Дела у его родичей в Риме идут замечательно. Даст Бог – пригласят парня в гости.

Да-а, Рим – это нечто! Коршунов уже предвкушал, как будет гулять с Анастасией по этим гладким мостовым, умыться в фонтанах (он и сейчас проделал бы это с удовольствием), в бани сходит... их в столице, говорят, не менее дюжины – и одна другой роскошнее. А через два дня начнутся Аполлоновы игры, и это, говорят, вообще улёт!

Короче, сбылись мечты: он въезжает в Рим во главе, можно сказать, собственной армии. И Рим приветствует его как победителя. Ура! То есть – виват!

Пока Алексей Коршунов, проезжая под триумфальными арками величайших полководцев Рима, наслаждался своим собственным маленьким триумфом, его старший товарищ был далек от состояния ликования. И он, и его друг Аптус.

Политическая обстановка в столице была сложнейшая. Партия Сената гадила своему императору, как только могла. А сторонников в городе у сената было изрядно. И среди

⁹¹ Римский император, разрушивший Иерусалимский храм.

преторианцев, и среди командиров городской «полиции», и среди прочих префектур, включая весьма важную префектуру продовольствия.

Только что Черепанов с большим неудовольствием узнал, что его старый недруг Секст Габиний, бывший (но не отступившийся) жених Корнелии, стал префектом охраны, ⁹² снизошел так сказать благородный патриций к среднему сословию. ⁹³

Короче, целая свора недругов Максимиана подзуживала народ к беспорядкам. В провинциях было полегче: там ставленники Августа с врагами не церемонились. Выступил против императора – отвечай. Бунтовщика – в расход, имущество – в казну. По законам военного времени. Но в Риме так поступать нельзя. С римским быдлом надо заигрывать. Баловать его надо... пока нет возможности взять его за горло.

– Жить будете прямо в палатине, – сказал Сабин. – Вы – в самом дворце, а германцев ваших разместим в казармах охраны. Это хорошо, что фракиец прислал германцев: здесь их побаиваются. И христиан среди них нет...

– А при чем тут христиане? – проворчал Черепанов. Пусть по здешним понятиям он был адептом Митры и Януса, но по рождению, пусть не по вере, он все-таки православный...

– Они против фракийца здорово мутят, – сказал Сабин. – Распустил их Александр, мало резал. Они же плодятся, как тараканы. И везде за своих стоят...

– Насколько я знаю, христиане довольно миролюбивы, – заметил Черепанов. – И налоги платят исправно.

– Ты, Геннадий, не понимаешь, – вмешался Плавт. – Они против наших богов идут. Против богов! – подчеркнул он. – Подумай, что будет с Римом, если боги от него отвернутся!

– Я вчера пятерых велел повесить, – сказал Сабин. – За оскорбление величества. Представь только: прямо на форуме прилюдно нашего Августа зверем проклятым называли!

– Хорошо, что поймали! – одобрил Плавт.

– Даже и не ловили. Представь, они сами в руки вегилам отдались. Сумасшедшие.

– Бывает, – кивнул Плавт. – Я вот в Сирии видел: жрецы богини ихней сами себе яйца отрезают. Серпом.

– Ну ты сравнил, Аптус! – воскликнул Сабин. – У тех – божественное безумие, а у этих... тьфу! Теперь ты понимаешь, Геннадий, почему я о христианах вспомнил. А, что говорить! С Востока только дрянь и приходит. Вот и вера эта – тоже оттуда.

– Ну насчет Востока ты зря так! – возразил Плавт. – Вино у них неплохое и девки...

Глава четвертая Корнелия Гордиана

Четвертое июля девятьсот девяностого года от основания Рима. Третий год правления Максимиана. Рим

Из бань Черепанов нагло удрал. Просто-таки бросил всю честную компанию, когда градус (алкогольный, а не температурный) пересек отметку, после которой о вечной дружбе говорить рано, о политике – поздно, зато самое время вызывать «массажисток». Оставил лучшего дружка своего Леху Коршунова в компании верхушки столичной «администрации»: префекта города Сабина и префекта претория Виталиана, коего подвыпивший Коршунов, хвастаясь полученными в боях за Рим и против оного шрамами, уже запросто звал Виталиком. «Виталик», кореш Максимиана и, естественно, старый боец, тоже имел чем похвастаться...

⁹² Префект охраны (praefectus vigilum) заведовал «отрядами бодрствующих» (cohortes vigilum), которые несли пожарную службу в Риме и были одновременно ночной полицией; его юрисдикции подлежали грабители, воры и поджигатели. Должность префекта охраны была введена в 6 году Августом и уступала рангом лишь префектуре Египта, претория и продовольствия.

⁹³ Префектура охраны до IV века принадлежала к высшим всадническим должностям.

Оставив славное воинство веселиться в заарендованных целиком термах Тита, Черепанов тихонечко оделся, сунул в сумку шлем, принял из рук конюха дареного сарматского жеребца и поехал знакомой дорожкой к той, о которой мечтал. Ехал и думал: как странно – сколько лет они уже знакомы, килограммы папируса извели на письма, а вместе провели от силы часов двести. И больше года не виделись. Год – это много. Особенно для юной девушки. Особенно здесь, в великолепном, роскошном и, что греха таить, развратном имперском Риме. Тем более удивительно, что его Корнелия все эти годы жила как бы вне «светских» развлечений. Может, пример папашы, перетрававшего чуть ли не всех патрицианок столицы, повлиял на нее отталкивающе... Нередки же и в семьях алкоголиков непьющие дети... Иногда Черепанов даже чувствовал некоторую вину: по местным понятиям, Корнелия уже давно должна была стать матроной и рожать маленьких патрицианчиков...

В прошлый свой приезд Черепанов пересекся-таки с ее папочкой, и они поговорили. На сей раз – на равных. Как легат с легатом. Черепанов, правда, официально числился не легатом, а префектом легиона, но это пустяки. Зато – лицо, приближенное к императору, увенчанное лаврами по самый гребешок. А вот легат Антоний Антонин Гордиан воинских лавров не стяжал. Не было у него полководческих талантов. Зато – благороднейшая кровь, единственный сын самого богатого патриция Рима. Короче, договорились. Подписали, как тут водится, «договор о намерениях». Корнелия, «моя маленькая Кора», как звал ее Геннадий, при сем не присутствовала. Ее согласия не требовалось, но оно, разумеется, было получено. Не такой уж Антоний Антонин тиран, чтобы выдать замуж единственную дочь против ее воли.

Затем папаша отбыл обратно в Карфаген, а Черепанов провел два прекрасных дня в обществе своей любимой. К большому обоюдному сожалению, в присутствии «компаньонки» и дальней родственницы Фотиды. Та Черепанову симпатизировала, но обязанности свои блюла строго. Два дня пролетели стрелой – и Черепанов уехал к месту службы. С письмом от своего будущего тестя к императору Максимиனு.

Не исключено, что именно благодаря этому письму, врученному лично и в надлежащее время, оба Гордиана остались наместничать в провинции Африка. По крайней мере так полагал Черепанов. Хотя – дело тонкое. Африка – вроде как не «императорская», а «сенатская» провинция, так что и проконсулов ее должен Сенат назначать.⁹⁴ В общем, политика, война и еще раз политика. И его любимая, юная и прекрасная, томящаяся в одиночестве и проводившая жаркое лето в душном городе в надежде, что, может быть, Геннадий сумеет ее навестить.

На город уже спустились сумерки, когда Черепанов подъехал к воротам. Постучал в створки рукоятью хлыста.

– Завтра приходи! – пробубнили с той стороны. – Господа никого не ждут!

– Если ты, опарыш, сейчас же не отворишь, ты у меня дождешься! – посулил Черепанов.

Квадратное окошко в воротах приоткрылось, наружу высунулась рука с факелом и наполовину выбритая башка раба-привратника.

– Ну? – осведомился Черепанов, наклоняясь. – Узнал?

– Доминус! – воскликнул раб. – Ах! Уже открываю, уже!

Ворота залязгали, заскрипели, и через минуту Геннадий въехал внутрь.

– Закрывай! – скомандовал он.

– А... э... – Раб замешкался. – Ты один, что ли, доминус?

⁹⁴ Во времена республики наместники провинций назначались Сенатом. Обычно это была кормушка для «отработавших» срок консулов. В эпоху империи часть провинций некоторое время оставалась под эгидой Сената, а часть – непосредственно императора. То же касалось и легионов, располагавшихся на территории провинции. Но постепенно императоры подмывали под себя все провинции. Африка оставалась последней из «подведомственных» Сенату.

– Нет, со своим гением! – рывкнул Геннадий. – А ну пошли!

Последнее относилось к псам, которые с лаем бросились к всаднику – и тут же шарахнулись от копыт Черепановского сармата.

– Угомони их – и бди! – велел он привратнику. – Дорогу я сам найду.

В том, что Корнелия дома, он не сомневался, поскольку сразу по прибытии послал к ней одного из палатинских гонцов. И получил ответ.

– Геннадий, Геннадий... Я не понимаю... Мне страшно...

– Успокойся, моя девочка, что случилось, что такое? – Черепанов обнял ее, прижал к груди, чувствуя, как гнутся под его ладонями хрупкие плечи, нежное прикосновение губ к шее...

В темный, освещенный единственной масляной лампой атрий заглянула служанка. Увидела, что происходит, и исчезла.

– Что такое, моя маленькая? – Геннадий увлек ее к оконной нише, усадил на красный бархатный диванчик. – Что случилось?

Маленькая ладошка проникла под кирасу, запуталась в складках туники...

– Геннадий, мне так страшно!

– Кора, милая моя, не бойся, не бойся, я же с тобой... – Он гладил ее по голове, сминая завитые локоны – результат кропотливого труда искусной рабыни. Корнелии было все равно.

– Мне так страшно! Я получила письмо от отца... он... там у них... и здесь... как ты можешь служить такому чудовищу, Геннадий? – Она запрокинула голову: чудесные блестящие глаза. – Как ты можешь?

– Ну-ка погоди! – сказал Черепанов, беря в ладони милое заплаканное личико. – О ком ты говоришь?

– Как будто ты не знаешь? О нем, о твоём императоре! О Максимине!

– О *нашем* императоре Максимине! – строго поправил ее Черепанов. – А теперь перестань плакать, не дело это, когда благородная девушка, в которой течет кровь лучших родов Рима, причитает, словно простолюдинка! Соберись и скажи, кто тебя обидел? Клянусь всеми богами Рима, Кора, он об этом очень-очень пожалеет!

– Меня никто не обижал! – Корнелия сделала над собой усилие и перестала всхлипывать. – Меня – никто. Но то, что происходит...

– Где и что происходит? – терпеливо произнес Черепанов. – Говори толком. Ничего не бойся. Со мной в Риме четыре когорты легионеров и столько же конных стрелков. Префект Рима Сабин – мой добрый друг. Старший префект претория Виталиан – тоже. Что происходит и где? Я слушаю...

– Отпусти меня.

Корнелия отодвинулась, поправила складки платья, попыталась поправить прическу...

– Происходит страшное – и происходит везде, – почти спокойно проговорила она. – По всей империи. Я получила письмо от отца. Страшное письмо. Отец, он всегда был таким веселым, жизнелюбивым... никогда ничего не боялся... – Она всхлипнула. – А теперь он пишет: «Смерть ходит по нашей земле, и мы не смеем ей противиться: только ждать, когда она доберется до нас». Недавно прокуратор Августа ⁹⁵ в Ливии прислал своих сборщиков в дом нашего родственника Гая Маруллы. Они вынесли все, а самого Маруллу избили так, что тот кашляет кровью. И ни дед мой, ни отец, проконсул и легат, ничего не могли сделать, потому что все творится именем императора и во имя Империи. У людей отнимают последнее, чтобы дикарь Максимин мог по-прежнему уничтожать таких же дикарей по ту сторону Данубия и убивать римских граждан – по эту. Так пишет мой отец, Геннадий. И я не могу ему не верить! Но ты служишь императору, а я знаю, знаю – ты честный гражданин! – воскликнула она с жаром. – Мир разделился. Даже здесь, в Риме, одни восхваляют

⁹⁵ Прокуратор – личный представитель Августа, занимавшийся финансовыми вопросами. Прокуратор Августа подчинялся только императору и контролировал деятельность наместника.

Максимины Германика победителя, а другие поносят Максимины фракийца, дикого варвара, кровожадного, как Калигула... Сенат...

– Сенат его ненавидит, – перебил девушку Черепанов. – Я это знаю. И еще я знаю, что тебе очень трудно, потому что каждый второй сенатор – твой родич и почти каждый – друг твоего отца или деда. Я знаю, что Максимин проливает кровь – и не только кровь варваров. Но я помню, кто начал ее проливать: Гай Паткумей Магн. Это он, патриций, сенатор, консуляр, вознамерился погубить императора, когда тот сражался за Рим. А потом мятеж Тита... За каких-то полгода на Максимины покушались одиннадцать раз... Бунт за бунтом... Максимин хотел только одного: чтобы римляне не мешали ему расправляться с врагами Рима. Но римляне... Особенно богатые римляне, особенно сенаторы, которым так вольготно жилось при прошлом Августе... – Черепанов повысил голос, потому что сам разволновался. – Им очень нравилось кушать фазанов, носить шелка и покупать благовония по десять тысяч сестерциев за унцию. Но уделить часть своих богатств для защиты этих самых богатств им совсем не хотелось! Кора! Ты же видела, что творят германцы! Ты видела убитых детей, женщин! Проклятие! Ты сама была на волосок от смерти! Как ты не понимаешь?

– Может быть, потому, что я сама покупаю благовония по десять тысяч за унцию? – холодным чужим голосом произнесла Корнелия. – Вот мой дом, префект Геннадий! Здесь много богатств. Все, что добыли мои предки, защищая Рим. Бери всё! Бери всё, что тебе понравится! Отдай своему Максиминому! – Она уже кричала. – Отдай ему всё! Меня тоже отдай! Я...

Геннадий сгреб ее в охапку, стиснул и начал жадно целовать. Она сопротивлялась... не больше нескольких секунд, потом стала отвечать ему с не меньшим пылом.

– Какая ты красивая, когда сердисься! – проговорил Геннадий, на несколько мгновений оторвавшись от ее влажного рта. – Кора! Какое нам дело до всех этих Августов и прокураторов! Забудь! Кора... любимая...

* * *

Пятое июля девяносто девяностого года от основания Рима. Третий год правления Максимины. Рим

Полуденное солнце, повисшее над квадратным проемом в потолке, играло в хрустальных струях фонтана, посверкивало на чешуйках золотых рыбок.

Корнелия стояла на барьере, обняв мраморную Диану, вскинувшую охотничий рог, крошила в воду хлеб...

Белое живое тело и белый подсвеченный солнечными лучами мрамор, почти не тронутый краской. Видно, скульптор решил, что естественный цвет – лучше. И он был прав. Обнаженная каменная богиня казалась почти такой же живой, как обнаженная живая девушка, обвившая рукой почти неестественно тонкую талию охотницы. Они были – как сестры: у живой девушки была такая же – пальцами обхватить можно – тоненькая талия и такие же неширокие, идеально округлые бедра. Они были удивительно похожи: одного роста, одного сложения, у обеих – длинные стройные ноги с круглыми гладкими икрами, узкая спина, до середины лопаток укрытая каштановыми завитками ниспадающих волос, у обеих – тонкие гибкие руки, которыми, ясное дело, совершенно невозможно натянуть настоящий охотничий лук...

Геннадий смотрел на Корнелию, обнимающую статую богини, и чувствовал себя абсолютно счастливым. Нет, не абсолютно. Для абсолютного счастья ему не хватало физического прикосновения к гладкой шелковой коже: прикосновения щеки к теплой плоти этих удивительно нежных грудок, упругости маленьких ягодичек в ладонях, ягодок-сосков – между губ, ласково-жадных объятий, жаркого влажного трепета... Он хотел эту сладкую, нежную, своенравную девочку так, словно не она прошлой ночью изгибалась натянутым луком в него в объятиях... И вместе с тем ему было так хорошо валяться на подушках,

прихлебывать темное тридцатилетнее вино и смотреть, как его маленькая, изящная, словно тоже выточенная из белого мрамора девочка-богиня кормит золотых рыбок, напевает что-то по-гречески, и прозрачный негромкий ее голосок проникает внутрь, струится под кожей, и губы Геннадия сами растягиваются в такой же нежной, ласковой, совершенно не свойственной ему улыбке.

– Кора...

Она стремительно обернулась, высыпала оставшиеся крошки в фонтан и мгновенно оказалась рядом с ним, на ложе.

– Ты проснулся!

– Уже давно. Любовался тобой.

– Правда? – Она прильнула к нему: грудью, ладонями, коленями, животом. – Хочешь меня?

– Всегда! – Геннадий нырнул лицом под ее круглый подбородок, прижался губами к светлому горлышку.

– Возьми меня, возьми! – постанывала она. – О Венера великолепная... еще... еще...

– Хватит! – сказал он, когда клепсидра ⁹⁶ отмерила чуть больше часа. – Так много любви вредно для той, которая еще вчера была девственницей...

– Мне совсем не больно! – запротестовала Корнелия. – И крови почти не было! Видишь, видишь! – Она показала ему крохотное алое пятнышко на покрывале.

– Хватит! – строго повторил Черепанов. – Мне сегодня к третьему часу в Сенате надо быть. Так что я не могу все свое время отдавать одной-единственной сенаторской дочке, пусть даже моей жене. Учти на будущее.

– Жене?

– Или ты против?

– Нет, конечно. Только мой папа еще не назначил день свадьбы.

– Назначит! – уверенно заявил Черепанов. – Я его потороплю...

– Ну так же нельзя! – сладкая кошечка моментально превратилась в благородную львицу. – Это же свадьба! В нашем роду... Надо подготовиться... Платья сшить, гороскоп составить, день лучший выбрать... Прорицателей спросить...

– Ладно, ладно, – махнул рукой Черепанов. – Все будет как надо, девочка. Как положено. И платья, и гости, и прорицатели. Только ты учти: время сейчас военное, а я – военачальник на службе императора. Да и отец твой – тоже. Так что рассусоливать нам некогда. А сейчас распорядись насчет завтрака, ладно?

– Угу!

Корнелия хлопнула в ладоши, крикнула: «Марция!» – и в атриум тут же впорхнула служанка. К смущению не ожидавшего вторжения Черепанова.

– Марция! Вели подать завтрак нам с домом Геннадием! – ничуть не напрягаясь тем, что она, обнаженная, – в объятиях обнаженного же мужчины, распоряжалась юная патрицианка. – Да побыстрее! Дом Геннадий *торопится в Сенат* !

Глава пятая Сенат

Пятое июля девятьсот девяностого года от основания Рима. Третий год правления Максимиана. Рим

– Дом Геннадий! – К Черепанову, стоявшему неподалеку от сошедшего с «трибуны» Максимиана-младшего, который только что зачитывал сенаторам письмо отца, направлялся бывший наместник Нижней Мезии Туллий Менофил.

– Дом Геннадий! – Рядом с Туллием двое. Один – жирный, нарумяненный, типичная сластолюбивая свинья, упакованная в сенаторскую тогу. Другой – посерьезнее. С первого

⁹⁶ Водяные часы.

взгляда видно: палец в рот не клади...

Вообще-то сопровождать Цезаря в Сенат должен был Аптус, но он скинул эту обязанность на Геннадия.

– У тебя лучше выйдет, – сказал он. – Тем более ты патрициев любишь (Гонорий ухмыльнулся), а у меня, как только их лживые рожи увижу, сразу рука к спате тянется. Так что я лучше картинки на форуме развешу и с простым народом поговорю.

Идею с картинками Максимино подсказал Коршунов (позднее, конечно, фракиец авторство присвоил себе), мол, читать не всякий умеет, а «плакат», на котором изображен побивающий врагов император, – всякому внятен.

В общем, пришлось Черепанову отдуваться и вместе с юным цезарем Максимином-младшим парировать въедливые реплики сенаторов. И удавалось это Геннадию, в общем, неплохо. Сказывались *риторические* упражнения. Да и латынь у него теперь была хоть куда. Не хуже, чем у Максиминова сына, который получил самое наилучшее образование. Да и язык у парня подвешен отменно. Сын перенял у отца много хорошего: волевой, храбрый, умный. Плюс образование, которое сам фракиец получить, естественно, не мог, но позаботился, чтобы сына обучили как следует.

Когда выдавалась возможность, Черепанов охотно беседовал с парнем, которому после смерти матери было довольно одиноко. Нет, Максимино-младшего многие любили, и у девушек он имел стопроцентный успех (с его-то внешностью, манерами и положением), но за спиной младшего постоянно маячила тень старшего... превращая друзей этого юноши в подданных Цезаря. Впрочем, к Максимино-младшему даже здесь, в Сенате, были куда более расположены, чем к его отцу. Черепанов слышал, что прежний император Александр даже подумывал, не выдать ли за него замуж свою сестру Теоклию, но его мать воспротивилась. А зря! Согласись она, может, были бы оба живы. Сейчас Максимин-младший стоял в окружении сенаторов. А рядом бдили двое приставленных Черепановым телохранителей: на случай, если кому из благородных римлян захочется сыграть в «мартовские иды два ⁹⁷». От презрительного высокомерия благородных в ...надцатом поколении юный Цезарь защищался еще большим высокомерием. Когда надо, парень умел напустить на себя такой надменно-презрительный вид, что даже самых спесивых краснополосников пронимало.

– Дом Геннадий! – бывший наместник Нижней Мезии Туллий Менофил приближался к Черепанову. Вместе с Туллием – двое. Один – жирный, нарумяненный, типичная сластолюбивая свинья, упакованная в сенаторскую тогу. Другой – посерьезнее. С первого взгляда видно: палец в рот не клади.

– Хочу познакомить вас, друзья мои, с храбрейшим Геннадием Павлом! – демонстрируя вставные зубы (это было заметно, потому что римские медики все-таки уступали дантистам двадцать первого века) провозгласил бывший наместник Мезии. – Геннадий, это благороднейший Клодий Бальбин, а это – Марк Клодий Пупиен Максим, лучший из тех, кто когда-либо был префектом Рима...

– Сволочь! – процедил нынешний префект Рима Сабин. – Я этого Пупиена при первой возможности медведям скормлю!

– Лучше Бальбина, – заметил Максимин-младший. – надо же и интересы медведей учитывать. Что они от тебя хотели, Геннадий?

– Я так и не понял, – пожал плечами Черепанов. – Может, дело какое-нибудь к императору...

– Почему тогда они к тебе подошли, а не к Цезарю? – агрессивно осведомился Сабин.

– Пойди у них спроси! – огрызнулся Черепанов. Борзой он, этот Сабин. И кровь людям пускать любит. Только и плюс, что Максимино верен. Потому что без Максимино его просто порвут.

– Кстати, о медведях, – дипломатично вмешался Гонорий Плавт. – Завтра –

⁹⁷ В мартовские иды был убит сенаторами Гай Юлий Цезарь.

Аполлоновы игры. У тебя все готово?

– Конечно. Открывать кто будет? В отсутствие императора?

– Сабин! – Красивое лицо Максимиана-младшего стало надменным. – Что за вопросы ты задаешь?

– Ну... – Префект смешался. – Я подумал, может быть, ты не захочешь... Цезарь?

– В следующий раз спроси у меня... прежде чем думать! – высокомерно бросил Максимин-младший. – Гонорий, Геннадий, по-моему, наступило время *цены*.⁹⁸ Тебя, Сабин, не приглашаю. Думаю, ты очень занят в связи с завтрашним праздником.

– Зря ты с ним так, – негромко произнес Гонорий, когда префект Рима ушел. – Сабин – наш человек.

– Вот именно, Аптус, – так же негромко (ни слуги, ни телохранители не слышали, только шедший рядом Черепанов) ответил сын императора. – Сабин – *наш* человек. Как и ты. И если кто-то об этом забывает, я или отец вынуждены ему об этом напомнить. Когда твои товарищи приносят тебе присягу, они уже не совсем товарищи. Ты понимаешь?

– Да, Цезарь.

«Мальчик прав, – подумал Черепанов. – У императора нет друзей. Вот одна из причин, почему мне не хочется быть императором».

Впрочем, ему и не предлагали. Пока.

Глава шестая Игры

Шестое июля девятьсот девяностого года от основания Рима. Амфитеатр Флавиев, который позже назовут Колизеем

Когда-то Черепанов гордился тем, что сидит на сенаторской скамье. Сейчас ему отвели место в императорской ложе. К сожалению, только ему: ни Алексея с Настей, ни Кору он посадить рядом с собой не мог. Впрочем, Коршунова тоже разместили почетно: у самой арены, а у дочери сенатора Гордиана было свое «законное» место. Из императорской ложи Черепанов отлично видел ее... и нескольких столичных хлыщей, сенаторских сынков, увивавшихся вокруг его невесты. Спуститься и вразумить их собственноручно у Геннадия не было возможности. Не то у него положение. Можно было, конечно, приказать своим телохранителям, расположившимся у входа в ложу, пойти и намылить хлыщам загривки, только... не царское это дело. Он доверял Корнелии все эти годы и будет доверять впредь. С этой «опасностью» она сама справится.

Жарища, однако! Несмотря на натянутые над секторами (от солнца) полотнища ткани, Черепанов, только час назад сменивший тунику и белье, снова взмок. Неудивительно – в доспехах. Градусов тридцать в тени, не меньше. И даже морс со льдом не спасает. Правда, и день был тяжелый: сначала – торжественная служба в храме Аполлона, потом посвященные солнечному богу скачки в большом цирке. Черепанов, не разбиравшийся ни в конях, ни в колесницах, продул полторы тысячи сестерциев префекту претория Виталиану. А Коршунов, везунчик, выиграл двадцать пять штук. Правда, ему подсказывала Анастасия, оказавшаяся заядлой «ипподромщицей». Пока Черепанов парился на официальной церемонии в храме, Леа с женой потусовались в цирковых конюшнях и собрали море информации. Могли бы и поделиться, черти! Черепанов уже высказал другу все, что он думает.

– Сколько-сколько ты продул? – воскликнул Коршунов. – Ну ты и жмот! Да у тебя застегка от плаща раз в десять больше стоит.

Черепанов покосился на золотую фибулу, украшенную рубином с ноготь величиной.

– В десять... – проворчал он. – А в сто – не хочешь? Не в деньгах дело – в принципе!

– Это не принцип, Генка! Это по-другому называется. Помнишь про мужика, который к медику пришел?

⁹⁸ Цена – обед, главная трапеза дня.

– Это который?

– Да все тот же. Про лекарство от жадности. Приходит он, значит, к медику: есть, говорит, у тебя лекарство от жадности? Тот отвечает: есть. Ага, говорит, мужик, давай сюда. Да побо-ольше!

Анастасия засмеялась. Она неплохо понимала по-русски.

Черепанов ощутил укол зависти. Кора вряд ли когда-нибудь выучит его родной язык... С другой стороны – зачем? Если он по-латыни болтает не хуже рожденного на семи холмах.

Амфитеатр взревел. На арену выпустили первую пару. Черепанов закрыл глаза. Гладиаторские бои его не возбуждали. Тем более устал...

– Третья пара! – закричал глашатай.

– Ставки на четвертую и пятую пары будем делать? – цирковой букмекер остановился у скамьи Коршунова.

– Третья пара, самнит против фракийца! – надрывался глашатай. – Самнит – кличка Уголь. Фракиец – кличка Красный.

– Сейчас...

Алексей полез под лорику: достать кошелек... и замер. Гладиаторы выбежали на песок. «Самнит», ну разумеется, никакой не самнит, а здоровенный нубиец в тяжелых доспехах, с большим щитом-скутумом и мечом типа спаты. «Фракиец»... черт! Не может быть! Коршунов даже привстал. Второй гладиатор, с маленьким круглым щитом, открытым шлемом и кривым ножиком вместо меча... Зато с рыжей бородищей и рыжей гривой... Нет, не может быть!

– Эй! Ставить будешь? – Букмекер остановился прямо перед Коршуновым, загородив арену.

– Пошел вон!

– Что?

Алексей коротко глянул на него:

– Убирайся! Не понял?!

Букмекера как ветром сдуло.

– Ты что? – удивилась Анастасия.

– Ты глянь, Наська! На арену глянь! Это же Красный! *Наши* Красный!

Черт! Все-таки выжил отмороженный гепид! Ну ни фигя себе! Ну молодец! Ах ты, блин!

Поганый нубиец попер танком. Ручищи у него были длиннющие. Тем более – весь в броне: поножи, налокотник на правой руке, щит в полтуловища. А у гепида – дурацкий ножик и щит размером с тарелку.

– Красный, Красный! – завопил Коршунов. – Рикс гребаный! Не дай себя убить, слышишь!

Вряд ли гепид его услышал. Трибуны ревели так, что не то что Коршунова – взлетающего «боинга» не услышать. Нет, дать себя убить Красный не собирался. Позволил погонять себя минуты две, потом улучил момент: отскочил, пригнулся, подпрыгнул и шарахнул ногой по низу щита «самнита». Верхний край соответственно шарахнул по шлему, нубиец замешкался – и гепид немедленно этим воспользовался: швырнул свою «тарелку» вниз, метко угодив по стопе противника. И тут же, нырком, вошел под его правую руку, перехватил запястье и полоснул своим кривым ножиком нубийца изнутри под правым коленом. Острый клиночек – и сухожилия вспорол, и жилы – кровь так и брызнула.

Нубиец тут же повалился на бок, но гепид еще раньше успел резнуть его по правой подмышке, вышиб меч, ударив пяткой по кисти, наступил ногой нубийцу на грудь и воззрился на императорскую ложу.

«Надо же! – подумал в восхищении Коршунов. – У него теперь даже „крыша“ в бою не едет!»

Цирк неистовствовал. Раненый нубиец лежал не трепыхаясь. Орошал подкрашенный, чтоб кровь не очень выделялась, песочек.

Цезарь Максимин встал, поправил венок на голове, вытянул руку и медленно опустил большой палец. Публика взревела еще громче. Внизу, на арене, рыжебородый «фракиец» опустился на колено, наклонился, шепнул что-то поверженному противнику... и быстрым движением вогнал нож ему между ребер. Точно в сердце.

К телу тут же устремились служители с крючьями. Шоу не должно останавливаться.

– Четвертая пара!.. – завопил глашатай.

– Пошли, Настя! – сказал Коршунов, поднимаясь. – У нас появилось серьезное дело.

Ланисту⁹⁹ Красного «за кулисами» амфитеатра Коршунов искал минут двадцать. Бойкое это место, кулисы Колизея. Люди бегают, зверье рычит, кого-то, кому не повезло, волоком за ноги тащат. Тележки, повозки... если бы не помощь Анастасии, Алексей ланисту и за час не нашел бы.

Ланиста, сухощавый ливиец с золотыми серьгами до плеч, узнав, чего желает господин префект, сразу замахал руками. Ни за что не продам! Такой боец! Да таких бойцов боги раз в столетие создают! Ни за что! Воевать за Рим? Да ты, дом префект, с ума сошел? Такой талант в военную мясорубку бросить! Это же уникальный воин! Ты понимаешь, префект? Уникальный! Это тебе не дурак-легионер: «Щиты сомкнуть! Строй держать! Вправо колоть!» – ланиста очень похоже передразнил кентуриона на учениях. Это же талант!

– Хорошо, – сказал Коршунов. – Договорились! Талант на талант!

– Не понял тебя? – Ланиста возрился на Коршунова.

– Что тут непонятного? За талантливого бойца я тебе даю *талант* золота!

Сириец выпучил глаза:

– Шутишь?

– Я похож на шутника? – с кривой усмешкой поинтересовался Коршунов. – По рукам?

– По рукам, – быстро ответил ланиста. За такие деньги он всю свою группу мог уступить. Нет, эти варвары, они точно ненормальные.

Красному повезло. Его не было среди тех, кто штурмовал крепость, когда подошла когорта Черепанова. За день до этого он получил камнем по голове. Голова у гепида была крепкая, шлем – тоже, поэтому Красный уцелел. Но последующие сутки провел в прискорбном состоянии: с жуткой головной болью и непрерывно блюя. Когда римляне вступили в дело, гепид только-только начал оживать, но для драки был пригоден не больше размороженного студня. Едва римляне начали обстреливать зажигательными снарядами боранские корабли, Красный сообразил, что дело дохлое, вспомнил печальные прогнозы вождя Аласеи и сделал ноги. Вернее, плюхнулся в маленькую рыбацкую лодочку, обрезал веревку и отдался на волю волн. Воля эта через два дня вынесла его, совершенно бессознательного, к захудалой римской деревушке, жители которой, вместо того чтобы добить полудохлого варвара, свезли его на рынок в ближайший город и продали за пятьсот сестерциев местному работоторговцу. Тот Красного немного подлечил и отвез в Маркионополь, где сбыв гепида уже за восемь тысяч – маркионопольскому ланисте. Камень, треснувший Красного по башке, как ни странно, оказал благотворное влияние на гепида. При сохранении прежних боевых качеств тот перестал впадать в неконтролируемую ярость. Что очень помогло ему в новой работе. С тех пор жизнь Красного устаканилась. Он пил, ел, тренировался, трахался и убивал на потеху публике. Последнее он научился делать довольно ловко, так что цена его все росла и росла. Сирийцу, поставлявшему бойцов на лучшие арены империи, гепид достался уже за двадцать штук.

В принципе, жизнь гладиатора Красного вполне устраивала: кушал он хорошо, женщины ему доставалось самые лучшие, особенно он был моден у благородных матрон среднего возраста, расплачивавшихся за любовь довольно щедрыми подарками. Впрочем, Красный трахал их не за подарки, а исключительно для собственного удовольствия. Так же, как и убивал на аренах: не для выживания, а потому что очень любил подраться. Особенно

⁹⁹ Ланиста – хозяин группы гладиаторов.

когда есть кому оценить.

– Слушай, может, тебя здесь оставить? – предложил Коршунов, выслушав неприхотливую историю Гепида.

– Нет, я с тобой пойду. Здешнюю славу я уже всю получил, теперь другой хочу. Да и бабы эти мне надоели: толку от них никакого. Бабы должны сыновей рожать, а не на случай бегать. А мужчины здесь и вовсе глупые: вечно пристают, чтоб я их вместо баб пользовал. – Гепид помолчал немного и добавил: – Да и убивать попусту тоже надоело. И без друзей плохо. Тут ведь ни с кем дружить нельзя: подружишься – глядь, а его против тебя на песок выставили. Нет, без друзей человеку жить – хуже волка. Вот ты сейчас, вижу, за Рим воюешь, Аласейя. А с кем?

– С алеманнами.

– Доброе дело! – Гепид повеселел. – Алеманны много лет от Рима кормятся – богатый народ.

– Уже нет, – сказал Коршунов. – Мы их основательно выпотрошили. Теперь, наверное, за франков возьмемся. Слыхал о таких?

– Был тут один франк... – задумчиво произнес Красный. – Проткнули его прошлой весной. Ну, франки – это тоже ничего. Ладно, подожди меня немного, со своими попрощаюсь... – и ушел.

– Покажи купчую, что тебе ланиста выписал, – сказала Анастасия. – Посмотрю, все ли правильно оформлено. Если документ на раба не так выписан, большие проблемы могут быть.

– Как это – на раба? – удивился Коршунов. – Он раб, что ли?

– Конечно, раб, – подтвердила Анастасия. – Просто гладиаторам головы брить не принято. Они ведь вроде жертвы богам языческим.

– Нет, так не пойдет! – возмутился Коршунов и потянулся к купчей, но Анастасия не дала.

– Что ты намерен делать?

– Порву ее!

– Хочешь, чтобы Красный снова стал собственностью ланисты? Если ты намерен его освободить, освобождай. Только надо оформить это как положено. Не беспокойся, я все сделаю.

На следующий день рикс гепидов стал официальным вольноотпущенником. По имени Алексей Виктор Красный. Так было принято: чтобы вольноотпущенник брал себе имя «благодетеля».

А вечером того же дня они, все трое, угодили в неприятную историю.

Глава седьмая Крещение

Десятое июля девятьсот девяностого года от основания Рима. Окрестности Рима

Тибр – хорошая река. Судходная. Вот только пить из нее нельзя. И купаться нежелательно. Грязно. Пить можно из фонтанов. В фонтанах вода родниковая, чистая, подается по акведукам – это что-то вроде здоровенных открытых трубопроводов на кирпичных опорах арочного типа. Высоченные, в три уровня. На самом верхнем – желоб, по которому течет вода. Акведуков десять, и они считаются государственной собственностью. Пачкать или портить нельзя. Штраф – от десяти тысяч сестерциев и выше. С фонтанами – аналогично. Поэтому пить из них можно, а купаться – очень дорого. Купаться можно в банях. Но не интересно. Не поплаваешь. Коршунову, однако, хотелось именно поплавать, а не сидеть по горло в теплой воде и наливать охлажденным морсом. Ему нравилось, чтоб было как раз наоборот: теплое внутри, а холодное снаружи. Купаться в Тибре ему не хотелось – экология не та. Нет, разумеется, промышленных сточных вод в Древнем Риме не было. Если не считать отходов кожевенных и красильных мастерских. Но хватало и непромышленных. Тех, что извергались из клоаки миллионного города, в котором даже не

помышляли об очистных сооружениях. Посему в водах Тибра можно было обнаружить любую дрянь: от дохлой крысы до полуразложившегося человеческого трупа. Коршунов только разок перегнулся через парапет набережной, глянул в воду – и сразу понял: Нева и то чище.

Если бы не желание выкупаться, вполне естественное для оказавшегося в городе Рима в середине лета, Анастасии вряд ли удалось бы соблазнить мужа раннехристианским таинством. Тем более что после истории в Томах он был обижен на этих самых ранних христиан, которые вдобавок оказались еще и схизматиками-арианами. Еретиками то есть, с точки зрения христианина православного, не говоря уже о католиках. Насчет ариан Коршунову Черепанов объяснил. И Настя подтвердила. Да, имеются, мол, серьезные идеологические расхождения у верующих в спасителя. Особенно гностики отличаются: у этих вообще от истинной веры почти ничего не осталось – одна заумная эллинская философия. Гностицизм как раз эллины-греки и придумали. Чтобы от иудеев отмежеваться. Типа, Христа мы оставляем, а священное писание свое сделаем. На основании исконной эллинской мудрости. Настя, хоть сама гречанка, на гностиков большую бочку катила. Коршунов честно попытался разобраться за что, но не смог.

Этакая заумь простому кандидату физико-математических наук – не по силам.

Короче, уговорила его женушка. Более того, уговорила не только сопровождать ее, но даже переодеться: скинуть форму и нарядиться в тунику, а на голову водрузить несурзкое коническое сооружение, которое здесь полагали головным убором. Правда, и в тунике Коршунов выглядел солидно, поскольку мускулист и даже ноги у него красивые – по утверждению Анастасии. Только очень волосатые. Настя пыталась уговорить мужа волосы эти выщипать и даже цирюльника привела, но Коршунов, хоть и любил жену, в ошип не дался. А туника – это даже приятно. Прохладный тонкий шелк после поддевки и лорики, безжалостно накаляемой летним южным солнцем, – это просто кайф. Белой шелковой туникой с красным кантом, знаком всаднического сословия, вся роскошь и ограничилась. Украшения (кроме кольца кентуриона – тут Коршунов был тверд) пришлось оставить дома. И оружие тоже. И тут уж твердость проявила Анастасия: нельзя на мирное таинство – с орудиями войны.

«Ладно, – подумал Коршунов. – Здесь все-таки цивилизация и правоохранительные органы: вегины, стражники, преторианцы... выживем».

И все равно без оружия он чувствовал себя неудобно. Привык всегда иметь под рукой что-то железное.

Поехали втроем: Алексей, Настя и свежесвольноотпущенный гепид. Также без оружия, но прихвативший с собой на всякий случай хорошую дубину. Типа – от собак отбиваться. Покинули Рим через фламиниевы ворота – и сразу стало легче. Свежий сельский ветерок после вонючего города – это нечто!

Когда приехали, таинство уже началось: человек триста – все в белых одеждах – стояли по грудь в воде и громко распевали по-арамейски. Языка этого Коршунов не знал, мелодии – тоже, но по тому, что некоторым из участников время от времени лили воду на голову, сообразил – крещение. Ну и ладушки.

– Ты, Настя, иди, а мы тебя там подождем! – Он махнул рукой в сторону рощицы немного выше по течению.

В роще они с Красным спешили, привязали лошадей.

– Купаться будешь? – спросил Алексей гепида.

– Не-а, – мотнул головой тот. – Я позавчера в бане был. Я лучше посплю.

– Ну как знаешь.

Коршунов спустился по травке на бережок, стянул тунику, разматал набедренную повязку и окунулся в воду. Как он и подозревал, вода оказалась слишком теплой, но – лучше, чем ничего.

От мысли переплыть на тот берег пришлось отказаться: по фарватеру непрерывно шли корабли – еще веслом или форштевнем по башке огребешь. Так что Коршунов поплескался у

берега, поглядывая на толпу первохристиан: не забирают ли его даму?

Нет, все же это какое-то неправильное христианство. Даже простое язычество правильнее: зарезали петуха или там бычка (на крайняк – человечка), на идола кровью побрызгали, поплясали – и все путем. Нормальный дикарский праздник. А Христа трогать – нечего!

Алексей настолько проникся, что даже перекрестился и прочитал «Отче наш, иже еси на небесех...», единственную молитву, которую помнил, после чего успокоился, забрал вещички, вернулся в рощу, поглядел, как кони (порядок, не отвязались, пасутся), как Красный (спит), улегся в теньке на травке (хорошо-то как!) – и задремал...

Проснулся Алексей от какого-то шума, криков... Не сразу сообразил, где он и что происходит. В рощице было все в норме: кони паслись, гепид дрых... Настя?!

Коршунов подскочил, глянул... Ах ты, мать их!..

Там, где ранее благочинно пели и плескались мирные люди в белых одеждах, теперь было полным-полно вегилов или еще (хрен их разберет!) каких-то стражников. И стражники эти грубо согнали в кучу вопящих и плачущих раннехристиан. И кто-то из них уже валялся на земле, кого – пинали...

Дальше Коршунов действовал не рассуждая. Лягнул в бок мирно спавшего гепида, отвязал повод своего сармата и прыгнул в седло.

Алексей забыл, что он – голый, что он – один и даже оружия у него нет. «Башню» снесло напрочь.

Должно быть, вегилы немного удивились, когда увидели одного-единственного голого всадника, скачущего к ним во весь опор. Удивились, но продолжали делать свое дело. У них был приказ префекта охраны: в праздник Аполлона безжалостно пресекать все кощунственные деяния, нарушителей арестовывать и передавать римскому правосудию. Поэтому, когда префекту донесли, что неподалеку от виллы сенатора Марцелла несколько сотен христиан справляют обряд, оскорбляющий богов Рима, тот немедленно выслал полукентурию «бодрствующих»,¹⁰⁰ чтобы пресечь безобразие. С преступниками префект велел не церемониться: христиане в большинстве своем – грязные рабы и нищие плебеи. Вдобавок трусливы: полукентурии вполне хватит, чтобы доставить эту сволочь в Рим. Отдав сие распоряжение, префект спокойно отправился в цирк: кучка злокозненных христиан – не повод, чтобы пропустить игры. Префект был истинным любителем и ценителем гладиаторских поединков. Когда-то даже сам участвовал в них: в закрытом шлеме и под псевдонимом, разумеется, чтобы не порочить честь фамилии.

Коршунов на полном скаку врзался в цепочку вегилов, сшиб двоих-троих, развернул жеребца, вырвал копьё у зазевавшегося стражника... Сармат Коршунова, настоящий боевой конь, плясал и лягался. Вегилы шарахнулись в стороны. Возможно, в первый момент они приняли голого разъяренного всадника за воплощение какого-нибудь бога. Первохристиане, женщины и мужчины (у многих головы наполовину выбриты), глазели на Коршунова с еще большим страхом, чем на вегилов. И не зря! Алексей наконец высмотрел в толпе мокрых, перепуганных, избитых свою Настю, не раздумывая бросил коня прямо в толпу, опять кого-то сшиб, но пробился, протянул руку:

– Залезай!

Анастасия мотнула головой: то ли хотела остаться с единоверцами и разделить их судьбу, то ли не желала подвергать опасности своего мужа...

– Залазь, я тебе сказал!!! – Он ухватил женщину и одним мощным рывком вздернул на спину жеребца и развернул его как раз в тот момент, когда вегилы метнули в него сеть.

Сеть он поймал копьём – и остался без оружия. Перепуганные первохристиане, пользуясь тем, что цепь вегилов «порвалась», бросились врассыпную... а вот Коршунова плотно взяли в кольцо.

¹⁰⁰ Вигилов.

– А ну слазь! – заорал ему вегильский опцион, тыча копьём в морду жеребца. – Ты кто такой, пожри тебя Орк!

– С дороги, тварь! – заорал в свою очередь Коршунов. – Я – кентурион Августа! – но сармата придержал. Сообразил, что драка с несколькими десятками вооруженных вегилов кончится для них с Настей плохо.

И тут в дело вмешался подоспевший Красный. Один, в пешем строю и всего лишь с дубинкой, но оч-чень эффективно: вегилы от его ударов полетели как кегли.

– Скачи, рикс! – заревел гепид. – Давай!

Коршунов не заставил себя упрашивать: вмиг бросил сармата в открывшуюся брешь. Кто-то метнул в ноги его коню сеть, но умный жеребец перемахнул через нее и, несмотря на двойной груз, птицей полетел через луг, легко обогнав разбегавшихся первохристиан...

И тут черт дернул Коршунова обернуться. И увидеть, что храброго гепида накрыли сетью и повалили на землю.

Алексей выругался и осадил жеребца. Он понимал, что делает глупость, но бросить Красного, которого уже лупили древками копий, ну никак не мог.

– Настя! Скачи в город! Найди Генку и расскажи ему все! Поняла?

Анастасия замотала головой, но Коршунов уже соскользнул на землю.

– Пошел!

Он ударил сармата по крупу, и жеребец с места взял в карьер. Анастасия, опытная наездница, сумела удержаться на его спине, ухватившись за гриву. Через минуту она уже сидела в седле и держала поводья. И только один раз оглянулась, чтобы увидеть, как ее муж бежит к вегилам, и ударила жеребца пятками: быстрее, еще быстрее... Анастасия сделает то, что сказал муж. Вегилы его не убьют. Это Рим, здесь закон не убивает без суда. Но суд здесь скор и беспощаден к тем, у кого нет сильных заступников...

Отметелили их на славу, хотя и без членовредительства. Должно быть, вегилам не хотелось тащить их в город на себе. А вот в городе им непременно «добавят». Вегилов, впрочем, можно было понять. Люди при исполнении, а тут два каких-то отморозка набрасываются и мешают выполнять приказ. Хорошо хоть среди «бодрствующих» не оказалось серьезно пострадавших (так, синяки, шишки, ушибы), иначе Коршунову и Красному досталось бы куда серьезнее. Изрядно помятые и связанные, они ждали, пока вегилы с помощью людей из соседней виллы (наверняка оттуда и стукнули насчет противозаконного богослужения) собирали разбежавшихся первохристиан. Затем всех построили и погнали в город. Путешествие заняло часа три и было довольно утомительным, особенно для избитых и для женщин, которые несли на руках детей. С отстающими не церемонились, зато раз пять устраивали остановки и давали арестованным возможность утолить жажду. Но без этих послаблений скорее всего треть «этапируемых» осталась бы на дороге. И даже «подбадривание» древками копий не помогло бы.

«Добрые» жители Рима приветствовали «этап» ругательствами, оскорблениями и швырянием предметов. Швыряние вегилы активно пресекали, поскольку часть помоев, гнилых фруктов и прочей мерзости попадала в них.

Алексей, которому так и не позволили одеться (более того, кто-то стащил с его пальца золотое кольцо кентуриона), униженный и злой, сердито смотрел на опциона вегилов, покачивающегося в седле одного из Коршуновских коней, и гадал: добралась ли Настя и как скоро Генка вытащит их из этой задницы. Красный же относился к ситуации философски: бывало и похуже.

Наконец их пригнали во двор префектуры и всех вместе запихнули в какой-то сарай с решеткой. А еще через некоторое время Коршунова и гепида поволокли на допрос.

– Я – пил-кентурион и военный префект вспомогательных войск одиннадцатого легиона! – с ходу заявил Коршунов. – Я лично знаком с префектом претория Виталианом и префектом Рима Сабином! Вы все ответите, ясно?

– Да ну? – усмехнулся толстый потный римлянин в тоге с фиолетовой каймой. – Научись сначала по-латыни говорить, дикарь! А это кто? – кивок в сторону гепида. – Тоже

кентурион?

Красный промолчал.

– Я его знаю! – неожиданно вмешался один из вегилов-охранников. – Он гладиатор. Красный его зовут. Его весь Рим знает.

– Я – не весь Рим, – недовольно буркнул толстяк в тоге. – Гладиатор? Да ну? Ты и впрямь гладиатор?

– Был, – лаконично ответил Красный. – Теперь свободный. Вот клеймо. – Гепид задрал тунику и показал вытатуированную на бедре «печать».

– Так. И кто тебя освободил?

– Он. – Гепид показал на Коршунова.

– Он действительно пил-кентурион и префект?

– Да.

Красный был лаконичен: ему уже приходилось иметь дело с римским правосудием, и он знал, как себя вести.

– Допустим. – Толстяк поглядел на Коршунова. – А где твое кольцо, кентурион? И почему ты голый?

– Голый потому, что мне не дали одеться. А кольцо сперли твои герои. И лучше бы им его отдать, иначе... – Тут Алексей замолчал, вовремя сообразив, что угрожать в его положении не стоит.

– Иначе – что?

– Иначе пусть пеняют на себя.

– Да ну?

Толстяк подозвал одного из вегилов, пошептался с ним, и тот вышел.

– Подождем, – сказал толстяк.

Ждали они минут пятнадцать, потом вегил вернулся и положил на стол Коршуновское золотое колечко.

– Ага, – сказал толстяк. – Твое?

– Мое.

– Ага. А теперь скажи мне, кентурион, почему ты набросился на «бодрствующих», когда они арестовали оскорбителей Аполлона?

– Не думаю, что Аполлон имеет к этому отношение, – сказал Коршунов.

– Откуда ты знаешь? Ты что, принадлежишь к поклонникам арамейского божка?

– Не твое дело, – буркнул Коршунов. – Вызови своего начальника. Это дело не твоего уровня.

– Думаю, ты прав, – согласился толстяк. – Придется послать за господином префектом.

– Господин префект будет очень недоволен, – заметил один из вегилов.

– Что ж, – сказал толстяк. – Нашей вины здесь нет. Пусть за его недовольство ответит этот кентурион.

Глава восьмая Начальник префектуры охраны Секст Габиний Оптимиян

Десятое июля девятьсот девяностого года от основания города. Рим. Префектура охраны порядка

Начальник префектуры охраны Секст Габиний Оптимиян был действительно очень недоволен, когда ему пришлось покинуть цирк.

Когда перед ним предстал (уже одетый, а не голый) задержанный кентурион, префект Габиний не стал скрывать своего недовольства. Несколько минут он злобно поносил и своих подчиненных, и префекта ауксилариев, который лезет не в свое дело. Потом, выговорившись, поинтересовался, к какому легиону приписаны вспомогательные войска, подчиненные Коршунову.

– К Одиннадцатому Клавдиеву, – буркнул Алексей. – Это выбито на моем кольце.

– Поглядим. – Начальник вигилов поднес к глазам золотое колечко. – К

Одиннадцатому, значит? А кто твой легат?

– Префект, – поправил Коршунов. – Префект легиона Геннадий Павел, личный друг богоравного Августа Максимиана... И мой тоже, – добавил он для авторитетности. – Префект Геннадий будет очень недоволен, если ты немедленно не освободишь меня и моего человека!

– Ах вот как! – Глаза префекта Габиния вспыхнули. – Значит, префект Геннадий будет очень недоволен? – произнес он совершенно другим, вкрадчивым голосом. – Он действительно твой друг?

– Мой *лучший* друг! – подчеркнул Коршунов. – Имей это в виду и не забывай!

– Я ничего не забываю, *варвар*! – Вголосе Габиния проявилась нотка торжества. – Опцион! Видишь этого варвара, похитившего у кого-то золотой перстень кентуриона? Суньте его в самую вонючую яму и держите там, пока у меня не найдется время выяснить, кто он и каковы его преступления!

– Ты с ума сошел! – воскликнул Коршунов, но Габиний уже покидал префектуру.

Через полминуты он уже плюхнулся в носилки и скомандовал рабам:

– В цирк Флавиев! Бегом!

Черепанов прибыл в префектуру порядка через час после отбытия ее начальника. Прибыл вместе с двумя адвокатами. Разговаривал с ним помощник префекта, тот самый толстяк, который допрашивал Коршунова.

Да, признал субпрефект, сегодня задержали шайку христиан... Да, среди них был некто, утверждавший, что он – кентурион. Где он? В яме. По личному распоряжению господина префекта. Нет, выпустить его немедленно никак невозможно. Это сделать может только господин префект, более никто... И не надо на него, субпрефекта, кричать. Он строго следует букве закона, и присутствующие здесь юристы могут это подтвердить...

Юристы мялись... Знали, что положения закона работают исключительно против интересов клиента, а терять солидный гонорар очень не хотелось.

– Значит, никто, кроме господина префекта? – с угрозой проговорил Черепанов. – Ну смотри, жирная крыса, я тебя предупредил!

Субпрефект только пожал плечами. Он действовал по закону и в присутствии дюжины вегилов чувствовал себя в полной безопасности.

Разъяренный Черепанов вылетел из префектуры. Он очень жалел, что не прихватил с собой десятка два Коршуновских готов.

– Можно обратиться к претору... – промямлил один из юристов. – Мы могли бы... Только претор сейчас наверняка...

– Пошли вон! – рявкнул Черепанов, взлетая в седло. – Без чернильниц обойдусь!

И поскакал к палатину.

Ничего, скоро он покажет гнилой столичной шусшере, что бывает, когда трогают *армию*...

После его ухода субпрефект вызвал дежурного опциона «бодрствующих».

– Вызови-ка сюда пару кентурий, – сказал он. – Этот Максиминов дикарь просто так не отвяжется.

– Может, лучше отдать того кентуриона? – предложил дежурный. – Еще навлечем на себя гнев Августа...

– Август – в Германии, – сказал субпрефект. – А секст Габиний – в Риме. Ты, главное, думай, чтобы его гнев не навлечь!

И опцион отправился выполнять распоряжение.

Геннадий Черепанов вернулся через полтора часа. С двумя десятками Коршуновских готов во главе с Ахвизрой и двумя контуберниями преторианской гвардии под командой трибуна, высокого и совсем юного.

Вегилы, возглавляемые (если можно применить это слово к тому, кто держался позади) субпрефектом, их уже ждали.

– Не пущу! – заявил субпрефект.

Учитывая десятикратное численное превосходство «бодрствующих», он мог себе

позволить такое заявление.

– Можно, я его зарежу? – хищно оскалясь, поинтересовался Ахвизра.

– Не сейчас, – сказал Черепанов. – Учти, толстяк, я тебя запомнил. И он – тоже.

– Не пугай! – фыркнул субпрефект. – Все равно не пущу!

– Меня тоже непустишь? – спросил, шагнув вперед, командир преторианцев.

Субпрефект открыл рот, чтобы высказать свое отношение и к юному трибуну, и к гвардии вообще: вегилы и преторианцы в последнее время не очень ладили, поскольку не ладило их руководство... Но пренебрежительные слова застряли у субпрефекта в горле, потому что он узнал «трибуна».

– Э-э-э... Нет, конечно, нет, богоравный доминус! Эй, вы, а ну посторонитесь!

– Это ни к чему, – надменно бросил Максимин-младший. – Живо приведите сюда кентуриона Алексия...

– ...И его человека, – подсказал Черепанов.

– И его человека!

– Слушаю, Цезарь! Немедленно, Цезарь! – воскликнул субпрефект и тут же напустился на вегилов: – Ну что вы стоите, олухи! Бегом!!!

– Эх, давненько я в яме не сиживал, – проговорил Коршунов, когда они расстались с Максимин-младшим, вернее, когда Максимин-младший, выслушав подобающие изъявления благодарности, их покинул. – Как там Настя, в порядке?

– В полном.

– Тогда в бани! Красный, ты как насчет бань? Или опять скажешь, что только позавчера мылся?

Четырнадцатого июля, на следующий день после окончания Аполлоновых игр, Секст Габиний Оптимиян был вызван во дворец.

– Кто тебе позволил, префект, арестовывать военного префекта, трижды награжденного за храбрость лично богоравным Августом Максимин-младшим? – осведомился легат Гонорий Плавт Аптус.

– ...Храбреца и моего друга! – добавил префект претория Виталиан.

– Я выполнял приказ префекта Рима! – отчеканил Габиний.

– Сабин? – Префект претория удивленно поглядел на префекта столицы. – Ты отдал такой приказ?

– Я что – не в своем уме? – буркнул Сабин. – Что ты несешь, Габиний?

– Я выполнял твой собственный эдикт: во время праздников пресекать все действия, которые могут быть истолкованы как оскорбительные для богов Рима. При этом ты указал обратить особое внимание на последователей культа вифлеемского бога. Префект Алексей был арестован на основании этого приказа.

– Чтобы Коршун молился какому-то вифлеемскому божку! – воскликнул префект претория. – Быть не может!

– Сам – вряд ли. Но жена его – христианка из Антиохии, – шепотом сообщил Виталиану Гонорий.

– Так то жена-а...

– Ты что, Габиний, не видишь разницы между выдающимся военачальником Августа и всякой швалью? Ты что же, не знаешь, что военные чином выше опциона не попадают под твою юрисдикцию?

– Почему же, знаю, – усмехнулся Габиний. – Но откуда я знал, что этот человек – кентурион?

– Он сам сказал тебе об этом! – рявкнул Вителлан.

– Ну и что? – пожал плечами Гонорий. – Мало ли кто что скажет? К тому же у него такая варварская латынь, слова не разберешь.

– А кольцо? Кольцо кентуриона!

– Кольцо имелось в наличии, – согласился Секст Габиний. – Мои вигилы нашли золотое кольцо на месте совершения обряда и как честные квириты передали кольцо мне. Но

согласитесь, когда какой-то *голый варвар* претендует на кольцо кентуриона, что я могу подумать?

– Что? – нахмурился Сабин.

– Что он его украл, разумеется. Вот почему я велел бросить его в яму и держать там, пока у меня не найдется время, чтобы его допросить лично. Похищение кольца кентуриона – серьезное преступление. За такое мало клейма, за такое руку рубить нужно. И вору, и сообщникам. – Габиний усмехнулся. – Разве я не прав?

– Смотри, префект... – с угрозой протянул Сабин.

– Я в своем праве, префект, – парировал Габиний. – Можешь передать дело на рассмотрение Сенату...

– Хитрая тварь, – констатировал Плавт, пересказывая беседу Черепанову. – Не зря почтенные сенаторы так активно двигали его вверх – из паршивых трибунов претория – в начальники третьей по значению префектуры Рима. Его еще эдилом изберут, помани мое слово. А оттуда прямая дорога в консулы... если наш фракиец ему раньше шею не свернет. Нет, этот патриций здорово поумнел с тех пор, как ты наступил ему на пальцы.

– Использовать чужую отмазку еще не значит поумнеть, – проворчал Геннадий. – Но чувствует мое сердце: мы еще с ним схлестнемся. Особенно если он по-прежнему будет увиваться около Корнелии...

– Брось! – махнул рукой Плавт. – Там ему не на что надеяться. Если договор о помолвке расторгнут, обратной дороги нет. Или ты не веришь своей невесте?

– Верю. Но в жизни всякое бывает. Если бы Анастасия не поспела вовремя, Алексею пришлось бы туго. Красавчик не упустил бы возможность мне отомстить.

– Если бы Анастасия не путалась со всяким сбродом, наш друг не оказался бы в префектуре порядка, – проворчал Плавт. – Ладно, весной мы сюда вернемся, и я займусь этим Габинием персонально. Фракиец хочет, чтобы со следующей весны его сын поселился в Риме и правил от его имени. Вот тогда мы и с Габинием разберемся, и со всем прочим сенаторским отродьем!

Глава девятая Девять месяцев спустя. Легат Геннадий Павел

Двадцать четвертое апреля девятьсот девяносто первого года от основания города.
Рим

Планам Гонория дать окорот обнаглевшему префекту не суждено было сбыться. Следующей весной Черепанов прибыл в Рим один. То есть не совсем один: вместе со своим легионом и несколькими тысячами ауксилариев, возглавляемыми его другом Лехой. Плавт остался в Сирмии, вместе с фракийцем. Там же остался и Максимин-младший, наотрез отказавшийся покинуть отца и плести интриги в душном летнем Риме, вместо того чтобы, как подобает мужчине и воину, сражаться за Рим с его настоящими врагами. Так сказал Максимин-младший, а характер у него был такой же упертый, как у отца. Так что и он тоже остался в Сирмии, а Черепанову было присвоено звание легата, поручено взять своих легионеров и германских наемников, чтобы провести в столице демонстрацию силы. А возможно, даже и заменить часть прикормленной Сенатом преторианской гвардии воинами Коршунова.

Черепанова такой вариант вполне устраивал. Он уже списался с отцом Кору и объявил, что желает как можно скорее сыграть свадьбу. Папаша, в принципе, не возражал. Договорились сыграть свадьбу в Цереалии.¹⁰¹ Эти дни считались благоприятными для заключения брака.

Черепанов прибыл в Рим в конце марта, на несколько недель опередив свой легион. Но

¹⁰¹ Цереалии – праздник в честь богини Цереры, покровительницы урожая и плодородия в целом. Проходили с 12 по 19 апреля.

Антоний Антонин Гордиан в столице не появился. Уже прибыли Черепановские легионеры, разбившие лагерь на Ватиканском поле по ту сторону Тибра. Неделей раньше подошли ауксиларии Коршунова. Этих разместили частично в преторианских казармах между наментанскими и виминальскими воротами в северо-восточной части столицы, частично – в казармах палатина. Время шло. Миновали Цереалии. Отгорели костры парилий.¹⁰² Гордиан не приезжал. Черепанов ждал. Он полагал, что папаша Корнелии должен когда-нибудь приехать. Или хотя бы письмо прислать – со своим благословением: свадьбу и без него справить недолго. Какого хрена он медлит? Месяц прошел. Что у них там за крутые дела, в этой чертовой Африке, что легат не может выкроить время и явиться на свадьбу дочери?

Вести из Африки пришли двадцать третьего апреля. Совсем не те, каких ждал Черепанов. А дела в провинции Африка оказались действительно крутыми...

– Там в Ливии прокуратор Максимин был, – рассказывал Хрис, которого Коршунов, проснувшийся раньше Геннадия, отправил выяснять, почему в палатине все на ушах стоят. – Максимин доверенный прокуратор этот грабил всех подряд. Ну народишко и не выдержал: прирезал мытаря и охрану его побил. И всех, кто вступался за Максимина человека, – тоже. Затем все двинулись к старому проконсулу Гордиану, который в тот день в Тисдре был, и заставили того принять императорский пурпур. Гордиан вроде бы отказаться хотел, только выбора у него все равно не было. Максимин бы его не простил. В общем, отправили из Африки письмо в Сенат (оно еще позавчера пришло): мол, собрались лучшие люди Африки в городе Тисдре и провозгласили обоих Гордианов Августами, так что в карфаген отец с сыном въехали уже со всей царской пышностью.

Разумеется, Сенат Рима, получив сие тайное письмо, возликовал и немедленно (немедленно по-сенатски, то есть через сутки) взялся за дело. Первым делом прирезали префекта претория Виталиана, верного Максимину, после чего большая часть преторианцев перешла на сторону Сената. Аналогично собирались поступить и с префектом Рима Сабином, но тот успел принять меры и теперь засел во дворце под защитой оставшихся ему верными гвардейцев. Штурмовать палатин Сенат не рискнул. То ли в силу своей переходящей в трусость осторожности, то ли... из-за присутствия в казармах воинов Коршунова.

– Я поставил на площади перед палатином парней Скулди, – сказал Коршунов. – Шесть сотен. На всякий случай. Народ там уже толпится, но пока никого не трогает, и боевых частей нет. А сам дворец преторианцы охраняют. Из тех, что остались на нашей стороне. Витальку жалко! Нормальный был мужик.

– Радуйся, что нас с тобой не прирезали! – зло буркнул Черепанов. – Хотя – еще не вечер!

– Да брось ты! – махнул рукой Алексей. – Пусть только сунутся – и мои головорезы сольют эту шушеру, как дерьмо – в клоаку!

– Допустим, – сказал Черепанов, по-быстрому уминая завтрак (при таком раскладе еще не известно, когда снова пожарть удастся). – Твои предложения?

– По мне, так пускай между собой режутся, – сказал Алексей. – У них в Риме – всегда так. Устроят потасовку, потом придет какой-нибудь конкретный пацан – и всех построит. Главное, чтобы нас не трогали. Нас не тронут – и мы никого не тронем. А я бы вообще из города убрался. Мой совет: забирай свою девушку – и отваливаем к твоим легионерам. Или, если хочешь, я пошлю гонца к Ингенсу – пусть сам идет сюда. Вместе с легионом, конечно. И сами всех построим. Сколько тех преторианцев? Тысячи две максимум. Против сдвоенного легиона наших ветеранов – семечки.

– Ты кое-что не учел, – сказал Черепанов, отправляя в рот последнюю маслину.

¹⁰² 21 апреля – этот день считался датой основания Рима. В праздник парилий во всех районах столицы зажигались огромные костры (вот радость для римских пожарных!), устраивались танцы и пиры под открытым небом.

– Что именно?
– Народ Рима. Это не две тысячи. И даже не двадцать...
– Тогда уходим...
– Боюсь, если мы уйдем, фракийцу это очень не понравится.
– Хм-м... – Коршунов сразу помрачнел. – Серьезный довод. Что будем делать, командир?

– К Сабину пойду. Узнаю, как он по ситуации мыслит. Строго говоря, он – наш начальник. Странно, что он еще за мной не посылал...

– Посылал. Трижды. – Коршунов усмехнулся. – Твоя охрана их завернула. Сказали: отдыхает. Мало ли что нужен префекту Рима! Да хоть Юпитеру Капитолийскому! Ну, может, если бы еще фракиец за тобой послал – разбудили бы. Я, Генка, их беседу с последним гонцом слушал: большое удовольствие получил.

– Угу. – Черепанов застегнул ремень, поправил меч. – Я тоже скоро удовольствие получу. Непосредственно от префекта Рима.

– Да ладно! – отмахнулся Алексей. – Он тебе слова дурного сказать не посмеет. Ты ему сейчас важнее самого Юпитера!

– Да ну их всех... – пробормотал Черепанов. Он был по-настоящему расстроен. Приехал, можно сказать, на собственную свадьбу (пусть и с поручением от императора), а угодил на массовые похороны. – Короче, Леха. Отбери из своих сотен пять, покруче. Чует мое сердце: пошлет меня Сабин Сенату мозги вправлять... Что мне делать совсем не хочется. – Последнее Черепанов произнес совсем тихо, чтобы Алексей его не услышал. Ах тестюшка, сучий потрох! Мог бы, блин, заранее предупредить! Хотя... хули тут предупреждать? Геннадий – доверенный военачальник Максимиана. Враг. А что в женихах у дочери числится, так это и исправить недолго. На хрена благородному римскому роду – варвар?

Ладно, разберемся...

Черепанов, с помощью охраны, пропихнулся через негустую толпу, взбежал по лестнице (шеренга преторианцев раздвинулась, пропуская, – узнали) и окунулся в прохладную тень дворцового портика. Да уж, удружили будущие родственнички, ничего не скажешь... И что теперь скажет Сабин?

– Проклятие на всех Гордианов! – прорычал Сабин, отшвыривая в сторону ни в чем не повинное кресло с обивкой из красного бархата. – Сенат уже объявил их богоравными Августами! Ну это ненадолго! Капелиан со своими маврами вышибет из них дурь. Но здесь, в Риме, не должно остаться ни одного из этого семени! Ты, легат Геннадий, сейчас пойдешь и прикончишь щенка и маленькую сучку!

– Не думаю, что я сделаю это, – холодно произнес Черепанов.

Сабин шагнул к нему, посмотрел в упор:

– Сделаешь! Еще как сделаешь! Потому что пришло время разобраться, кому ты служишь: своему императору или своему приапу! Мы все знаем: ты хитрый двуличный волчара! Но мы верили, что, когда припрет, ты нас не предашь! Пришло время узнать, так ли это! Шакал ты или лев? Кто тебе дороже: смазливая девка-патрицианка или твои друзья? Сладкая вагина или те, кто сражался с тобой бок о бок, прикрывал тебя щитом в бою, подставлял плечо, когда тебе было худо?..

Черепанов молчал.

– С кем ты, лев? – спросил Сабин. – Помнишь, ты когда-то говорил Аптусу, что Рим для тебя – прежде всего. Что ради блага Империи можно преступать закон. Сейчас судьба Рима, судьба императора – в твоих руках. Уничтожь щенков Гордиана! Веди своих варваров к Сенату! Возьми под жабры этих трусливых болтунов, пока они чешут языками, не решаясь действовать! Введи в город своих легионеров! Мы вырежем всех проклятых бунтовщиков! Всех проклятых сенаторов и их прихвостней! Клянусь, Тибр покраснеет от крови врагов Рима, как краснели воды Рейна от крови германцев!

«Цена Империи... – подумал Черепанов, глядя на покрасневшее лицо префекта вечного

города. – Цена, которую должны заплатить все. И горожане, и я, и моя Корнелия. Чтобы стоял Рим. Чтобы император Максимин фракиец продолжал бить его врагов. Внешних и внутренних...»

– Решайся, *лев* ! – Сабин положил руки на плечи Геннадия, и тому вдруг показалось, что даже сквозь ткань и сталь лорики он чувствует, как влажны ладони префекта Рима.

«А ведь ты боишься, Сабин! – подумал Геннадий. – Ты боишься, что тебе придется заплатить *свою* цену! О благе Империи ты печешься или о своем собственном? Большая часть преторианцев изменила тебе. Народ Рима тебя ненавидит за твою жестокость. Сенаторы, дай им волю, собственноручно разорвут тебя на куски. Конечно, ты можешь попытаться удрать, но – куда? Фракиец лично спустит с тебя шкуру. И только я – твоя последняя надежда. Я и мои солдаты, мои легионеры и германцы Алексея. *Наши* солдаты. Не твои, не фракийца, не империи, а *лично* наши с Лехой. Так что, если я сейчас скажу, что меняю свою поддержку на жизнь Корнелии и ее брата, – ты согласишься. Никуда не денешься. А что потом? Потом ты начнешь резать всех, кого считаешь врагами Максимиана, – и от этого врагов у него станет еще больше. Или нет? Черт! Откуда я могу знать!»

– Ладно, хрен с тобой! – сказал Геннадий по-русски, сбрасывая с плеч руки префекта Рима. – Обидно будет просрать и эту Империю! – И перейдя на латынь: – Хорошо! Я еду за гордианами! А потом – в Сенат! – и двинулся к выходу.

– Убей их, Череп! – крикнул ему вслед Сабин. – Помни: в твоих руках судьба Рима и Августа!

– Да пошел ты в жопу, – пробормотал Черепанов, спускаясь по лестнице. – с дороги! – Он отпихнул не успевшего убраться преторианца. Одного из немногих, оставшихся верными Сабину и своему префекту. – С дороги! – Он прошел через шеренгу дворцовой охраны, его тут же обступили его собственные телохранители – легионеры, которые, выстроившись клином, легко раздвинули толпу. Народ не препятствовал. Он еще не созрел для хорошей драки, но дай ему время...

Германцы Коршунова ждали его на площади. Вокруг них уже собралась толпа, кое-кто выкрикивал угрозы... Но напасть на грозных всадников римляне не решались.

– Генка! – Коршунов выехал вперед, навстречу Черепанову. Берегед и Сигисбарн тут же устремились следом, прикрывая своего рикса, – очень правильный рефлекс. – Ну что? Что ты решил?

– Ничего, – буркнул Черепанов. – Коня мне. И – поехали. По дороге разберемся.

– Куда поедем?

– Сначала – к дому Помпея, ¹⁰³ заберем внука Гордиана-старшего, а потом – к Корнелии.

С мальчишкой проблем не было. То есть в доме околачивались с полсотни охранников, присланных Сенатом, но при виде тысячи ауксилариев-германцев они моментально наделали в штаны и побросали оружие. Гордиан-самый-младший вел себя достойно, страха не выказал, хотя коленки у пацана дрожали.

– Крутой мужик будет, когда вырастет, – заметил Коршунов, собственноручно подсаживая мальчугана на коня.

– Если вырастет, – буркнул Черепанов, который еще не решил, как поступить. Мальчишка его знал и смотрел с надеждой. Черепанов хмуро улыбнулся – и пацаненок расцвел: ну конечно, храбрый дядя Геннадий не причинит ему зла. Стоит ли Империи одна детская улыбка? А хрен его знает...

А вот к особняку Корнелии Черепанову так просто подъехать не удалось. Перегораживая улицу, шеренгами, сомкнув щиты, ошетилившись копьями, стояли хмурые

¹⁰³ Одно из самых роскошных зданий Рима. Был когда-то выстроен полководцем и консулом Помпеем Великим. В описываемое время принадлежал Гордиану-старшему.

вигилы. Не менее нескольких сотен. А впереди – префект Секст Габиний Оптимиян собственной персоной.

– Именем Августа Максимиана! – рявкнул Скулди. – С дороги!

– Он больше не Август, твой фракийский варвар! – гаркнул префект вигилов. – Именем Августов Гордианов! А где же ваш храбрый командир Геннадий Череп? Как всегда прячется за чужими спинами?

– Пусти-ка! – сказал Черепанов, посылая коня вперед, мимо Скулди.

– Ты куда? – воскликнул Коршунов. – погоди!

– Не лезь, Леха! Это наше личное дело! – по-русски произнес Черепанов. И скомандовал по-латыни: – Всем стоять!

– Сдурел? – выкрикнул Коршунов по-русски. – Генка!

Но Черепанов, не слушая, прыгнул на мостовую и уже шел навстречу своему давнему врагу.

– ...Ну давай, варвар! – играя клинком, процедил трибун. – Ты и я. И Корнелия, которая достанется победителю! Согласен?

Вместо ответа Черепанов молча сдвинул шлем и вытянул из ножен меч...

Б-бан-нг!

Арбалетный болт провыл над самым плечом Геннадия и угодил точно в левую сторону великолепной кирасы префекта претория. Говорят, отборная испанская броня держала арбалетный болт, даже выпущенный практически в упор. Но до создания толедской стали – еще много-много веков, а римский доспех... болт прошел навылет и застрял в щите одного из вигилов, а патриций Секст Габиний Оптимиян уронил оружие, опрокинулся на спину и умер.

– Ты, Генка, даешь! – по-русски бросил Коршунов, опуская арбалет. – Нашел время в рыцаря играть!

– Бес попутал, – тоже по-русски пробормотал Геннадий, глядя на труп.

И впрямь, что это на него нашло?

– Вигилы! – рявкнул Черепанов в полную мощь тренированной глотки. – Слушай меня! Я – посланец императора Максимиана легат Геннадий Павел Череп! За моей спиной – полторы тысячи ветеранов германской войны. Вы не виноваты. Вас привел сюда человек, который предал императора. Теперь он мертв. Именем Гая Юлия Вера Максимиана Августа я приказываю вам проваливать! Считаю до десяти... Всех, кто останется, когда я закончу счет, мы передадим, как крыс! Р-раз!..

– Они не причинили тебе зла? – спросил Геннадий, обнимая заплаканную Корнелию.

– Нет-нет, что ты! – И тут она увидела заполнивших парк всадников и своего младшего брата, сидевшего на коне между двумя страшными германцами с вызеленными щеками. Глаза ее потухли, губы задрожали: – Геннадий... что?.. Ты...

– Не бойся, моя хорошая, – мягко произнес Черепанов. – Никто не причинит тебе зла. Я не позволю!

Он наконец сделал выбор. И теперь знал, какую цену готов заплатить за сохранение Империи, а какую – платить не желает. Возможно, если бы это была *его* империя... к черту! Об этом и думать не стоит! Это – Империя Максимиана Августа! И Геннадий не желал расплачиваться *своей* невестой за *чужую* Империю! К черту! Он и так неплохо послужил фракийцу! Они – в расчете. Максимин не вправе требовать с него такую цену! Это *его* Империя – пусть сам и разбирается.

– Мальчишка ваш! – сказал Черепанов Бальбину, Максиму и еще дюжине сенаторов, которые были самыми яркими ненавистниками Максимиана, а следовательно – самыми горячими сторонниками Гордианов. – Забирайте и берегите! А Корнелия будет со мной и очень скоро станет моей женой, клянусь Юпитером, Марсом, Венерой и всеми остальными богами Рима!

– Хорошо, хорошо! – медовым голосом произнес благороднейший Клодий Бальбин. – А каково мнение достойного легата относительно префекта Сабина?

– Мне до него дела нет! – отрезал Черепанов.
– Но в казармах палатина твои воины...
– Они уйдут. Что еще?
– Еще у нас к тебе предложение, храбрейший легат. Насколько нам известно, в Сирии сейчас вакантна должность наместника и распоряжается там прокуратор, ставленник Максимины фракийца, некто Гельмий Гульб.
– Не слыхал о таком. – Черепанов помрачнел. – А куда делся наместник Маний Митрил? Он что, умер?
Надо же, как не повезло Скорпиону! Года не прошло, как Максимин «подарил» ему Сирию!
– Нет, не умер. *Самозванный* император Максимин еще в марте отстранил его. Слишком мало налогов поступало из этой провинции. Так что теперь там вместо наместника прокуратор Гельмий... Мы хотим, – сладкий голос бальбина стал еще приторнее, – взять эту провинцию. Уверен: императоры Гордианы одобряют наш выбор – ведь ты скоро станешь их родственником. Думаю, для такого военачальника, как ты, будет нетрудно установить контроль над этой *богатейшей* провинцией Империи. Единственная просьба: не забывай, что здесь, в Риме, тебя поддерживают!
«Естественно! – подумал Черепанов. – Антиохия – ключ к средиземноморью. Стоит наместнику Сирии захотеть – и баржи с египетским зерном никогда не дойдут до Рима. А что такое миллион голодных римлян – можно себе представить!»
– Я тебя понял! – кивнул Черепанов.
– Тогда удачи тебе, *наместник* Геннадий! Все документы, подтверждающие твои полномочия, ты получишь в течение часа.
«Мои полномочия – клинки моих легионеров! – подумал Черепанов. – Хотя и ваши грамотки не помешают. С политической точки зрения...»
– Договорились. Ровно через час мои воины покинут лагерь преторианцев и казармы палатина.
«И Сабин ваш! Жаль мужика, но сам ведь виноват, что весь город его ненавидит». Все-таки хорошо, подумал Геннадий, что Максимины-младшего здесь нет. Его Черепанов вряд ли смог бы так вот легко отдать на расправу Сенату.

Глава десятая, в которой Геннадий Черепанов стал родственником римских императоров. Покойных

Весна девятьсот девяносто первого года от основания города. По пути из Рима...

Свадьбу они справили в пути. Вернее, по дороге. Еще точнее, в принадлежащей Гордианам вилле на пренестинской дороге. Что можно сказать об этом скромном сооружении? Одних только колонн в ней числилось ровно двести штук. Четыре ряда: ряд – из каристского мрамора, ряд – из нумидийского, ряд – из синнидского и ряд – из клавдианского. По пятьдесят штук – каждого образца, ровненькие – загляденье. Эти подробности новому родственнику сообщил управляющий: сам Черепанов был способен разве что розовый мрамор от зеленого отличить. Еще три базилики на вилле имелись – по тридцать метров длиной каждая. И термы... вот о термах Черепанов мог сказать компетентно: равные им только в Риме и имелись. Ни в Сирмии, ни в Маркиополе, нигде ничего подобного он не видал. Ничего себе, в общем, домашняя банька...

Только увидав эту виллу, Черепанов по-настоящему понял, *насколько* богата его будущая родня. Правда, и в Риме у них недвижимость была нехилая, но в Риме всё – круче крутого, а тут... ну просто слов нет! И земли немереные. И запасы... зерном затарились: полный год все Черепановское войско кормить – и еще останется.

К сожалению, тестя на свадьбе не было. И поздравления от него не поступило. Умер Антоний Антонин Гордиан. Погиб в бою. Префект Рима Сабин (тоже теперь покойный – прикончили его «благодарные» римляне) оказался пророком: наместник соседней Нумидии

Капелиан, старый недруг Гордианов, императорского их титула не признал, двинул на карфаген войска и, как следовало ожидать, разбил Гордиана-сына в пух и прах. Хороший мужик был Антоний Антонин, но полководец совершенно никудышный. Зато погиб героически. В бою. А старик его, Гордиан-старший, с горя повесился. Что, впрочем, куда лучше, чем в руки Максимиана живьем попасть. Так что пурпур императорский носили отец с сыном всего двадцать два дня. Только и успели во время своего императорствования, что монеты выпустить с девизом «надежность императоров». Смешно было бы, если бы не было так грустно. Но поддерживавшие их сенаторы духом не пали. Обратного пути у них не было. Разъяренный Максимин поспешно сворачивал дела в западных провинциях и готовился идти на Рим. Там понимали: придет – мало не покажется. И каяться бесполезно. Прощения не будет. Посему Сенат готовился к драке. Прежде всего, он провозгласил новых императоров. Целых трех: старых знакомцев Черепанова, бывших консулов Клодия Бальбина и Максима Пуппиена. А чтобы наладить преемственность власти – к ним в компанию еще и малолетнего Гордиана-самого-младшего. Теперь уже, впрочем, самого старшего. Затем господа сенаторы разослали письма по римским городам и весям: дескать, зверь Максимин надвигается, чтобы италийскую кровь без меры лить. Посему вести себя с ним следует – как с предводителем варварской армии (тем более что по сути своей он варвар был – и варваром остался), ворота перед ним запирайте, а коли стен не удержать, то убегать прочь вместе со всеми припасами. А что не унести – то уничтожить. Особое послание было направлено Черепанову. В нем подтверждались все его полномочия (уже новыми императорами) и рекомендовалось как можно поспешнее двигаться к месту назначения. Поскольку сторонники Максимиана в Сирии вполне могли перекрыть кислород вечному городу. И тогда не Максиминовой армии, а Риму жрать будет нечего.

Ну да Черепанов и без этого письма все понимал. Но все-таки хотел свадьбу справить как положено. Хотя чем-то утешить свою девочку, которая в одночасье потеряла и отца, и деда.

Народу на свадьбу собралось не так чтобы много... тысяч примерно десять. Правда, в большинстве – солдаты из войска жениха. Но зато поздравлений поступило: телегу загрузить можно... нет, не так представлял себе Черепанов свою свадьбу. И невеста его не так ее представляла... и тень смерти, которая нависла над ними, ощущалась Черепановым почти физически. Звали эту тень – Максимин фракиец...

Только Леха Коршунов, рикс Аласейя, он же – легат Алексей Виктор (произвели его в легаты новые Августы), чувствовал себя превосходно:

– Ничего, командир! Прорвемся! Бывало и похуже! Ты только глянь, какие у нас орлы!

Орлы и впрямь были хоть куда. И аквилы золотые, и те, кто под этими аквилами в бой ходил. Никто из Черепановских ветеранов от него не оступися, хотя они ведь и под Максиминовым командованием воевали. Но выбрали все-таки своего, кентуриона-примипила-префекта-легата Геннадия Черепана. Это было чертовски приятно. Ну о Коршуновских готах-гепидах – и говорить нечего. У этих и выбора быть не могло. Аласейя – их рикс. И этим все сказано. Базара нет.

Глава одиннадцатая Через Европу и Азию – к вратам Средиземного моря

Лето девятьсот девяносто первого года от основания Рима. Иллирия, Фракия, Вифиния... Сирия

Дорога в Сирию – нелегкая. Сначала – морем, потом сушей. Через юг Европы, через Азию. Через Эгейское море, через Вифинию и Каппадокию. Горы, пустыни... тяжелый путь. Но римских легионеров не зря «мулами» кличут. Все сдюжат. Сдюжили они и этот суровый марш. Вышли на рубежи. И все же перед решающим броском на заветный город Антиохию Черепанов решил лично провести рекогносцировку. Нет, сам в город он поехать не рискнул – послал (с разрешения Коршунова) Анастасию. Антиохия – ее родной город. Пусть с тех пор, как она уехала отсюда, прошло почти восемь лет, но это ведь Восток. Здесь не склонны к

переменам. Однако ж, отправив жену друга в Антиохию, сам Черепанов отсиживаться в лагере не стал. У него тоже был здесь человек, с которым стоило пообщаться...

Запах мясной похлебки выползал из дома, заставляя работавших в давящие рабов глотать слюны. Но они забыли о нем, когда увидели чужака, шагавшего по кипарисовой аллее, ведущей от ворот к дому. Ну не совсем чужака – легионера. Вернее даже – опциона. Ветерана лет сорока, в поношенной одежде и запыленном плаще, наброшенном поверх кирасы.

– Хозяин – где? – спросил ветеран, останавливаясь и тоже вдыхая аппетитный запах.

– Там. – Старший из рабов, загорелый до черноты, показал на двери. – На запах иди.

– Понял, – сказал ветеран, легко, как молодой, взбежал по лестнице и скрылся в доме.

Хозяина он отыскал на кухне. Рядом с большой, пышущей жаром автепсой ¹⁰⁴ стоял крепкий старик, чья мускулистая шея была покрыта сложной сеткой шрамов и морщин. Смотрел, как повар-нумидиец колдует над котелком.

– Здравствуй, Маний, – негромко произнес пришелец.

Старик проворно обернулся:

– Череп!

– Т-с-с! – Гость приложил палец к губам.

– Понял...

Хозяин разглядел незамысловатый прикид своего гостя и кивнул.

– По делу ко мне или как? – спросил он вполголоса.

Черепанов кивнул на нумидийца.

– Говори спокойно, – сказал бывший префект Скорпион. – Он глухой.

– Угу. Давай для начала обнимемся, что ли? – предложил Черепанов, усмехнувшись.

Друзья обнялись.

– Рад тебя видеть, старина, – растроганно произнес Митрил. – Только чую: не просто так ты ко мне заглянул.

Геннадий покачал головой:

– Что в Империи происходит – знаешь?

Теперь покачал головой Митрил.

– С тех пор как... ну в общем, с тех пор как я здесь, новостями не интересуюсь. Ни к чему мне. Ты издалика? Устал?

– Есть немного.

– Спешить?

– Умеренно.

– Тогда так: сначала банька, потом перекусим, а потом вниз спустимся. Там над морем роща кипарисовая, а в ней – священный источник Посейдона. Дивное место. И тихое. Там и поговорим.

Средиземное море – не такое, как Черное. Не потому, что оно больше. Просто... оно другое. Особенное. Уже как бы не море, но еще не океан...

– Антиохия – ворота Египта, – сказал Маний Митрил. – Ключ ко всему средиземному морю. Но удержать этот ключ трудно. Сирийцы – ненадежный народ. А тут еще Ардашир парфянский в затылок дышит... нельзя на них давить. Максимин не понимает. Для него главное – то, что на Западе. Но здесь... ты видел пустыню?

– Мы по ней шли, – сказал Черепанов.

– Вот! Тут так: или ты бережно лелеешь каждый клочок плодородной земли – или к тебе приходит пустыня. А она напоминает о себе каждый день. Каждый раз, когда ветер дует

¹⁰⁴ Автепса (authepsa) – дословно «самоварящий сосуд» – переносная металлическая печь. В Помпеях найдено много таких печей. Обычно они представляют собой бронзовый без верхней плоскости параллелепипед на ножках, боковые стенки – полые, в них наливается вода, по углам – четыре полые «башни» с крышками; во внутреннее пространство, ограниченное боковыми стенками и дном, засыпались раскаленные угли, на которых можно было жарить или варить, например, в котле на треножнике.

с Востока. Здесь нельзя выжимать все соки, иначе останется только песок. Максимин не понимал... Ты – понимаешь?

– Наверное, – сказал Черепанов. – Мне нужно пожить здесь, оглядеться, разобраться... – Он поднял голову и посмотрел прямо в глаза старого друга: – Ты pomoжешь мне, Маний?

– Может быть... не знаю... – Митрил отвел взгляд. Теперь он смотрел на синеву моря, особенно яркую – под выплывшим белесым небом.

Помолчав минуты три, Маний Митрил спросил, по-прежнему не глядя на Черепанова:

– А что ты сделаешь, когда сюда придет фракиец?

– Если придет...

– Непременно придет! – Митрил подобрал камешек, гальку из декоративного бордюра вокруг фонтанчика, и метнул ее в море. Далеко метнул – рука у Скорпиона по-прежнему была сильная.

– Если сирийские легионы меня поддержат, я его не боюсь! – твердо сказал Черепанов. – Максимино не найти столько кораблей, чтобы переправить большую армию. Да и через пустыню ее не провести. Он приведет с собой тысяч двадцать, не больше. Мы справимся.

– Ты уверен? Фракиец – великий полководец.

– Я справлюсь, Митрил. Я воевал за него – и знаю, как он воюет. Он разобьет меня, только если сумеет застать врасплох. А это, сам понимаешь, вряд ли... море, пустыня... ты pomoжешь мне?

– Начиная, – сказал бывший наместник Сирии. – Там посмотрим. Но начать я тебе советую не с легионов – с Гельмия Гульба. Выпусти ему кишки – и неделю сирийцы тебя будут любить больше, чем родных матерей.

– А потом?

– А потом могут и перестать. Это Восток, Череп, здесь власти мало внушать страх и поддерживать порядок. Здесь власть должна быть такой, чтобы пред нею благоговели и испытывали ужас. И еще власть должна проверять каждую чашу вина – нет ли в ней яда? Вспомни Мамаю...

– Ничего, – сказал Черепанов. – Я справлюсь. С тобой или без тебя. Но с тобой, Маний, мне было бы веселее!

– Посмотрим! – сказал Маний Митрил. – Но лучше поторопись. Скоро придут баржи с египетским зерном. Ты понимаешь, о чем я?

– М-да, – пробормотал Черепанов, покидая поместье. – Ты прав, Митрич, Восток – дело тонкое...

– Ну как? – спросил Коршунов три часа спустя. – Что он тебе рассказал про этого Гельмия?

– Знаешь, Леха, почему я не хочу быть императором?... – произнес Черепанов.

– А ты не хочешь? – Алексей усмехнулся. – Вот это новость!

– Ты слушай меня, легат! – строго произнес Черепанов. – Остричь позже будешь. Когда тебя в очередной раз на кресте подвешат. Так вот... Я не хочу быть императором потому, что для каждого императора наступает такое пакостное время, когда он, чтобы уцелеть, вынужден гнать от себя старых друзей и сажать на их место всяких гнусных засранцев. Таких, как Гельмий Гульб.

– Да ладно тебе, – сказал Коршунов. – Наверняка можно и по-другому.

– Можно, – согласился Черепанов. – Например, превращать в гнусных засранцев старых друзей.

– Ты что, передумал? – насторожился Алексей. – Ты не хочешь брать Антиохию?

– Почему это? Я сказал, что не хочу брать всю Империю целиком, а эту теплую экзотическую страну, которая называется «провинция Сирия», мы непременно возьмем. Этот кусок как раз по размерам нашего рта. Только нам стоит поторопиться. Я не хочу, чтобы вести о нашем появлении дотянулись до ушей прокуратора Сирии раньше, чем мои пальцы

дотянутся до его загривка.

Глава двенадцатая Антиохия

Лето девятьсот девяносто первого года от основания Рима. Антиохия, столица провинции Сирия

Они успели. Взяв с собой только тысячу всадников, ворвались в город на исходе ночи, незадолго до рассвета. Обленившуюся сонную гвардию наместника даже не стали резать: при виде свирепых германцев те сами побросали оружие. Беспечного прокуратора Гельмия выдернули из постели, где он наслаждался обществом аж пяти девок (хотя ему и одной было много), голого вышвырнули из дворца, кубарем, с лестницы, – под ноги новому наместнику.

Пылали факелы, багрово алели шлемы воинов. Тоже вытащенные из постелей (по наводке Анастасии) и в большинстве изрядно перетрусившие «лучшие люди» города с трепетом взирали на то, как творит суд новый наместник. А новый наместник наклонился к валяющемуся у его ног прокуратору и спросил:

– Любишь деньги?

– Я... Нет!.. Только для Августа...

– Нет, – почти ласково произнес Черепанов. – Не только.

Он уже успел переговорить с Настей и знал, что далеко не все, что удалось прокуратору Гельмию выжать из провинции, попало в казну Максимина. В общем-то, Черепанов мог его понять. Лично он вообще никаких отчислений в государственную казну делать не собирался. Но Гельмий присваивал чужое, а Черепанов собирался не отдавать *свое*.

– Любишь деньги? – еще раз спросил Черепанов.

– Д-да...

Это была правда. Прокуратор очень любил деньги. Намного больше, чем своих налогоплательщиков, у которых на него вырос очень большой зуб.

– Хорошо, – кивнул Черепанов, повернулся к Скулди и сказал: – Раз так, дайте ему денег!

– Сколько? – деловито спросил герул.

– А сколько влезет.

– Будет исполнено! – отчеканил Скулди и кивнул своим.

Прокуратора опрокинули на спину, специальными клещами развели челюсти и стали горстями запихивать в рот монеты.

Всякий, знавший Максимина фракийца, мог бы сказать, что новый наместник позаимствовал метод воспитания вороватых чиновников у своего бывшего командира. Правда, Максимин предпочитал предварительно расплавлять серебро... Впрочем, какая разница, ведь прокуратор Гельмий все равно умер.

Утром нафаршированный серебром труп прокуратора был выставлен на всеобщее обозрение, а Черепанов, оставив своего легата решать текущие вопросы, поехал в ближайший военный лагерь. К обеду первый из сирийских легионов – Шестнадцатый Клавдиев, с префектом которого Черепанов был знаком лично и не одну чашу вина выпил еще во время войны с алеманнами, – признал легата Геннадия своим верховным командующим... Так что, когда вечером того же дня Черепанов спустился к ужину в один из триклиниев дворца, настроение у него было превосходное... Но совсем недолго. И испортила его жена грозного наместника Сирии...

– Я не возлягу за стол вместе с этой женщиной! – заявила Корнелия, вытягиваясь стрункой и гордо выпятив патрицианский подбородок. – Больше никогда!

– Та-ак... – В сознании Черепанова моментально возникли самые мрачные предположения. – Вы что, поссорились?

– Я никогда не унижусь до ссоры с *этой* !

Черепанов взял двумя пальцами круглый подбородок жены:

– Ну-ка, что она тебе сказала?

– Она мне *ничего* не сказала! – Голос Корнелии дрожал от гнева. – Я... Я обращалась к ней, как... Как к равной! Я – праправнучка императоров...

– Внучка! – перебил Черепанов. – И дочь. Императоров.

Корнелия вздрогнула, словно Геннадий ее ударил, оттолкнул его руку.

– Кора, я хочу знать, что случилось? – строго произнес Черепанов. – И лучше я узнаю об этом от тебя.

– Какая разница! Можешь спросить кого угодно! В Антиохии это известно каждому... Каждому... А я... Какой позор!

– Проклятье! Ты мне скажешь, в чем дело или нет! – рявкнул Черепанов так, что качнулась тонкая ткань в оконных проемах и серая кошка, спавшая в кресле, недовольно дернула ухом.

– Анастасия Фока – *гетера*! – выпалила Корнелия.

– Ф-фух... – Геннадий вздохнул с облегчением. Он уж начал думать... – Гетера. Ну и что?

– Так ты *знал*?

– Конечно, знал. Алексей мне все рассказал в первую же нашу встречу.

– И он – *знал*?

– Ну разумеется. Когда они встретились, она была одной из жен германского рикса. Алексей полюбил ее и забрал.

– И он взял ее в жены? Вы... Вы действительно варвары!

Черепанов мог бы сказать, что они-то как раз не варвары. Что по готским законам женщину, однажды ставшую наложницей-тиви, никто не сделает законной женой.

Но он сказал другое.

– Слушай меня очень внимательно, – произнес он строго. – Я говорю это один раз. Больше повторять не буду. Кем бы ни была раньше Анастасия – это никого не касается. Она – жена Алексея, а Алексей – мой друг. Мой самый надежный друг в этом мире. Этого достаточно. Но это не всё. Я с большим уважением отношусь к этой женщине. У нее есть ум и воля. Она знает, что такое честь... (Корнелия фыркнула.) Помолчи! Я тоже знаю, что говорю! Ум и честь. И еще я знаю, что она предана своему мужу и готова была отдать за него жизнь. Я очень надеюсь, что тебе никогда не придется пережить то, что пережила она... Я сделаю все, чтобы этого не случилось. Но я требую от тебя не просто лояльности, но *уважения* к этой женщине. Заслуженного ею уважения. Со временем ты поймешь, что это так, а сейчас просто поверь мне и все. Ведь ты мне веришь, так?

Корнелия, помедлив, кивнула. Вспышка мужа ее ошеломила. Никогда он не говорил с ней *так*.

– И еще запомни пожалуйста: честь и достоинство жены моего друга Анастасии Фоки имеют к нам, ко мне и тебе, самое прямое отношение. Мы будем править этой провинцией совместно с Алексием. Его жена уже оказала нам немалую помощь, потому что она знает здешний народ намного лучше, чем я и мой друг. И она будет помогать нам впредь. Так же как и ты, я надеюсь. Мы все должны держаться вместе, вот так! – Черепанов сжал кулак. – Иначе мы погибнем. Как погибли твои близкие. И если ты не хочешь, чтобы твое изуродованное тело выбросили псам, ты должна запомнить: Алексей и его жена, ты и я, мы теперь – одна семья. Так что, если кто-то в твоём присутствии оскорбит жену легата Алексея, он оскорбит и тебя, и меня. А этого мы с тобой никому не должны позволять. Так что, если ты не сможешь сама наказать оскорбителя, – скажи мне. И я велю Скулди вырвать паршивый язык. Ты поняла?

Корнелия кивнула. Губы ее дрожали, глаза блестели...

– Вот и умница. – Геннадий обнял ее, поцеловал. – Ты очень красивая, – шепнул он в мягкое ушко. – Красивее всех женщин на свете. И я тебя люблю. А сейчас пошли ужинать... Это был слишком долгий день, и мне не терпится побыстрее закончить его... Угадай как?

Глава тринадцатая, в которой Геннадий Черепанов вспоминает свое

прошлое и размышляет о мрачной доле имперского наместника

– Это было в тухлые времена конверсии, – сказал Черепанов. – Когда космос почти прикрыли, керосин для «сушек» сливали налево, а сами «сушки» – направо. Тому, кто больше даст: хоть черным, хоть желтым, хоть серо-буро-малиновым. Все генералы – от двух больших звезд и выше – этим занимались, так что наш был не хуже и не лучше прочих. Даже лучше, поскольку старался продать самолеты тем, кто против нас их никогда не подымет. Хотя бы потому, что мозгов и навыков не хватит. – Бывший подполковник, а ныне наместник провинции Сирия хмыкнул. – Даже обезьяну можно научить управлять трактором, но черный тонконогий вудуист в кабине «сушки» – это, брат... Я, конечно, не расист, – тут же уточнил Черепанов. – Сам расистов-нацистов терпеть не могу...

– Угу, – усмехнулся Коршунов. – Как говорится: «Больше всего на свете я ненавижу нацистов и негров!»

– *Некоторых* негров, – уточнил Черепанов. – Знаешь, брат, я ведь тоже однажды в яме сидел. Причем не у римлян или твоих готов, а у этих самых черно... ногих «братьев по социализму». Помнишь такое время?

– Уже с трудом вспоминаю, – признался Коршунов. – Сколько лет прошло, прикинь... Если бы не ты да Настя, я бы уже и русский язык забыл...

– Это потому что ты молодой еще тогда был, – сказал Черепанов. – Такое не забывается. Так вот, сидели мы, понимаешь, в такой вонючей яме в одной африканской стране... Тьфу! Привычка. В совершенно конкретной стране под названием Мбуну-Келе. Сидели втроем со штурманом моим и военспецом из гру да думали о том, кто из нас будет завтра исполнять роль первого блюда, а кто – второго. А наверху в это время гульбанили черножопые пацаны, которым мы безвозмездно (если не считать мешочка необработанных алмазов, лежащих в сейфе одного из больших политиков) перегнали одну совсем секретную железную птичку. С вертикальным взлетом, потому что другую птичку на брачную поляну афроафриканцев не посадить. Короче, думали у нас там наверху, что чернопопые «братья по разуму» – совсем тупые. И потому месяца не пройдет, как железная птичка пойдет туземцам на кольца в нос и прочие сувениры, потому как керосина она жрет немерено, а подвоз топлива покупатели не обеспечили и обеспечить не могли: джунгли кругом. До ближайшей трассы – километров сто. Это, кстати, очень конкретно, Леха – сто км по джунглям. Ваши готские леса в сравнении с этим – просто гоголевский бульвар.

Короче, там наверху все были страшные умники, а секретность была такая, что полный крездец. Однако ж большое политическое лицо не удержалось и решило авансовую порцию некрасивых необработанных алмазов превратить в очень красивые брюлики. А знаешь, Леха, в какой стране это делали лучше всего?

– Не знаю.

– В Израиле. Это, кстати, тут неподалеку будет. Вот политик этот алмазы на обработку закинул, а у алмазов такое свойство есть: спец всегда определит, где их добыли. Так что просчитали нас на счет «раз». И передали информашку цээрушникам. По культурному обмену. Короче, я свою птичку только-только с палубы поднял, а у поляны в джунглях Мбуну-Келе уже сидел кучерявый такой афроамериканский пацан и толковал с коренными обитателями своей исторической родины о том, как праздничный стол с нами в роли главного блюда лучше сервировать: с банановыми листьями или баобабовыми.

– И что дальше? – спросил Коршунов.

– А дальше, Леха, посадили мы нашу птичку, вылезли и сразу поняли, что приплыли. А попозже коллега нашего военспеца нам окончательно ситуацию проявил и предложил дилемму: полное и безоговорочное сотрудничество – или большой котел с корешками и пряностями. Но решать надо до завтра. Потому что завтра, мол, американский вертолет прилетит. С «обменным фондом» для ченча на нашу птичку. Короче, сидели мы в яме и думали, думали...

– И додумались?

– Я военспецу нашему веревки перегрыз, потом мы пирамиду построили – живую, не финансовую, – из ямы выбрались, часового тихонько придушили – и на поляну. А на поляне – птичка наша стоит, вся – в серебристом лунном сиянии. Туземцы, простые пацаны, ее сетками маскировочными прикрыли, а вот керосин из баков, естественно, слить не сумели. Я бы и сам не сумел – в здешних условиях. Так что заняли мы свои места по полетному расписанию и стартовали. Одно жалко... – Черепанов вздохнул. – Боекомплекта на птичке не было...

– Генка! – не выдержал Коршунов. – Ты к чему все это рассказываешь?

– Тоскую, брат...

– О прошлом... Тьфу... О будущем нашем, что ли?

– Угу. Знаешь... как-то мне эта роль восточного деспота... не очень.

– Да ты просто устал! – убежденно сказал Алексей. – Ты посмотри, Генка, какая красота!

Они стояли на балюстраде дворца. Море под ними сияло серебром отраженных солнечных лучей. Из глянцевої зелени лавра поднимались колонны зеленоватого мрамора. Справа возвышался тяжеловесный храм Юпитера с огромной статуей громовержца, изваянной кем-то из великих греков в те времена, когда Юпитера звали Зевсом. Практичные римляне почему-то привезли статую не в Рим, а сюда. На плече главного римского бога, словно птичка, восседала крылатая богиня победы...

– Все это теперь наше, – сказал Коршунов. – Эти рощи и это море. Вся эта благодатная земля... Кстати, и Иерусалим тоже наш...

– Нету здесь Иерусалима, – заметил Черепанов. – С землей сровняли и солью посыпали.

– Правда?

– Сам не видел, но в документах – так. Как-нибудь съездим посмотрим. Когда все рассосется...

«Если рассосется...» – подумал он и помрачнел еще больше. Геннадий понимал, что его гнетет. Максимин. Из Италии – никаких вестей. Последнее, что они узнали: что Максимин с легионами вышел из Сирмия и двинулся к столице. По прикидкам Черепанова, фракийцу нужен был месяц, максимум два, чтобы разобраться с мятежной столицей. У Бальбина и Пуппиена не было настоящей армии – только ополчение. Им требовалось время, чтобы набрать свои легионы. Фракиец этого времени им не даст... Но даже если Максимин вернет себе столицу, не факт, что он двинется сюда, на другой конец империи. Во всяком случае, Черепанов на его месте этого делать не стал бы. Как только фракиец со своей армией покинет столицу, Рим снова взбунтуется... Так что, скорее всего, император застрянет в Италии надолго. Может, до следующей весны. А за это время можно успеть многое. Например, слегка подогреть франков. Или готов. Если у Максимиана будут проблемы на Западе, ему станет не до Востока. В крайнем случае, можно попробовать договориться с царем Ардаширом. Уйти от Рима под его руку... Хотя и не хотелось бы. Правило номер один, усвоенное Черепановым еще в училище: чем дальше от начальства, тем лучше. А Парфия существенно ближе Италии.

Вот тоже проблема: Ардашир. Типичный завоеватель, который спит и видит, как бы подмять под себя римскую часть Месопотамии... И вообще всё, что удастся. Без помощи Рима восточным провинциям придется туго. Но Ардашир – это проблема будущего. Сейчас главная опасность – Максимин. И то, насколько он сердит на своего бывшего подчиненного. С фракийца станется: наплевать на стабилизацию обстановки в Италии, чтобы покарать тех, кто его предал. С другой стороны, Максимиану не обязательно возглавлять карательный поход лично. У него полно опытных военачальников.

Что ж, Черепанов был готов и к этому. На всех дорогах – посты. Организацией обороны на подходах к столице провинции занимается сам Маний Митрил Скорпион. С моря... Нет, вряд ли противник подойдет с моря. Максимиану сейчас просто не собрать столько кораблей. Черепанов был настолько уверен в этом, что даже отпустил сирийскую эскадру в Киликию.

Тамошние пираты совсем обнаглели: перехватывают уже пятый корабль... Хлопок по плечу вывел Черепанова из мрачных раздумий.

– Не горюй, командир! Пошли купнемся, что ли?

Нет, Леха – это нечто. Чем больше на нем ответственности, тем меньше в нем солидности. Зато германцы, самая надежная часть их войска, в своем Аласейе души не чают. И народ его любит куда больше, чем Черепанова. Тоже понятно. Вся неприятная часть управления: взимание налогов, суды и казни – на Геннадии. А на легате Алексии – зрелища и праздники. Черепанов выезжает в город не иначе как в сопровождении сотни телохранителей, а Коршунов может запросто завалиться в любую таверну с двумя-тремя приятелями. Или даже с одним Красным....

Черепанов почувствовал легкий укол зависти и быстренько себя отдернул. Все правильно. Так и должно быть. Так все и было изначально задумано...

– Иди купиись, – сказал он со вздохом. – Мне сегодня надо аж три эдикта написать и с купцами из Фракии перетереть – по поводу железа...

Глава четырнадцатая Финал

Прошло три дня с тех пор, как Геннадий Черепанов вспоминал о своем прошлом. Заканчивалось лето девятьсот девяносто первого года от основания Рима. Или года двести тридцать восьмого, если считать от рождения Иисуса Христа, у которого в Антиохии было довольно много вечно спорящих между собой последователей. Тринадцатое августа. Вчера, двенадцатого августа, был праздник Меркурия: день халявной жратвы и выпивки. По этому поводу все население города, включая даже элитные германские части, обожралось и перепилось. Сегодня, тринадцатого августа, – праздники богини Дианы. Сегодня полагалось бездельничать и принимать ванны. Обстановка располагала: жара в городе стояла невыносимая. Но во дворце было полегче. Строили его с учетом климата.

Черепанов и Коршунов сидели на бортике фонтана, опустив в воду босые ноги, и пили из стеклянных кубков разбавленное белое вино со льдом, когда в зал вошел трибун Хрис, начальник дворцовой охраны, дежуривший лично, потому что никто из его офицеров после вчерашнего был на это не способен. Хрис тоже был не способен, но ему деться было некуда. Начальник на то и начальник, чтобы брать на себя ту работу, которую больше никто сделать не в состоянии. Естественно, Хрис был мрачен с самого утра. Но сейчас на нем буквально лица не было.

– Доминус!

Черепанов повернулся к нему.

– Ну что там у тебя? – буркнул он.

Меньше всего Геннадию сейчас хотелось заниматься делами. Особенно делами неприятными. Судя же по лицу трибуна, тот принес какие-то особенно скверные новости. Давно уж Черепанов не видел старого легионера таким взволнованным.

– Доминус! Доминус!..

– Да говори же, в чем дело! – раздраженно бросил Черепанов. – Ну?

– Доминус! Сюда идет Гонорий Плавт! С легионерами!

Черепанов с подчеркнутой аккуратностью поставил стеклянный кубок:

– Где он сейчас?

Если уже на подходе к городу, то дело кислое. Черт! Как всегда, в праздники боеспособность римской армии снижается раз в двадцать. И Аптус это учел.

– Где он? По какой дороге идет? Говори же!

– Он здесь, доминус!

– Я понял. Где именно – здесь? На какой дороге?

– Ни на какой, доминус. Прибежал гонец: легат Гонорий высадился в торговой гавани. Не позже чем через четверть часа он будет здесь.

– Абзац! – по-русски проговорил Коршунов. – Пришла беда – открывай ворота! – Он

залпом проглотил содержимое своего кубка.

– Та-ак... – протянул Черепанов. – Сколько с ним людей, гонец сообщил?

– Сюда идут сотни две. Прибыло, конечно, больше...

– Не сомневаюсь... – процедил Черепанов.

Что ж, молодец Аптус. Подловил. Так же, как они в свое время подловили прокуратора Гельмия. Драться? Бежать?

– Сколько у нас людей во дворце, Генка? – спросил Коршунов. – Кентурия хоть наберется?

– Две контубернии стражников. Черт! Как мне не хочется драться с Аптусом!

– Хули тут драться! Кем? Двадцаткой стражников? – грубо бросил Коршунов. – Доигрались... Разведка, бля... Сваливаем?

– Придется. Ты давай к женщинам нашим, а я...

Поздно. Черепанов услышал очень знакомый звук:

стук подбитых гвоздями легионерских калиг по мраморным плитам.

– Всё, – сказал он. – Можешь никуда не ходить. Хрис!

– Что прикажешь, доминус?

– Зови... нет, никого не зови. Все равно.

Наместник (пока еще наместник) Сирии Геннадий Павел вынул ноги из бассейна и повернулся к дверям. При себе у него не было никакого оружия. Даже кинжала. Он отвык быть начеку...

Они вошли. Плавт и десятка три легионеров. В общем-то, немного. Все – усталые, доспехи и одежда в пыли... Но это мелочи. Все они – ветераны, сразу видно. В полном вооружении. Ловить нечего. Тем более неизвестно, сколько солдат там, снаружи. Ясно же, что не с полукентурией явился префект легиона гнуть мятежную Сирию под колено императора Максимиана. Бли-ин! Так позорно прохлопать вторжение. Хреновы дозорные! И он, Геннадий, дурак! Не найдет Максимин кораблей для переправы! Много ли надо кораблей, чтобы перебросить пару-тройку когорт – в нужный момент в нужное место. И высадиться без проблем, потому что эскадру он сам же и отослал в Киликию!

Легионеры остались у входа, а Гонорий двинулся через зал к Черепанову и Алексею. Калиги Плавта оставляли грязные следы на зеленом мраморе пола, шел легат, не поднимая головы, и походка его была не очень уверенной, какой она бывает у человека, не один день проведенного в седле или на качающейся палубе.

Черепанов поднялся и ждал.

Шагах в двадцати Плавт остановился. Поднял голову и посмотрел в глаза Геннадию.

Черепанов ужаснулся: лицо Аптуса, постаревшее лет на десять, почернело, словно от нестерпимой боли. Страшное лицо.

У Черепанова перехватило дыхание: настолько изменился его друг... Надо было сказать что-то, но Геннадий слова не мог произнести...

– Салве, Гонорий! – Это сказал Коршунов.

– Салве. – Голос Плавта был хриплым и шероховатым, как обветренная базальтовая глыба. Сухим и бесцветным.

«Ему велено нас прикончить, – догадался Черепанов. – Ему совсем не хочется этого, но он сделает...»

– Делай, что тебе приказал Максимин, – ровным голосом произнес Геннадий.

Он умел проигрывать. Вот только больно за Кору...

«Делать ноги, – подумал Коршунов. – Луков у них нет. Сначала – в окно, потом по тропинке к храму Юпитера. Если дворец не оцеплен. Все равно проскочить можно... В казармы. Поднять моих гревтунгов. Вряд ли с Плавтом много солдат. Тысячи две-три. Хрена лысого! Еще поборемся. Если дворец не оцеплен. Только вряд ли он не оцеплен. Аптус...»

– Максимин... – В горле префекта булькнуло. – Гай Юлий Вер... Нет. Его нет, Череп... Нет больше нашего фракийца...

Великолепный, храбрый, жизнелюбивый, никогда не унывающий Гонорий Плавт

Аптус уткнул лицо в черные от пыли ладони и зарыдал...

Это было так неожиданно, что Коршунов даже и не понял сперва. А когда понял... Словно теплая морская волна прошла сквозь него, приподнимая, унося вверх... Жизнь! Он будет жить! Страшный фракиец мертв, а он, Алексей Коршунов, *будет жить* !!!

Геннадий взял недопитый кубок, подошел к Плавту, обнял его, вложил тонкий стеклянный стебель кубка в заскорузлые пальцы. Гонорий пил, и слышно было, как зубы его стучат по краю кубка.

– Сколько с тобой людей? – спросил Черепанов, когда сосуд опустел и Плавт поднял на Геннадия покрасневшие глаза.

– Сто тридцать шесть, – глухо произнес префект. – Остальные... Предательство, Череп... Началось с предательства и закончилось им. Я пришел к тебе... Больше мне некуда... Все мои люди здесь. Все, кто сумели уйти: верных Максимино сейчас убивают по всей Империи, от Испании до Мезии.

«Так же, как сам Максимин убивал тех, кто был ему неверен... Или тех, кого он *полагал неверными*», – подумал Черепанов. – Кровь за кровь... А как бы ты поступил с нами, друг Аптус, если бы фракиец прислал тебя за нашими головами?»

Гонорий словно угадал его мысли.

– Мы – в твоей власти, *наместник Геннадий Павел*, – сказал он устало. – Если ты отдашь меня Сенату – я пойму. Пощади только моих людей...

– Твоих людей... – Черепанов поискал глазами Хриса. Начальник дворцовой охраны был здесь. – Трибун! Распорядись, чтобы спутников префекта накормили и разместили... в казарме охраны дворца.

– Слушаю, доминус!

– Плавт... Присядь. – Черепанов пододвинул ему кресло, налил вина. – Расскажи, как *он* умер?

– Предательство, – глухо произнес Гонорий. – Как всегда... Как везде...

– ...Когда фракиец узнал о том, что произошло в Риме... О том, что Сенат провозгласил внука Гордиана Цезарем... О том, что сделал ты... Он взбесился еще больше, чем когда узнал о восстании в Африке. Он бросался с мечом на стены, избил кучу народу, едва не выколол глаза своему сыну... Он убил бы его, если бы тот не спрятался. Фракиец кричал: будь его сын в Риме, как он велел, Сенат ни за что не осмелился бы... Он напился так, что сутки пролежал в беспамятстве, а когда пришел в себя, то собрал воинов и произнес речь. Ты помнишь, что он говорил, узнав о восстании Гордианов? (Черепанов кивнул.) Что-то вроде той, только еще более бессвязная. Его ум совсем помутился от ярости. Затем фракиец раздал все золото, какое у него было, воинам и пообещал, что отдаст им всю Италию... Мы перешли Альпы... Но в Италии нас уже ждали. Так, словно мы – не армия законного императора, а толпа варваров. Все продовольствие прятали... А у нас не было ни фуража, ни провизии... Мы подошли к Гемоне... Она была пуста, покинута. Наши солдаты голодали и начали роптать. Максимин казнил десяток недовольных. Остальные притихли. На время. Аквилея закрыла перед нами ворота. Там были двое консуляров: Криспин и знакомый тебе Менофил, что был при Александре наместником в Мезии. Не будь их, Максимин договорился бы с горожанами, и ему открыли бы ворота. Послы сказали: горожане колебались. Они боялись фракийца, ведь тот всегда побеждал, и как он поступал с побежденными, тоже все знали. Но консуляры спросили бога Белена,¹⁰⁵ и тот дал через гарусника ответ: мол, Максимино суждено быть побежденным. Потом говорили, что нас победили не воины: сам Аполлон сражался с нами... Но я не видел Аполлона. Я видел только стены Аквилеи и тех, кто на них. Они хорошо сражались и были готовы. У них были машины, запас серы и все, что нужно. Когда мы навели мост на бочках, перешли реку и

¹⁰⁵ Белен – кельтский бог Солнца, отождествленный с Аполлоном. Покровитель Аквилеи. В императорскую эпоху почитался в Северной Италии, в Южной Галлии и особенно в Норике.

стали под стенами, горожане встретили нас огнем и железом. Наши осадные машины горели. Горели наши воины: я видел, как от жара у них лопались глаза... Максимин с сыном были там же, под стенами, на достаточном удалении, чтобы не стать мишенями для стрел и копий. Они воодушевляли своих, пытались уговорить защитников сдаться... те осыпали их бранью.

Осада затянулась. У нас было совсем плохо с продовольствием. Во всех городах стояли посланцы Сената. Казалось, весь мир объединился в ненависти к Максиминому. Даже в городах, где власти были верны фракийцу, не рисковали помогать ему.

А Максимин все чаще и чаще впадал в ярость. Он казнил трех кентурионов, которых полагал виновными в том, что Аквилея еще не взята. Он казнил Феррата, который ведал осадными работами... он готов был убивать и своих и чужих... Но осада продолжалась, и мы знали: еще неделя-две – и Аквилея падет...

И тогда Максимины убили. Среди бела дня, когда они с сыном отдыхали в палатке. Десятка два легионеров, у которых, как мы узнали позже, по ту сторону стен были близкие. Они убили двух преторианцев... Ты знаешь: Максимин всегда пренебрегал охраной, надеялся на собственную силу, забывая, что уже немолод. Предатели убили охрану, ворвались в палатку, в которой спали Максимин с сыном, и убили обоих. Затем отрубили им головы, надели на пики и показали аквилейцам. И никто в Максиминовых легионах не посмел наказать предателей. Или не захотел. Слишком много крови своих людей пролил Максимин. А когда в Италии узнали, что император Максимин мертв... Статуи его разбивали, его изображения повсюду уничтожали... И картины на форуме в Риме, на которых были изображены победы фракийца в Германии. Те, которые не тронули даже во время бунта, – их тоже уничтожили. Сенат тем временем облачил в пурпур Максима, Бальбина и Гордиана, а двух старших Гордианов, убитых в Африке, объявил божественными. А из Аквилеи в лагерь осаждающих было послано огромное количество провианта. Криспин и Менофил созвали воинов на следующий день, и почти все присягнули Максиму и Бальбину. Но тех, кто до конца оставался верен своему императору, ждала злая участь. Нас травили и убивали, отсылая в Рим головы убитых и получая за это щедрые награды от Сената и новых Августов... И я подумал, Геннадий... – Плавт поднял голову и посмотрел прямо в глаза Черепанова: – Я подумал: пусть награда за мою голову достанется тебе, а не какому-нибудь консуляру...

– Черта с два! – сказал Черепанов по-русски. – К Орку твои слова, Аптус! – произнес он по-латыни. – твоя голова мне самому пригодится! Причем – на твоих плечах! Верно, Алексей?

– Верно! К Орку всех сенаторов и императоров! – воскликнул Коршунов.

Во время рассказа Плавта Алексей на радостях осушал чашу за чашей и порядком набрался. Так ведь и повод какой, мать его так!

– Вы многим рискуете, – печально проговорил Гонорий. – Вам этого не простят. Лучше поступай, как я говорю. Сейчас вы – в стане победителей...

– Мы всегда в стане победителей! – перебил его Черепанов. – Потому что мы и есть победители! Это так же верно, как то, что не постановление Сената, а лично мы выкинули отсюда паршивого прокуратора Гельмия. Правильно сказал Алексей! К Орку римских патрициев! Разве моя жена Корнелия – не дочь и сестра императоров? Клянусь Янусом, я сам мог бы потребовать пурпура! Только на что он мне сдался – вместе со всей сворой краснополосных интриганов! Верно, Алексей?

– Верно! На хрена! Чтобы в один прекрасный день нас с тобой зарезали собственные преторианцы? В задницу пурпур! Виват наша славная Антиохия!

– Наша Сирия! – поправил друга Черепанов. Он положил руку на плечо Плавта: – Не бойся за нас, старый друг! Имели мы этих сенаторов в разных позах! У нас тут четыре боевых легиона и столько же вспомогательных войск, преданных нам лично. Вернее, вот ему... – Черепанов кивнул в сторону Коршунова. – Нет, Аптус, мы не боимся Рима. Мы нашли свое место, превосходное место, мы и останемся тут, что бы там ни надумали политики в столице. И, клянусь кровью быка, которую выпустил Митра, мы еще послужим

великой Римской Империи, *лев* Аптус! Ты, я и Алексей. Но послужим ей так, как считаем нужным *мы*, а не болтуны на скамейках Сената или жирные развратники в палатине! Жаль, что Феррат мертв. Жаль всех наших, кто покинул этот мир. Зато теперь с нами ты, Аптус. И старый убийца Скорпион тоже с нами. И, клянусь, я сделаю все, чтобы собрать тех, кто остался. Мы еще послужим Империи, Аптус! А Империя, клянусь всеми ее богами, заплатит нам за это. Заплатит ту цену, которую мы ей за это назначим. Я обещаю тебе это, Гонорий, старый друг! А теперь скажи мне: было так, чтобы я, Геннадий Павел Череп, что-то обещал – и не сделал?

– Обещал – и не сделал? Может, и было... – проговорил Плавт все тем же печальным голосом...

И вдруг ухмыльнулся.

И как будто снова стал самим собой. Тем Гонорием Плавтом Аптусом, которого Черепанов впервые увидел много лет назад в деревянной квеманской клетке.

– Может, и было, Череп... только я что-то такого не припомню.